LIBRARY OF THE
JUL 31 19
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6

МОСКВА·1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/voprosy-istorii_1961-06_6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 6 ИЮНЬ 1961 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Г. Д. Обичкин — Важный центр пропаганды марксистско-ленинской теории 3
В. Г. Позняк — Уроки истории 13
Академик **А. М. Деборин** — Некоторые вопросы истории формирования идеологии американского империализма 25
В. Г. Трухановский — Важный этап в англо-советских отношениях периода второй мировой войны 39
А. Ф. Васильев — Деятельность партийных организаций Южного Урала по размещению эвакуированных предприятий в 1941 — 1942 годах 62
В. М. Букалова — Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII века 75
А. Андерле (ГДР) — Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР 85
Е. Э. Липшиц (Ленинград) — Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма 96

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

М. Н. Кузьмин — Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения 111

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. В. Карасев — Краткий обзор литературы по истории Великой Отечественной войны 115
В. В. Кутузов — В. П. Цыганков. Героическая Москва. (Военно-организаторская деятельность Московской городской партийной организации в период героической битвы под Москвой 1941—1942 гг.) 125
Г. А. Куманев — А. Г. Наумова. Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 127
М. Л. Иткин — «Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.). Библиография советской исторической литературы за 1946—1959 годы» 129
Н. В. Нелидов — В. С. Василенко. Труд во имя победы 131
В. П. Смирнов — И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников. Народ Франции в борьбе против фашизма (Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 гг.) 134

О. Л. Вайнштейн (Ленинград) — «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке». Сборник документов 136
Новые книги 139
Статьи в советских исторических журналах 142

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Г. А. Чигринов — Всероссийское совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов 145
Г. Д. Алексеева — Первая «Историографическая среда» 147
К. К. Демиховский (Пермь), **И. С. Капцугович** (Пермь), **Л. С. Рогачевская** — Научная конференция по истории рабочего класса Урала 150
Хроникальные заметки 153

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. С. Васюков — Фальсификация закономерности Октябрьской революции французскими реформистами 155
А. И. Кононцев — С. Б. Райерсон. Основание Канады. Начальный период до 1815 г. 167
С. Л. Будкевич — Кумакура Хироясу. Сэнго хэйва ундоси. История послевоенного движения за мир 171
А. Я. Шевеленко — Ж. Дебю-Бридель. Парижские дни. Т. I. От Филиппа-Августа до Людовика XI. Революции 1358 и 1413 годов . 173
И. С. Киссельгоф (Уфа) — Жермена Виллар. «Странная война» и измена Виши (сентябрь 1939 — июнь 1941) 176
Р. А. Авербух — Р. Штраус. Положение рабочих и рабочее движение в Хемнице в первой половине XIX столетия 177

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии . 179
Заметки о статьях 181
Рецензии на книги советских авторов 196

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Пан Зиа Бен (ДРВ) — О работе Института истории Демократической Республики Вьетнам 198
Хроникальные заметки 199

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. Е. Шутой — Фальсификация истории под видом объективности . 201
Н. А. Троицкий (Шадринск) — О первой программе революционного народничества 1870-х годов 208
Ю. В. Аристов — О названиях на исторических картах 211
Г. К. Москаленко — К вопросу о первом коллективном договоре в России 212
Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 213
Резюме статей на английском языке 214

СТАТЬИ

ВАЖНЫЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

Г. Д. Обичкин

В 1961 г. исполнилось 40 лет со дня основания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. За эти годы институт превратился в крупное научно-исследовательское учреждение, важный центр пропаганды революционной теории. Его роль в идеологической работе Коммунистической партии определяется прежде всего тем, что институт подготовляет к изданию бессмертные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документы нашей партии и международного коммунистического движения. За последнее время в институте усилилась научно-исследовательская деятельность по изучению истории КПСС, истории гражданской и Великой Отечественной войн, по проблемам марксизма-ленинизма.

Свое начало ИМЛ при ЦК КПСС берет от Института К. Маркса и Ф. Энгельса, созданного по постановлению ЦК РКП(б) от 11 января 1921 года. Вначале этот институт существовал при Социалистической академии, затем стал самостоятельным учреждением, подчиненным ЦИК РСФСР, а с образованием Советского Союза — ЦИК СССР.

Научная работа над проблемами истории и теории марксизма была бы невозможна без собирания и тщательного исследования документов основоположников научного коммунизма. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли и уделяют огромное внимание этому делу.

За сравнительно короткое время институт собрал много книг, над которыми работали Маркс и Энгельс, которые они цитировали или в которых делали пометки, а также книг по истории социализма и международного рабочего движения. Были собраны газеты и журналы, в которых Маркс и Энгельс сотрудничали или редактировали их. В частности, были приобретены редакционный комплект «Новой Рейнской газеты» с пометками Маркса как редактора этой газеты, материалы, характеризующие работу Маркса и Энгельса в области философии, политической экономии, истории, и материалы, освещающие возникновение и деятельность «Союза коммунистов», I Интернационала.

В. И. Ленин придавал исключительное значение собиранию документов Маркса и Энгельса и заботился о том, чтобы сосредоточить в Москве все их труды. Он советовал купить у лидеров немецкой социал-демократии, в руки которых попало литературное наследие основоположников научного коммунизма, письма Маркса и Энгельса или хотя бы фотокопии с них. В записке В. И. Ленина от 2 февраля 1921 г. руководству института говорилось: «Нельзя ли нам к у п и т ь у Шейдеманов и К° (ведь это продажная сволочь) письма Маркса и Энгельса? или купить снимки?

Есть ли надежда собрать нам в Москве в с е опубликованное Марксом и Энгельсом?

Есть ли каталог у ж е собранного з д е с ь?

Письма Маркса и Энгельса собираем мы (или копии) или это не осуществимо?» [1].

Громадная заслуга нашей партии перед мировым рабочим и коммунистическим движением состоит в том, что большинство рукописей Маркса и Энгельса в оригиналах или копиях удалось собрать и сохранить. Если бы КПСС своевременно не приняла мер по собиранию и хранению литературного наследия Маркса и Энгельса, то оно могло бы быть навсегда утраченным. В лучшем случае оно лежало бы под спудом в архивах немецкой социал-демократии, а если бы и публиковалось, то с искажениями, как это имело место, например, при опубликовании К. Каутским рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости». Только благодаря тому, что нашей партии удалось собрать рукописи Маркса и Энгельса, увидели свет такие труды, как «Диалектика природы» и «Немецкая идеология». Бо́льшая часть последней 80 с лишним лет лежала в архиве немецких социал-демократов и впервые полностью была опубликована в СССР в 1933 году. Только благодаря тому, что в руках нашей партии находились многие письма Маркса и Энгельса с критикой оппортунизма в немецкой социал-демократии, эти письма увидели свет. Именно в Советском Союзе в 1930 г. было впервые без искажений опубликовано «Введение» Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», изданное ранее лидерами немецкой социал-демократии с извращениями в реформистском духе.

Вслед за Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в 1923 г. был создан Институт В. И. Ленина. Основной задачей института было собирание рукописей Владимира Ильича, материалов о нем и издание ленинских Сочинений. 15 февраля 1924 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР в специальном постановлении объявили Институт В. И. Ленина «единственным государственным хранилищем всех рукописей Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к его деятельности» [2]. ЦИК и СНК СССР обязали местные советские органы оказать всяческое содействие институту в собирании документов В. И. Ленина и материалов о нем.

Нужно было собрать все громадное литературное наследие В. И. Ленина. Это была нелегкая задача, но сейчас она решена.

Ценнейшая часть ленинского рукописного наследия дооктябрьского периода была получена из Парижа и Женевы в 1923—1924 гг.; был доставлен знаменитый «Чемодан Фрея» (Фрей, как известно,— один из псевдонимов Владимира Ильича), в котором хранились многие рукописи Ленина, в том числе его переписка с членами редакции «Искры», рукопись книги «Шаг вперед, два шага назад», ленинский дневник II съезда РСДРП и другие. После кончины В. И. Ленина много документов было получено из его личного архива, из архива СНК и СТО, от Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой, А. И. Ульяновой-Елизаровой, от различных организаций и лиц.

Далеко не всем известно, что некоторые крупные ленинские произведения были найдены и опубликованы спустя много лет после их написания. Так, работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанная в 1894 г., была впервые типографски опубликована лишь в 1923 г. (I и III выпуски); статья «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», написанная в 1905 г., была найдена и опубликована лишь в 1940 г.; знаменитая статья «Как организовать соревнование?», написанная в декабре 1917 г., была впервые опубликована только в 1929 году.

---

[1] «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 402

[2] «Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду». М. 1925, стр. 81.

Наряду с собиранием ленинского литературного наследия Институт В. И. Ленина провел большую научно-исследовательскую работу, главным образом связанную с подготовкой к изданию отдельных произведений, второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина, по публикации документов Ленина в «Ленинских сборниках». Институт собирал также материалы для подготовки научной биографии В. И. Ленина.

Однако параллельное существование двух однородных институтов было нецелесообразным; постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 3 ноября 1931 г. оба института были объединены в Институт Маркса—Энгельса — Ленина (ИМЭЛ), ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В постановлении Президиума ЦИК говорилось: «Для объединения работы по изданию Сочинений Маркса, Энгельса и Ленина и для разработки вопросов марксизма-ленинизма и истории их развития считать целесообразным объединить Институт Карла Маркса и Фридриха Энгельса при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР с Институтом В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) и организовать единый Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)»[3].

В целом партией проделана громадная работа по собиранию и сосредоточению в едином хранилище — Институте марксизма-ленинизма — литературного наследия великих вождей пролетариата. Сейчас в институте, в Центральном партийном архиве, хранится свыше 6 тыс. документов К. Маркса и Ф. Энгельса, более 30 тыс. документов В. И. Ленина. Эти документы являются богатейшей, поистине неисчерпаемой сокровищницей марксистско-ленинской творческой мысли, оставленной человечеству великими учителями трудящихся всего мира.

В архиве института хранятся также многие тысячи документов по истории нашей партии. Для исследователей истории КПСС неоценимое значение имеют материалы ее съездов, переписка ЦК с местными партийными организациями, фонды редакций газет, фонды Бюро ЦК и отделов ЦК партии, личные фонды выдающихся деятелей КПСС. Очень много документальных материалов собрано в местных партийных архивах, которые являются базой для работы по изучению истории местных партийных организаций.

Центральный партийный архив постоянно пополняется. Каждый год сюда поступают все новые и новые документы Маркса, Энгельса, Ленина и историко-партийные материалы. Так, значительным пополнением документов Маркса и Энгельса в прошлом году явилась большая группа материалов, переданных институту правнуком Маркса Марселем Лонге, живущим в Париже. Среди них — 15 писем К. Маркса, его тетрадь стихотворений, 40 писем Энгельса, свыше ста писем членов семьи Маркса. Фонд документов Ленина был пополнен материалами, полученными из Краковско-Поронинского архива, найденного в Польше в 1954 году. Среди полученных документов много статей Ленина, предназначенных для «Правды», письма в ЦК, Владимиру Ильичу от местных партийных организаций, записные книжки Н. К. Крупской и другие материалы, характеризующие деятельность Ленина, партии в 1912—1914 годах. Новые документы В. И. Ленина были недавно присланы из Швейцарии дочерью Г. Л. Шкловского. Продолжают поступать документы от отдельных организаций и лиц. За последние четыре года в Центральный партийный архив поступило 728 документов К. Маркса и Ф. Энгельса и 579 документов В. И. Ленина.

В деле собирания документов стоят еще большие задачи, ибо некоторые документы еще не найдены или находятся не в наших руках. Среди ненайденных материалов такие работы В. И. Ленина, как 2-й вы-

[3] «Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XVII съезду ВКП(б)». М. 1934, стр. 3.

пуск труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал демократов?», «Заметки рядового марксиста о философии» и другие До сих пор не обнаружена часть писем Ленина 90-х годов, его «Очерки политической экономии начала XIX века», работа по аграрному вопросу отобранная у Владимира Ильича австрийскими властями при аресте его в Поронине в августе 1914 г., и другие документы.

Наряду с Центральным партийным архивом важную роль в научной деятельности института играет библиотека ИМЛ. Она является цен тральной специальной библиотекой страны в области теории и истории марксизма-ленинизма и истории КПСС. В библиотеке сосредоточено ныне 800 тыс. книг и свыше миллиона единиц периодики. Это единствен ное в мире книгохранилище, в котором представлена особенно полно литература по марксизму-ленинизму. В ее фондах сосредоточены произ ведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на многих языках мира литература, цитируемая и упоминаемая в их работах; литература, осве щающая их жизнь и деятельность; литература об отдельных произведе ниях классиков марксизма-ленинизма. Библиотека ИМЛ как централь ное книгохранилище партии собирает все издания документов КПСС документы, материалы и литературу по истории КПСС, по истории меж дународного коммунистического движения и истории коммунистических партий различных стран.

Библиотека института обладает рядом коллекций (собраний) лите ратуры, из которых наиболее ценными являются: прижизненные издания произведений Маркса и Энгельса и переводы их на иностранные языки комплекты газет и журналов, которые издавались под руководством Маркса и Энгельса и в которых печатались их статьи; собрание неле гальной дореволюционной литературы. Исключительную ценность этого собрания составляют нелегальные дореволюционные издания РСДРП в которых особое место занимают издания произведений В. И. Ленина и редактированные им газеты. В библиотеке института исчерпывающе представлена литература по истории домарксовского социализма, в том числе первые редкие издания представителей утопического социализма имеется ценнейшее собрание литературы о Парижской коммуне 1871 г и другие издания.

Основной для института до последнего времени была научно-изда тельская деятельность. В этой области сделано очень многое.

В первые годы существования института исключительно много вни мания уделялось подготовке к изданию отдельных произведений К. Маркса, Ф. Энгельса. Неоднократно издавался программный до кумент «Манифест Коммунистической партии», а также «Капитал» «Анти-Дюринг», «Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Лу Бонапарта», «Крестьянская война в Германии» и другие труды. В изда ниях института: «Архив Маркса и Энгельса», «Летопись марксизма» впервые публиковались некоторые произведения основоположников научного коммунизма, материалы об их жизни и деятельности, воспоми нания и статьи. Именно в «Архиве Маркса и Энгельса» впервые были опубликованы «Диалектика природы», «Немецкая идеология», «Конспект книги Вагнера». Публикация этих работ имела большое значение для изучения истории и теории марксизма, для борьбы с искажениями уче ния Маркса и Энгельса. Огромный интерес представляет публикация в «Архиве Маркса и Энгельса» материалов о работе Маркса над книгами на русском языке. Эта публикация еще не завершена.

Через семь лет после основания Института К. Маркса и Ф. Энгельса было предпринято издание их Сочинений на русском языке (первый том вышел в 1928 г.). Несмотря на ряд недостатков, это издание имело важ ное значение как первая попытка выпустить в свет все или почти все известные тогда труды Маркса и Энгельса и сыграло свою роль в дел идейного вооружения наших кадров.

Большое международное значение имело издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала, к сожалению, не законченное (всего вышло 12 томов). По своему характеру это издание приближалось к Полному собранию сочинений. Наряду с законченными произведениями в него включались подготовительные материалы: конспекты, выписки из книг, над которыми работали Маркс и Энгельс.

В настоящее время по постановлению ЦК КПСС институт подготовляет второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке в 36 томах (39—40 книг). Оно будет завершено в 1964 году.

Второе издание Сочинений Маркса и Энгельса значительно отличается от первого как по объему, так и по качеству подготовки. Найденные после выхода первого издания труды Маркса и Энгельса позволили значительно обогатить второе издание. Так, в уже вышедшие в свет 20 томов включено около 300 новых работ. В последующие тома также войдет много новых материалов. Текст всех произведений Маркса и Энгельса тщательно заново сверяется с оригиналами — рукописями, прижизненными изданиями, что дает возможность исправлять недостатки перевода в первом издании. Серьезная научно-исследовательская работа ведется при подготовке научно-справочного аппарата к томам: предисловий, примечаний, именных указателей, дат жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Это облегчает читателям изучение произведений, позволяет глубже понять историческую обстановку, в которой они были написаны, получить необходимые сведения о лицах, упоминаемых в тексте, и т. д. Создание научно-справочного аппарата требует от научных сотрудников института вдумчивого, кропотливого труда. В своих произведениях Маркс и Энгельс упоминают тысячи имен. О каждом из них нужно дать хотя бы краткую, но точную справку. Требуется зачастую пересмотреть много всякой справочной литературы, чтобы установить даты жизни и деятельности того или иного упомянутого лица.

Второе советское издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке легло в основу изданий Сочинений в ряде стран народной демократии.

Среди других публикаций произведений Маркса и Энгельса, подготовленных институтом, следует особо отметить работу Маркса «Теории прибавочной стоимости» в трех частях. До сих пор она переводилась на различные языки, в том числе и на русский, с издания, подготовленного К. Каутским, который в ряде случаев допустил произвольную перестановку текста, изъял некоторые места и т. д. Теперь впервые осуществлено подлинно научное издание, в полном соответствии с рукописью этой замечательной работы, которая вошла в литературное наследие Маркса как IV том «Капитала». Наше издание «Теории прибавочной стоимости» берется в качестве образца в других странах.

Широкое распространение в СССР получили «Избранные произведения» К. Маркса и Ф. Энгельса в двух томах, «Избранные письма», тематические сборники: Маркс и Энгельс «О религии», Маркс, Энгельс, Ленин «О пролетарском интернационализме», Маркс и Энгельс «О колониальной системе капитализма» и другие.

Проведенная в связи с подготовкой второго издания Сочинений научно-исследовательская работа по изучению жизни и деятельности Маркса и Энгельса позволила создать несколько сборников статей по истории марксизма, а также приступить к написанию биографий основоположников научного коммунизма.

Исключительно велик объем работы, проведенной по подготовке к изданию произведений и Сочинений В. И. Ленина. 26 января 1924 г. II Всесоюзный съезд Советов принял об этом специальное постановление. В нем сказано: «Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает

идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. II Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик поручает Институту В. И. Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках, в особенности на восточных, с тем, чтобы в первую очередь были изданы те сочинения, которые имеют особенно важное значение для широких слоев рабочих и крестьян. Вместе с тем Институту В. И. Ленина поручается также срочно выпустить полное собрание сочинений товарища В. И. Ленина в строго научном духе» [4].

Коммунистическая партия повседневно следила за ходом работы по изданию Сочинений В. И. Ленина, неоднократно ставила этот вопрос на своих съездах. В специальной резолюции XIII съезда РКП(б) было указано на необходимость подготовить и выпустить «научное и самое тщательное издание полного собрания сочинений Ленина» и организовать издание «ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР» [5].

За время существования института вышли в свет четыре издания Сочинений В. И. Ленина: первое — в 20 томах, второе и третье — в 30, четвертое издание — в 35 томах. Будет дополнительно выпущено 8 томов к четвертому изданию (тома 36-й, 37-й, 38-й и 39-й уже вышли в свет). По сравнению с третьим в это издание включено более 500 новых материалов, среди них такие произведения, как «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», «Капиталистический строй современного земледелия», «Все на борьбу с Деникиным!», ответы Владимира Ильича корреспондентам американских и английских газет, характеризующие ленинскую идею о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем, и другие.

Наиболее распространенными являются третье и четвертое издания Сочинений В. И. Ленина. При подготовке их к печати проводилась кропотливая текстологическая работа, текст тщательно сверялся с первоисточниками, что дало возможность исправить некоторые неточности, обнаруженные в прежних изданиях. Ведется серьезная работа по расшифровке ленинских рукописей, иногда написанных скорописью, с характерными ленинскими сокращениями.

В настоящее время по постановлению ЦК КПСС выходит в свет 5-е полное собрание Сочинений В. И. Ленина в 55 томах (вышло 18 томов). Особенность этого издания состоит в том, что в него войдет много новых, ранее не публиковавшихся произведений В. И. Ленина, а также не включавшихся в предыдущие издания; будут опубликованы и некоторые ленинские подготовительные материалы, позволяющие изучить творческую лабораторию Ленина, глубже понять его труды, его идеи. В число подготовительных работ, которые будут включены в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, войдут материалы к книге «Развитие капитализма в России», к работам по аграрному и национальному вопросам, планы, варианты и конспекты отдельных статей и речей, наиболее важные заметки на книгах.

Принцип расположения произведений в полном собрании Сочинений В. И. Ленина, так же как и в четвертом, строго хронологический. Вся переписка будет собрана в отдельные тома в конце издания. Полное собрание сочинений снабжается научно-справочным аппаратом, более обстоятельным и содержательным по сравнению со всеми предыдущими изданиями, что облегчит читателям чтение ленинского текста.

Общий тираж произведений В. И. Ленина на 1 апреля этого года составил 308 млн. 928 тыс. экземпляров. Они изданы в СССР на 91 язы-

[4] «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях». М. 1939, стр. 40.
[5] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е. М. 1953, стр. 893.

ке. В подготовку этих изданий вложен большой труд Институтом марксизма-ленинизма. Достаточно сказать, например, что четвертое издание Сочинений, если брать в среднем тираж 750 тыс. экземпляров, составляет почти 30 млн. книг, а пятое издание составит свыше 12 млн. книг.

Большое значение для изучения ленинского литературного наследия, жизни и деятельности Владимира Ильича имеет издание «Ленинских сборников» (их вышло 36). Здесь публикуются только новые, неиздававшиеся ленинские документы. К ним преимущественно относятся: конспекты, телеграммы, планы статей и речей, заметки на книгах, резолюции на документах, поправки к документам, записки, распоряжения и т. п. Все эти материалы характеризуют В. И. Ленина как политического деятеля и человека, раскрывают неповторимые черты великого вождя. Особую ценность «Ленинские сборники» представляют для исследователей, изучающих историю партии, деятельность Ленина — организатора и вождя партии, основателя Советского государства.

Много внимания уделяет институт подготовке тематических сборников, которые выходят массовыми тиражами. В числе их: «О работе Советского государственного аппарата», «О союзе рабочего класса и крестьянства», «О национальном и национально-колониальном вопросе», «Против ревизионизма». Особенный интерес вызывают такие сборники у преподавателей и пропагандистов.

Важное значение имеет издание «Хронологического указателя произведений В. И. Ленина» в двух частях. Первая часть указателя, охватывающая Сочинения Ленина за период с 1886 по февраль 1917 г., вышла в свет. Сейчас в институте развернута работа по составлению биографической хроники В. И. Ленина. Она даст исследователям новый систематизированный фактический материал для изучения жизни и деятельности Владимира Ильича.

Среди изданий института, вышедших за последнее время, необходимо отметить «Избранные произведения» В. И. Ленина в трех томах, научную биографию В. И. Ленина, подготовленную институтом совместно с авторским коллективом, краткую биографию В. И. Ленина. Большой интерес у читателей вызвали три части воспоминаний о В. И. Ленине, в которых собраны воедино наиболее ценные воспоминания о великом основателе нашей партии, учителе и вожде трудящихся всего мира. Немалую познавательную ценность представляет также альбом фотографий «Владимир Ильич Ленин», выпущенный в 1960 году.

Значительное место в деятельности института занимает издание документов нашей партии и международного рабочего и коммунистического движения. Уже семь раз издавался сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ставший настольной книгой партийного актива, научных работников и преподавателей истории партии. Переиздаются протоколы партийных съездов и конференций, многие из которых сейчас уже стало трудно найти даже в крупных библиотеках. За последнее время вышли в свет сборник документов I съезда РСДРП, протоколы II, III, IV, VI, VIII, IX съездов партии, протоколы VII (Апрельской) конференции и ряд сборников партийных документов, выпущенных в ознаменование 50-летия первой русской революции и 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Совместно с Институтом истории Академии наук СССР предпринято многотомное издание документов об Октябрьской революции. Институтом подготовлены и выпущены в свет произведения виднейших деятелей партии и государства — Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна. Выходят Сочинения М. И. Калинина в четырех томах (два тома вышли в свет).

Из документов международного коммунистического движения, под-

готовляемых институтом к изданию, необходимо отметить сборник «Коминтерн в резолюциях» в двух томах.

Институтом завершено издание «Истории гражданской войны в СССР» в пяти томах. Это капитальное (правда, очень затянувшееся) издание получило одобрение научной общественности и широких читательских кругов. На большом фактическом и документальном материале в «Истории гражданской войны в СССР» показана героическая борьба советского народа под руководством Коммунистической партии против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. В этом труде приводится много ранее неизвестных материалов о деятельности ЦК партии в тот период. Особый интерес представляют три тома документов по истории гражданской войны (I том вышел в свет).

Коллектив научных сотрудников института готовит историю Великой Отечественной войны в шести томах. Первый том этого труда, недавно вышедший в свет, был положительно оценен научной общественностью. История Великой Отечественной войны явится фундаментальным, строго научным и документированным трудом, в котором будет освещена героическая борьба Вооруженных Сил СССР, всего советского народа, отстоявшего под руководством КПСС честь, свободу и независимость своей Родины и спасшего народы Европы от фашистского порабощения. Этот труд будет содействовать разоблачению буржуазных фальсификаторов второй мировой войны. Кроме того, будет издан однотомник по истории Великой Отечественной войны и шесть томов документов. В подготовке истории Великой Отечественной войны принимают участие крупные военные деятели, военные историки, экономисты. писатели.

Нужно отметить, что наряду с большой работой, проведенной институтом, в его деятельности были очень существенные недостатки и упущения. В прошлом году Центральный Комитет партии принял постановления, в которых вскрыл эти недостатки и наметил четкую и исчерпывающую программу работы института.

В соответствии с указаниями Центрального Комитета институт в настоящее время перестраивается, ускоряются темпы подготовки изданий Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и документов партии, широко развертывается научно-исследовательская работа. Институт теснее связывается с жизнью партийных организаций.

Ответственной задачей, поставленной перед институтом Центральным Комитетом, является написание научного труда по истории КПСС в шести томах. Необходимо обобщить огромный опыт нашей партии как организатора и вдохновителя масс в борьбе за диктатуру пролетариата, в строительстве социализма и коммунизма, осветить историю КПСС в тесной связи с международным коммунистическим и рабочим движением.

Такую ответственную задачу трудно выполнить силами только сотрудников института. В ее решении должны принять участие научные работники и преподаватели вузов: историки, экономисты, философы и другие специалисты в области общественных наук. В настоящее время в институте уже развертывается подготовительная работа по этому изданию: составляются проспекты томов, библиография по истории КПСС и т. д. Наличие огромной документальной базы по истории КПСС, выросшие многочисленные кадры историков дадут возможность создать строго научную историю нашей великой партии.

Недавно в институте создан сектор истории международного рабочего и коммунистического движения, перед которым стоят большие задачи в области научно-издательской и научно-исследовательской работы. В ближайшее время сектору предстоит опубликовать важнейшие документы международного коммунистического движения, в том числе документы Коминтерна, а также разрабатывать историю современного

коммунистического и рабочего движения. Много предстоит сделать в связи со 100-летием основания I Интернационала. Сектор принимает активное участие в научных конференциях и сессиях, посвященных знаменательным историческим датам в жизни братских компартий. Так, совместно с Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом истории Академии наук СССР сектором были организованы сессии в связи с 40-летием коммунистических партий Франции и Италии.

Институт марксизма-ленинизма призван стать боевым научно-исследовательским центром. Вопросы истории Коммунистической партии Советского Союза, международного рабочего и коммунистического движения, теории марксизма-ленинизма должны занять ведущее место в его деятельности. Институту, как указывает ЦК КПСС, необходимо чаще проводить научные сессии и теоретические конференции для обсуждения важнейших научных проблем, усилить разоблачение буржуазной идеологии, ревизионистов и правых социал-демократов, уделить серьезное внимание критике догматических и сектантских взглядов.

Центральный Комитет партии указал на необходимость более тесной связи научно-исследовательской работы института с практической деятельностью партии, потребовал, чтобы институт помогал партии в разработке проблем строительства коммунизма, более активно пропагандировал марксистско-ленинские идеи, обобщал опыт партийных организаций, вел научно-исследовательскую работу по актуальным проблемам современности.

Институт издает журнал «Вопросы истории КПСС» (выходит 6 раз в год), задачей которого является разработка истории КПСС, особенно послеоктябрьского периода, освещение истории братских коммунистических и рабочих партий и международного рабочего движения. Журнал призван обобщать опыт партийных организаций, оказывать помощь преподавателям, исследователям и пропагандистам в изучении и преподавании истории КПСС в высших учебных заведениях и в системе партийного просвещения. Нужно отметить, что за короткий срок журнал завоевал авторитет у читателей.

Значительную работу проводят филиалы института, которые имеются во всех союзных республиках, в Москве и Ленинграде. Задача филиалов в союзных республиках — перевод на языки народов нашей страны произведений Маркса, Энгельса, Ленина и историко-партийных документов. Сейчас во всех союзных республиках и в ряде автономных республик завершено четвертое издание Сочинений В. И. Ленина, вышли в свет основные труды Маркса, Энгельса, Ленина и важнейшие партийные документы. Таким образом, народы нашей страны имеют возможность изучать произведения Маркса, Энгельса на родном языке. Другой ответственной задачей филиалов, приобретающей особое значение в настоящее время, является написание очерков по истории местных партийных организаций. В ряде союзных республик такие очерки уже вышли, в других скоро выйдут в свет. Вместе с тем в филиалах создаются монографии, посвященные отдельным вопросам истории местных партийных организаций. Написанию очерков и публикации партийных документов много внимания уделяют партийные архивы ЦК компартий союзных и автономных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

Институт марксизма-ленинизма поддерживает постоянную связь с Бюро переводов произведений классиков марксизма-ленинизма в Китайской Народной Республике, с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в ГДР, с институтами истории партии всех других социалистических стран. ИМЛ оказывает им братскую помощь документами, обменивается с ними изданиями, принимает участие в международных конференциях, что позволяет коллективно решать многие вопросы. Уже состоялось пять международных конференций, причем каждая последующая конференция являлась более многочисленной по сравнению с

предшествующей и более содержательной. Пятая конференция состоялась в Бухаресте осенью 1959 года. Основными вопросами, обсуждавшимися на ней, были: борьба коммунистических и рабочих партий за единство рабочего класса, задачи исторической науки в борьбе против современного ревизионизма. В работе конференций принимают участие не только представители институтов истории партии стран народной демократии, но и представители исторических комиссий при ЦК компартий некоторых капиталистических стран.

Бессмертные произведения Маркса, Энгельса, Ленина, партийные документы, подготовленные институтом, поступают на идейное вооружение партии, составляют основу идеологической работы в массах. Они переводятся на языки народов СССР и других социалистических стран. Великие идеи марксизма-ленинизма проникают в самые отдаленные уголки земного шара, являясь знаменем и путеводной звездой народов в борьбе за мир, независимость, демократию и социализм.

Сотрудники Института марксизма-ленинизма считают своим священным долгом выполнить возложенные на них ответственные и почетные задачи: ускорить подготовку к изданию сочинений великих учителей международного пролетариата, резко поднять уровень научных исследований, усилить разработку теоретических проблем, выдвигаемых практикой развернутого строительства коммунистического общества в СССР, и проблем международного коммунистического движения в свете исторического Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Они приложат все силы к тому, чтобы выполнить с честью большие задачи, возложенные на институт партией, ее ленинским Центральным Комитетом.

УРОКИ ИСТОРИИ

В. Г. Позняк

Двадцать лет тому назад в результате вероломного вторжения фашистской Германии в пределы нашей Родины началась Великая Отечественная война Советского Союза. Фашистское нападение на СССР 22 июня 1941 г. было новой попыткой международного империализма уничтожить первое в истории человечества социалистическое государство рабочих и крестьян. В гигантских схватках старого, отживающего свой век мира и мира нового, идущего дорогой триумфальных побед к светлому будущему, была доказана всепобеждающая, неодолимая сила социализма.

Великая Отечественная война развернулась в обстановке, когда на земном шаре уже полыхало пламя второй мировой войны. Ныне, вспоминая трагические события минувших лет, народы всего мира еще раз задумываются над вопросами: как и почему началась вторая мировая война, кто виновник гибели многих миллионов людей, уничтожения огромных материальных ценностей?

Вторая мировая война возникла между двумя группировками империалистических держав. Она явилась следствием развития общего кризиса капиталистической системы. Виновником второй мировой войны является международный империализм.

В предвоенный период в результате неравномерности и скачкообразности развития капитализма возникло резкое несоответствие между соотношением сил империалистических держав и распределением между ними источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Это привело к обострению империалистических противоречий. Германия, потерпевшая поражение в первой мировой войне, Италия и Япония, которые считали себя обделенными при заключении Версальского договора, стремились к новому переделу мира. Однако их империалистические конкуренты в лице Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции не хотели поступаться своими владениями, более того, они стремились покончить с конкуренцией германских, итальянских и японских монополий на мировых рынках. Эта борьба между двумя группировками империалистических держав: одной во главе с США и другой, возглавлявшейся Германией,— вылилась в вооруженную борьбу за мировое господство. Наиболее агрессивной силой при этом являлся германский империализм. Фашистскую Германию активно поддерживали Япония и Италия.

Поскольку вторая мировая война возникла как продолжение империалистической политики государств — участников обеих группировок, постольку она по своему происхождению была империалистической с той и другой стороны. Однако в ходе войны стал постепенно меняться ее характер. С первых дней войны началась народная борьба против фашистских захватчиков. Эта справедливая, освободительная по своему характеру борьба все более и более нарастала. С подъемом национально-освободительного движения в оккупированных агрессорами странах начался процесс перерастания второй мировой войны в войну освободительную, справедливую со стороны сил, противостоявших блоку фашист-

ских государств. Вступление Советского Союза в войну, которое было обусловлено нападением гитлеровской Германии на СССР, оказав решающее воздействие на изменение социально-политического характера второй мировой войны, завершило процесс ее превращения в освободительную, антифашистскую.

Советский народ вел героическую освободительную войну. Он вел эту войну для того, чтобы отстоять завоевания социализма, разгромить фашистских захватчиков и уничтожить фашизм, выполнить свой интернациональный долг перед трудящимися всех стран — освободить народы Европы от фашистского ярма. Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии слилась в одно целое с борьбой народов Европы против фашистских захватчиков и с борьбой народов Азии против японских империалистов. Патриоты Чехословакии, Польши, Албании, Югославии, Франции, Греции, Бельгии, Голландии, Норвегии развернули самоотверженную освободительную войну против оккупантов. В первых рядах борцов против фашизма находились коммунисты. В Азии великий китайский народ под руководством своей Коммунистической партии оказывал героическое сопротивление японским захватчикам. Освободительная борьба развернулась во Вьетнаме и на Филиппинах. Против гитлеризма и продавшихся ему правителей поднялись лучшие люди Болгарии, Румынии, Венгрии и Италии. Не слагали оружия героические борцы против фашизма в самой Германии. Великая Отечественная война Советского Союза против темных сил фашизма была поддержана также трудящимися массами США, Англии и других стран. В национально-освободительной, антифашистской борьбе взоры всего прогрессивного человечества были с надеждой устремлены на СССР. В социалистическом государстве оно видело единственную реальную силу, которая могла сокрушить фашизм.

Вторая мировая война по своим масштабам далеко превзошла все прежние войны. В Европе она охватила пространство в семь раз обширнее, нежели в 1914—1918 годах. В целом боевые действия во время второй мировой войны велись на территории, в 5,5 раза большей, чем в период первой мировой войны. В орбиту второй мировой войны были втянуты государства с населением около 1 млрд. 700 млн. человек, в то время как все население земного шара составляло тогда 2 млрд. 170 млн. человек. В минувшей войне участвовали государства, население которых вдвое превышало по численности население государств — участников первой мировой войны. От производительного труда, от своих семей было оторвано и поставлено под ружье около 110 млн. человек, из которых 70 млн. приняли участие в боевых действиях. Во второй мировой войне погибло 32 млн. человек, получило ранения и увечья 35 млн. человек. Разрушения и материальные затраты в 5—6 раз превысили расходы на первую мировую войну.

Вторая мировая война возникла в условиях, когда мир уже был расколот на два лагеря. Лагерю капитализма противостояло рожденное Великой Октябрьской социалистической революцией первое в мире государство рабочих и крестьян — Союз Советских Социалистических Республик.

С первых дней своего существования СССР проводил миролюбивую внешнюю политику, в основе которой лежал ленинский принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Советский Союз последовательно и упорно боролся за сокращение вооружений и вооруженных сил. В начале 30-х годов, когда возникли первые очаги новой мировой войны и международная обстановка серьезно осложнилась, Коммунистическая партия и Советское правительство развернули борьбу за организацию коллективного отпора агрессорам. Идея коллективной безопасности, выдвинутая Советским Союзом, нашла боль-

шое число сторонников среди прогрессивной общественности капиталистических стран.

В 1935 г. Советский Союз заключил договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Эти договоры могли стать основой общеевропейской системы коллективной безопасности. Однако правящие круги западных держав не поддержали инициативу Советского Союза, они всячески противодействовали усилиям советской дипломатии, направленным на обуздание агрессоров.

В сложившейся международной обстановке Советский Союз должен был принять действенные меры по укреплению своей обороны. Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая возраставшую опасность войны, мобилизовали советский народ на дальнейшее всемерное развитие экономики страны, на усиление ее обороноспособности. В годы первых пятилеток в результате мудрой политики Коммунистической партии была создана мощная индустрия, мелкое частное сельскохозяйственное производство было реорганизовано в крупное социалистическое. Принятый XVIII съездом Коммунистической партии третий пятилетний план предусматривал наряду с дальнейшим развитием всех отраслей народного хозяйства широкое развитие оборонных отраслей промышленности. Были приняты также меры по реорганизации Советской Армии, по усилению ее военно-технической мощи и повышению боевой выучки войск.

Международная реакция, питая лютую ненависть к первому в мире социалистическому государству, видела в германском фашизме силу, с помощью которой она рассчитывала реставрировать капитализм в СССР и разрешить за счет социалистического государства обострившиеся межимпериалистические противоречия. При этом лидеры каждой из двух группировок империалистических держав в борьбе за мировое господство вынашивали свои захватнические планы. Руководители стран германо-итало-японского блока рассчитывали расправиться со своими капиталистическими конкурентами, захватить их колонии и сферы влияния и затем, накопив силы, попытаться разгромить Советский Союз, удушить международное демократическое движение, установить во всем мире фашистский «новый порядок». Лидеры государств американо-англо-французской группировки стремились объединить всю международную реакцию для борьбы против ненавистной им Советской страны. Германский милитаризм был вскормлен американскими и английскими монополистами, предоставившими миллиардные займы для восстановления и расширения германской военной промышленности. Правящие круги США, Англии и Франции считали, что гитлеровцы используют свою экономическую и военную мощь только для нападения на СССР и удушения демократических сил Европы. Они рассчитывали, что, после того как воюющие стороны взаимно истощат друг друга, США, Англия и Франция продиктуют им свои условия мира.

Стремясь направить фашистскую агрессию на Восток, империалистические круги западных держав делали Германии, Италии и Японии уступку за уступкой. Поощряемые правящими кругами западных держав агрессоры вышли из Лиги Наций, создали массовые армии, заключили военные пакты и приступили к вооруженным захватам. В 1931 г. Япония напала на Северо-Восточный Китай, в 1935 г. Италия вторглась в Эфиопию, в 1936 г. началась германо-итальянская интервенция в Испании, весной 1938 г. Германия захватила Австрию. Капиталистический мир стал вползать во вторую мировую войну. Только одна держава — Советский Союз — выступала против агрессии. В то же время американские, английские и французские политики продолжали поощрять фашистских захватчиков. Кульминационным пунктом политики поощрения агрессии явилась позорная мюнхенская сделка в сентябре 1938 года. Ценой преда-

тельства Чехословакии Англия и Франция, поощряемые США, стремились направить фашистскую агрессию на Восток. Мюнхенская политика правящих кругов западных держав развязала руки фашистам. Они стали на путь открытой агрессии и в марте 1939 г. захватили Чехословакию.

Лишь Советский Союз решительно осудил этот акт. СССР заявил о готовности выступить совместно с Францией в защиту Чехословакии в соответствии с условиями советско-чехословацкого и советско-французского договоров 1935 г. о взаимопомощи. Более того, Советское правительство известило тогдашнего президента Чехословакии Э. Бенеша о том, что если Чехословакия будет защищаться и попросит СССР о помощи, то Советский Союз будет готов оказать ей военную поддержку даже в том случае, если этого не сделает Франция, а Польша и Румыния откажутся пропустить через свою территорию советские войска. Однако правительство Бенеша отвергло предложение Советского Союза, предав тем самым интересы своего народа.

Летом 1939 г., когда в Европе запахло войной, Англия и Франция под давлением своих народов вынуждены были вступить в переговоры с СССР, предложившим заключить договор о взаимопомощи с этими государствами. Советское правительство, идя на переговоры, имело целью создать фронт коллективного отпора фашистской агрессии. Правящие круги Англии и Франции рассматривали переговоры с Советским Союзом как дипломатический маневр, направленный на то, чтобы оказать давление на фашистскую Германию, ускорить ее нападение на Советский Союз, добиться международной изоляции СССР перед лицом агрессии. Представленный английской и французской стороной проект договора преследовал цель обмануть мировое общественное мнение, создать видимость, что западные державы стремятся предотвратить агрессию, и в то же время дать понять Гитлеру, что он может напасть на СССР, не боясь помех с их стороны. Англия и Франция предлагали, чтобы Советский Союз взял на себя конкретные обязательства помощи Англии и Франции, если бы они оказались в состоянии войны с фашистской Германией. В то же время Англия и Франция не хотели брать на себя никаких конкретных обязательств по отношению к Советскому Союзу в случае нападения фашистов на СССР. Англо-французский план поддержали Соединенные Штаты Америки. Нежелание правительств Англии и Франции заключить действенный договор о взаимной помощи в борьбе против фашистской агрессии привело к срыву англо-франко-советских переговоров.

В обстановке, когда обнаружилась реальная опасность нападения фашистов на СССР, когда возникла угроза международной политической изоляции Советского государства, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение заключить договор о ненападении с Германией, предложенный германским правительством. Договор о ненападении с Германией дал СССР возможность выиграть два года для дальнейшего социалистического строительства и укрепления обороноспособности, сорвать замысел международного империализма о создании единого антисоветского фронта капиталистических государств.

Следующий шаг германских империалистов — их нападение на Польшу — заставил Англию и Францию несколько изменить свою тактику. В начале сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии. Сделано это было под предлогом защиты Польши. В действительности дело обстояло иначе. Истинная причина этого шага англо-французских правящих кругов заключалась в том, что они преследовали цель отстоять свои империалистические интересы от покушения германского фашизма в условиях, когда их план—направить в 1939 г. агрессию Германии на СССР—потерпел провал. Однако англо-французская война 1939—1940 гг. против Германии была «странной войной», войной без

военных действий. Империалисты Англии и Франции занимали выжидательную позицию, все еще надеясь на столкновение фашистской Германии и Советского Союза. На Западном фронте бездействовали 110 французских и английских дивизий, которым противостояли в сентябре 1939 г. 23 немецких дивизии, тогда как главные силы гитлеровской армии находились в Польше. В то же время Англия и Франция готовили интервенцию в СССР своими вооруженными силами со стороны Турции и Финляндии, перебрасывая для этого войска в Сирию, вооружая финляндскую реакцию. Однако германский империализм не рискнул в тот момент напасть на СССР. Прежде чем воевать с Советским государством, гитлеровцы решили обеспечить себе тыл, расправившись сначала со своими капиталистическими конкурентами на Западе.

Так развертывались события в Европе.

Нечто похожее происходило и на Дальнем Востоке. Уже в 1931 г. империалистическая Япония захватила Маньчжурию. Японское вторжение в Китай непосредственно угрожало интересам США и Англии. И все же правительства этих стран не приняли никаких эффективных мер для того, чтобы пресечь японскую агрессию в Китае. Только Советский Союз поддерживал справедливую борьбу великого китайского народа. В 1938 г. японские милитаристы решили испытать прочность границ Советского Приморья. Однако их попытка вторгнуться на территорию СССР у озера Хасан кончилась провалом. Через год японская военщина предприняла вторую разведку боем — на границе Монголии, связанной с Советским Союзом договором о взаимной помощи. Эта попытка также потерпела крах. Советские войска совместно с монгольской армией разгромили японских милитаристов на реке Халхин-Гол и вышвырнули их из пределов Монголии. Правящие круги США, Англии и Франции, расценив действия японских империалистов как готовность развязать войну против СССР, попытались вести на Дальнем Востоке и Тихом океане политику поощрения японской экспансии, подобную той, которая проводилась западными державами в Европе в отношении агрессии германского фашизма. США многое сделали для военного усиления Японии, снабжая ее дефицитными стратегическими материалами. Но западные политики, ослепленные ненавистью к СССР, проглядели другую сторону дела. Японская военщина, испытавшая силу ударов Красной Армии, не отважилась напасть на СССР. Она хотела для ведения успешной войны против такого сильного противника, как Советский Союз, обеспечить себе более мощную экономическую базу. С этой целью империалистическая Япония решила сначала захватить весь Китай, Филиппины, Индонезию и некоторые другие страны Юго-Восточной Азии. Мировая война на Дальнем Востоке вопреки расчетам международного империализма началась с внезапного удара японских сил по военно-морской базе США в Пирл-Харборе.

Таким образом, силы международного империализма не смогли объединиться для борьбы против Советского Союза. Война, подготовленная международным империализмом против СССР, началась между самими империалистическими странами. Таков один из уроков второй мировой войны.

Логическим следствием поощрения фашистских агрессоров явилось предательство правящими кругами США, Англии и Франции национальных интересов своих стран. Отказавшись от создания предложенной Советским правительством системы коллективной безопасности, от быстрых и решительных действий по ликвидации агрессии в зародыше, эти круги поставили свои народы и свои вооруженные силы перед необходимостью вести борьбу с лучше подготовившимся к войне противником. Сколько миллионов человеческих жизней и какое количество материальных ценностей погибло в результате политических авантюр импе-

риалистических кругов США, Англии и Франции, под крылышком которых в свое время выросли германский и итальянский фашизм и японский милитаризм!

Захватив ряд европейских стран, разгромив Францию и выбросив с континента английскую армию, фашистская Германия начала войну против Советского Союза. Гитлеровцы вероломно нарушили советско-германский договор о ненападении, заключенный 23 сентября 1939 года.

Совершая нападение на Советский Союз, гитлеровцы надеялись на международную изоляцию СССР. Однако эти расчеты потерпели крах. Мудрая ленинская внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства обеспечила благоприятные международные условия для разгрома фашистских агрессоров. Крупную роль в этом отношении сыграло образование антигитлеровской коалиции, главной силой которой был Советский Союз. Народы других стран решительно поддержали СССР в борьбе с фашистской Германией.

План антисоветской войны (план «Барбаросса»), разработанный гитлеровским генеральным штабом, предусматривал ее «молниеносное» завершение. Это был замысел, рассчитанный на сокрушение Советской Армии прямыми ударами. Военные планы гитлеровцев были тесно увязаны с политическими планами германского империализма. Фашисты подготавливали массовое физическое уничтожение миллионов советских людей, ограбление и расчленение Советской страны.

Осуществление своих военных и политических замыслов гитлеровцы связывали с надеждами на распад Советского государства после вторжения в его пределы немецко-фашистских армий. Но фашисты жестоко просчитались. В тяжелую для Родины пору рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Суровые испытания войны еще более усилили социалистическое государство, укрепили союз рабочего класса и колхозного крестьянства.

Гитлеровцы рассчитывали на то, что война приведет к раздорам между народами Советской страны. Однако народы СССР, спаянные братской дружбой, самоотверженно боролись против общего врага, за свою свободу и независимость. Великая дружба народов СССР, выкованная в результате проведения Коммунистической партией ленинской национальной политики, с честью выдержала тяжелые военные испытания и еще более окрепла.

Потерпели крах надежды гитлеровцев посредством внезапного, вероломного нападения добиться молниеносного разгрома Советской державы. В своих расчетах покончить с Советским Союзом и его Вооруженными Силами в течение нескольких месяцев фашистские стратеги исходили из опыта легких побед, одержанных ими в Западной Европе. Но гитлеровцы не учли, что условия войны против СССР, против социалистического государства коренным образом отличаются от условий войны против любой капиталистической страны. В СССР едины интересы народа, партии и правительства, чего нет и не может быть в буржуазных странах. Это нерушимое единство обеспечивает несокрушимую прочность социалистического государства.

Коммунистическая партия подняла страну на священную Отечественную войну. Под руководством Коммунистической партии советский народ в тяжелых условиях временных военных неудач первого периода войны перестроил экономику и прежде всего промышленность страны на военный лад. В процессе военной перестройки промышленности советскому народу пришлось решить ряд трудных, сложных задач: эвакуировать на Восток и разместить там свыше тысячи крупных предприятий, быстро изыскать и обучить недостающую рабочую силу для промышленности, разработать и внедрить в производство новые технологические

процессы, обеспечить энергетическое питание предприятий, изыскать и освоить новые источники сырья, заново наладить кооперацию многих тысяч предприятий. В восточных районах страны развернулось мощное индустриальное строительство. То, что оно велось, несмотря на невероятно трудные условия первого периода войны,— одно из свидетельств колоссальной жизненности и неисчерпаемых возможностей социалистического строя. Новое промышленное строительство и рост производительности труда позволили советскому народу начиная с 1942 г. из месяца в месяц, из года в год увеличивать объем необходимой для фронта продукции. В короткие сроки в восточных районах СССР было развернуто в огромных масштабах производство оружия, боеприпасов и боевой техники. В результате Советский Союз по количеству производимой боевой техники оставил позади себя как Германию, так и США и Англию. Советский тыл стал могучим арсеналом, где ковалось оружие победы над врагом.

Несостоятельность планов германского генерального штаба проявилась в первые же недели войны. Расчеты гитлеровского командования на уничтожение основных сил Красной Армии к западу от Днепра и Западной Двины провалились. Упорное сопротивление советских войск, их частые контрудары, а местами и наступательные операции, стойкая борьба частей Советской Армии, попавших в окружение, массовое партизанское движение в тылу врага сорвали немецко-фашистский план «молниеносной» войны. В тылу и на фронте советский народ готовил условия для коренного перелома в ходе войны.

Немецко-фашистские захватчики, привыкшие к легким победам на Западе, получили на советской земле истребительную народную войну. Социалистическая держава оказалась той силой, которая не только выстояла под ударами казавшейся ранее непобедимой фашистской армии, не только обескровила ее, но и нанесла ей ряд поражений уже в первые полгода войны.

В битве под Москвой впервые за годы второй мировой войны немецко-фашистские захватчики подверглись разгрому. В этом сражении Советская Армия развеяла миф о непобедимости фашистской армии. А вместе с ним окончательно рухнул и план «молниеносной» войны против СССР. Победа Советских Вооруженных Сил под Москвой имела крупнейшее международное значение.

Потерпев в 1941 г. неудачу с «молниеносным» наступлением по всему фронту, фашистское командование весной 1942 г. разработало новый оперативный план, который существенно отличался от плана «Барбаросса». Гитлеровский генеральный штаб уже не ставил перед фашистской армией задачу наступления по всему фронту от моря до моря, как это делалось летом 1941 г., или хотя бы разгрома важнейшей группировки советских войск, которая надежно прикрывала московское направление. Фашистские стратеги поняли, что для решения таких задач у них уже нет ни сил, ни средств. Они поставили перед своей армией цель нанести удар Красной Армии на южном фланге советско-германского фронта, где плотность советских войск была меньшей, чем в центре.

Для нового наступления гитлеровцы избрали два направления: Сталинградское и Кавказское. В директиве фашистского верховного командования говорилось о необходимости захватить нефтеносные районы Закавказья, а также перерезать советские внешние коммуникации на юге и важнейшую внутреннюю воднотранспортную артерию СССР — Волгу. На севере фашисты намеревались перерезать Мурманскую железную дорогу и лишить тем самым СССР важнейшего пути, связывавшего страну с внешним миром через единственный незамерзающий северный порт Мурманск.

Весной 1942 г. гитлеровцы ставили перед собой задачу зажать Советский Союз в тисках экономической блокады, расчленить страну, отрезать

ее центральные области от богатых хлебом районов Дона, Кубани, Ставрополья, правобережья Нижней Волги, лишить кавказской и закавказской нефти, то есть сделать невозможным продолжение войны для СССР.

Фашистское верховное командование, пользуясь тем, что западные союзники СССР по антигитлеровской коалиции преднамеренно затягивали выполнение своих союзнических обязательств и не открывали в Европе второй фронт, перебросило на Восточный фронт несколько десятков новых немецких, а также итальянских, румынских и венгерских дивизий.

Советские Вооруженные Силы сорвали новый план фашистского командования. Завершив летом 1942 г. военную перестройку промышленности, советский народ обеспечил перевооружение Советской Армии первоклассной боевой техникой, снабдил в большом количестве войска боеприпасами, танками, артиллерийскими орудиями, самолетами. Усиление технической и огневой мощи, а также повышение боевого мастерства наших войск обеспечили разгром немецко-фашистских армий под Сталинградом. Сталинградская битва явилась началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, а также всей второй мировой войны. Стратегическая инициатива прочно и надежно перешла в руки советского военного командования. Победа советского народа и его Вооруженных Сил под Сталинградом вызвала мощный подъем движения Сопротивления в оккупированных фашистами странах.

Гитлеровская Германия терпела на Восточном фронте одно поражение за другим. Непосредственно за Сталинградом последовал разгром фашистских войск на Северном Кавказе, затем на Верхнем Дону. В создавшихся условиях фашистское командование смогло выделить для помощи африканской армии своего итальянского союзника только четыре дивизии, составившие корпус генерала Роммеля. Гитлеровцы не смогли увеличить свои силы и в оккупированных странах Европы, народы которых во главе с коммунистическими партиями еще шире развернули вооруженную борьбу против фашистского ига.

Разгром на советско-германском фронте зимой 1942—1943 гг. 40% всех находившихся здесь немецких, венгерских, итальянских и румынских дивизий оказался для фашистского блока невосполнимой потерей. Летом 1943 г. фашистское командование сделало последнюю попытку крупными наступательными действиями вырвать из рук Советских Вооруженных Сил стратегическую инициативу, превратить маневренную войну в позиционную, затянуть военные действия в надежде на раскол антифашистской коалиции и добиться для себя более или менее почетного окончания войны.

Советские войска в 1943 г. вновь сорвали все планы гитлеровского командования. Попытка фашистских сил начать крупное наступление на Курском направлении потерпела полный крах.

На Орловском и Белгородско-Харьковском плацдармах Красная Армия разгромила две крупнейшие группировки врага. Темпы и масштабы наступления советских войск неуклонно возрастали.

В конце 1942 и в 1943 г. на Западе произошли события, которые кое-кем из буржуазных историков вопреки истине расцениваются как серьезная помощь Советскому Союзу в войне против фашистской Германии. Речь идет о высадке американских и английских десантов сначала в Северной Африке, а затем в Сицилии и Италии. Конечно, определенные силы фашистского блока благодаря этим операциям были отвлечены для борьбы с американскими и английскими войсками в Африке и в Италии. Разумеется, эти силы в других условиях могли быть хотя бы частично переброшены на Восточный фронт. Но можно ли говорить об этих силах как о чем-то значительном, способном сколько-нибудь серьезно изменить обстановку на советско-германском фронте?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым цифрам. В Африке наибольшее количество немецко-фашистских и итальянских дивизий никогда не превышало 15, на острове Сицилия — 11, в Италии — 17 (только немецких). На Восточном фронте в ноябре 1942 г., то есть в то время, когда англо-американский десант был высажен в Африке, имелось 270 дивизий фашистской Германии и ее союзников, а к концу августа 1943 г. — 231. В период борьбы за Северную Африку, Сицилию и Италию из Западной Европы на советско-германский фронт были переброшены 54 дивизии, из них 3 были посланы во второй половине 1943 г. из Италии. Из приведенных данных видно, что подавляющая часть армий фашистской Германии и ее сателлитов в 1942—1943 гг., как, впрочем, и в любой другой период войны, находилась на Восточном фронте. Боевые операции англо-американских войск в районе Средиземного моря носили, следовательно, второстепенный характер.

Летом 1944 г., когда стало ясно, что Советский Союз один способен сокрушить гитлеровскую Германию и ее союзников, Соединенные Штаты и Англия высадили наконец свои войска во Франции. Это было сделано скорее в политических, нежели в военных целях. Правящие круги США и Англии опасались, что рост антифашистского освободительного движения в Европе под влиянием триумфальных побед Советского Союза приведет к тому, что сами европейские народы с помощью Советской Армии разгромят оккупантов, что трудящиеся массы капиталистических государств выступят против порождающего фашизм и войну буржуазного строя. «...Когда весь ход второй мировой войны коренным образом изменился,— отмечал Н. С. Хрущев,— когда события повернулись для западных стран так, что если бы они опоздали с открытием второго фронта, то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда наши союзники стали поспешно действовать. Тогда-то и был открыт второй фронт. Было похоже на то, что наши союзники спешили тогда с его открытием, чтобы не дать народам стран Западной Европы самим, с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов» [1].

После открытия второго фронта в Европе высадившимся во Франции англо-американским войскам противостояло всего 60—70 немецких дивизий, которые до этого несли оккупационную службу во Франции и в других странах Западной Европы либо находились на переформировании после поражений на Восточном фронте. По свидетельству самих фашистских генералов, эти дивизии имели неполный состав и значительно уступали по своей оснащенности дивизиям, сражавшимся на советско-германском фронте.

На Западе нашлись историки, которые вопреки общеизвестным фактам утверждают, что сопротивление фашистской Германии было окончательно сломлено якобы лишь в результате наступления американцев и англичан на Западном фронте. Но они забывают, что в 1944 г. главная масса немецко-фашистских войск по-прежнему находилась на Восточном фронте. К лету 1944 г. здесь было 239 дивизий, из них 181 немецкая. Если к 60 немецким дивизиям, предназначенным для противодействия англо-американским силам во Франции, прибавить еще 26 дивизий, сражавшихся в Италии, и тогда окажется, что немецких дивизий на Восточном фронте было в два с лишним раза больше, чем в Западной Европе. А если справедливости ради сравнить общее количество дивизий, сражавшихся против Советской Армии и противостоявших англо-американским войскам, то соотношение выразится как 2,78 : 1. Даже на 1 января 1945 г. фашистское командование располагало на советско-германском фронте 195 дивизиями (из них 15 венгерских), а на Западном фронте и в Италии — только 111.

[1] Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Т. I. М. 1960, стр. 165—166.

Все это доказывает решающее значение советско-германского фронта в ходе второй мировой войны. Именно здесь постоянно действовали главные силы фашистской Германии. Именно на советско-германском фронте был сломлен становой хребет немецко-фашистской армии. Задолго до открытия военных действий в Западной Европе Советские Вооруженные Силы перемололи лучшие кадры гитлеровских войск и нанесли им такой урон, который оказалось невозможным восполнить. Советские Вооруженные Силы одержали решительную победу над гитлеровскими армиями и на последнем этапе войны, в завершающем сражении на территории центральной части Германии, в Чехословакии и в Австрии.

Таким образом, решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников играли до конца войны Советские Вооруженные Силы.

Руководствуясь благородным стремлением скорее покончить с войной, верный своему союзническому долгу, СССР, спустя три месяца после завершения военных действий в Европе, выступил против империалистической Японии. В кратчайший срок советские войска разгромили в Северо-Восточном Китае главную ударную силу Японии — Квантунскую армию. Вскоре японские милитаристы капитулировали. Вторая мировая война, развязанная блоком агрессивных государств Германии, Италии и Японии, завершилась великой победой антифашистских сил.

Планы международного империализма, рассчитанные на то, чтобы в ходе войны уничтожить страну социализма, провалились. Ослабленным оказался не Советский Союз, а мировой капитализм. Развернулся второй этап общего кризиса капитализма. В результате победы Советского Союза в войне и развития народно-освободительной борьбы в ряде стран Европы и Азии родились страны народной демократии. Образовался могучий лагерь социализма. Таков один из основных итогов борьбы сил прогресса с силами международной реакции в ходе второй мировой войны.

Важнейшим фактором послевоенного времени стало упрочение великого содружества социалистических стран. Мировая социалистическая система определяет ныне главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества. Она демонстрирует свои великие преимущества во всех областях человеческой деятельности. Советский Союз сейчас обладает неоспоримым превосходством в области науки и техники. В СССР был запущен первый в истории спутник Земли. Наша ракета достигла Луны. Гражданин СССР майор Ю. А. Гагарин первым в мире осуществил самую дерзновенную мечту человечества, совершив полет в космос.

К числу важнейших событий послевоенного периода относится крах системы колониализма, возникновение десятков новых государств, ставших на путь независимого развития. Народы Азии, Африки, Центральной и Южной Америки сбрасывают оковы империализма, расправляют свои плечи. Только за 15 послевоенных лет около полутора миллиардов людей, то есть половина населения Земли, освободилось от цепей колониального гнета. Недалек тот день, когда повсюду канет в Лету позорное порождение капитализма — колониализм.

Крупнейшее значение имеет рост международного коммунистического движения, превратившегося в самую влиятельную политическую силу нашего времени, ставшего важнейшим фактором общественного прогресса. Состоявшееся в ноябре 1960 г. в Москве Совещание представителей коммунистических и рабочих партий продемонстрировало нерушимое единство и сплоченность коммунистов всех стран. Принятое на Совещании Заявление придало новые силы и энергию борцам за великое дело мира, демократии и социализма. Совещание отметило успехи стран социалистического лагеря. «Мировая социалистическая система,— говорится в Заявлении Совещания,— вступила в новый этап своего развития. Советский Союз успешно осуществляет развернутое строительство коммунистическо-

го общества. Другие страны социалистического лагеря успешно закладывают основы социализма, а некоторые из них уже вступили в период строительства развитого социалистического общества»[2]. В Заявлении вместе с тем подчеркивается дальнейшее ослабление капиталистической системы. На основе глубокого марксистско-ленинского анализа международной обстановки в Заявлении сделан вывод о том, что в развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап, особенность которого состоит в том, что он возник не в связи с мировой войной, а в условиях соревнования и борьбы двух систем, в обстановке усиления борьбы широких народных масс и миролюбивых сил за упрочение мира и мирного сосуществования, за демократию, национальное освобождение и социализм.

В результате победы во второй мировой войне сил антигитлеровской коалиции и в первую очередь Советского Союза рухнул гитлеровский режим в Германии, был разгромлен японский милитаризм. Но правящие круги крупнейших империалистических стран, и прежде всего Соединенных Штатов Америки и Англии, взяли под защиту последышей фашизма, оградили их от заслуженного возмездия народов. Под покровительством правительств этих держав в Западной Германии у власти оказались лица и партии, сохранившие на многих руководящих постах видных нацистов или их приспешников, кровавыми жертвами преступлений которых в годы минувшей войны стали миллионы невинных людей. В состав нынешнего правительства Федеративной Республики Германии входят 12 министров и статс-секретарей, в прошлом активных деятелей фашистской Германии. Командующим западногерманской армией назначен генерал Ферч, приговоренный после войны к 25 годам тюремного заключения за преступления, совершенные им на территории СССР в период Великой Отечественной войны.

Международный империализм, возродив мощь германских монополий, помогает им развивать военную промышленность в Западной Германии. Правящие круги США, Англии и Франции не только попустительствуют воссозданию вермахта, но и намереваются вложить в руки западногерманских реваншистов атомное оружие. Снова, как и перед второй мировой войной, международный империализм рассматривает германских милитаристов как ударную силу, которую можно будет бросить на Восток, против СССР, против других стран социалистического лагеря. Такую же линию проводят Соединенные Штаты Америки в отношении Японии, где они делают ставку на те монополистические круги, которые хотели бы возобновить старую захватническую политику японских империалистов на Дальнем Востоке.

В проведении своей милитаристской политики империалисты опираются на агрессивные военные блоки НАТО, СЕАТО, СЕНТО, направленные против СССР и других стран социалистического лагеря, против свободолюбивых народов Востока и Запада. Исторический опыт показывает, что в крупной политической игре империалистов слабые страны служат лишь разменной монетой, как это и было накануне и в годы второй мировой войны. Участие малых стран в империалистических блоках неизбежно низводит их до степени простых исполнителей воли своих старших партнеров.

История ничему не научила империалистов США, Англии и Франции. Они забыли, что германская военная машина в период второй мировой войны была обрушена всей своей мощью прежде всего на Францию и Англию. Западногерманские реваншисты уже теперь открыто поговаривают не только о походе на Восток, но и о восстановлении на за-

[2] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М. 1961, стр. 46.

паде старых границ бывшей Германской империи. А какие гарантии есть, например, у Соединенных Штатов Америки, что возрожденная японская военщина не попытается устроить новый Пирл-Харбор? Над всем этим стоило бы призадуматься кое-кому на Западе!

Минувшая война принесла народам неисчислимые жертвы. В наши дни прогрессивное человечество все решительнее выступает за предотвращение новой мировой бойни. На всем земном шаре люди самых различных политических убеждений все громче требуют обуздания империалистов, которые в своих корыстных целях готовы ввергнуть мир в пучину ядерной войны. Народы решительно поддерживают Советский Союз, возглавляющий борьбу против гонки вооружений, за запрещение атомного оружия, за всеобщее и полное разоружение, за мир во всем мире.

Эта борьба вступила ныне в новый этап. Настало время, когда создалась реальная возможность пресечь любые попытки империалистов развязать новую мировую войну. Объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения всех стран, выступающих против войны, всего миролюбивого человечества подготавливаемую империалистами новую мировую войну можно предотвратить. Народы не хотят больше проливать кровь ради корыстных интересов капиталистических монополий. Если любители военных авантюр попытаются вновь зажечь пожар мировой войны, то человечество навсегда похоронит капитализм. Таков закономерный ход исторического развития.

События и исход минувшей войны показали огромную жизненную силу социалистического государства, его несравнимые преимущества не только в развитии мирной экономики, но и в организации обороны страны, в обеспечении победы над любым врагом. Советский Союз одержал в Великой Отечественной войне политическую, экономическую и военную победу над группировкой капиталистических государств, возглавленной фашистской Германией. Сейчас, когда вырос и окреп лагерь социализма, в мире нет таких сил, которые смогли бы победить страны социалистической системы, спаянные единством социальных, экономических и политических интересов. Страны социалистического лагеря никому не угрожают. Они против решения международных вопросов путем войны. «Нам не нужна война,— говорил глава Советского правительства Н. С. Хрущев.— Для построения коммунистического общества необходим мир. Генеральной линией нашей внешней политики является линия на мирное сосуществование, на установление отношений дружбы между всеми народами»[3]. Вместе с тем, пока крупнейшие империалистические державы отвергают мирные предложения Советского Союза, тратят колоссальные средства на гонку вооружений, страны социалистического лагеря будут крепить свою обороноспособность, повышать бдительность.

Только единство и сплоченность народов, их решимость отстоять мир смогут обеспечить безопасность на земле, сорвать новые агрессивные планы международного империализма. Этому учит опыт Великой Отечественной войны, опыт истории.

---

[3] Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М. 1959, стр. 549.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Академик А. М. Деборин

В современную эпоху борьбы двух противоположных общественных систем, эпоху укрепления сил социализма и дальнейшего загнивания и ослабления империализма особенно большое значение приобретают вопросы идеологической борьбы. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий указывается, что «ход международных событий за последние годы дал много новых доказательств того, что американский империализм является главным оплотом мировой реакции и международным жандармом, врагом народов всего мира»[1]. Буржуазные идеологи всеми мерами стараются закамуфлировать истинное агрессивное лицо американского империализма, скрыть за словесной мишурой безудержную экспансию монополистов США. Это искажение исторической правды отражает глубокий кризис идеологии империализма и его политики. Разоблачению подобных буржуазных фальсификаций помогает рассмотрение того, как формировались «теоретические» основы внешнеполитической экспансии американского империализма.

Американские правящие классы с самого основания США вступили на путь экспансионизма и захвата чужих земель, грабежа и уничтожения народов, отстаивавших свою свободу. Экспансионизм был провозглашен «законом развития народа» и оправдывался провиденциальной миссией, возложенной якобы свыше на американскую нацию, а также доктриной «естественного права», которая служила в свое время — в XVIII столетии — для прогрессивных и революционных элементов орудием в их борьбе с абсолютизмом и феодализмом, за свободу и независимость. Идеологи американской буржуазии с самого начала истолковали доктрину «естественного права» в реакционном духе. «Идея естественного права,— пишет Альберт Вейнберг,— послужила моральным оправданием американского экспансионизма»[2]. Естественное право, по мнению этих идеологов, имело своим источником вечный универсальный закон, предписываемый богом. Бог возложил на американский народ, пишет Вейнберг, особую миссию — осуществить «эмансипацию» человечества[3].

Американская революция была действительно великим делом народа. Идеологи восходящей буржуазии провозглашали принципы свободы и демократии. Надо сказать, что в то время их стремления имели прогрессивное значение. Однако уже в первые десятилетия после войны за независимость они начали проповедовать необходимость перенесения американских форм правления на другие страны с помощью насилия.

В эпоху империализма теория насилия, прикрываемая стремлением якобы нести свободу и демократию другим народам, становится обосно-

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», Госполитиздат, 1961, стр. 43.

[2] Albert K. Weinberg. Manifest destiny. 1935, p. 15.

[3] Там же, стр. 17.

ванием внешнеполитической экспансии американского империализма. Его идеологи провозглашают право американцев на управление миром, утверждая, что весь мир является «доминионом американцев» [4]. Идея превосходства американцев над всеми народами обосновывалась не столько их «биологическими особенностями», сколько «превосходством» их «государственного строя», причем буржуазные идеологи считали, что США призваны осчастливить человечество «американской демократией», навязываемой народам любыми средствами. Это была своеобразная идеология, которая должна была прикрывать экспансионизм, захватническую политику американской буржуазии. Таким образом, американская буржуазия не ограничивалась простой пропагандой существовавших в США политических форм, а с самого начала прикрывала ими свою захватническую политику.

Американская буржуазия объявляла все сопредельные страны и даже совсем отдаленные «естественными частями Северной Америки». Для обоснования такой политики в рамках американского континента была выдвинута доктрина о «географическом предопределении». Эти политические устремления американской буржуазии нашли отражение в доктрине Монро. Другим элементом этой ранней экспансионистской теории явилась идея «естественного права безопасности», которое «требовало» захвата чужих территорий якобы для обеспечения безопасности американского народа.

Американские правящие классы с давних пор являются сторонниками и проповедниками расового мракобесия. Мало того, они практически проводили в жизнь кровавую политику расизма, уничтожая индейцев — коренных обитателей американского континента. Расовая теория в специфически американской интерпретации должна была оправдать не только грабеж их земель, но и их физическое уничтожение. Для оправдания этих действий было использовано «учение» о белом человеке, о «высших» и «низших» расах. Цветные люди, вещали идеологи американской буржуазии, не имеют права пользоваться землею, так как они-де не пользуются ею «согласно намерениям творца» [5].

Для оправдания экспроприации и уничтожения индейцев была придумана «теория», согласно которой богу неугодно, чтобы землею пользовались «номады» — скотоводы и охотники. Бог якобы требует, чтобы на земле процветала и развивалась «цивилизация», а не скотоводство и охота, которые находятся-де в противоречии с «законом природы и откровения».

В 1839 г. в «Демократическом обозрении» была напечатана статья под названием «Великая нация будущего», в которой развивались мысли о том, что «будущее станет эрой американского величия», что американская республика вместит сотни миллионов людей. Американская нация станет во главе наций мира.

Таким образом, нынешняя насквозь лживая и лицемерная политика американского империализма, оправдываемая якобы необходимостью защиты «демократии», имеет свои корни в традиционной разбойничьей политике американских господствующих классов.

«Теоретически» расизм и идея мирового господства получили «подкрепление» со стороны спенсеризма и теории англосаксонизма, или, точнее, американизма.

После гражданской войны 1861—1865 гг. капитализм в США стал развиваться особенно быстрыми темпами. Практика американских дельцов нуждалась в соответствующей «теории». В США большой популярностью пользовалась философия Спенсера, у которого сразу объявились

---

[4] «Writing of Thomas Paine». T. II, p. 19 (цит. по книге Albert K. Weinberg. Указ. соч., стр. 20).

[5] См. Albert K. Weinberg. Указ. соч., стр. 73.

ученики, ревностно пропагандировавшие «теорию эволюции». Идеологи американского капитализма были озабочены приспособлением эволюционной теории к практике американских эксплуататоров и к религиозным предрассудкам толпы. Буржуазия нуждалась в такой «теории эволюции», которая оправдывала бы капиталистическое развитие и, с другой стороны, оправдывала бы ее зверства и гнусности по отношению к неграм, индейцам, эксплуатируемым массам вообще, а также к окружающим народам, которые в свете спенсеровской философии объявлялись «низшими» по сравнению с американцами.

Принципы «борьбы за существование» и «выживания наиболее приспособленных» были перенесены Спенсером из растительного и животного мира на человеческое общество. Он построил на этих «принципах» свою философскую систему.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия и в течение полувека Спенсер был в США признанным буржуазией властителем дум, пророком, так как его философия, по существу, защищала общественные отношения, господствовавшие в этой стране.

Весьма характерным для апологетов американского капитализма являлось стремление «согласовать» теорию эволюции с религией, «доказать», что естественный отбор является орудием, которым бог пользуется для осуществления своих целей. Так, гарвардский «ботаник» Аза Грей писал, что естественный отбор может рассматриваться как одна из возможных теорий, объясняющих ход развития божественного мирового плана [6]. Библейская традиция продолжала и продолжает поныне довлеть над умами полуобразованных, а то и просто невежественных мещан и торговцев, за которыми плетутся многие буржуазные «ученые», желающие сохранить свой престиж и положение в «обществе».

Надо сказать, что Спенсер удовлетворял требованиям американских мещан и в отношении «боженьки». Спенсер стоял за примирение науки с религией. Его философия увенчалась религиозным аккордом в лице «Непознаваемого», в котором якобы сокрыты все тайны бытия, недоступные человеку. Таким образом, «Непознаваемое» есть не что иное, как божество, а все законы эволюции — проявление божества.

Эволюционное учение в оформлении реакционной философии Спенсера нашло в США чрезвычайно благосклонный прием, так как его философия отражала наиболее полно стремления и дух буржуазии.

Из работ Сэмюеля Колриджа Спенсер впервые узнал о великом русском ученом Карле Бэре, который сформулировал закон развития эмбриональных образований. Спенсер возвел этот закон Бэра в «универсальный закон мироздания» и использовал его в своей системе. Спенсер был одним из первых, если не первый, кто извратил учение Дарвина в духе социального дарвинизма. Спенсер истолковал борьбу за существование как выживание наиболее приспособленных индивидуумов, применив эти положения к развитию общества. Это служило обоснованием «правомерности» нищеты одних и богатства других.

Общество, согласно Спенсеру, уподобляется живому организму. Это отождествление общества с живым организмом должно было удовлетворить притязания буржуазии на господство и послужить теоретическим оправданием капиталистического строя с его режимом эксплуатации трудящихся. Если общество составляет неделимый организм, который располагает органами — мозгом, нервной системой, руками и пр., то отсюда следует, что буржуазия «по праву природы» образует мозг общества, является руководителем и распорядителем общества, что она призвана управлять обществом, что она представляет собою «высшую» расу по

---

[6] См. Richard Hofstadter. Social Darwinism in American Thought (1860—1915), 1945, p. 6.

сравнению с рабочими, которые обязаны в качестве «рук», то есть рабочей силы, во всем подчиняться правящему классу, словом, быть на положении рабов.

Как уже было сказано, спенсеризм в США был принят буржуазными кругами как новое евангелие. Главными глашатаями «эволюционного» учения Спенсера в США в 70-х, 80-х и последующих годах XIX в. были Джон Фиск, профессор Вильям Самнер, профессор Марш, Фрэнсис Аббот и др.

Вся философия Спенсера приспосабливалась для оправдания контрастов капиталистического общества. Используя социальный дарвинизм, идеологи американской буржуазии проповедовали, что в конкурентной борьбе за существование выживают наиболее приспособленные, что именно богатые и являются такими счастливчиками. В качестве людей, которые преуспевают в жизни, богачи являются «лучшими» в биологическом и моральном отношении, образуя таким образом особую, высшую породу людей. Гофштадтер приводит ряд высказываний магнатов капитала относительно роли «социального отбора» в общественной жизни. Так, Джемс Гилл — железнодорожный магнат, писал, что «богатство железнодорожных компаний объясняется законом выживания наиболее приспособленных» и что в обществе победу над более слабыми одерживают сильные в соответствии с тем же законом. Джон Рокфеллер, известный американский миллиардер, объявил закон социального отбора естественным законом, законом бога. Горячим последователем Спенсера был американский магнат Эндрю Карнеджи, ставший ближайшим другом философа. Их сближала общность воззрений, которая сводилась к прославлению магнатов капитала, как избранной провидением «расы господ» [7].

Спенсеризм позволял представителям правящих классов США оправдывать «предопределением бога» экспансию и господство Америки над другими народами.

В таком же духе истолковывались и принципы конкуренции, характеризующие домонополистическую стадию капитализма. Эти «принципы» были возведены правящими классами в «космические, естественные, божественные законы». Эндрю Карнеджи, о котором уже шла речь, подчеркивал в своих выступлениях биологическую природу закона конкуренции. Он одновременно подчеркивал значение его для процветания расы, говоря, что если закон конкуренции оказывается иногда жестоким по отношению к индивиду, то он зато является благодетельным для расы, так как он обеспечивает выживание во всех сферах наиболее приспособленных [8].

Одним из приверженцев Спенсера и пропагандистов социального дарвинизма во второй половине XIX столетия в США был Вильям Самнер. В течение трех десятков лет он вел ожесточенную борьбу против социализма, против малейших социальных реформ, отстаивая принципы спенсеризма и мальтузианства. Он провозглашал вместе с другими социал-дарвинистами конкуренцию «законом природы», таким же законом, каким является закон притяжения. Законом «цивилизации» было провозглашено и «выживание наиболее приспособленных», то есть преуспевающих в конкурентной борьбе. Таким образом, по Самнеру, прогресс человеческого общества зависит от процесса «социального отбора». Отсюда миллионеры были объявлены «цветом цивилизации», продуктом естественного отбора [9]. Они, писал Самнер, должны быть рассматриваемы как агенты общества, избранные естественным путем [10].

---

[7] Там же, стр. 31.
[8] Там же, стр. 32.
[9] Francis Wilson. The American Political Mind, pp. 366—367.
[10] Wiliam Graham Sumner. What Social Classes Owe to Each other, p. 73.

Правительство, согласно воззрению социальных дарвинистов, должно делать все для покровительства и защиты капитала и собственности, против народного большинства, которое «злоупотребляет принципами демократии» [11]. Иначе говоря, всякое требование улучшения положения трудящихся объявлялось «злоупотреблением демократии», что уже само по себе разоблачает американскую демократию как деспотический, эксплуататорский режим.

Основу идеологии американского империализма наряду с изложенными идеями спенсеровской философии составляет и специфическая расовая теория. В основе ее лежит прославление англосаксов в качестве «высшей» расы. Для обоснования англосаксонизма особое значение имела книга Эдуарда Фримана «Сравнительная политика и единство истории».

Этот «труд» построен на результатах сравнительной филологии и исходит из того, что арийские народы составляют «соль» земли, что они имели некогда одну родину и один язык, что на протяжении истории именно арийские народности, среди них греки, римляне и германцы, оказались передовым отрядом человечества, что вся культура является плодом их труда, что все открытия и изобретения были сделаны ими и только ими. В отличие от немецких расистов, считавших, что немцы являются «высшей» расой и превосходят во всех отношениях другие народы, Фриман, будучи англичанином, считал, что из всех народов самым одаренным являются англосаксы, что они унаследовали от греков и римлян все их достоинства и поэтому составляют «высшую» расу. Превосходство англичан он, между прочим, «доказывает» тем смехотворным аргументом, что они сохранили самые древние политические институты, как, например, парламент, который он лживо объявляет непосредственным наследством первобытных тевтонских учреждений. «Между великими нациями современной Европы,— писал Фриман,— наша английская нация, без всякого сомнения, есть единственная, которая может притязать на прямое преемственное происхождение своих политических учреждений от первобытных германских учреждений. То же самое обстоятельство, которое в течение такого долгого времени ставило Германию выше других государств, лишило ее вместе с тем всяких притязаний быть наиболее верной представительницей древнего германского быта» [12].

«Отмежевавшись» от немцев и стремясь перебросить мост между англичанами и американцами, Фриман подчеркивает, что раса выше нации, что первые колонисты в Америке, пассажиры судна «Майский цветок», были чистыми тевтонцами. Американские историки поспешили подкрепить теорию Фримана «историческими аргументами». Они стремились доказать, что демократическое правление в США является древним англосаксонским наследием. «Хотя англосаксонская свобода,— писал Госмер,— является формой, которая отчасти принята (лучше сказать: стала предметом подражания) всеми нациями Европы, кроме России и Японии, надежды, связанные с будущностью свободы, зависят только от англосаксонской расы. Одна только эта раса сохранила свободу среди тысячи опасностей. Только одной этой расе свобода полностью конгениальна. Если бы мы могли допустить возможность исчезновения этой расы, то шансы свободы были бы ничтожны» [13].

Англо-американские реакционеры всегда беззастенчиво хвастали, что «свобода» есть открытие англосаксонской расы, что все народы в этом отношении являются только жалкими подражателями, что не будь

---

[11] Там же.

[12] Эдуард Фриман. Сравнительная политика и единство истории. СПБ. 1880, стр. 29.

[13] J. K. Hosmer. A Short History of Anglo-Saxon Freedom. 1890, p. 213; ср. Richard Hofstadter. Указ. соч., стр. 149—150.

англосаксов, на свете не было бы «свободы» и все народы прозябали бы в рабстве. Эта бесстыдная реклама служит идее мирового господства, так как народы земли должны-де броситься в объятия «демократии», добровольно пойти в рабство к американскому империализму.

Англосаксонские расисты проводили как в исторических работах, так и в политических трудах «идеи» о том, что англосаксонская раса призвана заселить весь мир, что ей будет принадлежать «скипетр мира». «Английские учреждения, английская речь, английское мышление неизбежно станут главными характерными чертами политической и социальной жизни человечества» [14].

В основу изучения истории, считали сторонники англосаксонизма, необходимо положить генеалогию, то есть историю рода, без которой история остается-де, как писал Джон Фиск, совершенно безжизненной, бессодержательной [15]. Согласно принципу генеалогии, Соединенные Штаты являются-де последним продуктом тевтонской «цивилизации», представляются тем самым и наиболее «благородным», «совершенным» завершением истории человечества. Государственный и общественный строй США объявляется на этом основании самым прогрессивным. Англосаксонизм, по существу, выступает как американизм. Идея мировой империи якобы представляет собою наследие, доставшееся американцам от их предков — греков и римлян, а мировая империя является венцом исторической эволюции тевтонцев. Американские историки типа Генри Лоджа утверждали, что пуритане воспроизводили в Новом Свете, конечно, бессознательно, все особенности и черты примитивной деревенской общины, которая была перенесена саксонцами — англами и ютами — из германских лесов тысячу лет назад [16].

На «идеях» американизма сложилась в Америке большая историческая школа, которая пользовалась огромным влиянием в течение ряда десятилетий (Герберт Бакстер Адамс, Аллен, Джон Фиск, Барджес, Уиден, Госмер, Дос Пассос и многие другие) [17].

Со времени 70—80-х годов бредовые идеи расового превосходства и мирового господства американцев особенно занимают умы американских правящих кругов. В эпоху империализма, после американо-испанской войны, идея завоевания американскими магнатами мирового господства стала предметом не только пропаганды, но и практической политики. Как «теоретики», так и политические деятели утверждали, что Америка призвана играть руководящую роль в мировой политике, что она должна занять то место, которое якобы предназначено ей богом.

В 1900 г. сенаторы Лодж и Дэвис, а также Рэйнш — автор книги «Мировая политика в конце девятнадцатого столетия» — и др. открыто выдвинули требование, чтобы Америка заняла в мировой политике место главы всех наций мира [18]. Сенатор Беверидж прокламировал, что якобы бог предназначил американский народ в качестве избранной им нации для руководства «процессом возрождения мира». Выступая в 1899 г. перед сенатом, он говорил: «...Бог не создал говорящие на английском языке тевтонские народы тысячи лет тому назад для праздного и бесполезного самолюбования. Нет! Он создал нас искуснейшими организа-

---

[14] Richard Hofstadter. Указ. соч., стр. 150.

[15] Edward Norman Soveth. Race and Nationalism. «Political Science Quarterly», 1939, vol. LIV, p. 432.

[16] H. C. Lodge. A Short History of English Colonies in America. 1900, p. 414.

[17] H. B. Adams. The Study of History in Colleges and Universities. 1887; John Fiske. American Political Ideas. 1911; J. W. Burges. The Methods of Historical Study and Research in Columbia University (in «Methods of Teaching History». ed. by G. S. Hall. 1883); W. B. Weeden. Economic and Social History of New England. 1890; J. K. Hosmer. Указ. соч.; John R. Dos Passos. The Anglo-Saxon Centuary and the Unification of the English Speaking People. 1903.

[18] Albert K. Weinberg. Указ. соч., стр. 459.

торами мира для установления порядка (системы) там, где господствует хаос...» [19].

В 90-х годах прошлого столетия руководящие деятели США — Ольни (государственный секретарь при Кливленде), сам президент Кливленд и многие другие — открыто выступали с проповедью бредовой идеи, что США якобы предназначено осуществить «контроль над действиями человечества» [20].

Джон Барджес в своей книге «Политическая наука и сравнительное конституционное право» развивает те же шовинистические идейки, доказывая, что политические способности являются монополией ограниченного меньшинства, а не всех народов.

Барджес, исходя из своих «принципов», доказывал, что будто бы не все нации являются «политическими» и что поэтому не все нации должны иметь свое государство. «Неполитические нации должны находиться в подчинении у политических наций». Народы Азии и Африки, по утверждению этого реакционера, «не могут быть обладателями собственных государственных организаций» [21]. Эта реакционная теория предназначена служить оправданием угнетательской, колониальной политики империалистов США.

Вся англосаксонская «историческая школа» состояла и состоит поныне из грубых фальсификаторов истории. Их концепции исторического развития насквозь фальшивы и антинаучны. В самом деле, разве имеет что-либо общее с наукой утверждение о том, что национальное государство является «гениальным открытием» тевтонской расы!

Национальное государство ничего общего не имеет с расой. Оно не является продуктом той или другой расы. Единственное научное объяснение происхождения государства вообще и национального государства дано марксизмом-ленинизмом. «С конца средних веков,— пишет Энгельс,— история ведет к созданию (Konstituierung) в Европе больших национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию (Verfassung) господствующей европейской буржуазии и служат вместе с тем необходимой предпосылкой для создания гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого господство пролетариата не может существовать. Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен быть независимым и хозяином в собственной стране. И действительно, с развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации стремились к объединению и самостоятельности» [22].

Национальное государство есть неизбежное следствие экономического и политического развития, проявление исторической закономерности, которой подчинено развитие всех народов, независимо от каких-либо расовых особенностей.

Другим пропагандистом англосаксонизма был представитель протестантской церкви, некий Стронг, выступивший с нашумевшей в 80-х годах прошлого века книгой, посвященной будущему США. Англосаксонская раса, проповедовал этот реакционер, является единственной носительницей гражданской свободы и чистого духовного христианства [23]. В его представлении политическая борьба в мире была всегда проявлением соперничества рас, и к этой борьбе англосаксонская раса

[19] Там же.
[20] Там же, стр. 457.
[21] Richard Hofstadter. Указ. соч., стр. 150.
[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 453.
[23] Josiah Strong. Our Country. Its Possible Future and the Present Crisis. 1885, p. 168.

уже подготовлена. Не может быть сомнения, вещал он, что результатом соперничества рас будет победа англосаксонской расы, согласно принципу «выживания наиболее приспособленных» [24].

Охарактеризованная нами империалистическая идеология, над созданием которой потрудились американские историки, теоретики и политики, базируется на расизме, на идее безграничного экспансионизма, идее захвата всего мира; она окончательно сложилась к моменту перерастания капитализма в монополистическую стадию развития.

Эта империалистическая идеология, созданная на базе спенсеризма и англосаксонизма, легла в основу практической политики американских правящих кругов.

Теодор Рузвельт, ставший в 1901 г. президентом, высказываясь в 1895 г. в печати по поводу книги Кидда «Социальная эволюция», развивал ту идею, что социальный прогресс покоится на биологических законах. Теодор Рузвельт был одним из самых рьяных сторонников социального дарвинизма, расизма и империалистической политики. Рузвельт в соответствии с лицемерной, ханжеской традиционной американской политикой проповедовал, что США несут «ответственность» за судьбы Гавайских островов, Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин и пр. Это служило обоснованием их «права» держать в колониальной кабале народы этих стран. То же самое проповедуется американскими империалистами в настоящее время по отношению ко всему миру, за судьбы которого они несут якобы «моральную» и политическую ответственность, что дает им якобы право нападать, например, на Корею, Кубу или другие государства.

К рузвельтовской группе оголтелых империалистов — врагов рабочего класса и социализма,— проповедовавших расизм и социальный дарвинизм, принадлежали и сенаторы Альберт Беверидж, Генри Лодж, государственный секретарь при президенте Рузвельте Джон Хэй, адмирал Мэхэн и др.

Идеологи американского империализма возводили экспансионизм в непреодолимую «космическую тенденцию», берущую свое начало в «философии эволюции» Спенсера, который возвел законы борьбы за существование, естественного отбора и проч. в космические законы.

С конца XIX в. эта теория, усвоенная американскими историками, публицистами, политиками, в сочетании с теорией насилия и американизмом составила основу идеологии американского империализма.

Существенную роль в формировании идеологии американского империализма сыграл и прагматизм. Если спенсеризм проповедовал, что в жизненной борьбе выживают наиболее приспособленные, что «успех» определяют не только физические и умственные качества человека, но и его моральное лицо, то прагматизм открыто проникнут духом капиталистического предпринимательства, единственным «божеством» которого является нажива, успех, барыш.

Прагматизм также исходит из так называемой «космической эволюции», которой якобы подчинены все человеческие деяния. Установленные Спенсером «закономерности» развития общества: борьба за существование, выживание наиболее приспособленных, превосходство богатых в силу одного уже успеха в конкурентной борьбе — вошли составной частью в философию прагматизма, в которой, как и в системе Спенсера, большую роль играет, между прочим, религия. Прагматизм отражает переход буржуазной общественной мысли к самой открытой и разнузданной апологетике империализма. Не случайно прагматизм провозглашается идеологами империализма адекватным выражением американского «духа», американской «идеи», американского «мировоззрения». В этом отношении любопытны книга Гарольда Ласки «Американская

[24] Там же, стр. 174—175.

демократия»[25], сборник «Американская идея» под редакцией Евгения Адамса[26] и др. Одна из глав последней книги трактует о «духе» американской философии. «Главная цель этой главы,— пишет автор,— состоит в том, чтобы показать, что Америка создала философию, которая находится в соответствии с практическим, динамическим, экспериментальным, демократическим взглядом на вещи, характеризующим американское общество»[27]. Прагматизм, продолжает автор,— «это философия, которая имеет глубокие местные корни и которая отражает американский темперамент лучше, чем какая-либо другая». Прагматизм, говорит автор, отражает американские традиции и американский способ мышления, американский «образ жизни».

Нет сомнения в том, что прагматизм действительно отражает образ мысли и образ жизни американских бизнесменов, для которых их «практика» является содержанием их «философии». Философия прагматизма, пишет автор, «оказывает интеллектуальную поддержку вере в ценность личности (магнатов капитала! — *А. Д.*); она подчеркивает практический характер опыта; она дает смысл свободе личности и достаточно эластична для того, чтобы все спорящие между собою тенденции могли уживаться мирно бок о бок. Она подчеркивает, далее, что опыт — единственный учитель, и этим подкрепляет американскую привычку искать новое скорее, чем измерять ценность вещей стандартом»[28].

Профессор Дьюи величал свою разновидность прагматизма инструментализмом или экспериментализмом. Разум, согласно Дьюи, является простым орудием, приспособляющим нас к миру, в котором мы живем. Идеи следует понимать как планы действия. До тех пор, пока они полезны, идеи являются специфическими именами для наших действий. Если план действий завершается успехом, то это называется истиной, если он проваливается, то это ложь[29].

Горячим последователем прагматизма был один из крупных деятелей и теоретиков лейборизма — Гарольд Ласки, который был в то же время апологетом американизма и идеи мирового господства американского империализма. Его объемистая книга «Американская демократия» заканчивается главой под названием «Американизм как принцип цивилизации».

Подобно всем американским идеологам капитализма, Ласки также пишет об особой миссии американского империализма. Эта миссия — завоевание мирового господства. «Миссия Америки,— пишет он,— уже в плавильном тигле. Однако было бы опасно не помнить, что это еще проблема будущего. Мировая история,— говорит Ласки,— вероятнее всего, будет в ближайшие полвека формироваться американской историей. Но как она будет формироваться, будет зависеть от того, как будет развиваться американизм. Трудно представить себе, как мир сможет разрешить свои проблемы без морального и материального руководства, которое только одна Америка в состоянии осуществить»[30].

Как видим, Ласки целиком разделяет притязания американских империалистов на завоевание мирового господства, на «моральное и материальное руководство миром» американскими магнатами капитала. Он бесстыдно расписывает в своей книге «великодушие» американских империалистов, якобы проявленное ими в отношении Европы, которую они стремятся поработить, лишить самостоятельности, подчинить своим агрессивным планам.

---

[25] Harold J. Laski. The American Democracy. 1948.
[26] «The American Idea». Ed. by E. T. Adams, Ch. R. Wilson. 1942.
[27] Там же, стр. 248.
[28] Там же, стр. 253.
[29] Там же, стр. 256.
[30] Harold Laski. Указ. соч., стр. 761.

Роль буржуазной науки как прислужницы буржуазии обнаруживается, между прочим, и в том, что Ласки не только приемлет, но и воспевает прагматизм, признавая, что это — философия бизнесмена. В основе прагматизма лежит теория насилия, силы. Ласки сам говорит о «божественном праве бизнесмена». В своей книге Ласки полемизирует с теми, кто видит в прагматизме «евангелие успеха». Любопытно, что в других разделах книги он подтверждает эту мысль, противореча самому себе. Лейборист Ласки нашел в прагматизме «интеграцию», как он выражается, теории с практикой, и в этой «интеграции» он видит особую заслугу прагматизма.

Прагматизм становится одним из основных направлений буржуазной философии эпохи империализма. Он является идеологией американского буржуазного делячества, которое нуждается в такой философии, которая оправдывала бы «теоретически» его практическую деятельность. Эта философия «освящает» ненасытное стремление американских бизнесменов добиваться максимальных прибылей путем безжалостной эксплуатации трудящихся.

Философия Джемса представляет собою невероятную мешанину, эклектически примиряющую прямо противоположные принципы и положения. Отсюда такие перлы, как «индетерминистический детерминизм» [31]. «Я,— говорит Джемс,— предлагаю прагматизм... как ту философию, которая способна удовлетворить требования обоего рода (рационализма и эмпиризма.— *А. Д.*). Прагматизм способен оставаться религиозным, подобно рационализму, но в то же время, подобно эмпирическим системам, он способен сохранять интимнейшую близость с фактами» [32].

Его книга «Прагматизм» является поразительным образцом эклектизма. Джемс все «принимает», все примиряет, все объединяет. Философские воззрения людей, по Джемсу, определяются не объективными явлениями природы и общества, а человеческим темпераментом. Есть два основных темперамента — рационалистический и эмпиристический, или, как он иначе формулирует, темперамент «жесткий» и «мягкий». Уже одно это говорит об идеалистическом, субъективистском характере его философии.

Идеологи империализма не могли удовлетвориться спенсеризмом, который отражал в своей философии стадию домонополистического капитализма. Промышленный капитализм, согласно Спенсеру, пришел на смену милитаристической форме общества и знаменовал собою эру «мирного развития» капитализма, без внешних войн и катаклизмов. Мирная «эволюция», «естественный ход космической эволюции», часть которой составляет социальная эволюция, дает достаточный простор для действия «законов жизни», то есть режима зверской эксплуатации, для «выживания наиболее приспособленных» и для прогрессирующего увеличения нищеты.

С наступлением империализма понадобилась идеология более «активная», более агрессивная, более религиозная.

Джемс подвергает систему Спенсера «дружеской» критике. Он упрекает Спенсера за слабость темперамента, за сухость языка. Несмотря на все недостатки философии Спенсера, говорит Джемс, «мы чувствуем, что в вопросах философии его сердце было на месте. Может быть, принцип его, так сказать, одна кожа и кости, но во всяком случае в своем миросозерцании, как оно дано в его работах, он пытается сообразоваться с конкретными особенностями реальной действительности». «Прагматическая философия... точно так же сохраняет тесную внутреннюю связь с фактами, но, в отличие от спенсеровой философии, она ни

[31] В. Джемс. Прагматизм. СПБ. 1910, стр. 15.
[32] Там же, стр. 26—27.

в начале, ни в конце не выпроваживает за дверь положительных религиозных построений: она и с ними сохраняет интимную близость».[33]

Несмотря на то, что Спенсер, вообще говоря, признавал как в теоретическом, так и в практическом плане роль религии, тем не менее Джемс остался им недоволен. Согласно Джемсу, надо было поднять роль религии, превратив ее в силу, способную оказывать чуть ли не решающее влияние на жизнь народа. Подобно тому как в области философии для Джемса «наличная стоимость», по его выражению, теории определяется ее практической пользой, так и религия котируется как определенная «наличная стоимость» в зависимости от приносимой ею пользы; теории и религия суть орудия власти — «инструменты», необходимые для приспособления к жизни. Биологизм роднит прагматизм со спенсеризмом и с другими направлениями, стоящими на позициях реакционной «философии жизни».

Прагматизм отличается от спенсеризма еще большим субъективизмом. Объективной истины для прагматизма не существует, он признает субъективный характер истины. Прагматизм берется «объединить в одно гармоническое целое эмпирический склад мышления с религиозными потребностями человечества...» [34]. Прагматизм с самого начала выдвинул на первый план религиозные «потребности», и мы видим, что прагматизм представляет собою «систему» самых реакционных идей.

Так как критерием истины является для прагматизма ее «полезность», понимаемая в самом грубом, примитивном, обывательском смысле, то религиозные идеи имеют для Джемса ценность в меру своей пригодности для практической жизни. Если религия служит в руках эксплуататоров орудием власти, подчинения трудящихся «хозяевам», то она этим доказывает свою пригодность для господствующих классов и тем самым свою истинность. Бог, говорит Джемс, гарантирует «идеальный и вечный миропорядок» [35].

Джемс написал большой том, посвященный религии, под названием «Многообразие религиозного опыта». Появление такого «произведения» в XX в. свидетельствует о глубочайшем упадке буржуазной идеологии. Религия нужна буржуазии в первую очередь для одурманивания масс, для затемнения их сознания, для господства над ними.

Джемс открыто воспевает «прелести» нищеты и войны. «Работник,— пишет он,— который изо дня в день приносит в жертву свой труд, ничего не ожидая за это в будущем, дает пример такой же оценки жизни («пример неограниченной свободы в стремлении к идеалу».— *А. Д.*). Подобно дикарю, он может устроить себе ночлег везде только с помощью своих рук; привыкнув к простому и деятельному образу жизни, он смотрит на богатого собственника, как на человека, который погружен в недостойное и трудное занятие собирания внешних благ, «бродя по колено в навозе и мусоре». Власть «вещей» умерщвляет в человеке мужество, накладывает свою печать на его душу и служит тормозом в его стремлении к небесам» [36].

Нищета рабочих нарочито изображается «философом» как высокая добродетель, как «идеал», к которому якобы стремятся рабочие. Нищета приводит, согласно реакционной философии прагматизма, к завоеванию истинной свободы, так как человек «освобождается от власти вещей». «В культе нищеты,— изрекает Джемс,— коренится также инстинкт демократизма, или чувство равенства перед богом всех созданных им существ» [37].

---

[33] Там же, стр. 31.
[34] Там же, стр. 48.
[35] Там же, стр. 69.
[36] Там же, стр. 309.
[37] Там же, стр. 315.

Такое отвратительное ханжество, фальшь, лицемерие показывают глубину упадка и кризиса буржуазной идеологии, характерной для эпохи империализма.

Джемс прославляет войну в тех же выражениях, что и Ницше или Гитлер. Он приводит мнение австрийского офицера о благотворности войны... для воинов: «Для каждой армии лучше быть дикой, жестокой, варварской, чем обладать излишней сентиментальностью и рассудительностью. Если солдат хочет иметь ценность как солдат, он должен стать полной противоположностью думающему и размышляющему человеку. Добродетели его измеряются его способностью к войне. Во время войны и даже во время мира для солдата существует особая мораль. Рекрут, являющийся на службу, должен немедленно отделаться от тех этических воззрений, какие принес с собою. Отныне победа и успех должны составлять для него все. Самые варварские наклонности оживают в людях во время войны, и для целей войны они оказываются превосходными» [38].

Эта тирада сопровождается следующим одобрительным комментарием Джемса: «Эти слова содержат в себе несомненную истину. Непосредственной целью в жизни солдата, по словам Мольтке, является разрушение и только разрушение». «Война является школой жизненной бодрости. Взывая к всеобщему и простейшему из инстинктов, она в наше время — единственная для всех без исключения доступная школа героизма» [39].

Нынешние американские поджигатели войны и апологеты разбойничьей морали имеют в лице прагматистов красноречивых адвокатов и защитников всех преступлений, совершенных американскими империалистами.

Прагматизм есть прежде всего «система», призванная оправдать религию, мистику и грубое насилие. Джемс характеризует прагматизм таким образом: «Только в наше время метод прагматизма приобрел всеобщий характер, осознал лежащую на нем мировую миссию и заявил о своих завоевательных планах» [40].

Прагматизм, таким образом, является орудием завоевания «мирового господства». В философии прагматизма мы находим все те же категории мышления, которые характеризуют буржуазную идеологию эпохи империализма: антиинтеллектуализм, инстинктивизм, волюнтаризм, биологизм, иррационализм, проповедь насилия и т. п. В наши дни главным в империалистической идеологии становится разнузданная проповедь антикоммунизма, прославление «прелестей» капиталистического мира. Немало усилий прилагают идеологи американского империализма для защиты капитализма. Одним из средств апологетики капиталистических порядков является стремление доказать, что буржуазному обществу присуща «свобода личности», которая якобы лежит в основе американской демократии. Но эта «свобода личности» на деле есть не что иное, как свобода эксплуатации, свобода для монополистов. Говорить о «свободе» вообще, безотносительно к тем общественно-экономическим условиям жизни, которые определяют лицо современного буржуазного общества,—значит идти на преднамеренный обман и фальсификацию.

Буржуазные идеологи, исходящие из «принципа личности», равенства прав, непосредственно приходят к защите привилегий эксплуататоров. «Свобода личности» для них означает возможность порабощения, эксплуатации одной «личностью», то есть монополистом, крупным предпринимателем, многих личностей — пролетариев.

Жульническая манера, столь характерная для фашизма и сводящаяся к тому, чтобы приписывать противнику свои собственные пре-

---

[38] Вильямс Джемс. Многообразие религиозного опыта. М. 1910, стр. 356.
[39] Там же, стр. 357.
[40] В. Джемс. Прагматизм, стр. 37.

ступления, успешно освоена американскими реакционерами. Проводя жесточайший политический курс на подавление свободы личности, американские реакционеры кричат на весь мир об американской «свободе» и «демократии». В действительности это свобода для монополистов, всевозможных королей железа, угля, стали, нефти и пр.

Буржуазный индивидуализм в ходе истории превратился в свою противоположность — в идеологию порабощения личности. Буржуазный индивидуализм и связанный с ним политический либерализм имели свое историческое оправдание и социальный «смысл» на определенной ступени развития, а именно для периода, характеризующегося переходом от феодализма к капитализму, когда стоял вопрос в широком историческом плане об освобождении производительных сил общества и личности из опутывавших их всевозможных «корпораций», цехов, сословий, крепостничества и т. п. Но для современной эпохи — эпохи империализма — вся эта идеология индивидуализма, либерализма превратилась в старый хлам. Строить свою политическую философию, исходя из принципа свободной конкуренции в обществе, где господствуют монополии, толковать о равенстве прав и обязанностей там, где господствует право сильного душить более слабого,— это значит издеваться над здравым смыслом.

Монополия есть полное отрицание свободы личности, есть, более того, безжалостное подавление личности. Таким образом, все разговоры о преимуществах американской демократии, об обеспечении якобы этой «демократией» свободы и благоденствия личности есть бессовестный обман, есть мошенничество худшего сорта.

Идеологи американского империализма изображают дело таким образом, будто для коммунизма высшей реальностью является не личность, а государство, что коммунизм якобы отрицает личность. Это наглая ложь. Буржуазные апологеты империализма чисто метафизически противопоставляют личность коллективу вообще, как будто возможно существование личности независимо от коллектива. Нет и не может быть изолированной личности. Личность всегда связана самыми тесными узами с коллективом. Коммунизм ничего общего не имеет с теми теориями и политическими течениями, которые обожествляют государство. Марксизму-ленинизму принадлежит та заслуга, что он сорвал с буржуазного государства все покровы, вскрыл его истинную, эксплуататорскую сущность.

Мы не будем приводить здесь общеизвестные факты, свидетельствующие о том, что в Советском Союзе личность свободна от безработицы, от нужд и забот об обеспечении своего существования. Личность — говоря о «личности», мы имеем в виду всю массу народа, а не избранных — пользуется в нашей стране такими правами, о которых в США десятки миллионов людей могут только мечтать. Согласно Советской Конституции — этой хартии вольностей советских граждан — каждый человек окружен заботами всего общества, а не предоставлен самому себе. Его судьба — предмет забот и внимания всего общества. Социалистическое общество не только наделяет своего члена правом на труд, на отдых, на образование и пр., но и создает условия для того, чтобы каждый его сочлен достиг высшей степени просвещения, чтобы он был всесторонне образован, чтобы он пользовался всеми доступными человеку благами.

В ходе развития капитализма достигнута большая степень обобществления труда. Продукты труда являются результатом не индивидуального производства, а производства коллективного. В капиталистическом обществе произведенный продукт принадлежит не производителям, а собственнику средств производства. Вот то коренное противоречие, которое характерно для капиталистического общества,— противоречие между коллективным характером производства и индивидуальным способом присвоения, частнокапиталистической формой соб-

ственности. Социалистическая революция как раз и ставит своей задачей разрешение этого противоречия.

Поскольку мы здесь останавливаемся на специфике «американского духа», то мы считаем нужным обратить внимание на то, что пропагандистами этого «духа» являются также и европейские реакционные идеологи, которые пытаются убедить граждан своих стран воспринять этот «благотворный дух».

Норвежский историк Кот выпустил книгу под названием «Американский дух в Европе». Кот усердно служит американскому империализму, яростно защищая его «права» на мировое господство. Он также отстаивает преимущества американской «цивилизации» перед европейской. Американскому империализму по праву этого превосходства должно-де принадлежать духовное и политическое руководство миром.

Подобно Коту ряд других авторов — американских и европейских — воспевают «прелести» американской демократии, провозглашая ее «надеждой» мира. Америка должна-де взять на себя дело «объединения» мира, установления в нем «порядка» и руководство материальной, идейной и политической жизнью. Книжка американского автора Болдуина так и озаглавлена: «Величайшая надежда человечества».

Болдуин в своем «анализе» американской демократии также исходит из антагонизма личности и общества, совершенно игнорируя действительную структуру современного общества с его сложными классовыми взаимоотношениями. Все названные авторы с пеной у рта защищают захватническую политику американских монополистов, выступая трубадурами империализма.

В основе всех основ философии американского империализма лежит страх перед революцией. Этим страхом объясняется и их антикоммунизм, и гонка вооружений, и сколачивание агрессивных блоков, насаждение диктаторских режимов в зависимых странах, подавление демократических свобод, солидарность реакционных классов, трепещущих перед революцией. На языке буржуазной философии это означает «солидарность интересов личности и государства». На самом же деле это призыв наймитов империализма, поджигателей войны к сплочению всех реакционных элементов против революции, вызывающей у нынешних «хозяев жизни» животный страх. Надо прямо сказать, плохи дела этих «хозяев жизни». Они чувствуют себя, как на вулкане.

Проповедью «всемирного правительства» и антикоммунизма в сущности исчерпывается все содержание «политической доктрины» американских империалистов. Американская «идея» — это идея о всемирной эксплуатации народов американскими монополистами. Демократия по американскому образцу — это политический режим, служащий орудием безжалостной эксплуатации, подавления профессионального, рабочего и революционного движения и всякой прогрессивной мысли, это уничтожение самостоятельности наций и государственного суверенитета.

Американский империализм — «самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы»[41]. История подтверждает все, что говорил и писал В. И. Ленин об американском империализме. События последних десятилетий лишь подчеркивают ту непреложную истину, что американский империализм является оплотом мировой реакции, международным жандармом.

---

[41] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 169.

ВАЖНЫЙ ЭТАП В АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. Г. Трухановский

Первая половина 1942 г. занимает важное место в истории англо-советских отношений периода второй мировой войны. Именно в весенние месяцы 1942 г. было завершено оформление англо-советского союза против гитлеровской Германии и ее европейских сообщников по агрессии и достигнуто соглашение между Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки о военной помощи Советскому Союзу путем высадки в Европе англо-американских войск. Эти проблемы рассматриваются в довольно многочисленной советской исторической литературе и в бесчисленных работах, выходящих за рубежом по истории второй мировой войны. Однако в статьях и книгах советских авторов до сих пор еще не были освещены переговоры между правительствами СССР и Англии по территориальному вопросу, предшествовавшие подписанию союзного договора в мае 1942 г., а также не полностью раскрыта позиция Англии относительно второго фронта в период указанных переговоров.

Между тем в буржуазной и прежде всего английской исторической литературе и публицистике эти вопросы подвергаются грубой фальсификации. Эти обстоятельства и побудили автора предпринять попытку рассмотреть названные вопросы в данной статье.

★

Военно-политическое положение союзников в начале 1942 г. определялось прежде всего победой Советской Армии над германскими вооруженными силами под Москвой в декабре 1941 года.

В ходе сражений летне-осенней кампании 1941 г. немецко-фашистские войска добились временного успеха. Однако осуществить свою цель, то есть «победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию» [1], как предусматривал «план Барбаросса», Германия не смогла. Советская Армия сорвала план «молниеносной» войны; перед Германией во всей своей реальности вставала перспектива затяжной войны, к которой она не была готова. Поэтому германское командование приняло решение до наступления зимы взять Москву, рассчитывая, что это заставит Советский Союз капитулировать. При этом оно исходило из того, что Москву — столицу Советского государства, крупнейший промышленный центр и железнодорожный узел — советские вооруженные силы должны защищать любой ценой, и поэтому в результате захвата Москвы будет обеспечен и разгром главных сил Советской Армии. Как известно, в конце ноября наступление гитлеровских армий под Москвой было остановлено, и 6 декабря Советская Армия перешла в контрнаступление. Немецко-фашистские войска были отброшены на 400 км и потерпели тяжелое поражение. «Сила удара русских и размах этого контрнаступления,— пишет немецкий генерал К. Типпельскирх,— были таковы, что... едва не приве-

[1] «Нюрнбергский процесс». Т. I. М. 1952, стр. 364—365.

ли к непоправимой катастрофе»[2]. Другой немецкий генерал, Блюментрит, замечает, что «кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и в военном отношении»[3]. В результате провала «молниеносной» войны и поражения гитлеровцев под Москвой фашистская коалиция агрессоров получила первые трещины, действовавшие внутри этого блока противоречия обострились. Япония отложила свое нападение на Советский Союз. Воздержалась от выступления против СССР и Турция. Значительно активизировалось антифашистское движение в оккупированных гитлеровцами странах Европы.

Победа под Москвой и успех последовавшего за ней общего наступления Советской Армии в январе-апреле 1942 г. укрепили международное положение Советского Союза, подняли его значение как ведущей силы антигитлеровской коалиции. Эта коалиция расширилась и упрочилась. 1 января 1942 г. в Вашингтоне представители СССР и 25 других государств подписали декларацию, в которой заявили, что правительства их стран употребят все свои ресурсы, военные и экономические, для борьбы против Германии и ее союзников; они обязались сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира[4].

В тот период еще не был достигнут решительный перелом в ходе войны в пользу антифашистской коалиции. 1942 год принес союзным державам тяжелые испытания. Роберт Шервуд называет первые месяцы 1942 г. «зимой катастроф» для США и Англии. Англичане, пишет он, «вынуждены были переносить наиболее унизительные и необъяснимые катастрофы за всю свою историю»[5]. Черчилль впоследствии отмечал, что Англия начала 1942 г. в новой обстановке, имея «двух могущественных союзников» — СССР и США. Он писал, что «это объединение делало несомненной конечную победу, если только этот союз не распадется, не выдержав напряжения»[6]. Антифашистская коалиция выдержала испытания 1942 г. и не распалась прежде всего потому, что Советский Союз принял на себя основную тяжесть этих испытаний, справился с ними и тем самым оказал неоценимую помощь своим союзникам по борьбе против общего врага. В укреплении антифашистской коалиции народов огромное значение сыграла также мудрая советская внешняя политика, воля и стремление народов союзных стран к борьбе против фашизма, к победе в справедливой освободительной войне.

Наиболее крупные неудачи постигли США и Англию в первые месяцы 1942 г. на Дальнем Востоке, где начавшееся в декабре 1941 г. японское наступление развивалось весьма успешно. «До мая 1942 г.,— пишут американские профессора Х. Р. Макнэйр и Д. Ф. Леч,— сопротивление японскому наступлению было беспомощным... В Токио были удивлены той легкостью, с которой были захвачены богатые и стратегически важные территории Тихоокеанского бассейна»[7]. Япония захватила за это время острова в центральной части Тихого океана, продвинулась на юг до Австралии и на запад до границ Индии. Неудачно для США и Англии сложилась военная обстановка и в Северной Африке. «Мои надежды,— писал впоследствии У. Черчилль,— на то, что генерал Окинлек

---

[2] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 201.
[3] «Роковые решения». М. 1958, стр. 108.
[4] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I. М. 1944, стр. 170—171.
[5] Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. II. М. 1958, стр. 75.
[6] W. S. Churchill. The Second World War. Vol. IV. Hinge of fate. London. 1951, p. 3.
[7] H. F. McNair and D. E. Lach. Modern Far Eastern International Relations. New York. 1955, p. 501.

очистит в феврале 1942 г. Ливию, не оправдались. Он понес ряд тяжелых поражений» [8].

Поражения в Ливии и на Дальнем Востоке встревожили Вашингтон и Лондон. Оценивая стратегическую обстановку в те дни, У. Черчилль писал Ф. Рузвельту 5 марта 1942 г.: «Сейчас весь фронт — от Леванта до Каспия — всецело зависит от успеха русских армий» [9]. В эти месяцы конца 1941 и начала 1942 г., замечает Р. Шервуд, «единственным источником хороших новостей был русский фронт» [10].

Подобная оценка усилий Советского Союза в борьбе против гитлеровской Германии и ее сообщников объяснялась тем, что главные сражения войны шли на советско-германском фронте, что именно здесь решался исход войны, судьбы народов. И, исходя из этой, единственно правильной оценки общей картины войны, следует признать, что сложившееся к весне военно-политическое положение было в основном благоприятным для США и Англии. Немецко-фашистские армии понесли тяжкое поражение в Советском Союзе, и гитлеровское командование вынуждено было перебросить из Западной Европы на русский фронт большое количество своих боеспособных войск. Это значительно ослабило военные силы Германии в Западной Европе. Следует также учитывать, что в первый год Великой Отечественной войны Советского Союза Англия и США имели возможность организовать массовый выпуск вооружения и снаряжения, скомплектовать и обучить свои вооруженные силы. Ослабление германского блока, укрепление мощи антигитлеровской коалиции в сочетании с активизацией освободительного антифашистского движения на оккупированных врагом территориях — все эти факторы создавали возможность для быстрого окончания войны и завоевания победы над блоком агрессоров. Для реализации этой возможности необходимо было, чтобы США и Англия начали активные военные действия против Германии в Европе, то есть открыли второй фронт борьбы против общего врага.

Именно этого и добивался Советский Союз.

Впервые Советское правительство поставило перед правительством Англии вопрос об открытии второго фронта в Европе уже 18 июля 1941 г., после заключения соглашения от 12 июля 1941 г. о совместной борьбе СССР и Англии с гитлеровской Германией. В связи с тем, что Соединенные Штаты Америки до декабря 1941 г. в войне не участвовали, Советское правительство ставило вопрос о втором фронте только перед Англией. После вступления США в войну требования об открытии второго фронта, то есть о выполнении главного союзнического обязательства, Советское правительство адресовало уже как Англии, так и Соединенным Штатам.

Настаивая на открытии второго фронта против Германии в Западной Европе, Советское правительство стремилось не только облегчить положение своих вооруженных сил. Оно руководствовалось также соображениями наиболее рационального ведения войны против общего врага, стремилось обеспечить более быструю и с меньшими человеческими и материальными жертвами победу, поскорее освободить народы, временно оказавшиеся в фашистском рабстве. При этом учитывались и важнейшие интересы Англии, для которой открытие второго фронта означало бы значительное улучшение военного положения и снятие страшной угрозы гитлеровского вторжения на Британские острова. Таким образом, создание второго фронта отвечало интересам Советского Союза и интересам Англии, интересам всех народов, ведших борьбу против фашизма.

---

[8] W. S. Churchill. The Second World War. Vol. III. The Grande Alliance. London. 1950, p. 985.

[9] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 194.

[10] Р. Шервуд. Указ. соч. Т. II стр. 82.

Именно поэтому требование СССР об открытии второго фронта пользовалось широкой поддержкой со стороны народов Англии и Соединенных Штатов Америки. Английская газета «Times» писала в начале 1942 г.: «Как в нашей стране, так и в США все усиливается желание перейти от обороны к наступлению, добиться поворота в войне в 1942 г., а не в 1943 г. или 1944 году» [11]. В то же время американский журнал «Time» отмечал, что «в Соединенных Штатах Америки и Англии миллионы встревоженных людей... хотели услышать, что их войска собираются предпринять наступление и открыть второй фронт в Европе» [12]. Поддержка простыми людьми Англии и Америки советского требования об открытии второго фронта отражала стремление трудящихся этих стран добиться скорейшей победы в антифашистской войне, помочь героической борьбе советского народа.

На открытии второго фронта настаивали и некоторые представители английских и американских правящих кругов. Это были люди, здраво оценивавшие обстановку, верно понимавшие важнейшие интересы своих стран. В Англии, например, активно выступали за открытие второго фронта в Европе такие деятели, как бывший премьер-министр Ллойд-Джордж, известный лидер либералов, миллионер, газетный король лорд Бивербрук, являвшийся в начале войны членом военного кабинета. Точка зрения Рузвельта, Гопкинса, которую разделяли некоторые члены американского правительства и ряд руководителей вооруженных сил США, была следующим образом сформулирована в записке генерала Бернса, подготовленной в 1942 г. для Гопкинса: «По общему мнению... Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии». Поэтому «мы должны быть... готовыми помочь ей, чтобы она... сражалась вплоть до разгрома Германии и оказала нам важную помощь в разгроме Японии» [13].

Если бы все в правящих кругах Англии и США думали так, как Бивербрук и Гопкинс, то, очевидно, второй фронт был бы открыт своевременно. Однако это было далеко не так. Основной состав правительства Англии во главе с премьером Черчиллем был против своевременного открытия второго фронта в Европе. Эти английские деятели хотели, чтобы война велась чужими руками, чтобы жертвы в войне несли другие. Они рассчитывали на взаимное истощение Советского Союза и Германии в целях поддержания на европейском континенте близкого сердцу английских государственных деятелей и выгодного английскому империализму принципа «равновесия сил».

В Соединенных Штатах также большим влиянием пользовались круги, выступавшие против открытия второго фронта в Европе в 1942 году. Одна часть противников второго фронта в США стремилась предотвратить или хотя бы отсрочить разгром гитлеровской Германии, считая необходимым сохранить ее силы для борьбы с революционным движением. Другая группа утверждала, что главным врагом США следует считать Японию и поэтому нужно бросить против нее все американские войска, предоставив ведение войны в Европе русским и англичанам. И те и другие активно выступали против линии Рузвельта, который считал для США врагом № 1 Германию. Однако в США сторонники войны прежде всего против Японии были слабее тех, кто считал необходимым сокрушить в первую очередь Германию. Этим и объясняется то, что правительство США и руководители американских вооруженных сил обнаруживали бо́льшую готовность пойти на открытие второго фронта в Европе, чем Черчилль, который ставил борьбу за английские колонии и

[11] См. там же, стр. 140.
[12] Там же.
[13] Там же, стр. 282—283, 285.

зависимые страны на первое место, надеясь, что главную и самую трудную задачу — сокрушение немецкой армии — выполнят за Англию ее союзники.

Действие всех этих факторов — борьбы Советского правительства и народов Англии и США за скорейшее открытие второго фронта, противоречия по вопросу о втором фронте в правящих кругах Англии и США — сказывались на позиции, которую занимали по этому вопросу правительства Черчилля и Рузвельта.

После победы Советской Армии под Москвой в конце 1941 г. и начала войны на Тихом океане изменилась политическая и военная обстановка в мире. Это потребовало от Англии и США радикально пересмотреть свои стратегические планы. Ставшие ныне известными материалы, относящиеся к обсуждению английскими и американскими руководителями своих стратегических планов в 1942 г., проливают свет на отношение правительств Англии и США к требованиям Советского Союза и народов своих стран об открытии второго фронта.

На все обращения Советского правительства в 1941 г. относительно открытия второго фронта в Европе Черчилль отвечал отказом, который со свойственной ему манерой приправлял высокопарными, трескучими фразами якобы о готовности помочь Советскому Союзу. Уже в этот период в ответах Черчилля Советскому правительству мы обнаруживаем недобросовестность, которая на протяжении 1941—1943 гг. была характерна для официальной позиции английского правительства в вопросе о втором фронте. Отвечая в сентябре 1941 г. на послание Советского правительства, Черчилль писал: «Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть» [14]. Этим самым Черчилль пытался успокоить Советское правительство, дав ему неопределенную надежду на то, что второй фронт может быть открыт в 1942 г., но в то же время так формулировал это обещание, чтобы от него можно было в любой момент отказаться. Эта манера ведения внешнеполитических дел являлась характерной для английского премьера.

В декабре 1941 г. Черчилль на конференции «Аркадия» вручил Рузвельту меморандум по вопросу об англо-американской стратегии, который предусматривал «массовое вторжение на европейский континент как стратегическую цель на 1943 год» [15]. Тем самым обнаруживается фальшь того нарочито неопределенного заявления Черчилля Советскому правительству, из которого последнее могло заключить, что Черчилль не исключал возможность открытия второго фронта в 1942 году. Однако и план вторжения на европейский континент в 1943 г. Черчилль обусловил такими оговорками, что он становился весьма проблематичным.

Стратегический план английского правительства, таким образом, по существу, игнорировал требования СССР и свободолюбивых народов о переходе Англии и США к решительным военным действиям в Европе. В Вашингтоне сочли это рискованным, и появившийся в начале 1942 г. американский стратегический план в некоторой степени отличался от английского. Авторы этого плана так же, как и Черчилль, считали, что вторжение в Западную Европу — операцию «Раундап» — англо-американские вооруженные силы должны предпринять в 1943 году. Однако в отличие от английского премьера они предусматривали необходимость проведения уже в 1942 г. (примерно 15 сентября) ограниченной опера-

---

[14] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г.— ноябрь 1945 г.) М. 1957, стр. 21.

[15] М. Мэтлофф и Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941—1942. М. 1955, стр. 118.

ции «Следжхэммер», которую надлежало осуществить при возникновении одного из двух следующих условий: «1. Положение на русском фронте станет отчаянным, то есть если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления. 2. Положение немцев в Западной Европе станет критическим» [16].

Не трудно видеть, что для этого плана характерно стремление дождаться взаимного истощения Германии и Советского Союза и прийти на помощь СССР лишь в том случае, выражаясь словами американского документа, когда «положение на русском фронте станет отчаянным». «Желательность удовлетворения требования России об открытии второго фронта,— замечает Р. Шервуд,— стояла последней по счету в перечне доводов в пользу такого предложения» [17]. Что же касается второго условия, то высадка преследовала бы, как это и произошло в 1944 г., не оказание помощи Советскому Союзу, а стремление ввести американо-английские войска в Западную Европу до прихода туда Советской Армии.

Декларируя о помощи Советскому Союзу, американское правительство преследовало прежде всего свои цели. В оперативном управлении штаба сухопутных войск США в то время считали: «Мы должны удержать Россию в состоянии войны... Тогда мы сможем сломить Германию, действуя из Англии» [18].

Приближалась весна 1942 г., а с ней и начало нового немецкого наступления на советском фронте. Рузвельт хотел еще до начала весеннего немецкого наступления 1942 г. дать Советскому Союзу определенное заверение, что он может рассчитывать на военную помощь со стороны союзников уже в 1942 году. Это было стремление не только успокоить союзника, но и дать удовлетворение общественному мнению, требовавшему открытия второго фронта. А считаться с мнением общественности в 1942 г. у Рузвельта были особые основания: осенью он должен был баллотироваться на пост президента на новый срок.

Одобрив 1 апреля 1942 г. американский стратегический план, Рузвельт срочно направил в Лондон Гопкинса и Маршалла для согласования этого плана с англичанами. В телеграмме Черчиллю в этой связи Рузвельт писал: «Когда я получу от вас весточку после ваших бесед с Гарри (Гопкинсом) и Маршаллом, я предполагаю обратиться к Сталину с предложением немедленно послать двух специальных представителей. Я надеюсь, что русские будут горячо приветствовать эти планы. Они могут быть разработаны в полном соответствии с тем, чего хочет английское и американское общественное мнение» [19].

8 апреля Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон. Переговоры закончились 14 апреля. На заседании оперативного отдела комитета обороны при военном кабинете с участием приехавших американцев и ведущих членов английского правительства Черчилль официально согласился на принятие американского плана, предусматривавшего осуществление операции «Раундап» в 1943 г., а операции «Следжхэммер» в 1942 году. Казалось, решение принято и утвержденные планы будут осуществлены. Гопкинс по этому поводу посылает Рузвельту ликующую телеграмму.

Решения Лондонской конференции, даже если бы они были осуществлены, не являлись тем, чего добивалось Советское правительство и что обязаны были сделать Англия и Соединенные Штаты в целях поддержки своего союзника. В связи с концентрацией всех основных немецких сил в 1942 г. на Восточном фронте Советский Союз нуждался в немедленной военной помощи своих союзников. Последние же решили

---

[16] Р. Шервуд. Указ. соч. Т. II, стр. 120.
[17] Там же.
[18] М. Мэтлофф и Э. Снелл. Указ. соч., стр. 183.
[19] Р. Шервуд. Указ. соч. Т. II, стр. 121—122.

оказать такую помощь фактически лишь в 1943 г., ибо высадка 5—6 дивизий в 1942 г. («Следжхэммер») была бы, по существу, символической помощью. Но, как оказалось в дальнейшем, Советский Союз не получил ни символической помощи в 1942 г., ни существенной в 1943 году.

Если бы Гопкинс и Маршалл лучше знали позицию Черчилля и английского правительства, они более скептически расценили бы результаты своей миссии. Их должно было бы насторожить то, что Черчилль, поддержав американское предложение, много говорил о «серьезной опасности», возникшей для союзников на Ближнем Востоке, в Индии, Бирме, на Цейлоне и в Индийском океане, и о необходимости для них там применить свои ресурсы [20]. В таком же духе выступали и другие английские деятели. Р. Шервуд отмечает, что «обсуждение, происходившее на этом совещании, привело к возникновению несообразного положения, когда американские представители постоянно делали упор на том, что основным вопросом является война против Германии, тогда как английские представители беспрестанно напоминали о войне против Японии» [21].

Теперь мы знаем из мемуаров Черчилля и других источников, что его согласие 14 апреля 1942 г. на осуществление операций «Раундап» и «Следжхэммер» было неискренним и выполнять принятое решение он не собирался. Черчилль пишет, что он «не отверг эту идею с самого начала» и что его «помыслы занимали другие альтернативы. Одной из них был десант во Французской Северо-Западной Африке... второй альтернативный план — план освобождения Северной Норвегии» [22]. «Будь в моей власти приказать это, я остановился бы на операциях «Торч» и «Джупитер» (то есть на высадке в Африке и в Норвегии.— *В. Т.*) [23]. На вопрос, почему же Черчилль не настаивал на том, чего ему хотелось, он отвечает следующим образом: «Мне приходилось использовать влияние и дипломатию, чтобы добиться согласованных и гармоничных действий с нашим дорогим союзником... Поэтому на нашем совещании 14-го числа я не затронул ни одной из этих альтернатив» [24].

Согласившись неискренне с планами «Раундап» и «Следжхэммер», Черчилль отнюдь не собирался сдержать свое слово, он надеялся в дальнейшем под тем или иным предлогом увильнуть от выполнения принятого 14 апреля решения. Как он намеревался это сделать, мы узнаем от него же самого. «Я вполне был готов,— пишет он,— дать возможность Комитетам, занимавшимся планированием, беспристрастно изучать «Следжхэммер»... Я был почти уверен, что чем больше вглядываться в него, тем меньше он будет нравиться... Я почти не сомневался, что изучение деталей, а также влияние его на основную стратегию войны заставят отказаться от «Следжхэммер».

Таким образом, Черчилль и английские военные деятели в переговорах с американскими представителями в апреле 1942 г. вели двойную игру со своим заокеанским союзником. Признание этого факта мы находим в недавно увидевших свет воспоминаниях генерала Исмэя, человека, знающего очень много, ибо он был начальником штаба Черчилля, являвшегося не только премьер-министром, но и министром обороны. Рассказывая о переговорах с Маршаллом и Гопкинсом в апреле 1942 г., Исмэй отмечает: «Все на этой встрече были полны энтузиазма... Все без исключения были согласны, что смертельный удар Германии должен быть нанесен через Ламанш. Фактически казалось, что все согласны целиком и полностью с американскими предложениями. Не было выра-

---

[20] Там же, стр. 142.
[21] Там же, стр. 144—145.
[22] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 289.
[23] Там же.
[24] Там же, стр. 290.

жено никаких сомнений, ни одна нота несогласия не прозвучала... Американские друзья, счастливые, отправились домой, находясь под ошибочным впечатлением, что мы взяли на себя обязательство осуществить «Раундап» и «Следжхэммер»[25]. Впечатление, которое сложилось у Маршалла и Гопкинса, не было результатом какого-то досадного недоразумения, следствием того, что одна сторона не поняла другую. Это был сознательный обман, на который пошел Черчилль и его соратники. И это Исмэй признает. Он пишет, что, когда английская сторона впоследствии выступила против «Следжхэммер», «американцы сочли, что мы поступили в отношении их вероломно. Хуже того, они начали думать, что наша оппозиция «Следжхэммер» позднее распространится также и на «Раундап»[26].

Как известно, в дальнейшем именно так и получилось. Исмэй замечает, что американцы не сочли бы Черчилля вероломным, «если бы англичане были более откровенны» в апрельских переговорах[27]. Это не что иное, как признание неискренности правительства Черчилля в переговорах с США относительно открытия второго фронта. Для нас этот эпизод важен не только как иллюстрация методов ведения английскими правящими кругами своих внешнеполитических дел. Он помогает лучше понять поведение английских представителей в переговорах о втором фронте с Советским Союзом, происходивших в мае 1942 г. в Лондоне.

Черчилль действовал так на апрельской конференции потому, что он боялся, что отклонение американских планов приведет к переориентации главного внимания США в сторону Дальнего Востока. Английский фельдмаршал Алан Брук после одной из бесед с Маршаллом в ходе апрельской конференции записал в дневнике: «Маршалл установил, что начальник штаба ВМС США адмирал Кинг требует предоставить в распоряжение флота большие средства, включая сухопутные силы, необходимые для захвата и удержания баз на тихоокеанском театре... Макартур, находившийся в Австралии, также опасен — он требует войск для развертывания операций из Австралии. Чтобы парализовать их требования, Маршалл выдвинул план открытия второго фронта в Европе и целиком и полностью стоит за него. Это весьма умелый маневр, отвечающий нынешним политическим настроениям...»[28]. Объясняя свою позицию в период Лондонской конференции, Черчилль замечает, что «мы с самого начала легко могли столкнуться с американским намерением признать первоочередной задачу помощи Китаю и разгрома Японии»[29]. Сохранение американцами приоритета за европейским театром военных действий укрепляло военное положение Британских островов, ибо означало прибытие в Англию больших масс американских войск и техники. И это, в свою очередь, позволяло англичанам, не опасаясь за безопасность Лондона, посылать свои войска из Англии на Ближний и Дальний Восток и вести милую и близкую сердцу английских империалистов войну за колонии. Это давало также надежду на то, что и американцы двинутся в Африку и на Ближний Восток и тем самым борьба за английские колониальные владения против Гитлера и Муссолини еще больше расширится. Черчилль прекрасно помнил, с каким интересом отнесся Рузвельт на конференции «Аркадия» к плану «Джимнаст», предусматривавшему операцию в Северной Африке. Наконец, присутствие американцев в Европе являлось крайне важной страховкой для Черчилля на тот случай, если успехи немецких войск на советском фронте превысят то, что, по мнению Черчилля, было полезным и безопасным для Англии, и дадут Гитлеру возможность вновь повернуться на За-

[25] «The Memoirs of General the Lord Ismay», London, 1960, pp. 249—250.
[26] Там же, стр. 250.
[27] Там же, стр. 249.
[28] A. Bryant. The Turn of the Tide, 1939—1943. London. 1957, p. 358.
[29] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 290.

пад и вспомнить о плане «Морской лев». Следует учитывать, что в апреле 1942 г. Черчилль еще не мог предвидеть до конца, как разовьются события на советско-германском фронте, у него сложилось на этот счет определенное мнение позднее, во время поездки в Москву в августе 1942 года.

Рузвельту очень хотелось поскорей дать заверения Советскому правительству в отношении второго фронта, и поэтому, не дождавшись принятия решения Лондонской конференцией, он 12 апреля направляет Советскому правительству послание, в котором предлагает командировать в Вашингтон «в самое ближайшее время» министра иностранных дел СССР и «доверенного генерала». «Я имею в виду,— писал Рузвельт,— весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте» [30].

20 апреля Советское правительство ответило, что оно согласно направить министра иностранных дел в Вашингтон для обмена мнениями с президентом «по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время» [31]. Рузвельту сообщалось, что министр направится также в Лондон, где будет вести переговоры с английским правительством.

Советский министр иностранных дел в мае 1942 г. прибыл в Лондон. Он поставил перед английским правительством вопрос, как оно рассматривает перспективу отвлечения в 1942 г. с советско-германского фронта по меньшей мере 40 германских дивизий. В ответ Черчилль и министр иностранных дел Иден подробно распространялись об условиях высадки в Западной Европе, говорили о том, что такую высадку разумно осуществить в районе Па-де-Кале, Шербура и Бреста, о роли контроля на море и о значении авиации для высадки, но упорно уклонялись от взятия конкретных обязательств в отношении сроков и масштабов такой высадки. Во время англо-советских переговоров 21—26 мая по вопросу о втором фронте Черчилль, как замечает американский историк Г. Фейс, «держался предусмотрительно неопределенно. Он уклонился от прямого и положительного ответа на вопрос о том, где и когда начнут Соединенные Штаты и Англия операции против Германии на Западе» [32]. Английское правительство не сообщило советскому представителю правду, состоявшую в том, что оно не намерено открывать второй фронт в 1942 году. Поскольку было известно, что советский министр из Лондона направляется в Вашингтон, Черчилль предложил ему на обратном пути в СССР заехать в Лондон и обещал дать тогда более определенный ответ.

О переговорах с советским министром Черчилль 28 мая информировал Рузвельта. В той же телеграмме он сообщал, что вскоре в Вашингтон прибудет его представитель адмирал Маунтбэттен, который проинформирует президента и начальников штабов относительно трудностей, возникших при планировании «Раундап» и «Следжхэммер» и сделает новое предложение о высадке в Северной Норвегии — операции «Джупитер». Это означало, что англичане намереваются отступить от договоренности, достигнутой в Лондоне в апреле 1942 г., и соответственно повлиять на позицию Рузвельта в переговорах с министром иностранных дел СССР. «Эта телеграмма,— пишет Р. Шервуд,— была для Рузвельта, Гопкинса, Маршалла и Кинга первым тревожным сигналом, говорившим о том, что англичане начинают подумывать об отвлекающих опера-

---

[30] «Переписка Председателя Совета Министров СССР...». Т. II, стр. 21.

[31] Там же.

[32] H. Feis, Churchill — Roosevelt — Stalin. The War they Waged and the Peace they Sought. Princeton. 1957, p. 51.

циях вдали от основного пункта фронтального нападения через Ламанш» [33].

На следующий день после получения от Черчилля информации о переговорах с советским министром и в день прибытия министра в Вашингтон американские газеты под огромными заголовками сообщили, что генерал Маршалл, выступая перед выпускниками военного училища в Вест-Поинт, заявил, что американские войска высадятся во Франции [34].

30 мая в ходе переговоров с Рузвельтом, Гопкинсом, Маршаллом и Кингом советский министр поставил перед американским правительством вопрос об открытии второго фронта в 1942 году. «После этого,— гласит запись Самюэла Кросса, профессора славянских языков и литературы Гарвардского университета, выступавшего на этих переговорах в качестве переводчика,— президент спросил генерала Маршалла, достаточно ли ясно ему положение дел и можем ли мы сказать Сталину, что мы готовим второй фронт. «Да»,— ответил генерал» [35]. Тогда президент попросил советского представителя уведомить свое правительство «что мы надеемся на создание второго фронта в этом году» [36]. В ходе дальнейших переговоров с американцами, а позднее и с англичанами был согласован текст коммюнике, содержавшего обязательство США и Англии открыть второй фронт в Европе в 1942 году. То, что переговоры в мае 1942 г. в Вашингтоне имели своим результатом именно это, не берут под сомнение даже официальные американские историки второй мировой войны. М. Мэтлофф и Э. Снелл пишут, что Советскому Союзу тогда было дано «твердое обязательство открыть второй фронт в 1942 г.» [37]. Объясняя причины, почему он дал такое обязательство Советскому Союзу, Рузвельт писал тогда же Черчиллю, что он хотел, чтобы советский министр «вернулся из своей поездки с какими-то реальными результатами и сделал Сталину благоприятный отчет» [38].

Черчилль тоже тревожно следил за гигантской битвой, развертывавшейся на советско-германском фронте. Поэтому он и решил «помочь» Советскому Союзу путем... дачи ему заведомо фальшивого обещания оказать в 1942 г. военную помощь. По возвращении советского министра в Лондон из Вашингтона английское правительство дало согласие на открытие второго фронта в Европе в 1942 году. Это согласие было оформлено путем включения в совместное англо-советское коммюнике фразы, гласившей, что во время переговоров «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году» [39]. Аналогичная фраза содержалась и в советско-американском коммюнике. Оба коммюнике были опубликованы 11 июня 1942 г., после возвращения советского министра в Москву. Таким образом, Англия и США дали Советскому Союзу четкое и определенное обязательство открыть второй фронт в 1942 г. и объявили об этом для всеобщего сведения.

Обязательство Черчилля открыть второй фронт в 1942 г. и его согласие на опубликование этого коммюнике, как оказалось впоследствии и как явствует сейчас из опубликованных документов, было сознательным, заранее рассчитанным обманом Советского правительства. То, что Черчилль не собирался выполнять взятое им от имени Англии обязательство, подтверждается тем, что в момент составления англо-советского

---

[33] Р. Шервуд. Указ. соч. Т. II, стр. 170.
[34] W. L. Neumann. Making the Peace, 1941—1945. Washington. 1950, pp. 34—35.
[35] Р. Шервуд. Указ. соч. Т. II, стр. 180.
[36] Там же.
[37] М. Мэтлофф и Э. Снелл. Указ. соч., стр. 270.
[38] Там же, стр. 189.
[39] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 247.

коммюнике Черчилль вручил советскому министру памятную записку, которую он, а за ним и некоторые не заинтересованные в установлении истины английские и иные историки в дальнейшем широко использовали для оправдания недобросовестного отношения английского правительства к своим обязательствам о втором фронте. Вручение этого документа означало, что английское правительство заранее готовило для себя алиби. Условия, в которых вручался этот документ, его формулировки, трактовка, которая ему была дана Черчиллем в дальнейшем, а также и реакционной, враждебной СССР, буржуазной, преимущественно английской историографией, говорят именно об этом. В документе утверждалось: «Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года... Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении, но если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь» [41].

Что можно было понять из этих слов? Только то, что они гласят. А они говорят, что английское правительство ведет подготовку — не просто обещает принять меры для открытия второго фронта или изучает возможность этой операции, или намеревается начать ее планирование, — а именно ведет подготовку к тому, чтобы вторгнуться на европейский континент в 1942 г., если какие-либо непредвиденные обстоятельства (отсюда и слова «невозможно сказать заранее») не помешают. Выражение «следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении» относится к могущим возникнуть в августе-сентябре 1942 г. обстоятельствам, которые, разумеется, не зависели от воли английского правительства и могли сложиться по-разному. В том же случае, если они будут таковы, как это можно было предвидеть во время вручения этой памятной записки (а они, как известно, так и сложились), то английское правительство «не поколеблется претворить свои планы в жизнь». Совершенно бесспорно, что Черчилль в момент вручения записки считал, что в августе-сентябре 1942 г. обстоятельства позволят открыть второй фронт. Во-первых, если бы он думал на этот счет иначе, он написал бы об этом прямо и определенно в записке, но он, как известно, этого не сделал; во-вторых, он не вел бы подготовку к операции, которая по объективным обстоятельствам не является «здравой и разумной», но из его памятной записки явствует, что такая подготовка велась. Следовательно, оговорка Черчилля о том, что «мы не можем дать обещания» открыть второй фронт, если обстоятельства сделают его открытие бесполезным или неразумным, является констатацией само собой разумеющейся вещи и никоим образом не означает, что английское правительство не брало на себя обязательства открыть второй фронт в 1942 году. Эта формулировка имела бы то значение, которое Черчилль задним числом стремится ей придать, если бы только она присутствовала в памятной записке. Но записка начинается фразой: «Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года» и заканчивается словами: «Мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь». В этом контексте оговорка Черчилля не может рассматриваться как освобождавшая английское правительство от обязательства открыть второй фронт в 1942 г., а вся памятная записка должна быть понята, как документ, подтверждающий это обязательство, сформулированное таким образом в двух местах: в советско-английском коммюнике и в этой памятной записке. Американский историк У. Ньюмэн, например, так и рассматривает эту памятную записку. «Англичане вручили,— пишет он,— советскому представителю «меморандум», в котором заявлялось, что идут приготовле-

[41] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 305.

ния к высадке на европейский континент в августе или сентябре 1942 года» [42].

Памятная записка Черчилля не должна рассматриваться отдельно от других документов, согласованных и подписанных между представителями СССР и Англии. При толковании ее необходимо учитывать англо-советское коммюнике, предусматривающее открытие второго фронта в 1942 г., и англо-советский договор о союзе. Нельзя рассматривать памятную записку также изолированно от советско-американского коммюнике, от того, что было заявлено советскому министру иностранных дел в Вашингтоне, ибо сам Черчилль предложил, что английское правительство окончательно даст ответ Советскому правительству относительно второго фронта после того, как на этот счет выскажется американское правительство. Это, по-существу, означало: «Как американцы, так и мы». Американцы без всяких оговорок и резерваций заявили и написали в коммюнике, что второй фронт будет открыт в 1942 году. После этого советский министр возвращается в Лондон и ставит вопрос: ну каково же ваше последнее слово относительно второго фронта? И английское правительство дает согласие на опубликование о втором фронте коммюнике, идентичного советско-американскому. Это означает, что и английское и американское правительства в равной степени обязались перед Советским Союзом открыть второй фронт. Та же мысль, что и в коммюнике, но еще более определенно выражается в памятной записке Черчилля: «Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года... мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь». Все это сводит на нет значение содержащейся в ней оговорки. Необходимо иметь в виду, что Черчилль и его единомышленники-историки, назойливо ссылающиеся на содержащуюся в памятной записке оговорку, совершенно игнорируют эти фразы записки, подтверждающие обязательство английского правительства открыть второй фронт в 1942 году. Тем самым они обнаруживают свою прямую недобросовестность.

И поскольку Черчилль и буржуазные фальсификаторы истории считают в этом документе важным лишь оговорку и не имеющими значения признают те части его, где подтверждается обязательство открыть второй фронт, то это может означать лишь одно, что памятная записка сознательно была составлена таким образом, чтобы ее можно было использовать в качестве оправдания нарушения обязательства, заключенного в советско-английском коммюнике. А это значит, что недобросовестность характеризовала позицию английского правительства в вопросе о втором фронте и в майско-июньские дни 1942 года.

Памятная записка, врученная советскому министру Черчиллем, была преднамеренно составлена в таких противоречивых и двусмысленных выражениях, чтобы скрыть эту недобросовестность. Использование прямых и ясных слов и формулировок таким образом, чтобы их можно было толковать по-разному, свидетельствует о прямом лицемерии, что является характерной чертой английской дипломатии. В. И. Ленин в свое время отмечал, что английские империалисты «побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия» [43]. Эта черта английской политики в годы второй мировой войны особенно ярко проявилась в переговорах о втором фронте. Американский генерал Ведемейер, ведший вместе с Гопкинсом и Маршаллом в апреле 1942 г. переговоры о втором фронте, пишет: «Англичане вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Это была постановка с полным

[42] W. L. Neumann. Указ. соч., стр. 35—36.
[43] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 46.

оформлением в классическом стиле Макиавелли. Я не утверждаю, что стремление обмануть было личной характерной чертой того или иного участника переговоров. Но когда дело шло о государственных интересах, совесть у наших английских партнеров по переговорам становилась эластичной... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое развилось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью» [44].

Только имея в виду эти элементы, отражающие, по определению Ведемейера, «эластичность совести» английских политиков, можно понять смысл памятной записки о втором фронте, врученной Черчиллем советскому министру, а также использование этого документа в дальнейшем Черчиллем и другими английскими деятелями и английской буржуазной историографией. Именно поэтому не только прогрессивная историография, но и значительная часть буржуазной историографии не принимает в расчет эту увертку Черчилля с памятной запиской и считает, что Англия и США весной 1942 г. дали обязательство Советскому Союзу открыть второй фронт в 1942 году.

Американский историк Ньюмэн утверждает, что «второй фронт в 1942 г. был обещан» Советскому Союзу [45]. Американский профессор Г. Фейс пишет, что Черчилль, создав у советского министра впечатление, что операция по пересечению Ламанша будет предпринята и, вероятно, даже в 1942 г., в то же время вручил ему памятную записку, о которой шла речь выше [46]. Известный английский историк-международник У. Медликотт оценивает характер обязательств, данных Англией и Соединенными Штатами СССР весной 1942 г., так же, как и У. Ньюмэн и Г. Фейс. В журнале «International Affairs» в 1958 г. он писал, что «второй фронт был обещан русским в 1942 году» [47]. В апреле 1959 г. в том же журнале он заявил, что «как Черчилль, так и Рузвельт согласились на некоторого рода второй фронт» [48].

Несмотря на неискренность английского правительства, проявленную в ходе переговоров о соглашении относительно второго фронта в Европе в 1942 г., заключенное весной этого года соглашение имело большое значение. Оно содействовало дальнейшему укреплению антигитлеровской коалиции. Это был крупный успех внешней политики Советского Союза, сумевшего добиться при поддержке английского и американского народов официального согласия правительств Англии и США на активное ведение ими военных действий против гитлеровской Германии на европейском континенте. Соглашение стимулировало борьбу народов против фашизма, содействовало укреплению их уверенности в своей окончательной победе над фашистскими захватчиками.

После опубликования англо-советского и американо-советского коммюнике о втором фронте борьба Советского Союза и всех свободолюбивых народов за второй фронт вступила в новый этап. Отныне это уже была борьба против попыток английских и американских правящих кругов уклониться от точного и своевременного выполнения ими взятых на себя обязательств.

Рузвельт, приглашая министра иностранных дел СССР для того, чтобы передать через него Советскому правительству «весьма важное военное предложение», хотел, чтобы министр вначале посетил Вашингтон, а уж затем направился в Лондон. Однако Советское правительство ре-

---

[44] A. C. Wedemeyer. Wedemeyer Reports. New York. 1958, p. 105.
[45] W. L. Neumann. Указ. соч., стр. 51—52.
[46] H. Feis. Указ. соч., стр. 51—52.
[47] «International Affairs», October 1958, p. 509.
[48] «International Affairs», April 1959, pp. 179—280.

шило иначе. Направив министра вначале в Лондон, Советское правительство исходило из того, что открытие второго фронта могло быть осуществлено лишь с Британских островов и при весьма активном участии английских вооруженных сил, в связи с чем выяснение позиции английского правительства по этому вопросу должно было предшествовать переговорам в Вашингтоне. Кроме этого, необходимо было возможно быстрее завершить затянувшиеся переговоры с английским правительством о заключении союзного договора между Англией и СССР.

Такой договор необходим был для того, чтобы внести ясность и определенность в отношения между СССР и Англией. Эти отношения, как указывалось в послании главы Советского правительства Черчиллю 8 ноября 1941 г., терпели ущерб из-за отсутствия определенной договоренности между СССР и Англией о целях войны и о планах организации мира после войны и из-за отсутствия договора между двумя странами о военной взаимопомощи в Европе против гитлеровской Германии [49]. Постановка этих вопросов Советским правительством в трудных и сложных условиях 1941 г. свидетельствовала о его правильном понимании тогдашних намерений правящих кругов Англии и США и была продиктована заботой о законных интересах Советского Союза.

Об этих намерениях свидетельствуют получившие уже после войны известность факты, относящиеся к встрече Черчилля и Рузвельта в Атлантическом океане в августе 1941 года. Знаменательно было уже то, что союзник Советского Союза Англия проводит конференцию, посвященную послевоенному мирному урегулированию с не участвующими в войне Соединенными Штатами, и не приглашает на нее своего союзника, который несет в это время тяжкое бремя борьбы за то, чтобы обеспечить победу антигитлеровской коалиции. Это было игнорирование интересов СССР правительствами Англии и США. Американский буржуазный историк У. А. Уильямс пишет, что «распространение Рузвельтом «ленд-лиза» на Россию не означало, что Москве отводили важную роль во всех планах, касавшихся будущего. Характер Атлантического совещания между Черчиллем и Рузвельтом 6 августа 1941 г. является убедительным свидетельством этого, ибо в Атлантической хартии, сформулированной Черчиллем и Рузвельтом до вступления Соединенных Штатов в войну, но после нацистского нападения на Россию, содержалось неписаное предположение, что Англия и Соединенные Штаты произведут послевоенное урегулирование для «всех народов во всех странах» [50]. Г. Фейс отмечает, что «в августе 1941 г. Рузвельтом владела идея, что Соединенные Штаты и Англия будут в состоянии обеспечить будущий политический и моральный порядок в мире просто потому, что они смогут определять мирное урегулирование и будут иметь силу... они должны были действовать как два полицейских» [51]. Эти планы не только обсуждались на закрытых конференциях, с ними выступали и открыто. Премьер-министр Канады Макензи Кинг публично заявил 4 сентября 1941 г., что «новый мировой порядок... может быть эффективным лишь в том случае, если он основывается на руководстве со стороны Британского содружества наций и Соединенных Штатов Америки» [52]. Все это означало, что Англия и США намерены были действовать в послевоенный период без учета интересов Советского Союза, по существу, против него. Это также означало, что забота Советского правительства о том, чтобы договориться с Англией о целях войны и планах организации послевоенного мира, высказанная в ноябре 1941 г., была в высшей степени оправданной и своевременной.

---

[49] См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР...». Т. I, стр. 31.

[50] W. A. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947. New York. 1952, p. 262.

[51] H. Feis. Указ. соч., стр. 21.

[52] «Labour Monthly», July 1942, p. 204.

В результате усилий Советского правительства, направленных к улучшению англо-советских отношений, в декабре 1941 г. в Москве состоялись переговоры между представителями Советского правительства и Иденом, прибывшим специально для этой цели в СССР. Переговоры закончились безрезультатно, ибо английское правительство заняло позицию, несовместимую с соблюдением законных интересов Советского Союза. Оно уклонилось от подписания соглашения о признании Англией в качестве западной границы Советского Союза после окончания войны пограничной линии, существовавшей до 22 июня 1941 года.

Вопрос о западных границах СССР стал предметом обсуждения между Советским и английским правительствами не случайно. Было известно, что определенные реакционные круги в Англии и США рассчитывали, что в результате войны западные границы СССР будут изменены в ущерб СССР. В ходе переговоров в июле 1941 г., приведших к восстановлению дипломатических отношений между правительствами СССР и Польши, обнаружилось, что английскому правительству не чужды такие расчеты [53]. Недруги Советского государства прямо говорили, что речь идет о том, что новые границы СССР, которые они хотели бы ему навязать, не должны включать прибалтийские республики, Западную Белоруссию, Западную Украину и некоторые другие территории. Реакционные круги Англии и США намеревались навязать Советскому Союзу после войны такие границы, которые отвечали бы их империалистическим антисоветским целям. Рупор этих кругов, английский журнал «Nineteenth century and after», писал в то время: «Особенно важно, чтобы Англия не делала в Восточной Европе уступок, не являющихся безусловно необходимыми для победы над немцами. Это верно даже в отношении трех балтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы... Никто не может сказать, какие границы... будут отвечать интересам Англии и будут наилучшим образом отвечать балансу сил, ибо нельзя предсказать, как сложится положение в Восточной Европе к концу войны» [54]. Это означало полное игнорирование ими воли народов этих территорий, в свое время единодушно высказавшихся за присоединение к Советскому Союзу. Стремление английских правящих кругов навязать Советскому Союзу границы, выгодные для Англии, означало, что эти круги собираются после победы оторгнуть от Советского государства часть его территории, резко ухудшить его стратегическое положение и ограничить его возможности осуществлять в будущем успешную оборону. Естественно, что это не могло не вызвать озабоченности у Советского правительства относительно того, каким будет мирное урегулирование после победы над гитлеровской Германией.

Переговоры с Иденом в конце 1941 г. подтвердили опасения Советского правительства на этот счет. Когда Советское правительство поставило вопрос о том, чтобы английское правительство признало границы СССР в том виде, как они существовали к моменту нападения на него гитлеровской Германии, Иден заявил, что его правительство «не может в настоящее время как-либо связывать себя в вопросе о послевоенных границах в Европе» [55]. Тем самым английское правительство как бы заявило, что оно не может взять на себя обязательство не требовать отторжения ряда советских территорий после войны. Как впоследствии стало известно, американское правительство целиком поддерживало эту английскую позицию. Накануне отъезда Идена в СССР государственный секретарь США К. Хэлл через американского посла в Лондоне Вайнанта уведомил Идена, что американское правительство категорически возра-

[53] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. III, стр. 349—350.
[54] Цит. по: «Labour Monthly», July 1942, p. 211.
[55] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. III, стр. 559.

жает против удовлетворения предложений Советского правительства и заключения с ним договора об этом [56].

Английское правительство понимало, что такое отношение к СССР с его стороны причиняет серьезный ущерб англо-советским отношениям. Поскольку Англия была жизненно заинтересована в союзе с СССР, Иден пытался смягчить положение, пообещав обсудить этот вопрос со своим правительством, с правительством США и с правительствами доминионов. Это была уловка, стремление выиграть время. Английское правительство зачастую ссылалось на необходимость консультации с доминионами, когда ему нужно уклониться от принятия решения. Иден в своих мемуарах вспоминает, как во время Тегеранской конференции в 1943 г. «однажды вечером в узком кругу руководителей трех держав Гарри Гопкинс дразнил Черчилля и меня английской конституционной практикой. «Мы несколько лучше знаем англичан, маршал Сталин, чем Вы,— заметил Гопкинс.— Хотите узнать, как действует их конституция?» «Хотелось бы»,— ответил Сталин. «Это зависит,— сказал Гопкинс,— преимущественно от результатов, которые хотят они получить. Если англичане хотят быстро согласиться, они это сразу же и делают. Если, однако, они в чем-либо не очень уверены или хотят затянуть дело, они вам скажут, что должны проконсультироваться с доминионами и что, покуда они не получат от всех их ответы, они не могут дать вам определенный ответ» [57]. Так поступило английское правительство и в конце 1941 г. в переговорах с СССР.

Однако вопрос, о котором шла речь, был слишком важен, чтобы от него можно было просто отмахнуться. После отъезда Идена переговоры о заключении договора продолжались в Лондоне между представителями английского правительства и послом СССР в Англии И. М. Майским.

Английское правительство заявляло, что оно, как и правительство США, считает необходимым отложить решение всех вопросов о границах, включая и вопрос о западных границах СССР, до послевоенной мирной конференции. При этом Советскому правительству заявлялось, что все его законные интересы будут удовлетворены этой конференцией. «Когда война будет выиграна, в чем я уверен,— писал У. Черчилль,— мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм», и что тогда не будет каких-либо препятствий «для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов» [58].

Однако здесь, как явствует из мемуаров Черчилля и других материалов, не обошлось без характерного для него лицемерия. Выше уже было показано, о каком «удовлетворении» интересов СССР договорились английские и американские руководители на Атлантической конференции в августе 1941 года. Через месяц после того, как Черчилль обещал учесть законные интересы СССР, он пишет Идену, что «не может быть и речи, чтобы мы заключили такое соглашение», то есть соглашение, гарантирующее целостность территории СССР [59]. Особенно нежелательным считал Черчилль соглашаться на сохранение в составе СССР прибалтийских республик, народы которых в 1940 г. единодушно приняли решение о вхождении в Советский Союз. Объяснение мотивов, которыми Черчилль руководствовался при этом, мы находим в его мемуарах. «После русской революции,— пишет Черчилль,— эти страны стали аванпостами Европы против большевизма», то есть против Совет-

[56] C. Hull. Memoires. Vol. II. New York. 1948, pp. 1165—1166.
[57] Anthony Iden. Full Circle. London. 1960, p. 334.
[58] «Переписка Председателя Совета Министров СССР...». Т. I, стр. 33.
[59] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. III, стр. 559.

ского Союза [60]. Таким образом, английскому и поддерживавшему его в этом вопросе американскому правительству хотелось вернуть прибалтийские республики и некоторые другие советские территории на путь капитализма и превратить их во враждебные СССР плацдармы.

Убеждая Советское правительство отложить решение вопроса о границах до мирной конференции, Черчилль рассчитывал, что на эту конференцию СССР придет таким ослабленным в ходе войны, что Англия и США смогут навязать ему все, что пожелают, в том числе и границы, отвечающие их интересам. В телеграмме Идену от 8 января 1942 г. по этому вопросу Черчилль писал: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи» [61]. Историк Макнейл в книге, изданной с грифом английского Института международных отношений, отмечает, что Черчилль и «некоторые английские официальные лица» откладывали вопрос о советской западной границе до «какой-то будущей мирной конференции, когда, как можно было ожидать, война изменит распределение военной и экономической мощи в пользу англо-американцев и в ущерб русским. Выступление Черчилля поддерживали Соединенные Штаты. По крайней мере некоторые поляки (имеются в виду члены эмигрантского правительства.— *В. Т.*) также вполне соглашались оставить решение вопроса о границах на будущее, когда, как они воображали, ослабленная войной или потерпевшая поражение Россия не будет в состоянии сопротивляться реализации по крайней мере части их амбиций» [62]. Так в действительности намеревались английские правящие круги «учитывать» интересы СССР на будущей мирной конференции.

Однако военно-политическая обстановка к весне 1942 г. сложилась таким образом, что правящие круги Англии начали подумывать о некотором изменении своей позиции. Они все больше понимали, что победа союзников и их будущее зависят от успехов Советского Союза. Неудачи английских вооруженных сил были настолько велики, что даже весьма сдержанный английский журнал «Economist» счел необходимым 21 февраля 1942 г. дать военному положению Англии следующую оценку: «Английский народ обнаружил прекрасное терпение по отношению к длинному ряду бедствий и разочарований. Но он начинает очень уставать от постоянных потерь, которые обычно очень тяжелы. Во всей истории этой войны английская армия не имела ни одного сколько-нибудь значительного успеха, который делал бы ей честь, если не считать пиррровой победы в Дюнкерке или весьма временных выигрышей в Ливии. В данный момент Англия проигрывает войну. Гитлер, вероятно, проигрывает ее также, Россия, вероятно, выигрывает ее, а Америка, может быть, готовится выиграть ее, но Англия проигрывает войну» [63]. Черчилль не расходился с «Economist» в оценке положения и 5 марта писал Рузвельту, что «сейчас весь фронт — от Леванта до Каспия — целиком и полностью зависит от успеха русских армий» [64]; тремя неделями позже он опять убеждает Рузвельта, что «теперь все зависит от широкой русско-

---

[60] Там же, стр. 615.
[61] Там же, стр. 616.
[62] W. H. McNeil. America, Britain and Russia. Their Co-operation and Conflict. 1941—1946. London. 1953, pp. 47—48.
[63] «Economist», 21 February 1942, p. 242.
[64] W. S. Churchill. Указ. соч. T. IV, стр. 169.

германской борьбы» [65]. Аналогичным образом расценивали положение и руководящие военные деятели Англии, которые на протяжении войны всегда мыслили в одном направлении с Черчиллем. Когда ко Дню Красной Армии в феврале 1942 г. начальник имперского генерального штаба Алан Брук и начальник военно-воздушного штаба маршал авиации Чарльз Портал писали начальнику Генерального штаба Красной Армии маршалу Б. Шапошникову, что «вместе мы обеспечим окончательную победу над нашим общим врагом» [66], это не было формальной и протокольной вежливостью. Именно так реалистически думали весной 1942 г. гражданские и военные руководители Англии. Верно оценив обстановку, они сделали и верный вывод о том, что нельзя игнорировать усилия Советского правительства, направленные на улучшение англо-советских отношений и тем самым на укрепление всего фронта антифашистской коалиции. Влиятельная консервативная газета в те дни писала: «В последнее время было много свидетельств того, что значительно более теплое настроение, настроение, для которого характерно большее взаимное доверие, воодушевляет переговоры, направленные на установление самого тесного практического сотрудничества между Лондоном и Москвой. У английской стороны есть глубокое желание, равнозначное решимости, чтобы все практически возможные шаги были сделаны для укрепления связей, ныне соединяющих обе страны» [67].

Поэтому и возникли у Черчилля колебания относительно того, стоит ли продолжать стоять на той позиции в отношении западных границ СССР, которую занимало английское правительство во время поездки Идена в Москву в декабре 1941 г. и позднее. «Теперь, тремя месяцами позже,— замечает Черчилль в своих мемуарах,— под давлением событий, я не думал, что эту позицию физически возможно сохранить. В борьбе не на жизнь, а на смерть неправильно брать на себя большее бремя, чем в состоянии нести те, кто сражается за великое дело. Мои взгляды в вопросе о прибалтийских государствах были и остаются неизменными, но я считал, что в то время я не мог на них настаивать» [68].

7 марта 1942 г. Черчилль писал по этому вопросу Рузвельту: «Если Уайнант (посол США в Англии.— *В. Т.*) сейчас с вами, он, несомненно, объяснит вам точку зрения английского министерства иностранных дел по поводу России. Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии не следует истолковывать таким образом, что они лишают Россию границ, которые она занимала, когда на нее напала Германия. Это было основой, на которой Россия присоединилась к хартии» [69]. Потребовалась «возрастающая серьезность войны», чтобы Черчилль начал размышлять о необходимости уважительного отношения к законным интересам народов СССР. Он просил американцев предоставить ему «свободу рук» для подписания договора с Советским Союзом и затем заметил: «Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского вторжения в Россию, и мы очень мало что можем сделать, чтобы помочь этой стране» [70].

Однако американское правительство заявило о своих возражениях против этого предложения Черчилля. Государственный секретарь Хэлл, как замечает Фейс, «был все еще категорически против него» [71]. Не желали уважать законные права Советского Союза не только государственный департамент, но и начальники штабов вооруженных

---

[65] Там же, стр. 179.
[66] «Times», February 24, 1942.
[67] «Daily Telegraph», April 1, 1942.
[68] W. S. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 293.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] H. Feis. Указ. соч, стр. 60.

сил США [72]. Это означало, что американские реакционные круги не могли расстаться с ненавистью к Советскому государству и осложняли цементирование фронта государств против агрессии.

Поскольку Черчилль и его коллеги целиком и полностью разделяли эти чувства, английское правительство не настаивало перед американцами на необходимости поступить справедливо в отношении СССР, и, когда в Лондон прибыл министр иностранных дел СССР, переговоры об англо-советском договоре сразу же зашли в тупик. Когда Хэлл получил 21 мая сообщение от Идена о позиции, занятой в переговорах с англичанами советским министром, он, «Хэлл,— как замечает Фейс,— казалось, завертелся от возбуждения» [73]. Президент Рузвельт, насколько можно судить по имеющимся данным, не разделял этих враждебных СССР устремлений госдепартамента, американской военщины и других реакционных кругов. Свидетельство этого мы находим в мемуарах К. Хэлла. К. Хэлл пишет, что когда он представил в связи с сообщением Идена меморандум президенту по этому вопросу, составленный в сильных враждебных СССР выражениях, то «мы (то есть работники госдепартамента.— *В. Т.*) несколько боялись, что президент не одобрит его» [74]. Очевидно, воздействие К. Хэлла и его единомышленников на президента было настолько сильным, что он не занял реалистической и справедливой позиции в вопросе о содержании англо-советского договора. Американское правительство приняло меры, чтобы помешать заключению англо-советского договора в духе полного уважения прав и интересов СССР. Одним из средств, к которому прибегло американское правительство, было обещание Советскому Союзу открыть второй фронт в 1942 г. с тем, чтобы он только не настаивал на немедленном решении вопроса о границах. Рузвельт направил в СССР послание с просьбой командировать советского министра в США для переговоров о втором фронте еще до того, как в Лондоне Гопкинс и Маршалл договорились по этому вопросу с англичанами. «Для этой спешки,— замечает Фейс,— он имел серьезное основание. Он надеялся, что, дав Советскому правительству удовлетворение в этом жизненно важном военном вопросе, он сможет побудить его отказаться от усилий, направленных на включение вопроса о советских границах в союзный договор с Англией» [75].

Когда начались переговоры советского министра с английским правительством в Лондоне, американцы в качестве отвлекающего средства использовали также обещание оказать СССР экономическую помощь после войны. Фейс сообщает, что вечером 24 мая Уайнант встретился с советским министром и, «сославшись на программу помощи России, которую американское правительство имеет в виду, и на второй фронт», подчеркнул, насколько сильно оно «было против рассмотрения проблемы границ в данное время» [76]. К. Хэлл пишет, что Уайнант заявил советскому представителю, что «мы готовы обсудить торговую политику с русскими и мы также пытаемся разработать программу помощи, включающую Россию. Уайнант выразил наш интерес ко второму фронту...»; он подчеркнул, что правительство США «определенно против включения соглашений о границах в англо-советский договор» [77].

В результате такой позиции руководящих кругов Англии и США перед Советским правительством возникла дилемма: продолжать настаивать на своих совершенно справедливых предложениях и тем самым поставить под вопрос возможность немедленного заключения союзного

---

[72] S. Welles. Seven Decisions that Shaped History. New York. 1950, pp. 134—135.
[73] H. Feis. Указ. соч., стр. 62.
[74] C. Hull. Указ. соч. Т. II, стр. 1172.
[75] H. Feis. Указ. соч., стр. 58.
[76] Там же, стр. 63.
[77] C. Hull. Указ. соч. Т. II, стр. 1173.

договора с Англией или же заключить договор в том виде, как он был согласован в ходе переговоров? В интересах общего дела народов, руководствуясь соображениями укрепления антигитлеровской коалиции, стремясь к упрочению отношений с Англией и США, Советское правительство приняло решение о немедленном подписании англо-советского договора. Тем самым Советское правительство проявило дух сотрудничества и доброй воли. Это всегда было характерной чертой внешней политики СССР. «Почти по каждой политической проблеме русские делали значительные уступки в интересах достижения соглашения»,— пишет в своих мемуарах американский адмирал Леги, сопровождавший Рузвельта во время его поездки на международные конференции в годы войны [78]. К. Хэлл замечает в связи с согласием Советского правительства при подписании договора с Англией опустить из его текста вопрос о границах: «Это была определенная уступка» со стороны Советского Союза [79].

26 мая в здании министерства иностранных дел Англии был подписан договор между Советским Союзом и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Договор состоял из двух частей, первая из которых содержала обязательство СССР и Англии оказывать друг другу военную помощь и поддержку всякого рода в войне с Германией и ее сателлитами. Участники договора обязались не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе как по взаимному согласию.

Вторая часть договора определяла взаимоотношения обеих стран в послевоенный период. Она предусматривала сотрудничество и взаимную помощь СССР и Англии после войны. В ней было зафиксировано обязательство СССР и Англии сотрудничать с другими странами в деле создания международной организации в целях укрепления мира и предотвращения агрессии, в организации безопасности и экономического процветания в Европе. СССР и Англия согласились принять после окончания военных действий все меры, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе. В случае, если одна из договаривающихся сторон оказалась бы в послевоенный период вовлеченной в военные действия с Германией или ее сообщниками в Европе, другая сторона обязана была сразу же оказать ей военную и другую помощь и содействие. СССР и Англия договорились не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против одной из них. Первая часть договора должна была действовать до восстановления мира между СССР и Англией, с одной стороны, и Германией и ее сателлитами — с другой; срок действия второй части устанавливался в 20 лет [80].

Первая часть договора, в основном повторяя содержание англо-советского соглашения от 12 июля 1941 г., превращала его в официальный договор. Кроме этого, она содержала существенное уточнение. Если соглашение 1941 г. говорило об оказании Советским Союзом и Англией военной и другой помощи и поддержки только против Германии, то договор говорил уже о совместной борьбе как с Германией, так и с ее со-

---

[78] D. Leahy. I was there. New York. 1950, pp. 317—318.

[79] C. Hull. Указ. соч. Т. II, стр. 1173.

[80] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 270—273.

юзниками в Европе. Вторая часть договора была совершенно новой. В ней впервые были сформулированы основные принципы дружественных отношений между СССР и Англией после войны и сотрудничества участников договора с другими государствами — членами антигитлеровской коалиции при заключении мира в послевоенный период.

Несмотря на то, что из-за несогласия английской стороны в договор не были включены некоторые предложения Советского правительства, он имел большое положительное значение в укреплении отношений между СССР и Англией и упрочении антифашистской коалиции. Именно поэтому договор встретил горячее одобрение в СССР, Англии и среди широких народных масс стран антифашистского фронта. Договор наносил мощный удар по притаившимся в Англии мюнхенцам. Подписывая с СССР договор о совместной борьбе Англии и Советского Союза с гитлеровской Германией и о сотрудничестве в послевоенном мире, английское правительство, желало оно того или нет, признавало крах политики Мюнхена, политики, в основе которой лежала борьба Англии совместно с Германией против СССР.

Важное военное значение договора состояло также в том, что он затруднял возможность сговора с гитлеровцами для тех реакционных кругов Англии, которые предпочитали мир с гитлеровской Германией войне с ней. Именно эти круги распространяли время от времени слухи о том, будто возможен сепаратный мир между СССР и Германией. «Лейбор мансли» писал в этой связи: «Суть состоит не в том, что договор покончил с предполагаемыми надеждами Гитлера на сепаратный мир с СССР — инсинуации о чем совершенно недавно распространяли различные злобные болтуны от Гарольда Никольсона и группы имперской политики до определенных членов исполкома лейбористской партии,—а в том, что он кладет конец надежде Гитлера на то, что, размахивая пугалом европейского коммунизма перед глазами английского правительства, он может преуспеть в деле запугивания Англии до такой степени, что она пойдет на сепаратный мир»[81].

Для того, чтобы подчеркнуть большое значение, которое СССР придавал англо-советскому договору, его ратификация была произведена не Президиумом Верховного Совета СССР, а специально созванной сессией Верховного Совета. Советский Союз ратифицировал договор 18 июня, а Англия — 24 июня 1942 года.

В Англии народные массы восторженно приветствовали англо-советский договор. Большая часть правящих кругов также положительно отнеслась к договору, справедливо считая, что он укрепляет позиции Англии в войне против ее противников, и обоснованно надеясь, что союзные отношения с СССР улучшат положение Англии в системе послевоенных международных отношений. Оформленный договором от 26 мая 1942 г., союз с СССР рассматривался в Англии не только как надежное средство достижения победы в войне, но и как залог создания отвечающего английским интересам послевоенного мирного урегулирования.

Английское правительство пошло на заключение формального союза с СССР потому, что к весне 1942 г. поняло, что без Советского Союза Англия, даже имея на своей стороне США, не сможет выиграть войну против Германии. Выступая по радио из Нью-Йорка 23 апреля, лорд Бивербрук заявил, что «Россия может добиться победы в 1942 году. Это шанс, это возможность закончить войну немедленно. Но если русские потерпят поражение и будут выведены из войны, для нас уже никогда не будет больше такого шанса»[82]. 21 июня в Бирмингаме, произнося речь

[81] «Labour Monthly», July 1942, p. 205.

[82] W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London. 1943, p. 709.

перед 30-тысячной демонстрацией в поддержку англо-советского договора, Бивербрук говорил, что «германская армия в настоящее время вторгалась бы в Англию, если бы русская армия была разбита прошлой осенью. Во имя будущего мы должны работать вместе во время войны и во время мира» [83]. Это не были пустые слова. Бивербрук действительно говорил то, что думал. Не следует упускать из виду, что он был близким другом Черчилля и одним из влиятельнейших людей в среде английских капиталистов. Впоследствии генерал-лейтенант Ян Джейкоб, являвшийся в годы войны секретарем английского военного кабинета, писал, что «если бы Россия потерпела поражение в 1941 г. и Германия использовала все военные и промышленные ресурсы континента для единственной цели — разрушения Англии, то сомнительно, чтобы Англия выжила даже при поддержке всего Содружества наций (то есть Британской империи.— *В. Т.*) и Соединенных Штатов» [84].

Английское правительство понимало, что оно будет нуждаться в поддержке со стороны СССР, и, следовательно, было заинтересовано в упрочении отношений с ним в послевоенный период. Сообщая палате общин 11 июня о заключении англо-советского договора, Иден заявил, что «без самого тесного взаимопонимания между Англией и Советским Союзом не может быть безопасности и устойчивости в Европе ни для нас, ни для наших союзников» [85]. Выступивший затем Ллойд-Джордж сказал, что «если бы договор был заключен несколько лет тому назад, то можно было бы избежать многих тяжелых, грубых ошибок во внешней политике. И не только этого. Эта война никогда не могла бы случиться» [86]. В речи 20 июня на массовом митинге, состоявшемся в Лондоне в Эмпресс-холл, член военного кабинета Стаффорд Криппс заявил, что англо-советский договор «будущие поколения будут приветствовать... как краеугольный камень в фундаменте послевоенного мира» [87].

Союз с СССР после войны позволял Англии не только обеспечить ее безопасность от угрозы со стороны ее тогдашних врагов, и прежде всего Германии, но также укреплял ее позиции во взаимоотношениях со своим союзником — Соединенными Штатами, в определенную зависимость от которых она уже попала в годы войны. Тогда уже было ясно, что в послевоенном мире Англии придется встретиться с дальнейшим мощным и решительным наступлением со стороны США на ее интересы. Именно поэтому Соединенные Штаты всячески мешали тому, чтобы договор был всеобъемлющим и решал все основные спорные вопросы, существовавшие тогда в отношениях между Англией и СССР.

Английское правительство смогло преодолеть сопротивление реакционных кругов и пошло на заключение формального договора с СССР как в силу определенной заинтересованности в укреплении союзных отношений с Советским государством, так и под воздействием народа Англии, требовавшего тесного объединения с СССР в целях быстрейшего завоевания победы над фашизмом. Героическая борьба Красной Армии против фашистских полчищ имела своим результатом быстрый рост симпатий к СССР в английском народе. Под воздействием сообщений о ходе сражений на советско-германском фронте с глаз англичан спадала пелена, сотканная из лжи и фальсификаций многолетней антисоветской пропагандой реакционных кругов, активность которых резко ограничилась в этот период в силу жизненной заинтересованности Англии в союзе с СССР. Ко времени нападения японцев на Пирл-Харбор, замечает Макнейл, «английский народ почти забыл» те чувства вражды

---

[83] Там же, стр. 721.
[84] «United Kingdom Policy: Foreign, Strategic, Economic». London. 1950, p. 41.
[85] W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 715.
[86] Там же, стр. 716.
[87] Там же, стр. 720.

к СССР, которые ему пытались привить на протяжении многих лет, «на их место пришло восхищение» [88].

О глубоком изменении отношения к СССР в Англии можно судить по английской печати, широко комментировавшей первую годовщину советско-германской войны, почти совпавшую с объявлением о заключении англо-советского договора. «Оглядываясь назад, на гигантские усилия германского вермахта в России,— писал Уорд Прайс в «Дейли мэйл»,— мы значительно лучше отдаем себе отчет о том, каким отчаянным было бы наше положение, если бы немецкое нападение было направлено против нас, и в какой огромной степени упорное сопротивление Советского Союза помогло нашему делу» [89]. В те же дни другая английская газета, «Таймс», писала, что «Англия и Советская Россия выйдут из войны как две великие европейские державы, чьи ресурсы и решимость дали им возможность справиться с германской мощью. Здание европейского мира должно быть поистине международным и должно создаваться на основе свободы и сотрудничества народов Европы. Но Англия и Россия останутся главными опорами, на которых будет покоиться все строение. До тех пор, пока они будут вместе, здание мира будет стоять непоколебимо. Если они разойдутся, то ничто другое уже не поможет. Широко распространенный в народе Англии энтузиазм как в отношении достижений, так и идеалов Советской России... основывается... на реальном понимании нужд и условий, которые сложатся в будущем» [90]. Историки англо-советских отношений Уильям и Зельда Коатс справедливо отмечают, что «в этих ярких фразах Уорд Прайс и «Таймс» суммировали то, что пресса в целом писала, и то, что английский народ думал» [91] в дни объявления о заключении англо-советского договора, совпавшие с первой годовщиной начала советско-германской войны.

Однако не все в Англии приветствовали установление долговременных союзных отношений с СССР. Та часть английских правящих кругов, у которой озлобление против социалистического государства было настолько сильно, что она готова была жертвовать национальными интересами страны в угоду своей антисоветской ненависти, отрицательно относилась к заключению англо-советского договора. Хотя эти враждебные Советскому Союзу и английскому народу силы и вынуждены были до времени прятаться по темным углам, однако их деятельность была опасной и вредной, и в дальнейшем она привела к тому, что англо-советский договор 1942 г. дал значительно меньше в борьбе за победу и послевоенный мир, чем он мог бы дать.

Заключение в мае 1942 г. советско-англо-американского соглашения о втором фронте и союзного договора с Англией явилось международным признанием силы и успехов Советской Армии и советского народа в борьбе против общего врага всех свободолюбивых народов. Это было успехом внешней политики СССР, направленной на развитие и укрепление дружественных отношений с США, Англией и другими участниками единого фронта народов в вооруженной борьбе против фашистских агрессоров, ленинской политики мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, обеспечившей возможность установления в годы второй мировой войны отношений военно-политического сотрудничества между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Англией.

---

[88] W. H. McNeil. Указ. соч., стр. 51.
[89] W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 721—722.
[90] Там же, стр. 722.
[91] Там же.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЮЖНОГО УРАЛА ПО РАЗМЕЩЕНИЮ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ в 1941—1942 годах

А. Ф. Васильев

К числу выдающихся подвигов советского народа в годы Великой Отечественной войны относится беспримерное по масштабам перемещение на Восток промышленных предприятий из западных и юго-западных районов страны. Изучение этой проблемы представляет большой научный и политический интерес, так как помогает раскрыть преимущества советской социалистической системы хозяйства перед капиталистической, показать закономерный характер победы СССР над фашистской Германией. Вместе с тем приходится признать, что перебазирование промышленности не нашло должного отражения в советской историографии. Частично эта проблема освещается в трудах более широкого плана. Из работ, специально посвященных данной проблеме, можно назвать статьи Л. М. Кантора, А. Ф. Хавина и А. В. Митрофановой [1]. В исторической литературе совсем нет исследований по истории борьбы Коммунистической партии за перебазирование промышленности на Восток.

Автор настоящей статьи делает попытку на основе новых архивных материалов осветить ряд проблем, которые пришлось решать советским людям при размещении эвакуированных заводов и фабрик, и на примере деятельности партийных организаций Южного Урала показать руководящую роль КПСС в деле восстановления перебазированных предприятий.

★

За годы Советской власти Урал превратился в могучую базу социалистической индустрии. В период первых пятилеток здесь развернулось строительство десятков крупнейших заводов и прежде всего гигантов тяжелой индустрии. С 1929 по 1937 г. в этом районе в строй вошло свыше 200 новых крупных предприятий. С 1927 по 1937 г. валовая продукция крупной промышленности на Урале выросла почти в 7 раз. Причем 90% всей промышленной продукции Урала давали новые и реконструированные заводы. За предвоенные годы третьей пятилетки выпуск продукции крупной промышленности на Урале возрос более чем в 5 раз. Вместе с тем в это время здесь был построен ряд предприятий легкой и пищевой промышленности [2].

Мощная индустриальная база, созданная на Урале советским народом, дала возможность разместить здесь в первый период Отечественной войны свыше 450 крупных промышленных предприятий, эвакуи-

---

[1] Л. М. Кантор. Перебазирование промышленности СССР. «Записки планового института». Вып. VI. Л. 1947; А. Хавин. Великое перемещение индустрии (из истории перебазирования советской промышленности во время Отечественной войны). Журнал «Новый мир», 1948, № 6; А. В. Митрофанова. Эвакуация промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). «История СССР», 1960, № 3.

[2] См. Большая Советская Энциклопедия. Изд. II. Т. 44, стр. 294—295.

рованных из западных районов страны. Из них около 320 обосновались на Южном Урале [3].

Эвакуация промышленности представляла собой сложнейшую задачу. Надо было не только вывезти оборудование, но так же быстро разместить предприятия и ввести их в строй на новых местах. Речь шла не о простой эвакуации станков и агрегатов, а о перебазировании в кратчайшие сроки целых отраслей промышленности, о перемещении на Восток многих сотен заводов и фабрик.

Эвакуация осуществлялась под непосредственным руководством Центрального Комитета Коммунистической партии. Для оперативного решения вопросов, связанных с перебазированием промышленности, при Государственном Комитете Обороны был создан специальный орган — Совет по эвакуации — во главе с Н. М. Шверником. ЦК ВКП(б), СНК СССР, ГКО рассматривали планы размещения эвакуируемых предприятий, решали вопросы об их кредитовании, об устройстве на новых местах рабочих, служащих и их семей. Проблема перебазирования промышленности нашла отражение в военно-хозяйственном плане, принятом партией и правительством на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии [4].

Работу на местах по размещению эвакуированных заводов и фабрик возглавили партийные организации. Военная обстановка зачастую требовала безотлагательного решения на месте важнейших хозяйственных и производственных вопросов. В условиях военного времени партийные органы нередко брали на себя функции непосредственного управления хозяйством. Партия вместе с тем принимала все меры к тому, чтобы повысить ответственность и активизировать деятельность советских, профсоюзных и других организаций в мобилизации масс на перестройку экономики страны применительно к нуждам фронта. Советы, профсоюзы, комсомол, хозяйственные органы много сделали для восстановления и скорейшего ввода в эксплуатацию эвакуированных заводов и фабрик.

Большую помощь в рациональном размещении перебазированных предприятий оказали советские ученые, и в частности Комиссия по мобилизации на нужды обороны ресурсов Урала, созданная в Свердловске в августе 1941 г. по инициативе президента Академии наук СССР В. Л. Комарова. В работе комиссии принимали активное участие крупнейшие ученые — академики А. А. Байков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. А. Обручев и другие. Члены комиссии в связи с размещением эвакуированных заводов изучали на месте состояние строительных площадок на действующих предприятиях, стремились к тому, чтобы устанавливаемые агрегаты были тесно связаны с действующим оборудованием и обслуживались вспомогательными цехами уральских заводов [5].

Чтобы облегчить восстановление и скорейший ввод в строй эвакуированного оборудования, оно по возможности адресовалось в те пункты, где имелись родственные отрасли промышленности. Так, в Челябинскую область, располагающую мощной металлургической индустрией, наибольшее число заводов (54) было эвакуировано по Наркомату черной металлургии. В то же время по Наркомлегпрому сюда эвакуировалось 8, а по Наркомату пищевой промышленности — всего 5 предприятий [6]. Однако произвести эвакуацию с учетом наличия на новых местах

[3] Челябинский областной партийный архив (ЧОПА), ф. 288, оп. 3, д. 466, л. 2; Оренбургский областной партийный архив (ООПА), ф. 371, оп. 9, д. 304, лл. 1—4; «Советская Башкирия. Исторические очерки». Уфа. 1957, стр. 284.

[4] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Т. II. М. 1957, стр. 708.

[5] Н. П. Липатов. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Очерки истории строительства. М. 1960, стр. 27—28.

[6] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 466, лл. 1—2.

родственных отраслей промышленности не всегда удавалось. Нередко оборудование приходилось направлять в районы, где однотипных предприятий не имелось.

При размещении на новых местах эвакуированных заводов и фабрик необходимо было подыскать свободные производственные площади или построить новые помещения, разгрузить и доставить на монтажные площадки прибывшее по эвакуации оборудование, установить станки и агрегаты и пустить их в ход, обеспечить жильем сотни тысяч людей, приехавших из западных районов, наладить систему кооперирования эвакуированных предприятий друг с другом и с местными предприятиями, изыскать недостающую рабочую силу и в сжатые сроки обучить новое пополнение, обеспечить прибывшие заводы электроэнергией и многое другое.

Подавляющая часть оборудования, эвакуированного на Южный Урал, разместилась на площадях местных заводов и фабрик. Из 171 предприятия, прибывшего в Челябинскую область, лишь 58 были восстановлены как самостоятельные хозяйственные объекты, а оборудование остальных 113 влилось в действующие заводы [7]. В Челябинске на машиностроительном заводе имени Д. В. Колющенко разместилось несколько предприятий. А на заводе имени Серго Орджоникидзе полностью или частично было установлено оборудование 23 предприятий [8]. На площадях Магнитогорского металлургического комбината и Златоустовского металлургического завода разместилось оборудование почти всех заводов Наркомата черной металлургии, эвакуированных в Челябинскую область [9]. Даже такой крупный завод, как Кировский, после эвакуации из Ленинграда в основном расположился на производственных площадях одного предприятия — Челябинского тракторного завода.

Размещение перебазированного оборудования на свободных площадях местных предприятий позволяло в минимальные сроки ввести это оборудование в строй и организовать на нем производство боевой техники, в которой осенью 1941 г. фронт испытывал острейшую нужду.

Из числа тех предприятий, которые восстанавливались как самостоятельные объекты, большинство также получило готовые помещения. Только одному заводу, эвакуированному в Чкалов, было выделено около 30 тыс. кв. м производственных площадей [10]. Завод Наркомата нефтяной промышленности, эвакуированный в Чкаловскую область, получил здания Бердинского кирпичного завода [11], а станкостроительный завод «Коммунар», прибывший из г. Лубны, разместился в помещениях Саракташской МТМ [12].

Однако зданий промышленного типа для всех эвакуированных предприятий не хватало. Поэтому значительная часть их разместилась в помещениях учреждений, институтов, магазинов, клубов и т. п. Первому государственному часовому заводу, прибывшему в Златоуст, пришлось занять здание драматического театра [13]. В здании оперного театра разместился завод «Калибр», перебазированный из Москвы в Челябинск [14].

Нередко оборудование одного предприятия приходилось размещать в нескольких зданиях, расположенных вдали друг от друга. Например, оборудование текстильной фабрики имени В. П. Ногина было смонти-

---

[7] Там же, л. 2.
[8] Там же, оп. 5, д. 877, л. 20.
[9] Там же, оп. 3, д. 466, л. 1.
[10] ООПА, ф. 267, оп. 13, д. 6, л. 5.
[11] Центральный партийный архив Института марксизма ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 22, д. 3711, л. 180.
[12] Там же, д. 3735, л. 131.
[13] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 369, л. 127.
[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2423, л. 46.

ровано в помещениях челябинского кинотеатра «Пролетарий» и двух магазинов [15]. А завод, прибывший в Троицк, занял помещения пивоваренного завода, автобазы, складов маслозавода, школы комбайнеров и др. [16].

Размещение оборудования в зданиях непромышленного типа в силу военной необходимости требовало их значительной реконструкции и порождало в работе предприятий серьезные трудности. Однако в сложных условиях первого периода войны все же было выгоднее и быстрее переоборудовать эти здания, чем строить новые корпуса.

Перебазирование предприятий обычно производилось с учетом наличия помещений, пригодных для их размещения. Но предусмотреть это не всегда было возможно. Поэтому иногда изыскивать нужные площади приходилось уже после прибытия эшелонов с оборудованием. Шнуроплетельной фабрике, прибывшей в Чкалов, по решению обкома партии было предоставлено помещение клуба Оренбургской железной дороги [17]. Для размещения завода «Медаппаратуры» Чкаловский городской комитет ВКП(б) предложил Дзержинскому райсовету предоставить здание райсобеса [18]. Челябинский обком партии выделил заводу «Динамо» в городе Миассе 1 200 кв. м производственных площадей и 3 600 кв. м складских помещений [19].

Для выявления зданий, где бы можно было разместить эвакуированное оборудование, по инициативе партийных органов специально обследовались различные объекты. В ноябре 1941 г. по инициативе и по решению Чкаловского обкома и Халиловского райкома партии был произведен осмотр промышленных зданий и других сооружений Магнезитового завода, Халиловской МТС и рудника «Айдарбак» с целью размещения на площадях этих предприятий завода «Станкопатрон». Были найдены пригодными для этой цели помещение клуба поселка Халилово (1 200 кв. м), двухэтажный корпус Магнезитового завода (1 070 кв. м), здания гаражей и складов (2 100 кв. м) и другие помещения. В общей сложности здесь удалось выявить свыше 5 тыс. кв. м [20]. Одновременно Чкаловский обком ВКП(б) организовал обследование построек Каинды-Кумакского совхоза. Комиссия нашла возможным разместить на свободных площадях без ущерба для совхоза оборудование двух московских предприятий [21].

Сочетание строгого планового начала, отличавшего действия центральных государственных органов, с творческой инициативой местных партийных и советских организаций позволило обеспечить наиболее рациональное с точки зрения интересов экономики размещение эвакуированных предприятий.

Нелегко было погрузить и перевезти оборудование за тысячи километров. Однако не меньше трудностей возникало при восстановлении его после перебазирования. Прибывало эшелонов много, и разгрузить их надо было быстро. Местные партийные органы старались привлечь для этого все имевшиеся в наличии разгрузочные машины и механизмы. Так, Уфимский горком ВКП(б) 21 ноября 1941 г., рассмотрев вопрос о мероприятиях по усилению разгрузки оборудования прибывшего в Башкирию крупного завода, обязал руководство двух строительных трестов выделить этому заводу пять гусеничных и два железнодорожных крана [22]. Чкаловский обком партии предложил руководству

---

[15] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 424, л. 43.
[16] Там же, д. 465, л. 1.
[17] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3736, лл. 78—79.
[18] Там же, оп. 1, д. 2509, лл. 156—157.
[19] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 462, л. 341.
[20] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 220, лл. 8—9.
[21] Там же, д. 228, л. 34.
[22] Башкирский областной партийный архив (БОПА), ф. 122, оп. 21, д. 261, л. 224.

Южно-Уральской железной дороги предоставить Ново-Краматорскому заводу 45-тонный кран для разгрузки тяжелого оборудования, прибывшего в адрес завода [23]. Число таких примеров можно увеличить. Они свидетельствуют о том, что партийные органы оперативно вводили в действие все резервы, использовали все возможности для ускорения разгрузочных работ.

Но кранов и транспортеров не хватало даже для разгрузки особенно тяжелых агрегатов. Разгружать прибывшие эшелоны приходилось в основном вручную, для чего требовалось много рабочей силы, которой также не хватало. Дело осложнялось тем, что рабочие эвакуированных предприятий приезжали обычно позже прибытия эшелонов с оборудованием. Парторганизациям Южного Урала пришлось широко привлечь к разгрузочным работам местное население. В конце августа 1941 г. Орский горком ВКП(б) мобилизовал на разгрузку станков и машин 1 500 человек [24]. Для этой же цели партийная организация Уфы по решению городского комитета партии мобилизовывала ежедневно несколько тысяч рабочих [25]. На разгрузку направлялись прежде всего служащие различных учреждений, что освобождало промышленные предприятия от необходимости снимать рабочих с производства.

Парторганизации принимали меры к сохранению и сбережению выгружаемых станков и машин. Они заботились о том, чтобы к эвакуированному имуществу было обеспечено бережное отношение. Это было тем более необходимо, что хранить его до начала монтажа приходилось в неблагоприятных условиях, зачастую под открытым небом. Бюро Челябинского обкома партии 8 октября 1941 г. специально обсудило вопрос «О сохранности эвакуированного оборудования». Бюро создало комиссию под председательством секретаря обкома Л. С. Баранова, перед которой поставило задачу осуществлять контроль за хранением и использованием перебазированного имущества [26]. В Магнитогорске из представителей партийных и советских органов также была создана комиссия, которая организовала прием, сортировку, учет и хранение оборудования. В Каменске-Уральском после решений обкома партии был произведен тщательный учет оборудования, выяснена его стоимость, выявлено, какие станки и машины надо переадресовать за невозможностью использования их на месте [27].

Забота партийных организаций о сбережении эвакуированного имущества предохраняла от порчи и расхищения народное достояние, которое затем было поставлено на службу интересам обороны Родины.

Сложным делом была переброска оборудования от железнодорожных станций на монтажные площадки. Гужевого и автомобильного транспорта часто не хватало для обслуживания действующих заводов и фабрик. Парторганизации принимали срочные меры к устранению трудностей, собирая и мобилизуя транспортные средства всюду, где имелась к тому хоть малейшая возможность. Для транспортировки станков одного из заводов по решению Уфимского горкома партии предприятия и стройки города должны были выделить в общей сложности 24 трактора, 55 автомашин (из них 10 пятитонок), 3 паровоза, 100 лошадей [28]. Помимо транспортных средств промышленных предприятий, партийные органы привлекали к перевозке оборудования и сельский транспорт. Так, Башкирский обком ВКП(б) для перевозки

---

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2492, л. 174.
[24] ООПА, ф. 748, оп. 1, д. 573, л. 152.
[25] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 261, л. 224.
[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3635, л. 156.
[27] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 403, л. 9.
[28] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 261, л. 225.

имущества этого же завода поручил Совнаркому БАССР привлечь из сельских районов в порядке трудовой повинности 500 подвод [29].

Для монтажа оборудования, доставленного к месту назначения, как правило, нужно было произвести определенные строительные работы. В одних случаях, как отмечалось, требовалось реконструировать здания, отведенные под монтаж, в других — заново построить недостающие помещения. Завод, прибывший из Брянска, после эвакуации получил производственные помещения бывшего Усть-Катавского вагоностроительного завода. Однако программа выпуска заводом оборонной продукции потребовала расширения выделенных заводу площадей и строительства новых цехов — сборочного и инструментального [30]. В Стерлитамаке при восстановлении станкостроительного завода имени В. И. Ленина также были произведены крупные строительные работы. Этому заводу были предоставлены корпуса недостроенного завода нефтяного оборудования. Чтобы обеспечить нормальную работу предприятия, строителям пришлось дополнить трехпролетный корпус двумя новыми пролетами, закончить строительство здания заводоуправления и переоборудовать его под инструментальный цех. Кроме того, были возведены новые здания для термического и кузнечного цехов [31].

Реконструкция зданий и сооружение новых помещений требовали немало строительных материалов и рабочих рук. Ни тем, ни другим эвакуированные предприятия в достаточном количестве не располагали. Выход имелся один: нужно было изыскать и мобилизовать местные ресурсы, в особенности ресурсы действующих заводов и фабрик. Именно по такому пути и пошли коммунисты Южного Урала. Для восстановления одного из заводов, прибывшего в Златоуст, по указанию горкома партии из фондов города и предприятий было выделено большое количество стройматериалов. Для участия в монтаже оборудования этого и еще нескольких эвакуированных заводов стройтрест № 24, Металлургический завод, завод Металлоконструкций и другие местные предприятия направили плотников, электриков, монтажников [32]. При введении в строй эвакуированного в Чкаловскую область завода сверл обком ВКП(б) выделил ему через Облплан 100 тыс. штук кирпича и 1 000 кубометров леса [33]. Обком помог также и заводу «Автозапчасть» в получении 900 кубометров леса для строительства производственных зданий (следует учесть, что в этой степной области лес был особенно дефицитным материалом) [34]. Значительную помощь кадрами строителей получил завод, прибывший в Медногорск. По решению горкома партии на монтажную площадку этого завода были переброшены все рабочие треста «Ормедьстрой» [35]. Кроме того, Чкаловский областной комитет партии дополнительно направил заводу 900 рабочих-строителей [36].

Разносторонняя помощь эвакуированным заводам и фабрикам со стороны местных предприятий явилась одной из главных предпосылок успешного размещения перебазированной промышленности.

С целью оказания непосредственно на месте практической помощи руководящие партийные органы Южного Урала посылали на эвакуированные предприятия своих работников. 20 октября 1941 г. Чкаловский обком ВКП(б) командировал на прибывшие заводы 10 человек, в том числе секретарей обкома Д. В. Хейло, П. И. Матыс, П. И. Титова, члена бюро обкома М. С. Ерогова и уполномоченного КПК по Чкаловской

---

[29] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 184, л. 126.
[30] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 384, л. 101.
[31] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 387, л. 202.
[32] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 960, л. 7.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2490, лл. 20—21.
[34] ООПА, ф. 267, оп. 13, д. 6, л. 43.
[35] Там же, ф. 371, оп. 9, д. 236, л. 11.
[36] Там же, л. 14.

области С. И. Пономарева [37]. В помощь парторганизациям предприятий, эвакуированных в Златоуст, были выделены бригады горкома партии, которые помогли широко развернуть агитационно-массовую работу среди прибывших коллективов.

На строительно-монтажные работы парторганизации привлекали всех членов коллектива, независимо от их специальности и занимаемой должности. К примеру, при восстановлении завода, эвакуированного в Медногорск, конструкторы А. Н. Антипин, Д. И. Горшков, инженеры М. Г. Столяров и М. Г. Варфаламеев входили в бригаду по перевозке и установке оборудования. Они извлекали из-под снега и убирали металл и другие материалы. Техник-конструктор Б. А. Кожевников, технолог С. Г. Степанов и конструктор М. Г. Тарнапольский перенесли на руках десятки тонн грузов. Почти без механизмов, в основном вручную они устанавливали и пускали станки[38].

Движимые горячей любовью к Родине, советские люди стремились отдать ей в трудный для нее час все свои силы. Каждый самоотверженно трудился там, куда посылала его партия. Героизм в тылу был столь же массовым, как и героизм на фронте.

Стремясь как можно быстрее ввести в строй эвакуированные предприятия, коммунисты старались организовать монтаж оборудования уже в процессе строительных работ. Бюро Стерлитамакского горкома партии, возложив восстановление станкостроительного завода имени В. И. Ленина на трест «Башгазстрой», предложило управляющему трестом одновременно со строительством вести монтаж поступающего для цехов оборудования. Выполняя данное решение, коммунисты обеспечили досрочную установку станков. Например, оборудование цеха № 3 монтировалось в то время, когда строители еще вели траншеи под фундаменты наружных стен [39]. Точно так же действовала парторганизация одного завода, перебазированного из Ленинграда в Чкаловскую область. Коммунисты директор завода Я. Е. Шаройко, главный инженер С. К. Травин и парторг ЦК Г. Г. Зверев организовали установку станков и агрегатов одновременно со строительными работами. Это позволило заводу досрочно вступить в строй действующих предприятий: по графику было намечено пустить завод 20 октября, а пустили 1 октября [40].

Партийным и советским организациям пришлось решать большую и сложную задачу обеспечения эвакуированных предприятий квалифицированными рабочими кадрами. Как правило, на новые места вместе с заводами прибывало лишь 30—40% рабочих [41]. Производственное обучение чаще всего начиналось уже в ходе монтажа оборудования. На заводе, перебазированном в Орск, подготовка новых рабочих началась с момента установки станков, проверки, наладки и опробования оборудования. Вопрос обучения кадров обсуждался на заседании партийного бюро и на цеховых партийных собраниях. В результате принятых мер ко времени пуска отдельных участков в цехах № 3 и № 4 имелся почти полный состав сравнительно хорошо подготовленных рабочих [42]. Аналогичным путем организовали обучение нового пополнения на одном из заводов, эвакуированных в Чкалов. Парторганизация и администрация предприятия подобрали для обучения молодежи 97 наиболее опытных инженеров и техников. Занятия начались 20 ноября, а 15 декабря 1941 г. все ученики перешли на сдельную оплату. Умело организованный про-

---

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3735, л. 128.
[38] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 350, л. 14.
[39] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 246, л. 111; д. 387, л. 203.
[40] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 219, л. 93.
[41] А. В. Митрофанова. Указ. соч., стр. 38.
[42] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 324, л. 34.

цесс обучения позволил заводу уже в ноябре выполнить производственную программу на 126% [43].

Высокая оперативность, проявленная партийными организациями при размещении перебазированных заводов и фабрик, способствовала быстрому решению задач, которые поставила война перед народным хозяйством.

Борясь за досрочный монтаж оборудования, партийные организации прилагали все усилия к тому, чтобы возможно скорее наладить производство нужной фронту продукции. Именно в этом видели коммунисты свою главную задачу при восстановлении эвакуированных предприятий. Бюро парткома одного завода, прибывшего в Чкаловскую область, обсудив ход монтажных работ, предложило директору завода Томилину и начальникам цехов обеспечить немедленный ввод в строй оборудования, на котором можно было изготовлять боеприпасы [44]. На Стерлитамакском заводе имени В. И. Ленина смонтированные станки сразу же запускались в ход. В результате завод уже в первый месяц пребывания на новом месте полностью выполнил производственное задание [45]. На заводе «Автозапчасть» над станками устанавливались шалаши и немедленно начиналось изготовление оборонной продукции. Это позволило заводу уже в октябре перевыполнить программу по производству боеприпасов, хотя к этому времени восстановление завода еще не было закончено [46].

При восстановлении эвакуированных предприятий, как и в других областях перестройки промышленности, рабочие проявляли чудеса трудового героизма. Ни технические препятствия, ни бытовые лишения, ни лютые морозы — ничто не могло помешать их горячему стремлению помочь Родине, фронту.

Осенью 1941 г. в Челябинскую область был эвакуирован завод, изготовлявший радиаторы для танковой и авиационной промышленности. При восстановлении предприятия на новом месте коллектив столкнулся с огромными трудностями. Особенно остро чувствовалась нехватка электроэнергии, которой много требовалось для подогрева селитровых и свинцовых ванн. Желая быстрее начать производство необходимой фронту продукции, инженеры и техники установили специальные печи, действовавшие на твердом топливе. Поскольку это до конца не решало проблемы, заводу выделили два дизельных двигателя с генераторами. Чтобы установить их, требовалось провести крупные земляные и бетонные работы. Весь коллектив завода включился в это дело. Проработав в цехе 11 часов, люди шли копать котлован и укладывать бетон в фундамент под двигатели. Рабочие трудились еще по 4—5 часов, вдвое и более перевыполняя норму. В итоге дизели и генераторы были установлены в два раза быстрее, чем это делалось в мирное время. Проблема обеспечения завода электроэнергией была решена [47].

При восстановлении прибывшего в Медногорск завода отличился семидесятидвухлетний рабочий коммунист Александр Александрович Московский, который трудился на этом заводе 40 лет. Он сам полностью оборудовал свое рабочее место [48]. Не меньший патриотизм проявил на монтаже оборудования в г. Чкалове старый, кадровый рабочий Баулин, имевший за плечами 62 года производственного стажа. Он не уходил из цеха по две-три смены подряд [49]. В Уфе на восстановлении завода трудился семидесятилетний рабочий орденоносец Павел Филиппович

---

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2506, л. 61.
[44] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 236, л. 141.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 149, л. 37.
[46] ООПА, ф. 267, оп. 13, д. 6, л. 41.
[47] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 465, л. 16.
[48] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 350, л. 14.
[49] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2506, л. 32.

Сафронов, у которого на фронте сражались 11 сыновей. В снежные бураны, когда не ходили трамваи и останавливались поезда, он приходил пешком на монтажную площадку. Однажды начальник цеха сказал Сафронову, что в его возрасте можно было бы не приходить в такую погоду. П. Ф. Сафронов ответил на это: «Сейчас нельзя сидеть дома — страна ждет от нас быстрейшего восстановления завода» [50].

Горячий патриотизм советских людей, вдохновляемых Коммунистической партией, помогал преодолевать огромные трудности, возникавшие в процессе восстановления эвакуированных предприятий.

Партийные организации проводили большую работу по налаживанию производства на перебазированных предприятиях. Они, например, помогали прибывшим предприятиям размещать заказы на изготовление недостающего оборудования на местных заводах. Так, по решению Златоустовского горкома ВКП(б) часть недостающего оборудования для эвакуированных заводов была изготовлена на предприятиях города [51]. Точно так же поступил Чкаловский горком партии, обеспечивший изготовление на месте оборудования, в котором остро нуждался один из прибывших заводов [52].

В других случаях для компенсации недостающего оборудования осуществлялось кооперирование эвакуированных предприятий или между собой, или с местными заводами и фабриками. Основные вопросы кооперирования решались, конечно, центральными партийными и советскими органами. Этот момент учитывался еще при выборе места назначения эвакуированных предприятий. Центральный Комитет партии и Совнарком СССР старались перебазировать предприятия группами, объединяющими заводы и фабрики одной отрасли или смежных отраслей промышленности, производственно связанных друг с другом. Вместе с тем в этом деле важную роль сыграли парторганизации Южного Урала, обеспечившие скорейшее претворение в жизнь указаний центральных органов. Они творчески решали отдельные вопросы кооперирования предприятий. Так, Чкаловский обком партии в ноябре 1941 г. обязал руководство саракташского завода «Коммунар», Чкаловского станкостроительного завода и завода кузнечно-прессового оборудования принять от эвакуированного завода имени К. Е. Ворошилова заказы на изготовление узлов и деталей производимой этим заводом оборонной продукции [53].

Кооперирование перебазированных предприятий друг с другом и с местными заводами создавало необходимые предпосылки для наиболее эффективного использования эвакуированного оборудования при производстве боевой техники.

При восстановлении предприятий парторганизации проявляли особую заботу о приеме и размещении людей. На Южный Урал вместе с заводами и фабриками в общей сложности прибыло много рабочих, служащих и их семей. В Чкалове уже к сентябрю 1941 г. было расселено около 40 тыс. человек [54]. В Уфе за первые полгода войны разместилось более 100 тыс. рабочих, служащих и членов их семей [55]. По 100 тыс. человек прибыли в Златоуст и Магнитогорск. А в Челябинск эвакуировалось около 200 тыс. человек [56].

К приему эвакуированных тружеников и их семей коммунисты Южного Урала готовились до прибытия эшелонов. Как правило, во всех населенных пунктах, куда перебазировались предприятия, создавались

---

[50] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 262, л. 84.
[51] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 960, л. 7.
[52] ООПА, ф. 267, оп. 13, д. 6, л. 10.
[53] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3736, лл. 27—28.
[54] Там же, д. 3711, л. 45.
[55] Там же, оп. 1, д. 149, л. 12.
[56] ЧОПА, ф. 288, оп. 5, д. 917, л. 34.

партийно-советские комиссии, на которые возлагалось непосредственное руководство делом приема и размещения прибывавших. Такую комиссию создал, например, 12 июля 1941 г. Стерлитамакский горком ВКП(б). В ее задачу входила организация размещения рабочих, инженеров, техников и служащих завода имени В. И. Ленина [57]. 4 августа комиссия по приему и размещению эвакуируемых была образована Чкаловским горкомом партии [58]. Бюро Кувандыкского райкома партии (Чкаловская область), обсудив вопрос «О практических мероприятиях по расселению эвакуированных рабочих», также создало комиссию. Возглавил комиссию секретарь райкома А. Ф. Курмышев [59]. 20 октября комиссию из представителей обкома и совнаркома республики создал Башкирский обком партии. Руководство ее работой возлагалось на одного из секретарей обкома, А. В. Ливинского. Комиссия должна была обеспечить быстрейшее размещение рабочих, служащих и технического персонала пяти крупных заводов, эвакуированных в Уфу [60].

Главную трудность представляло изыскание жилой площади. В известной степени задача решалась путем строительства новых жилых помещений. Необходимость обеспечить людей жильем до наступления зимы вынуждала строить не обычные здания, а облегченные, временные помещения. Чкаловский обком партии 4 ноября 1941 г. обязал горкомы и райкомы партии, а также руководство горрайисполкомов немедленно развернуть такое строительство [61]. Бюро Башкирского обкома партии решением от 20 октября 1941 г. обязало управление стройтреста № 3 начать подобное строительство [62]. Впоследствии этот трест для одного только завода, прибывшего в Уфу, построил около 10 тыс. кв. м жилой площади [63]. В конце 1941 г. для семей рабочих и служащих, эвакуированных в Копейск, было срочно сооружено около 12 тыс. кв. м жилья [64]. Для размещения семей работников заводов, прибывших в Златоуст, было построено 48 тыс. кв. м жилой площади [65].

Известная часть эвакуированных расселилась в зданиях и помещениях советских и культурно-просветительных учреждений, в связи с чем ряд организаций пришлось перевести в сельские местности. Заботясь о скорейшем размещении рабочих и инженерно-технических работников, прибывших в Каменск-Уральский, бюро Челябинского обкома партии 19 июля 1941 г. приняло решение о переводе из этого города в села нарсуда 3-го участка, отделений Союзмолоко, Союзплодоовощ, Заготпушнина, Заготскот и др. [66]. С той же целью некоторые организации пришлось совсем ликвидировать или временно закрыть. В Уфе, например, были закрыты 43 и сокращены штаты 62 организаций [67].

Но большинство эвакуированных расселилось в домах и квартирах местного населения, которое охотно уступало не только излишнюю, но и часть нужной для него площади.

Забота и внимание, которыми окружали местные жители прибывших по эвакуации, свидетельствовали о высокой сознательности нашего народа, воспитанного Коммунистической партией.

Трудовой героизм масс, руководимых партийными организациями,

---

[57] БОПА, ф. 122, оп. 21, д. 246, л. 111.
[58] ООПА, ф. 267, оп. 13, д. 9, л. 126.
[59] Там же, ф. 371, оп. 9, д. 236, л. 61.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 184, л. 14.
[61] Там же, д. 3735, л. 165.
[62] Там же, д. 184, л. 11.
[63] Там же, оп. 1, д. 185, л. 247.
[64] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 415, л. 93.
[65] Там же, оп. 5, д. 960, л. 11.
[66] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 3633, л. 135.
[67] Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР), ф. 933, оп. 4, д. 161, л. 422.

позволил восстановить некоторые предприятия в рекордно сжатые сроки. Оборудование одного завода начало поступать в Челябинскую область в последних числах августа 1941 г., а в сентябре коллектив завода организовал массовый выпуск оборонной продукции. Эшелоны с имуществом другого завода, также перебазированного в эту область, прибыли к месту назначения в конце октября, а в ноябре завод уже выполнил месячную программу [68]. Коллектив одного из заводов, эвакуированных в Уфу, начал погрузку в десятых числах октября, а к 25 октября, то есть через неполных две недели, работники завода полностью смонтировали оборудование на новом месте [69]. В Магнитогорске на базе оборудования завода имени Г. И. Петровского, вывезенного с Украины, был создан и пущен новотокарный цех. Коммунисты цеха провели большую работу, чтобы досрочно сдать его в эксплуатацию. Беседы, политинформации и доклады, прочитанные в цехе, помогли мобилизовать коллектив на высокие темпы монтажа. Для оборудования и пуска подобного цеха в обычных, мирных условиях требовалось пять месяцев, а коммунисты добились выполнения всех работ в течение 30 суток [70].

Однако ввод в строй большинства эвакуированных предприятий потребовал более длительного времени и закончился на Южном Урале в основном весной 1942 года. Объясняется это тем, что при восстановлении эвакуированных заводов и фабрик, помимо решения проблем, о которых говорилось выше, приходилось преодолевать немало других серьезных трудностей. На ряде предприятий монтаж задерживался из-за опоздания эшелонов с оборудованием. Так, первый транспорт завода «Фрезер» прибыл из Москвы в Чкаловскую область 17 октября, а второй — только 6 декабря, то есть почти через 2 месяца [71]. Оборудование одного из заводов начало поступать в Уфу 22 ноября 1941 г., а закончилось поступление только к марту следующего года [72].

Особенно тяжело было с литьем и заготовками. Литейное и кузнечное оборудование в большинстве случаев вывезти не удалось. На одном заводе, прибывшем в Чкалов, при монтаже было установлено более 1 000 станков. Но нехватка необходимых заготовок приводила к систематическому невыполнению производственной программы [73]. Из-за отсутствия заготовок долгое время простаивал после восстановления завод в Миассе [74].

Даже те предприятия, которые успешно выполняли программу в первые месяцы пребывания на новом месте, зачастую после израсходования привезенных заделов также работали с перебоями. Завод, эвакуированный в Орск, в октябре и ноябре 1941 г. с успехом выполнил план за счет переработки вывезенного при эвакуации незавершенного производства. Но уже в декабре пришлось остановить целый ряд участков технологического потока [75]. Такую же картину можно было наблюдать и на заводе «Автозапчасть». Первые два с половиной месяца завод, работая на заделе и материалах, вывезенных из Одессы, выполнял производственные задания. А с середины ноября по март включительно завод, не получая нужных ему деталей, не справлялся с производственной программой [76].

Чтобы создать для предприятий нормальные условия, на Южном Урале в срочном порядке пришлось заново построить не только от-

---

[68] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 465, л. 23.
[69] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 181, л. 12.
[70] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 462, л. 24.
[71] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 328, л. 2.
[72] БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 11, лл. 42—43.
[73] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 312, л. 49.
[74] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2421, лл. 16—17.
[75] ООПА, ф. 371, оп. 9, д. 324, л. 31.
[76] Там же, д. 312, л. 99.

дельные цехи, но и целые заводы, производившие нужные для оборонных заводов заготовки. Это обеспечило резкое улучшение работы ряда предприятий и увеличение выпуска оборонной продукции.

Сложную проблему представляло обеспечение эвакуированных заводов и фабрик электроэнергией. Энергетический баланс Урала и до войны был напряженным. Когда же сюда прибыло из западных районов несколько сот предприятий, положение с электроэнергией резко ухудшилось. Чтобы ликвидировать энергетическое голодание промышленности, партия и правительство организовали строительство на Урале ряда электростанций. Одновременно были приняты меры к улучшению работы действующих тепло- и гидростанций. В результате выработка электроэнергии на Урале поднялась в 1942 г. до 9 млрд. квтч против 6,2 млрд. в последнем предвоенном году [77]. Это позволило создать к осени 1942 г. сравнительно нормальные условия для работы промышленных предприятий.

Огромные трудности, связанные с восстановлением перебазированных предприятий, в конечном итоге были преодолены героическим трудом советских патриотов, воспитанных родной Коммунистической партией. К лету 1942 г. большинство эвакуированных заводов на Южном Урале стало систематически выполнять задания по производству вооружения и боеприпасов. Причем крупнейшие заводы, от которых в значительной степени зависела оснащенность фронта важнейшими видами боевой техники, вышли в число передовых предприятий по всему Союзу [78]. Среди них был и прославленный Кировский завод, получивший в 1942 г. переходящее Красное знамя ГКО за образцовое выполнение заданий по производству тяжелых и средних танков [79].

Размещение на Южном Урале эвакуированных предприятий сыграло крупную роль в увеличении производства боевой техники, оружия и боеприпасов. Только с мая по сентябрь 1942 г. промышленность Башкирии увеличила выпуск продукции на 74% [80]. В августе 1942 г. заводы и фабрики Чкаловской области дали изделий втрое больше по сравнению с последним предвоенным месяцем [81]. Заводы Челябинской области к концу 1942 г. производили по сравнению с соответствующим временем 1941 г. мин больше в 4 раза, минометов — в 5 раз, пулеметов —в 20 раз, авиапушек — в 70 раз [82]. В целом по Уралу выпуск военной продукции увеличился в 1942 г. по сравнению с 1940 г. более чем в 5 раз [83]. Коллективы перебазированных предприятий наравне с тружениками местных заводов внесли огромный вклад в обеспечение этих успехов.

Невиданное в истории перемещение производительных сил, совершенное советским народом под руководством Коммунистической партии в начале Отечественной войны, представляло собой комплекс сложных экономических, политических, технических и организационных задач. Эвакуация заводов и фабрик существенно изменила экономическую географию восточных районов, в том числе и Южного Урала. За счет эвакуированных предприятий в начале войны возникла крупная металлообрабатывающая промышленность в Чкаловской области, где ее раньше не было, и автомобильная — в Челябинской области. Ряд новых отраслей промышленности (химическая, станкостроительная и электромеханическая) появился на территории Башкирии.

---

[77] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1948, стр. 51.
[78] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 2406, л. 133; БОПА, ф. 122, оп. 22, д. 262, л. 84.
[79] «Челябинский рабочий», 16 июня 1942 года.
[80] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 151, л. 140.
[81] Там же, д. 2487, л. 334.
[82] ЧОПА, ф. 288, оп. 3, д. 471, л. 2.
[83] Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 77.

Большое число предприятий эвакуировалось в Казахстан и республики Средней Азии, что позволило еще выше поднять промышленный потенциал этого обширного края, игравшего в дореволюционной России роль сырьевого придатка. Восстановление здесь и ввод в строй перебазированных заводов и фабрик явились новым шагом по пути решения поставленной Коммунистической партией задачи в области национальной политики — всемерного развития экономики этих отсталых в прошлом районов.

«...Восточные области, союзные и автономные республики,— говорил М. И. Калинин,— пережили буквально промышленную революцию. С самого начала войны в них непрерывно вливалось эвакуированное заводское оборудование, приезжали тысячи новых рабочих и их семьи. Работа проделана поистине гигантская... Наши партийные, советские и технические кадры показали всему миру большие организационные способности, прошли такую практическую школу, какой не знала еще история» [84].

Перебазирование промышленности на Восток в столь грандиозных масштабах и в столь сжатые сроки по праву можно отнести к числу легендарных подвигов. Этот подвиг, как и многие другие, советский народ совершил во имя свободы и независимости своей Родины, во имя защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

На ратные и трудовые подвиги вела советский народ Коммунистическая партия. Она направляла усилия масс к одной цели — на отпор врагу. Борьба партийных организаций Южного Урала, одного из крупных отрядов КПСС, за быстрейший ввод в строй эвакуированных предприятий явилась крупным вкладом в обеспечение разгрома фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

[84] Газета «Известия», 30 мая 1943 года.

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА КАБАРДИНСКИХ КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В. М. Букалова

История классовой борьбы у некоторых народов России в XVIII в. разработана до сих пор недостаточно, что в значительной мере объясняется скудостью имеющихся в научном обороте документальных материалов. Так, выводы об антифеодальных крестьянских выступлениях в XVIII в. в Кабарде базируются лишь на фольклорном материале [1].

Задача настоящей статьи — осветить на основе новых документальных материалов, опубликованных в сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», проблему антифеодальных движений в Кабарде во второй половине XVIII века [2].

★

К XVIII в. в Кабарде уже сложились феодальные отношения, хотя имелись и значительные патриархальные пережитки. Класс феодалов составляли князья и находившиеся в той или иной степени зависимости от них уздени (уорки). Крестьяне делились на незакрепощенных (тхлукотль или тлхукотль) и крепостных (пшитль). Кроме того, существовала категория унаутов, представлявших собою в первоначальном своем виде домашних рабов из числа пленников и постепенно эволюционировавших в дворовых крепостных.

Для понимания причин массового антифеодального крестьянского движения особенно важное значение имеет изучение положения так называемых свободных крестьян (тхлукотлей). Они находились в известной зависимости от феодалов еще в XVII веке [3]. Если в XVII в. крестьяне выплачивали князю ежегодно незначительный оброк (преимущественно овцами) [4], то к концу XVIII в. на них лежало уже бремя феодальных повинностей.

Сохранился чрезвычайно важный документ — «Постановление о сословиях в Кабарде», где перечислены социальные категории кабардинского населения и их сложившиеся к началу XIX в. и установленные обычаем права [5]. В этом документе среди сословий нет категорий тхлукотлей (как и в других документальных материалах XVIII в.). В нем перечис-

---

[1] «История Кабарды». М. 1957, гл. VI.

[2] Первый шаг в направлении выявления новых архивных документов по истории классовой борьбы на Северном Кавказе был сделан Б. В. Скитским, опубликовавшим ряд материалов о крестьянском восстании 1767 г. в Кабарде. Но скудость имевшихся сведений не дала ему возможности раскрыть в полной мере характер восстания. (См. Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей. Владикавказ. 1930.)

[3] Е. Н. Кушева. Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 4. Нальчик. 1956.

[4] Г. И. Гербер. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль — октябрь 1760 г. СПБ. 1760.

[5] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик. 1947, стр. 108.

ляются только князья, уздени разных степеней и всякого рода холопы, чагары и отпущенники («по выкупу или в награду» [6]). Анализ материалов дает возможность утверждать, что тхлукотли в отличие от холопов (крепостных) выступают здесь под наименованием «чагары», о чем свидетельствует пункт 13, в котором говорится о праве крестьянина переходить к другому владельцу или требовать арбитража [7]. Фактически чагары к концу XVII в. отличались от крепостных крестьян (пшитль или холопов) в основном тем, что не могли быть проданы владельцем, во власти которого они находились, в то время как холопы и их дети часто продавались в рабство в Крым, Турцию и другие страны Востока [8]. В отношении феодальных повинностей холопов в упомянутом выше «Постановлении» (п. 25) говорится: «Холопы исполняют в полной мере все приказания господ и работают безоговорочно, что ни прикажут» [9]. Следующее далее перечисление многочисленных феодальных повинностей [10] крестьян не оставляет сомнений в том, что речь здесь идет о крепостных крестьянах.

Необходимо остановиться еще на двух пунктах «Постановления о сословиях», касающихся некоторых прав чагаров. «Если чагар заплатит калым из собственности за жену, то при расстройстве с нею может сделать ее свободною и господин препятствовать этому не вправе», и далее: «Каждый чагар вправе иметь у себя холопов, но по правам народным не вправе без воли своего господина их ни подарить, ни на других такого же состояния променять» [11]. На нарушение этих пунктов указывали чагары в своих требованиях во время восстания 1767 года. О постепенном закрепощении чагар свидетельствует п. 35 «Народного условия» 1807 г.: «Если чагар до того обеднеет, что не в состоянии господину своему уплатить положенной подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами...» [12]. Наше мнение о чагарах совпадает с выводами М. Ковалевского: «Чагары или вольные люди в отличие от крепостных крестьян пшитов пользовались наравне с ворками правом свободного перехода» [13],— писал он.

Усиление феодальной эксплуатации повлекло за собой бегство крепостных и зависимых крестьян в русские города и крепости. Селившиеся неподалеку от последних кабардинские крестьяне в то время не облагались налогами и повинностями. В XVIII в. вопрос о земле в этой, степной, части Кавказа еще не стоял остро. Переселившиеся крестьяне вступали в дружеские сношения с русским населением, заимствуя у него более высокие формы ведения хозяйства. Защита от набегов со стороны горцев способствовала распространению в этом районе земледелия. Крестившиеся крепостные получали свободу и могли не возвращаться к своим господам. Из-за побегов крепостных кабардинские феодалы не только теряли часть непосредственных производителей, но и оказывались под угрозой невыполнения феодальных повинностей со стороны оставшихся у них крестьян. Это обстоятельство являлось наиболее важным, так как бежавшие не составляли, конечно, большинства крестьянского населения Кабарды [14].

---

[6] Эта категория крестьян увеличивалась с развитием рыночных отношений. Отпущенные (озеты, или азаты) оставались жить на земле владельца и несли ряд феодальных повинностей вплоть до реформы 1867 года.

[7] Ш. Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 111.

[8] См., например, Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Ермоловых, д. 315, лл. 9, 12.

[9] Ш. Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 113.

[10] См. там же, стр. 109, 113—116, 123.

[11] Там же, стр. 124.

[12] Там же, стр. 121.

[13] М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М. 1890, стр. 243.

[14] Кабардинские крестьяне бежали от своих феодалов не только в русские селения, но и в аулы соседних с ними осетин, ингушей и др. (ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. 11, л. 7).

Многочисленные письма и обращения кабардинских князей к царскому правительству почти неизменно содержат просьбы о возвращении бежавших крестьян. На такого рода обращения кабардинские феодалы получали в зависимости от обстановки то категорический отказ, то весьма уклончивые ответы [15]. В 1743 г. последовал царский указ «О разных преимуществах, представляемых магометанам за восприятие греко-российского исповедания». Согласно этому закону, те из иноверцев, которые закрепощались по заемным крепостям и заемным письмам, взятым от контор крепостных дел, после крещения должны были выплатить определенную сумму заимодавцам и только тогда становились свободными; закрепощенных же по частным заемным письмам предлагалось «учинить свободных же без всякого задержания и платежа». Новокрещенные, попавшие в кабалу, отпускались по этому указу на волю [16]. Указ 1743 г. дал возможность кабардинским крестьянам, попавшим в пределы России, избежать вторичного закрепощения. Их оседание вблизи русских крепостей и селений было одной из основных причин борьбы кабардинских князей за уничтожение крепостей и прежде всего ближайшей из них — Моздока. Число крестьян-переселенцев особенно увеличилось после крещения князя Малой Кабарды Кургоки Кончокина [17]. Этому содействовало также и разрешение кабардинцам производить беспошлинную торговлю в Кизляре (1764 г.).

Усиление бегства крепостных крестьян из Кабарды способствовало объединению различных по своей внешнеполитической ориентации феодальных группировок для борьбы за уничтожение Моздока. Посланный в январе 1764 г. в Кабарду ротмистр И. Мещеряков сообщил, что по его прибытии старший кабардинский князь Касай Атажукин созвал кабардинских владельцев «обоих партей», которые объявили: «Естьли де от стороны российской заводимое строение города в Моздоке оставлено будет, или беглые от них ясыри, магометанцы и каджары к крещению допускаемы не будут и обратно им отдадутся... то они останутся в российском подданстве. Буде же на сие их прошение удовольствия не получат, то будут рассуждать о себе иное и не минуют отдаться в послушание хана крымского» [18]. Отправив в Петербург с таким прошением Кайтуку Кайсинова, кабардинские князья продолжали изыскивать способы, чтобы добиться срытия Моздока. В июле 1764 г. они предприняли попытку убить жившего в Моздоке крестившегося князя Малой Кабарды Кургоку Кончокина [19]. В августе того же года кабардинские князья, не рассчитывая на поддержку собственных крестьян, договорились с темиргойцами, бесленейцами и ногайцами о нападении на Моздок в том случае, если на их просьбу последует отрицательный ответ царского правительства [20].

Кайсинов получил именно такой ответ в Коллегии иностранных дел. Чтобы сгладить вызванное этим актом недовольство кабардинских влиятельных лиц, с Кайсиновым было направлено в Кабарду 3 тыс. руб. для раздачи их владельцам якобы за поход против чеченцев [21]. Но если прежде они охотно принимали такого рода награды, то на сей раз отказались от присланных денег. (Лишь некоторые из них тайно воспользовались данным предложением [22].) Тогда Коллегия иностранных дел напомнила Кизлярской таможне о праве кабардинцев беспошлинно торговать в Киз-

---

[15] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Документы и материалы в 2 томах. Т. II. XVIII в. М. 1957, стр. 12, 109—111 и др.

[16] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XI. № 8793.

[17] Кургока Кончокин выехал в Моздок, избегая притеснений со стороны князей Большой Кабарды. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», Т. II, стр. 203—204, 218—222 и др.

[18] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 227.

[19] Там же, стр. 232—233.

[20] Там же, стр. 235.

[21] Там же, стр. 238—239.

[22] Там же, стр. 248—249.

ляре продуктами своего хозяйства [23]. Несмотря на это, кабардинские владельцы направили в Крым послов с просьбой уничтожить Моздок и взять их аманатов из русских крепостей. Используя сложившуюся обстановку, крымский хан потребовал, чтобы кабардинцы дали ему сначала ясырей и аманатов [24]. Царское правительство, в свою очередь, стало укреплять Моздок. С этой целью между Кизляром и Моздоком были поселены волжские казаки из Дубовки [25]. Одновременно началась раздача лучших земель близ Кизляра частным лицам. В 1764, 1765 гг. количество розданной земли было еще незначительным (за эти годы билетов и владетельных указов на отведенные участки было выдано всего 15 [26]). В Кизлярском уезде раздача земли производилась в бо́льших масштабах [27].

Турция и Крым проявляли беспокойство по поводу укрепления позиций России на Северном Кавказе и поэтому старались поддержать недовольство кабардинских князей. Однако попытки последних втянуть своих крестьян в борьбу за срытие русских крепостей встречали в это время не только отпор, но и сопровождались угрозами крестьян в адрес феодалов. Данное обстоятельство, несомненно, оказало известное влияние на ход русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на Северном Кавказе (в Кабарде и за Кубанью) в пользу России. Именно накануне войны, в 1767 г., вспыхнуло крупнейшее в Кабарде XVIII в. крестьянское восстание.

1766 и 1767 годы характеризовались растущим недовольством кабардинских феодалов действиями царского правительства и их попытками организовать нападение на Моздок. Подполковник Кишенсков доносил 15 января 1767 г. в Коллегию иностранных дел: «...кабардинские черкеса... намерение имели, учиня на Моздок нападение, находящихся во оном их наций холопей и холопок забрать...» [28]. На собрании князей и узденей 12—18 марта 1767 г. после длительных споров о внешнеполитической ориентации было решено «быть им всем заедино» [29]. Нараставшие классовые противоречия между феодалами и крестьянами привели к тому, что князья и уздени на время забыли свои распри. Совет феодалов обратился к кизлярскому коменданту с просьбой разрешить направить представителя от князей в Петербург с прошением [30], а пока посланный не вернется, поставить «в трех местах заставы... для воспрепятствования побегов» [31]. О том, насколько потеря крепостных крестьян затрагивала интересы кабардинских владельцев, можно судить по письму четырех крупнейших князей, направленному кизлярскому коменданту в начале 1767 г.: «Рабов у нас не осталось, все бегут, а вы их принимаете, и нам без рабов и рабынь пробыть не можно». В этом обращении есть обещание этих князей о своевременной выдаче аманатов и выполнении разных претензий, лишь бы возвращались прежним владельцам их беглые крестьяне [32]. О настроениях кабардинских крестьян можно судить по сообщению ротмистра Киреева, ездившего в Кабарду: «Естли их владельцы и уздени намерение возымеют перейти с нынешних мест на Кубань или от России в другую сторону, то они все побег учинят на Моздок или в Кизляр, довольно ведая о насильствах крымских» [33]. В апреле 1767 г.

---

[23] Там же, стр. 256.
[24] Там же, стр. 254.
[25] См. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. III. СПБ. 1869, стр. 107.
[26] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 255—257.
[27] См. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 1957, стр. 32.
[28] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 262.
[29] Там же, стр. 263.
[30] Князья и уздени просили срыть крепость Моздок, возвратить им бежавших крепостных и впредь их не принимать, а за бежавших невольников-христиан выплатить денежную компенсацию.
[31] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 263.
[32] Там же, стр. 269.
[33] Там же, стр. 263.

вновь собрались кабардинские князья и уздени, чтобы подтвердить свое единство, а также послать представителя ко двору Екатерины II. Кроме того, было решено «переселиться в июле месяце с нынешних мест на Куму реку или на Кубань... не для какой притчины или худаго замысла к российской стороне»[34], а для воспрепятствования побегам крестьян.

Попытка переселить крестьян в верховья реки Кумы и послужила непосредственным поводом для восстания, вспыхнувшего в июне 1767 года. Крестьяне Большой Кабарды объединились для организованного сопротивления своим владельцам, наотрез отказавшись от переселения. Полковнику Копытовскому было 3 июля сообщено: «Большой Кабарды холопы отошли от своих владельцев, оставя жен и детей и весь свой экипаж, и стоят вверх по реке Тереку выше Бештамаку на кабардинской стороне по Черной речке числом не менее 6 000 человек»[35]. По сведениям кизлярского коменданта, число участников восстания доходило до 10 тысяч[36]. Надо полагать, что в движение было вовлечено почти все или подавляющее большинство крепостных и зависимых крестьян Большой Кабарды.

Восставшие собрались на р. Чегеме, потом перешли на р. Черек и, наконец, расположились лагерем против Бештамака между реками Малкой и Тереком. Руководившие крестьянами Кала-бек Кепов, Муса Пшигатижев и Мерем Бичеев «с протчими, переправясь на здешнюю сторону, объявили единственно, что они креститца, также в Моздок и в Кизляр переходить не хотят. А кто из них пожелают, тем не возбраняют и не удерживают, но только до времени отстанутца против Бештамаку по здешнюю сторону, для чего и мост делают. А потом жительство возимеют на прежних местах, и от своих владельцов по нежеланию с ними переселитца на реку Куму противитца будут»[37],— рапортовал в Коллегию иностранных дел кизлярский комендант Потапов. Эта форма протеста знаменовала собой новую, более высокую ступень классовой борьбы в Кабарде: крестьяне сообща выступили против своих феодалов. Узнав о том, что закубанские владетели собираются организовать на них военное нападение, крестьяне обратились к кизлярскому коменданту и полковнику Копытовскому с просьбой о помощи.

Восстание началось ранее 12 июня. Восставшие прислали к Копытовскому нарочных К. Касаева, Х. Сазорукова, И. Джанмурзова «со испрошением от России им подкрепления»[38]. Посланные сообщали, что «некоторыя их владельцы состоят при реке Чегеме и собирают войска для захвата их к себе силою». Русские чиновники, начальствовавшие на Моздокской линии, стремясь использовать крестьянское движение в целях давления на кабардинских феодалов (чтобы последние отказались от переселения), тайно направляли к крестьянам своих людей «подкреплять их, чтоб они и точно в том их намерении оставались и подзывов своих владельцов отнюдь не слушали»[39].

Восставшие проявили известную организованность и единодушие в своих действиях. Расположившись кошами между реками Малкой и Тереком напротив Бештамака, они воздвигли укрепление «городьбою от реки Черека до Терка, клаткою в столбах леса»[40], а через реки Малку и Черек, при впадении их в Терек, соорудили мост, чтобы иметь сообщение с русскими селениями. С посланными от феодалов знатными узденями К. Танбиевым и А. Куденетовым крестьяне отказались вести переговоры, потребовав возвращения своих владельцев на прежние места рассе-

---

[34] Там же, стр. 268.
[35] Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 32, приложение № 5.
[36] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 270.
[37] Там же, стр. 270.
[38] Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 30, приложение № 5.
[39] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 270.
[40] Там же, стр. 272.

ления. Многочисленность восставших, их решимость и стойкость крайне обеспокоили кабардинских феодалов и заставили их мобилизовать все средства для подавления восстания. Для переговоров с крестьянами были посланы знатнейшие князья: К. Атажукин, К. Кайсинов, Х. Расланбеков, М. Баматов, Д. Татарханов и Д. Сидаков, «которыя, взяв еще с собою узденей знатных и лутчих: Куденетовых трех, Танбиевых трех же и протчих и в числе всего дватцати шести человек к тем чагарам к Бештамаку приезжали, где их ко общему с собою переселению уговаривали» [41].

Требования, предъявленные восставшими, не оставляют сомнения в том, что массовое выступление крестьян было вызвано усилением их крепостной зависимости. Эти требования дают возможность проследить, каким путем шло закрепощение так называемых свободных крестьян. Восставшие заявили приехавшим к ним феодалам, «что напредь сего были у них обычаи: 1-е. Кто ис чагар с своим хозяином в чем либо возымеет ссору, или от хозяина причиняемы будут чагарам какия обиды и нападения, которых не стерпя ежели чагаринин перебежат к другому владельцу, то теми владельцами содержаны были до того время, покуда оной по прежним примерам с хозяином смиритца. Но ныне уздени усильством своим тех чагар ко владельцам не допускают, а удерживают у себя. 2-е. У которых узденей с собственными чагарами происходили ссоры и чинились им, чагарам, обиды, то владельцы таких чагар принимали к себе и держали до учинения мира. 3-е. Отпускаемых чагарами своих жен по нежеланию содержать, как были напредь сего вольны, ныне уздени удерживают у себя в холопстве, чем они чувствуют обиды и просили у владельцов, чтоб в сих терминах поступано было по прежним обычаям безобидно». Далее шли еще два требования: «подать брали б с них умеренную, какову и прежде они платили» и чтобы «имеющихся у них чагар, собственных уже их холопей, оставили в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопями не зачисляли» [42]. Приведенные материалы говорят о том, что рост феодальной эксплуатации происходил как по линии увеличения феодальных повинностей, так и усиления крепостного права (нарушение обычного права, которое разрешало переход чагар от одного князя к другому или от узденя к князю, удержание владельцами в холопстве жен, отпускаемых чагарами, присвоение феодалами прав на холопов своих крестьян).

Серьезность положения заставила феодалов пойти на уступки крестьянам. Они обещали исполнить все их требования, «а сверх того и подписку им, чагарам, с приложением своих печатей отдали». Восставшие поверили клятвенным обещаниям князей и узденей. «Чему уверясь,— доносил майор Татаров кизлярскому коменданту,— все чагара с теми владельцами Касаем и протчими 4-го числа июля точно на реку Чегем к полному собранию от Бештамаку поехали». Так было окончено восстание, продолжавшееся около месяца. «А как скоро они отбыли, то владелец Джанхот Сидаков зделанной теми чагарами мост, с оставшими людьми изломал, а потом оной Сидаков и Джанхот Татарханов,— писал далее Татаров,— заехали ко мне в кош, где Джанхот Сидаков с суровостию выговаривал мне, хотя я их чагар и подзывал будто во здешнюю сторону, но не предуспел, а может и российския люди в их руках будут. А Джанхот же Татарханов объяснился, якобы их Россия отгоняет принятием в Моздоке их холопей, чего они терпеть не могут» [43]. Несмотря на то, что замысел феодалов о переселении крестьян был частично осуществлен, восстание 1767 г. нельзя считать проигранным. Кабардинские феодалы были впервые поставлены перед фактом массового выступления, заставившего их действовать в отношении крестьян с бо́льшею осторожностью.

[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.

Хотя феодалы и поспешили удалиться с крестьянами в верховья р. Кумы, восстание внесло разброд в их собственную среду. Уздени Куденетовы, Танбиевы и Бабуковы просили у владельцев оставить их с крестьянами жить на прежних местах — по Баксану, Чегему, Нальчику и на Шалуке. Переселение на Куму было осуществлено князьями только частично, «дабы бегающих от них в Моздок холопей по дальному разстоянию, имели случаи паки ловить, а другаго намерения никакого не известно»[44].

Во время русско-турецкой войны большинство кабардинских князей во главе с К. Атажукиным поспешило принести присягу России и переселилось на Баксан. Лишь незначительная часть их во главе с М. Баматовым пыталась договориться с Крымом и Турцией. Для успешного исхода действий войск генерала де Медема в Кабарде и за Кубанью немалое значение имела поддержка их кабардинским крестьянством. Посланный кизлярским комендантом Потаповым в Кабарду ротмистр А. Киреев рапортовал 26 апреля 1769 г.: «Подвластной же кабардинской народ приходили ко мне в кош неоднократно человека по два и по три объявить, что они к России доброжелательствуют... а к крымскому хану в подданство до смерти своей итти не хотят...»[45]. Вот почему М. Баматов и Х. Расланбеков, оставшись лишь с горсткой подвластных им людей (200 чел.), безуспешно пытались противостоять войскам де Медема и вынуждены были также принести присягу на верность России и переселиться на прежнее место жительства, к реке Баксан[46].

Во время войны Коллегия иностранных дел, обеспокоенная враждебностью части кабардинских князей, требовала от кизлярского коменданта Потапова более активных действий по привлечению местных феодалов на сторону России[47]. Ему было предложено немедленно вернуть последним реквизированный у них ранее скот (24 тыс. баранов)[48]. Посланные кабардинскими феодалами в Петербург К. Татарханов и Д. Сидаков встретили милостивый прием при императорском дворе. Грамота, полученная ими в 1771 г. от Екатерины II, в дореволюционной литературе истолковывалась как документ, данный всему кабардинскому народу. Однако в ней говорилось: «...входя в хозяйство кабардинского народа, состоящее в скотоводстве и хлебопашестве, тем благоуспешнее отправляемое, чем больше кто из них (феодалов.— *В. Б.*) работников имеет, узаконяем, чтобы все природныя кабардинския холопи, впредь выбегать могущия, назад возвращаемы были в предупреждение умаления нужных для работы людей...»[49].

Истинный классовый смысл грамоты 1771 г. остался широким массам кабардинского крестьянства неизвестным. Они надеялись по-прежнему на помощь со стороны начальствовавших на Северном Кавказе русских чиновников. В апреле 1773 г. находившийся в Кабарде майор Чорин писал приставу Д. В. Таганову о приезжавших к нему тайно четырех старшинах кабардинских крестьян: Едикуле, Мереме и Паче (имя четвертого неизвестно), которые просили оказать им помощь против владельцев. Чрезвычайно интересно содержащееся в том же документе упоминание о недовольстве гребенских казаков и их попытке договориться с кабардинцами о совместном выступлении против царских властей на Кавказе[50].

Бегство кабардинских крестьян на линию продолжалось и после

---

[44] Там же, стр. 273, 274.

[45] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Кабардинские дела, д. 11, 1763—1774 гг., лл. 471об.— 472.

[46] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 290—291.

[47] Потапов выдвинул в качестве методов завоевательной политики на Северном Кавказе отгон скота и уничтожение хлебных запасов у горцев. Там же, стр. 282—284.

[48] Там же, стр. 287—288.

[49] Там же, стр. 302.

[50] Там же, стр. 310.

1771 г., но грамота Екатерины II о возвращении беглых дала возможность кабардинским феодалам повести наступление на своих крепостных. В ноябре 1777 г. астраханский губернатор И. В. Якоби сообщил в Коллегию иностранных дел о приезде к нему тайно старейшин «чорнаго кабардинского народа». «Неутешно они жаловались мне,— писал Якоби,— что князья и узденья их не только раззоряют, но, отымая, жон и детей их продают во отдаленныя горския жилища, в Крым и в самую турецкую область, так что навеки принуждены разставатца с ними и сверх сего збирают с них совсем неумеренныя подати, кто што захотел только взять. Из них же самых платят ясырей за изобличенныя воровства претендателям своим» [51].

Царские чиновники понимали, какое значение для упрочения позиций России на Северном Кавказе имел отказ кабардинского крестьянства от участия в борьбе за срытие крепостей, которую кабардинские феодалы продолжали вести и в 70-х годах XVIII века. В декабре 1777 г. Якоби писал в Коллегию иностранных дел: «Кабардинския владельцы намерены были зделать нападение на наши крепости, но будучи в собрании сколько ни склоняли к тому дерзкому предприятию черной свой народ, но оной не согласился, зачем и оставили они то свое злодейское намерение без исполнения». По словам Якоби, крестьяне «неотступно просят последняго решения, чтобы их или принять под протекцию нашу, освободя от налагаемаго бремяни их владельцов, или отказать в их прозьбе. В таком случае возьмут оне свои меры ко освобождению своему сами, предъявляя, что нисколько не хотят быть в их подданстве». «Они мне в бытность мою на линии открылись,— писал далее Якоби,— что ежели от России к ним благоволения не будет, то всех князей своих истребят и укроются в горы». Начальник края более всего боялся нового крестьянского восстания, которое могло распространиться за пределы Кабарды. «Опасаясь дабы они и в самом деле сего не учинили, а более сего, дабы не произошло смятения и бунту...», Якоби просил указать, «какия предпринять меры в случае предприимчивости черни к побегу или к другим вредным и буйным помыслам» [52].

Обострение отношений между кабардинскими крестьянами и феодалами, боязнь крестьянского восстания, с одной стороны, и нападения кабардинских владельцев на русские крепости — с другой, заставила царские власти в 1778 г. вплотную заняться вопросом о кабардинском крестьянстве. В результате было выработано «Коллегии иностранных дел разсуждение» [53], которое гласило: «В каком бы положении ни находились черныя кабардинския люди, коль мало они однако же заслуживают, чтоб за них приходить с кабардинскими владельцами в новую и жестокую остуду» [54]. Указанное решение ярко характеризует действительную сущность политики царизма, стремившегося использовать в известных пределах классовые противоречия на окраинах страны для усиления там своего влияния.

В 1777—1778 гг. еще более возросло недовольство кабардинских князей в связи с усиленным возведением крепостей на Северном Кавказе и переселением в 1779 г. на Кавказскую линию остатков Волжского казачьего войска [55]. Эти мероприятия крайне обеспокоили кабардинских феодалов, опасавшихся окончательно потерять как свою власть над крестьянами, так и остатки независимости. Закубанские султаны и турецкий двор пытались оказать давление на кабардинских князей с тем, чтобы спровоцировать их нападение на русские крепости [56]. Кабардинское же

[51] Там же, стр. 323.
[52] Там же, стр. 324, 325.
[53] Там же, стр. 327, 331.
[54] Там же, стр. 331, 389.
[55] АВПР, 1763—1780, д. 14, л. 66.
[56] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 335.

крестьянство продолжало питать надежду на спасение от крепостнической кабалы в бегстве к этим крепостям и поэтому не поддерживало своих владельцев. Но в его настроениях уже начинали проявляться колебания, вызванные тем, что надежды на защиту со стороны царских начальников края постепенно развеивались. Кроме того, появление новых крепостей привело к тому, что население Кабарды лишилось части зимних пастбищ для скота (на летнее время скот угонялся в горы). Все это дало возможность кабардинским князьям склонить некоторую часть крестьян к участию в подготовке нападения на крепости в 1779 году. Правда, крестьяне вели себя пассивно, что сказалось на исходе столкновения с царскими войсками, окружившими лагерь кабардинцев на реке Малке. В бою был полностью уничтожен отборный кавалерийский отряд, состоявший из князей и узденей, в то время как крестьянская пехота уклонилась от военных действий [57].

В 1779 г. царское правительство сочло необходимым привести к присяге как владельцев Большой и Малой Кабарды, так и крестьянских старшин («кабардинского черного народа общество») [58]. Настроения последнего отражены в рапорте астраханского губернатора Якоби Г. А. Потемкину в апреле 1780 г.: «Оной (черный народ.— *В. Б.*) сверх учиненной прежде генеральной присяги зделал между собою другую в том, что естли бы владельцы их и намерены были уйти куда-нибудь в другое место, или что предпричять, но они в таком случае, отрицаяся от подданства к ним, останутся или на прежних местах, или где позволено будет им поселиться, только б приняты с нашей стороны и защищены были от их владельцов» [59].

Классовые противоречия проявились в резкой форме и в 1780 г. при попытке владельцев Тоусултановых (Малая Кабарда) переселиться в горы вместе с крестьянами. Последние отказались от переселения. Владельцы, «принуждая подданных своих к тому усильно, делали им разныя притеснении, а напоследок, видя их упорство и несогласие, рубили саблями и выгоняли вон. Однако ж чернь, окрепясь и храня данную в присяге клятву, не зделала им и по той строгости послушания, а, оставя жен и детей в их руках, перебралось к Моздоку более 800 человек и просили защищения от нас». Русская администрация на этот раз решила принять кабардинских крестьян и расселить их в Кизляре и Моздоке. Одновременно был предпринят военный поход с целью приведения князей и узденей в покорность, после чего им были возвращены и беглые крепостные. При этом с крестьян была взята присяга, что они не выйдут из послушания своим господам, «естли они не будут их притеснять, и останутся навсегда верными к е. и. в.» [60].

Таким образом, вопрос о беглых крестьянах и возвращении их владельцам, несмотря на грамоту 1771 г. и указание Коллегии иностранных дел, решался каждый раз по воле русской администрации и служил средством воздействия на непокорных кабардинских феодалов. Только в 1784 г. царское правительство сделало решительный шаг по пути укрепления своего союза с феодальной верхушкой, причислив кавказских князей и первостепенных узденей к дворянству России. Колонизаторская политика царизма в XVIII в. на Северном Кавказе уже давала себя знать в захвате земель местного населения, в разжигании национальной розни, в противопоставлении русских поселенцев местным жителям.

Изучение обстановки, сложившейся на Кавказе к концу XVIII в., дает возможность понять, каким образом антифеодальное крестьянское движение в Кабарде влилось в русло борьбы против военно-колониза-

---

[57] См. П. Г. Бутков. Указ. соч. Ч. II, стр. 56—57.
[58] См. Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 33, приложение № 7.
[59] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Т. II, стр. 335.
[60] Там же, стр. 336, 337.

торского наступления царизма. Кабардинские крестьяне, не получая от царских начальников на Кавказской линии реальной помощи во время своих выступлений против владельцев, примкнули в 1785 г. к восстанию, поднятому в Чечне пастухом Ушурмой, который был объявлен шейхом Мансуром. К движению примкнули также и отдельные представители кабардинских владельцев, недовольных политикой царизма. Но в пестрой по своему социальному составу массе восставших преобладали крестьяне, определившие антифеодальный характер восстания.

Участие кабардинских крестьян в восстании 1785 г. было обусловлено усилением феодальной эксплуатации и активизацией завоевательной и колонизаторской политики царизма. После движения Мансура кабардинские крестьяне участвовали в 1794 г. в восстании, направленном против организованных царскими властями родовых судов и расправ в Кабарде, подчиненных моздокскому пограничному суду, состоявшему из шести князей и шести узденей по выбору, двух представителей от армян и грузин, живших в Моздоке, и одного татарского мурзы. Председательствовал в этом суде моздокский комендант. Кроме того, в пограничном суде заседали российский пристав в Кабарде и один полковой штаб-офицер. Разбирались дела в расправах и родовых судах на основании норм кабардинского обычного права, а в моздокском суде — по законам Российской империи. Такая организация суда, конечно, не могла удовлетворить кабардинское крестьянство. Феодалов, в свою очередь, не устраивало подчинение суда военному моздокскому начальству. Вот почему в 1794 г. в Кабарде вспыхнуло восстание, подавленное вооруженной силой. Отряд русских войск пробыл в Кабарде 9 месяцев. Но в 1795 г. восстание повторилось, «почему паки введен в Кабарду воинский деташамент и в течение пяти месяцев успел восстановить нарушенную тишину». В 1799 г. во время выборов в суды снова началось восстание, прекратившееся лишь после появления на Баксане трех батальонов пехоты [61].

Изучение классовой борьбы в Кабарде в XVIII в. дает возможность сделать некоторые выводы. Развитие здесь феодальных отношений приводит к распространению крепостной зависимости на ранее свободные слои крестьянства (тхлукотль), к усилению эксплуатации закрепощенного населения (пшитль) и обострению классовой борьбы. Наиболее ярким проявлением последней было восстание 1767 г., которое по организованности и четкости антифеодальных требований, выставленных его участниками, не имеет себе равных в истории антифеодальной крестьянской борьбы народов Северного Кавказа в XVIII веке.

Страдая от междоусобной борьбы князей и набегов крымских ханов и турецких султанов, кабардинское крестьянство способствовало укреплению позиций России на Северном Кавказе, парализуя антирусские действия части кабардинских феодалов. Однако завоевательная, колонизаторская политика царского правительства, направленная прежде всего против широких народных масс, его опора на местную феодальную верхушку развеяла надежды крестьян на помощь русских начальствующих лиц в антифеодальной борьбе. Это, в свою очередь, привело к тому, что борьба крестьян против феодального гнета в конце XVIII в. слилась с борьбой против завоевательной и колониальной политики царизма.

[61] См. П. Г. Бутков. Указ. соч. Ч. II, стр. 268, 560.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

А. Андерле

Вероломное нападение немецких фашистов на Советский Союз 22 июня 1941 г. явилось продолжением той преступной политики империалистических, милитаристских кругов Германии, которая проводилась ими с момента военного поражения в первой мировой войне. Именно эти круги виновны в развязывании второй мировой войны, причинившей народам Советского Союза, Европы и самой Германии неизмеримые страдания и повлекшей за собой неисчислимые жертвы. Преступная фашистская агрессия пробудила к освободительной борьбе могучие силы свободолюбивых народов, нанесших сокрушительное поражение германским империалистам и их сообщникам. Решающую роль в разгроме фашистских агрессоров сыграл Советский Союз. «В поражениях германского империализма,— отмечал В. Ульбрихт,— прежде всего проявляется основная закономерность гибели капиталистической системы и победы нового над старым, социализма над капитализмом. Это значит: кто противится общественному прогрессу, тот неизбежно потерпит поражение» [1]. Это было не только военное поражение; потерпела банкротство и реакционная, человеконенавистническая идеология немецких империалистов.

Война против Советского Союза готовилась международным империализмом задолго до 1941 года. Она замышлялась империалистами с момента возникновения Советского государства как классовая война, направленная против Страны Советов. В интервенции, преследовавшей цель уничтожения первого государства рабочих и крестьян, принимали участие также и германские империалисты. В годы, последовавшие за победой Великой Октябрьской социалистической революции, их войска установили жестокий оккупационный режим на Украине, в Прибалтике и некоторых других частях Советской России. В то же время германские милитаристы вели борьбу и против немецкого рабочего класса, который высказывал чувства горячей симпатии к советскому народу. Монополисты Германии при поддержке империалистических кругов Англии, Франции и США уже в тот период пытались играть роль «защитного вала против большевизма». Так, германский военный уполномоченный по северным странам писал из Стокгольма 18 декабря 1918 г. в главную квартиру генерального штаба действующей армии: «Мы весьма заинтересованы в том, чтобы самим расправиться с русской Красной Армией в прибалтийских провинциях, в противном случае наши восточные провинции будут находиться под непосредственной угрозой, и большевистский яд, которого у нас и без того достаточно, будет проникать все глубже в Германию» [2].

---

[1] W. Ulbricht. Zur Eröffnung der ersten sozialistischen Militärakademie in der Geschichte Deutschlands. «Militärwesen», Sonderheft, Februar 1959, S. 15.

[2] Deutsches Zentralarchiv (DZA) Potsdam. Akten der Reichskanzlei, № 2508/3, fol. 137, цит. по: K. Obermann. Zur Zusammenarbeit der deutschen und amerikani-

В тот день, когда в Берлине были зверски убиты вожди немецкого пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург, в Эссене при дворе бывшего кайзера собрался «избранный» круг промышленников; Кирдорф, Крупп, Стиннес, Фёглер и другие монополисты предоставили тогда 500 млн. марок на финансирование контрреволюционных организаций, в первую очередь «Антибольшевистской лиги» и пресловутого «Добровольческого корпуса» [3].

Характерна докладная записка, переданная имперским министром обороны Гесслером в апреле 1920 г. министерству иностранных дел для последующего вручения странам Антанты. В ней говорилось: «Если эта волна (речь идет о революционных событиях в России.— *А. А.*) не найдет в лице Германии защитного вала, то она увлечет за собой и Германию, а затем захлестнет всю Европу... Союзные правительства защищены против этой опасности отнюдь не своими собственными границами, а восточной границей Германии и германской империей, которая должна быть готовой к самостоятельному отпору большевизму» [4].

Внешнеполитические замыслы крупной германской буржуазии были так охарактеризованы II конгрессом Коммунистического Интернационала (1920 г.): «Политика всех германских правительств и правительственных партий после разгрома Гогенцоллерна состояла в стремлении установить общую с правящими классами Антанты почву ненависти против большевизма, то есть против пролетарской революции.

В то время, как англо-французский Шейлок все свирепее душит германский народ, немецкая буржуазия без различия партий просит своего врага ослабить петлю ровно настолько, чтобы дать ей возможность собственными руками задушить авангард немецкого пролетариата...

Авансцену заняли новые богачи: военные поставщики, низкопробные спекулянты, выскочки, международные авантюристы, контрабандисты, уголовные субъекты в бриллиантах, разнузданная сволочь, жадная к роскоши, готовая на последние зверства против пролетарской революции...» [5].

Реакционные, милитаристские силы создавали контрреволюционные террористические группы. Последние использовались германским империализмом против Советской власти. Они явились основой, на которой создавались первые фашистские террористические организации. В Мюнхене собирались в те годы такие лица, как Альфред Розенберг, Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер, барон фон Мантейффель-Кацданген, герцог фон Лейхтенберг и др., которые под вывеской «Германо-русского общества» организовывали клеветнические кампании против Советского Союза. К ним присоединились прибалтийские белогвардейцы, обанкротившиеся участники антисоветской интервенции и другие, в том числе украинский гетман Скоропадский и генерал Бискупский. В этом хоре громко звучали голоса реакционного публициста Арнольда Рехберга и генерала Макса Гофмана, усердно призывавших к организации «крестового по-

---

schen Imperialisten im Kampf gegen die Sowjetmacht und die revolutionäre Bewegung in Deutschland (в кн. «Die Oktoberrevolution und Deutschland». Berlin. 1958, S. 387). Генерал Генри Т. Аллен, главнокомандующий оккупационной армии США в Германии после первой мировой войны, так писал о планах империалистов США: «Самым подходящим государством, которое с успехом сможет отразить большевизм, является Германия... Расширение Германии на русские территории на долгое время заняло бы немцев, и тем самым разрядилось бы напряжение по отношению к Западной Европе» (H. T. Allen. Mein Rheinland-Tagebuch. Berlin. 1923, S. 51; цит. по: A. Norden. So werden Kriege gemacht! Über Hintergründe und Technik der Aggression. Berlin. 1950, S. 48).

[3] См. A. Norden. Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanzkapitals und der Junker. Berlin. 1947, S. 63.

[4] DZA Potsdam. Reichsministerium des Innern, № 12028, Bl. 266; цит. по: G. Rosenfeld. Sowjetrußland und Deutschland 1917—1922. Berlin. 1960, S. 229.

[5] «II конгресс Коминтерна». Июль — август 1920. М. 1934, стр. 550—551.

хода против большевизма»[6]. Идеологи германского империализма — Пауль Рорбах, Мартин Шпанн[7] и иже с ними — призывали к походу на Восток[8].

Годы Веймарской республики явились для германского империализма временем собирания сил. Немецкие монополисты выступали тогда с псевдомиролюбивыми заявлениями, стараясь «доказать», что внешняя политика Штреземана не преследовала якобы никаких иных целей, кроме мирных. На деле же они и их ставленники — Гинденбург, Лютер, Штреземан и др.— выжидали подходящего момента, чтобы организовать «восточный поход». Когда же в 1927 г. международный империализм активно выступил против СССР, подстрекая к антисоветской войне, милитаристские и фашистские силы в Германии развернули террор внутри страны против рабочего класса и усилили подрывную работу, направленную против Советского Союза. Большое значение германские империалисты придавали идеологической подготовке войны. Особенно гнусную роль сыграли при этом правые лидеры социал-демократов, пытавшиеся внушить рабочим, что Советский Союз якобы угрожает миру, не считаясь с «миротворческой деятельностью» Лиги Наций. Тактика правых руководителей социал-демократии заключалась в том, чтобы усыпить сознание рабочего класса Германии лживыми уверениями, что опасность войны существует-де лишь в «воображении коммунистов». При этом они преследовали цель в случае развязывания империалистами войны свалить всю ответственность за нее на СССР.

В антисоветской пропаганде германские империалисты отводили немалое место и фальсификации документов. В секретной докладной записке полиции «О положении среди русской эмиграции» (от 24 октября 1927 г.) имперскому комиссариату по охране общественного порядка констатировалось, что в Берлине имеется несколько белогвардейских эмигрантских групп, занимающихся фабрикацией фальшивых, так называемых «советских документов». «Эти фальсификаторы документов и материалов,— говорилось в записке,— которые якобы поступают из Советского Союза, умеют преподнести свой товар. Они обращаются к таким господам, которые, не имея никакого представления о Советском Союзе, все же заинтересованы сыграть определенную политическую роль. Используя поддельные документы и материалы, немецкая сторона зачастую составляет статьи, содержащие таинственные намеки на то, что они написаны на основании ценных данных, и препровождает их затем в печать»[9].

Единственной силой в Германии, решительно и целеустремленно боровшейся против антибольшевизма, антисоветской политики германских и иностранных империалистов, против фашизма, за установление дружественных отношений с Советским Союзом, была Коммунистическая партия Германии и руководимые ею трудящиеся массы. КПГ боролась за создание широкого фронта пролетарской солидарности с первым в истории рабоче-крестьянским государством, разоблачала клеветнические вымыслы реакционной буржуазии и социал-демократических правых лидеров о Советском Союзе. Коммунистическая партия Германии пропагандировала среди немецких трудящихся достижения и грандиозные перспективы социалистического строительства в СССР.

[6] См. K. Heiden. Adolf Hitler. Zürich. 1936.

[7] См. «Süddeutsche Monatshefte», Februar 1924. Die Ukraine und Deutschlands Zukunft (редакционная статья); M. Spann. Die deutsche Sendung im Mitteleuropäischen Raum. Там же, стр. 159—164; P. Rohrbach. Die Ukraine als europäisches Problem. Там же, стр. 177—181.

[8] См. Ф. И. Нотович. Германо-фашистский Drang nach Osten в послемюнхенский период. «Труды» по новой и новейшей истории. Т. I. М.-Л. 1948, стр. 237—285.

[9] DZA Potsdam, № 511. Reichskomissariat für Überwachung der öffentlichen Ordnung, Bl. 82—85.

Значительную роль сыграла также разъяснительная работа, проводившаяся рабочими делегациями, побывавшими в Советском Союзе.

30 января 1933 г. в Германии была установлена кровавая диктатура фашистской партии, которую Эрнст Тельман еще в 1930 г. охарактеризовал как «самое опасное и самое подлое орудие германского финансового капитала». Далее он отмечал: «Эта партия по различным поводам маскировалась революционными фразами, но за словами «нация» и «социализм» скрывается зверская морда капиталистов-эксплуататоров» [10].

За спиной гитлеровцев стояли крупнейшие германские монополисты. Эти господа в цилиндрах и фраках, создавшие 15 июля 1933 г. «Генеральный совет немецкого хозяйства», открыто содействовали вооружению фашистской Германии. Наиболее влиятельными среди них были пушечный король Крупп фон Болен унд Гальбах, промышленный магнат Фриц Тиссен, генеральный директор объединения металлургических заводов Альберт Фоглер, владелец электроконцерна Карл Фридрих фон Сименс, крупный банкир Курт фон Шредер. Другие члены этого совета также являлись банкирами, судовладельцами, крупными промышленниками и аграриями [11].

Третий рейх начал свою кровавую историю с террора против коммунистов и всех демократически настроенных лиц; прогрессивные периодические издания были запрещены, буржуазная печать «унифицирована»; всячески разжигались шовинистические настроения. Убийство, террор и судебный произвол были освящены законом. Антибольшевизм стал официальной государственной идеологией. Книжонка Адольфа Гитлера «Моя борьба» наряду с «Мифами XX столетия» Альфреда Розенберга была возведена в ранг библии [12].

Еще на VI конгрессе Коммунистического Интернационала в 1928 г. фашистская диктатура была определена как «метод непосредственной диктатуры [буржуазии], идеологически прикрываемой «общенациональной идеей» и представительством «профессий», как метод, который с помощью «своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говорильней»)...» планомерно использует недовольство масс мелкой буржуазии, интеллигенции и др. Характерными чертами фашизма VI конгресс Коминтерна назвал «комбинацию социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики» [13].

В докладе на VII конгрессе Коминтерна Георгий Димитров говорил: «Фашизм у власти есть... открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Гитлеровский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран.

---

[10] Эрнст Тельман. Избранные речи и статьи. Т. II. 1928—1930. М. 1958, стр. 360.

[11] См. W. Pieck. Reden und Aufsätze. Auswahl aus den Jahren 1908—1950. Bd. I. Berlin. 1950, S. 150—151; см. также O. Winzer. Zwölf Jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg. Berlin. 1955, S. 47—48.

[12] См. Е. В. Тарле. «Восточное пространство и фашистская геополитика «Против фашистской фальсификации истории». Сборник статей. М.-Л. 1939, стр. 263; см. также W. S. Churchill. Der zweite Weltkrieg. Erster Band: Der Sturm zieht auf Erstes Buch. Bern. 1948, S. 78; K. Schilling. Judentum und Antisemitismus. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht». Stuttgart. 1960. Hf. 10, S. 611.

[13] «VI конгресс Коминтерна». Стенографический отчет. Вып. 6. М.-Л. 1929, стр. 18.

Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, великого отечества трудящихся всего мира»[14].

На Брюссельской конференции КПГ в программе борьбы против фашизма и войны были учтены выводы конгрессов Коммунистического Интернационала[15]. Коммунисты неустанно разоблачали сущность агрессивной внешней политики фашистской Германии и разъясняли народным массам подлинно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза.

В Обращении о создании Народного фронта (декабрь 1936 г.), подписанном коммунистами, антифашистски настроенными социал-демократами, выдающимися учеными и деятелями искусств, говорилось: «Гитлеру нужна война для сохранения своего господства и для достижения империалистических целей своих заказчиков. А нашей, новой Германии нужен мир для упрочения свободы и для социального и экономического строительства. Германия станет великой, сильной державой мира и откажется от политики вмешательства в дела других стран. Она положит конец безудержной клевете на Советский Союз...»[16]. Героической, полной жертв была борьба коммунистов и всех честных людей Германии против гитлеровского курса на войну и агрессию[17].

Германские фашисты на секретных правительственных совещаниях обсуждали агрессивные замыслы, которые впоследствии нашли свое оформление в военных планах германского империализма («Ost», «Barbarossa-Oldenburg», «Grüne Mappe» и др.).

На международной экономической и финансовой конференции в Лондоне (июнь 1933 г.) представитель Германии Гугенберг потребовал предоставления «лишенному территории» немецкому народу новых земель на Востоке[18]. Фактически это был призыв к крестовому походу против Советского Союза. Подобные призывы находили отклик у правящих кругов западных держав. Когда в ноябре 1937 г. состоялись переговоры между Гитлером и лордом Галифаксом в Оберзальцберге, английский дипломат одобрительно отозвался о фюрере, который, по его словам, совершил большое дело не только в самой Германии и в результате «уничтожения коммунизма» в своей стране преградил ему путь в Западную Европу; поэтому Германию по праву можно рассматривать как западную крепость против большевизма[19]. Во время переговоров Галифакс открыто поощрял экспансионистские, реваншистские притязания фашистской Германии. В частности, он говорил, что англичане — это народ, мыслящий трезво, и что они, может быть, более, чем кто-либо другой, убеждены в необходимости исправления ошибок Версальского диктата: английская сторона не считает, что status quo должен быть

---

[14] Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад и заключительное слово. «VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Л. 1935, стр. 8.

[15] См. W. Pieck. Referat und Schlußwort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands. Oktober 1935. Berlin. 1960.

[16] O. Winzer. Указ. соч., стр. 115.

[17] См. W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.., Bd. II. Berlin. 1953, S. 172—202, 213—219, 220—225; см. также G. Nitzsche, K. H. Biernat. Beispiele des Kampfes der Kommunistischen Partei Deutschlands gegen die faschistische Kriegsvorbereitung (1933—1939). «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», I. Jg. 1959, Hf. 3, S. 495—514; W. Basler. Der Gedanke des proletarischen Internationalismus gegenüber der Sowjetunion in der illegalen antifaschistischen Publizistik 1933—1939. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg», Jg. IX, 1960, Hf. 3, S. 273—278.

[18] См. «История дипломатии». Т. III. М.-Л. 1945, стр. 475.

[19] См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I. Ноябрь 1937—1938 гг. (Из Архива МИД Германии). М. 1948, стр. 16.

сохранен во что бы то ни стало [20]. Это была политика поощрения агрессора, натравливания фашистской Германии на СССР.

Из общего комплекса мероприятий гитлеровцев по подготовке к войне следует выделить идеологическую «обработку» населения. Фашисты преследовали цель, продолжая проводившуюся и ранее политику подстрекательства к войне, превратить Германию в военный лагерь, посеять среди немецкого населения милитаристские настроения, запугать всех противников войны как внутри страны, так и за ее пределами, завербовать союзников в других капиталистических странах, активно использовать там «пятую колонну», распространять по-прежнему ложь и клевету о Советском Союзе и тем самым вводить в заблуждение широкие круги демократической общественности.

Усилилась клеветническая кампания против Советского Союза и демократических сил в самой Германии. Установление фашистской диктатуры ознаменовалось пламенем костров, на которых предавались сожжению труды замечательных представителей немецкого народа, основоположников марксизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, произведения великих гуманистов: Г. Гейне, Генриха и Томаса Манна, Б. Брехта, Л. Фейхтвангера, Л. Франка, Ф. Вольфа, И. Р. Бехера, В. Бределя, О. М. Графа. Около 2 тысяч ученых, в том числе Альберт Эйнштейн, были изгнаны из университетов и научных учреждений и вынуждены эмигрировать.

Реваншистские, экспансионистские планы немецкие империалисты пытались оправдать теориями о «недостаточном жизненном пространстве», о немцах как о «господствующей расе» и т. п. Весь гигантский государственный аппарат, печать, радио были подчинены задаче пропаганды войны и насилия. На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников один из идеологов гитлеризма, Ганс Фрицше, говорил: «В течение 1933—1945 гг. задачей «Отдела германской печати» являлось наблюдение за всей прессой страны и снабжение ее инструктивными установками. В связи с этим упомянутый отдел стал действенным инструментом в руках германского государственного управления. Под контролем находилось более 2 300 ежедневных газет. Цель контроля после 1933 г. заключалась в том, чтобы существенно изменить условия, в которых находилась пресса до захвата власти, то есть подчинить ее новому порядку... Таким образом, в соответствии с политическим положением на данный момент вся германская пресса через «Отдел германской печати» превратилась в орудие министерства пропаганды и была подчинена политическим целям правительства» [21].

Фашистская пропаганда, антигуманизм, травля всего передового ввергли страну с высокоразвитой культурой и великими историческими традициями во мрак, превратили ее, как сказал В. Пик на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, в «очаг варварства и войны» [22]. В немалой степени этому содействовали распространявшиеся изо дня в день гитлеровскими борзописцами ложные сведения о Советском Союзе; тем самым преследовалась цель отравить сознание немецкого народа, попытаться оправдать репрессии, проводимые по отношению к коммунистам и всем честным людям. Систематически искажалась и фальсифицировалась история СССР. Появился целый поток антисоветской литературы. Большую часть ее выпустило издательство «Нибелунгенферлаг» в Берлине, специально созданное для форсирования антисоветской кампании. Там же выходил в свет информационный

[20] Там же, стр. 21.
[21] IMG, Bd. XXXII, S. 311—312.
[22] W. Pieck, G. Dimitroff, P. Togliatti. Die Offensive des Faschismus und die Aufgaben der Kommunisten im Kampf für die Volksfront gegen Krieg und Faschismus. Referate auf dem VII. Kongreß der Kommunistischen Internationale (1935). Berlin. 1957, S. 87.

бюллетень «Антикоминтерн». Писания подобного рода издавались массовыми тиражами.

Поклоняясь девизу «чем хлестче ложь, тем скорее ей поверят», гитлеровцы прибегали к любым уловкам, чтобы представить в искаженном виде развитие советской науки и культуры. Не случайно пресмыкавшиеся перед Гитлером псевдоученые эксплуатировали выдвинутую еще в XVIII в. норманскую теорию, чтобы «доказать» неспособность славян создать самостоятельные государства, развить свою культуру на национальном фундаменте. Этой «теорией» руководствовались официальные учреждения Третьего рейха. Так, в § 8 инструкции «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими», врученной в секретном порядке «сельским управляющим» и предназначавшейся в качестве руководства к действию при ограблении советского населения, настойчиво повторялась перифраза из русской летописи: «...Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами!». За три недели до нападения Германии на СССР упомянутые «сельские управляющие» получили следующее напутствие: «Русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение. Ибо это будет осуществлением их желания: «Приходите и владейте нами». Поэтому у русских не должно создаваться впечатления, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам услужливо подчиняться. Не подходите с немецкой меркой и привычками, забудьте все немецкое, кроме самой Германии...» [23].

Существовала целая группа идеологов, которая снабжала фашистов «научными» аргументами для обоснования их аннексионистских планов. Мы имеем в виду представителей реакционной буржуазной историографии, в особенности пресловутого течения «Ostforschung», возродившегося ныне в ФРГ. А те буржуазные историки, которые не шли в ногу с фашизмом или же не подходили по «расовым» признакам, были изгнаны из научных учреждений. Ганс Ротфельс, нынешний президент западногерманского общества историков, а в те времена апологет гитлеровского рейха, в своей работе «Восток, пруссачество и мысли об империи» писал: «...Именно общность великой задачи и поголовное участие немецкого народа в ее решении характеризуют более, чем что-либо иное, сплоченность фронта от Ревеля до Бухареста; тот мост, которым являются на северо-востоке былые земли Тевтонского ордена, на юго-востоке составляет германская Австрия; Балтика и дунайские земли являются как в историческом аспекте, так и в настоящее время флангами той же самой основной диспозиции» [24]. В наши дни Ротфельс выставляет напоказ свою «демократическую» позицию, так как, несмотря на заслуги перед фашистами, он, подобно многим другим, был уволен со службы по «расовым» причинам. Большинство же нынешних боннских крикунов открыто защищало линию Гитлера, Розенберга и Геббельса до самого их издыхания, да и теперь по-прежнему ратует за нее. Собранные в документальном сборнике «Третья империя и ее мыслители» тексты высказываний различных «ученых» дают возможность весьма полно охарактеризовать их воззрения. Речь может идти о прямом «сожительстве мыслителей и убийц». Мы имеем в виду А. Боймлера и Ф. Кригка, Г. Берве и Р. Виттермана, не говоря уж об известном профашистском историке-философе Эрихе Ротаккере. На XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г. этому

[23] IMG, Bd. XXXIX. Dokument 089-USSR, «Kreislandwirtschaftsführermappe», vom I. 6. 1941, S. 370.

[24] H. Rothfels. Ostraum, Preußentum und Reichsgedänke. Leipzig. 1935, S. X; цит. по: F. Hoffmann und R. Wagner. Über den XI. Internationalen Historiker-Kongreß in Stockholm. «Einheit». 15. Jahrgang. 1960, Hf. 20, S. 1609.

мракобесу было предоставлено первое слово для доклада в методологической секции на тему «Влияние философии истории на современные исторические науки» [25]. Ротаккер давно подвизался на поприще расистской пропаганды, и вот сейчас он твердит то же самое, что и прежде, ссылаясь на свою книгу издания 1934 г., в которой говорилось о необходимости искусственного отбора в обществе для создания «чистых» экземпляров человеческого рода.

В первые годы после прихода Гитлера к власти фашистам и их пособникам в высших учебных заведениях не удалось сразу подчинить все общественные науки своему влиянию. Об этом свидетельствует, например, ознакомление с диссертациями по истории, написанными в 1933—1935 годах. Некоторые авторы, трактуя проблематику «по-старому», ограничивались лишь фразами в «новом стиле» во введении и заключении к своим работам. Но вскоре положение в корне изменилось, поскольку реакционные немецкие историки с готовностью перешли на службу к гитлеровцам. Так, активный поборник идеи немецкого «культуртрегерства на Востоке», теперешний старейшина западногерманского «Ostforschung» Герман Аубин писал в 1936 г. имперскому министру по делам науки, воспитания и народного образования: «...Необходимо сделать Силезию вновь тем, чем она была на протяжении всей истории,— воротами для проникновения германского духа на юго-восток. Со времен средневековья здесь терялся нами один форпост за другим; сейчас мы стоим на последней позиции. Ее можно будет удержать лишь в том случае, если мы не будем ограничиваться только защитой и действиями внутри страны, но, превратив выдвинутый в качестве основного требования Третьей империи лозунг о «народной политике» на Востоке в задачу в области развития культуры, перейдем к осуществлению достаточно оправдавшей себя ранее политики нашего духовного превосходства» [26]. Как выглядела эта восхвалявшаяся Аубином «народная политика» на Востоке и каков ее конец на практике, уже известно. Некоторые проповедники агрессивной войны окончили свои дни на виселице. Но гибель многих миллионов людей из Советского Союза, Польши и других стран, ставших жертвой агрессивной политики, не позволяет забывать, что еще не один десяток империалистов и милитаристов, оставшихся безнаказанными, благополучно пребывает в боннском государстве, вынашивая новые планы агрессии и войны. Приход фашизма к власти означал для Аубина осуществление его мечты. Лихорадочное воссоздание вермахта, кровавая авантюра в Испании приводили его в состояние восторга. В речи, которую Аубин держал 29 ноября 1936 г. перед «Силезским обществом отечественной культуры», этот прислужник германского монополистического капитала, захлебываясь от радости в связи с предстоявшим введением «всеобщей воинской повинности» в Германии, взывал к молодежи и пытался пробудить в ней «беззаветную любовь к оружию». Два года спустя после аннексии Судетской области Аубин патетически выражал свою благодарность фюреру: «С сердцем, исполненным благодарности, взираем мы на великую Германию, управляемую Адольфом Гитлером...» [27]. Когда в 1940 г. генерал-губернатор Польши, военный преступник Ганс Франк, открывал в Кракове «Institut für deutsche Ostforschung» [28], который должен был стать «идеологи-

[25] См. W. Berthold. Über «Die Wirkung der Geschichtsphilosophie...» von Erich Rothacker. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». VIII. Jg. 1960, Hf. 6, S. 1289—1309; E. Hoffmann und R. Wagner. Über den XI. Internationalen Historiker-Kongreß in Stockholm. Там же, стр. 1605—1607.

[26] DZA Potsdam, Reichsminister für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung, № 1728, Bl. 86—93.

[27] F. H. Gentzen, F. Wolfgramm. «Ostforscher» — «Ostforschung». Taschenbuch Geschichte. Bd. 7. Berlin. 1960, S. 38.

[28] Ср. G. Voigt. Das «Institut für deutsche Ostarbeit» in Krakau. «September 1939». Berlin. 1959, S. 109—123.

ческой крепостью немецкой нации на Востоке», среди присутствовавших наряду с Г. Аубином находились и прочие матадоры нынешнего «Ostforschung»: О. Косман, Т. Оберлендер, П. Г. Серафин, Г. Штадтмюллер, М. Лауберт и другие. Постоянными почетными сотрудниками этого «научного» центра по воспеванию грабежа и убийств являлись также В. Кун, Г. Вольфрум, Г. Лудат, Г. Шленгер[29]. Все упомянутые выше лица, равно как и другие фашистские «исследователи Востока» (например, Г. фон Раух[30], В. Маркерт), вновь подвизаются теперь на поприще исторической науки в Западной Германии. И омерзительные книжонки Ганса Шемма, Адольфа Эрта или Отто Кригка и приукрашенная «научная» продукция Эриха Ротаккера, Германа Аубина, Георга фон Рауха и Вернера Маркерта имели в основе одну и ту же концепцию и служили одной и той же цели. Все, что было в буржуазной идеологии реакционного, все, что в свое время было изобретено теоретиками расизма, антисемитизма и «немецкими культуртрегерами», нашло свое выражение в официальной и официозной пропаганде времен Третьей империи.

В то время как фашистская пропаганда пыталась внушить немецким рабочим, что они стоят выше французских, английских или русских рабочих и что было бы жаль видеть их, представителей «народа-господина», в роли «кули», монополии готовились вступить во владение территориями на Востоке. В ноябре 1940 г. Герман Геринг информировал шефа Восточного бюро генерала Томаса о намечавшейся на ближайшие месяцы «Восточной операции». В рамках этой организации идеологическая деятельность тесно смыкалась с экономической. На основе полученных сверху указаний данное ведомство приступило к составлению подробных сведений о советской оборонной промышленности, ее размещении и взаимосвязях; изучению мощности отдельных крупных оборонных центров и их взаимозависимости; определению пропускной способности путей сообщения и энергосети в Советском Союзе; исследованию сырьевых запасов в СССР; составлению данных о предприятиях, не имевших оборонного значения. Была создана картотека важнейших предприятий Советского Союза, а также специальный словарь для технических служащих «оккупированной территории». В начале января 1941 г. был сформирован «Рабочий штаб России». В результате интенсивной подготовительной деятельности он собрал большой фактический материал, который должен был послужить делу «управления Россией в будущем»[31]. 20 апреля 1941 г. Гитлер назначил одного из своих сообщников, Альфреда Розенберга, «уполномоченным по централизованной обработке проблем восточноевропейской территории»[32]. Последний еще 2 апреля 1941 г. изложил фюреру в секретной докладной записке цели и методы будущей германской оккупации территории Советского Союза: «...Из России нами выделяются следующие национальные или географические единицы: а) Великороссия с центром в Москве; б) Белоруссия со столицей в Минске или Смоленске; в) Эстония, Латвия и Литва; г) Украина и Крым с центром в Киеве; д) Донская область с центром в Ростове; е) Кавказ; ж) русская Средняя Азия или русский Туркестан»[33]. Далее в записке говорилось, что Великороссия — центральная область, обладающая и по сей день большой ударной силой; в связи с этим ее ослабление должно составлять важную политическую цель при наступлении на СССР. В дальнейшем «московитская

[29] Ср. F. H. Gentzen, E. Wolfgramm. Указ. соч., S. 36.

[30] Ср. A. Anderle, S. Quilitzsch. Georg von Rauch — ein Ideologe des faschistischen «Dranges nach Osten» und Verfechter der antisowjetischen NATO-Politik. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VIII. Jg. 1960, Hf. 7, S. 1525—1550.

[31] IMG, Bd. III, S. 388—389.

[32] Там же, стр. 396.

[33] Там же. T. XXVI, док. 1017-PS, стр. 548—549.

Россия должна быть использована как район ссылки, куда будут направляться нежелательные элементы»[34]. Советским республикам Эстонии, Латвии и Литве была уготована роль «германской колонии будущего с ассимиляцией наиболее подходящих в расовом отношении элементов». Поднимался также вопрос о заселении этой территории датчанами, норвежцами, голландцами, а после «победоносного» окончания войны и англичанами, «чтобы спустя одно или два поколения присоединить эту область как новую онемеченную землю к основной территории страны»[35]. По поводу Украины в докладной Розенберга отмечалось: «Политической задачей для Украины является... отдельно или в сочетании с Донской областью и Кавказом (в виде Черноморского объединения) держать Москву под постоянной угрозой и создать прочные гарантии со стороны Востока для Великогерманской территории. Что касается экономической стороны, то задача заключается в создании мощной сырьевой и дополнительной продовольственной базы для Великогерманской империи...»[36].

Розенберг немедленно приступил к укомплектованию специальных организаций и составлению бесчисленного множества разработанных до мельчайших подробностей соответствующих директив. Приведем названия некоторых из них: «О создании и задачах организации по централизованной обработке материалов восточноевропейской территории» (29 апреля 1941 г.)[37]; «Инструкция рейхскомиссару Украины» (7 мая 1941 г.)[38]; «Инструкция рейхскомиссару в «Остланде» (8 мая 1941 г.)[39]; «Общая инструкция для всех рейхскомиссаров на оккупированной территории» (8 мая 1941 г.)[40]; «Документальная запись беседы у Функа [присутствовали Розенберг, Мейер, Шикеданц, Ландфрид и др.] по вопросу о характере валюты на предназначенной к оккупации территории» (28 мая 1941 г.)[41] и др. Из перечисленных выше инструкций обращает на себя внимание «Общая инструкция для всех рейхскомиссаров на оккупированной территории», где говорится о политической цели военных действий против Советского Союза. Германия должна остерегаться «восстановления Российской империи в каком бы то ни было виде». Вся история «борьбы разных народов против Москвы и Петербурга» должна быть проверена «в смысле ее приемлемости в настоящее время». Воздавая хвалу фашистским «исследователям Востока», Розенберг констатировал: «...Данная огромная территория в соответствии с ее историческими и этническими данными должна быть поделена на рейхскомиссариаты. Каждый комиссариат имеет свою, отличную от другого, политическую цель»[42].

Сохранилась также документальная запись секретного совещания Гитлера с Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем и Герингом от 16 июля 1941 года. Участник этого совещания записал содержание речи Гитлера: «Важно, чтобы наши цели не стали известны всему миру; в этом нет никакой необходимости; главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ненужными декларациями воздвигать препятствия на нашем пути. Такие заявления неуместны, ибо мы можем сделать все, что в нашей власти, а того, что находится вне нашей власти, мы все равно не сделаем. Мотивировка наших шагов перед лицом всего мира должна определяться тактическими соображениями. Мы должны действовать таким же образом, как

[34] Там же, стр. 549.
[35] Там же, стр. 550.
[36] Там же, стр. 551.
[37] Там же, док. 1024-PS, стр. 560—566.
[38] Там же, док. 1028-PS, стр. 567—573.
[39] Там же, док. 1029-PS, стр. 573—576.
[40] Там же, док. 1030-PS, стр. 576—580.
[41] Там же, док. 1031-PS, стр. 580—581.
[42] Там же, док. 1030-PS, стр. 577—578.

в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. Там мы не обмолвились ни словом о наших намерениях; так же мы будем поступать и впредь. Мы будем утверждать, что были вынуждены к захвату территории с тем, чтобы навести там порядок и обеспечить ее сохранность, что в интересах населения мы будем заботиться о его спокойствии, о питании, средствах сообщения и т. д. и т. п... Все необходимые мероприятия — расстрелы, выселение и т. д.— мы все равно проведем и будем проводить, несмотря ни на что. Мы не намерены наживать себе преждевременно ненужных врагов. Мы действуем таким образом, будто намерены использовать свой мандат. Но нам должно быть ясно, что из этих областей мы не уйдем. В соответствии с этим должно: 1. Ничего не предпринимать для окончательного урегулирования, а готовить все исподволь; 2. Мы подчеркиваем, что мы являемся носителями свободы. В деталях: Крым должен быть очищен от туземцев и заселен немцами. Староавстрийская Галиция также станет имперской областью...» [43]. Как подчеркивал Гитлер, все сводилось к тому, чтобы «умело разделить огромный пирог так, чтобы иметь возможность, во-первых, владеть им; во-вторых, управлять; в третьих, эксплуатировать». О создании какой-либо другой державы западнее Урала не могло быть и речи, «даже если бы пришлось вести войну хоть сотню лет». Должен оставаться неизменным «железный принцип: никогда не должно быть дозволено, чтобы кто-то, кроме немца, обладал оружием» [44].

Как же оцениваются эти злодейские планы современными «остфоршерами»? Один из них, Георг фон Раух, критикует фашистов не за содеянные ими преступления, а за то, что, по его мнению, эти преступные действия осуществлялись недостаточно умело: «Перед германской политикой на Востоке открывались огромные возможности, поскольку она отлично владела принципами психологического ведения войны»,— говорится в «Истории большевистской России», изданной недавно фон Раухом. «Можно было начать первый ход с освобождения окраинных народов; можно было придать борьбе характер крестового похода против большевизма, как этого хотел в 1919 г. маршал Фош. А может быть, путем поддержки антибольшевистского режима с фашистским нюансом или беззастенчивой политики «разделяй и властвуй» следовало расчленить Россию на отдельные национальные государства» [45].

Но планам германских империалистов не суждено было осуществиться. Они потерпели полное крушение, а их «защитники» разбились о силы антифашистского движения, руководимого Советским Союзом. Немецкие агрессоры встретили героическое сопротивление народов, боровшихся за национальную независимость, за демократию, за то, чтобы никогда больше не было войны. Вторая мировая война, развязанная германскими империалистами, завершилась безоговорочной капитуляцией гитлеровского государства. Народы мира осудили преступные деяния, совершенные гитлеровцами в ходе войны, а вместе с ними и идеологическую подготовку к войне, злокозненные действия тех, кто гнусным словом готовил гнусное дело. Подстрекательство к войне есть идеологическая агрессия. Оно является не только подготовкой преступления, но и прямым преступлением против законов мирного сосуществования народов на земном шаре. История осудила гитлеризм, а вместе с ним и тех, кто содействовал временному торжеству идеологии мракобесия, и подтвердила, что никаким врагам прогресса и демократии никогда не удастся восторжествовать, что силы мира и социализма несокрушимы, что за ними будущее.

[43] Там же, т. XXXVIII, док. 221-L, стр. 87.

[44] Там же, стр. 88.

[45] G. von Rauch. Geschichte des bolschewistischen Rußland. Wiesbaden. 1955, S. 420.

ОБ ОСНОВНЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА *

Е. Э. Липшиц

В статьях, опубликованных в ходе дискуссии, поднятой на страницах журнала «Вопросы истории» [1], затронуты многие назревшие в современном византиноведении темы, которые относятся едва ли не ко всем этапам тысячелетней истории Византии.

Освещение вопросов поздней истории византийского феодализма, которое было дано в дискуссионных статьях, не вызывает, на наш взгляд, при нынешнем состоянии разработки этих проблем особых возражений и сколько-нибудь значительных дополнений. Иначе обстоит дело с проблемами раннего византийского феодализма. Изложенные в предшествующих статьях точки зрения во многом отличаются друг от друга, а также от тех выводов, которые представляются наиболее правильными автору этих строк.

Думается, что из числа поставленных проблем ранней истории Византии наиболее актуальными в настоящее время являются вопросы периодизации первых этапов феодализма в Византии. С решением этих вопросов неразрывно связана характеристика путей социально-экономического развития Византии в первые века ее существования и своеобразия генезиса феодализма в Византии.

Сложность проблемы возрастает вследствие недостаточного количества источников. Однако, несмотря на то, что ее разрешение, несомненно, потребует длительных усилий целого коллектива исследователей, постановка самой проблемы и попытка ее решения, хотя бы в предварительном порядке, являются совершенно необходимыми. Это даст нам возможность выяснить существующие точки зрения, а также определить их сильные и слабые стороны.

Крах рабовладельческой системы хозяйства в Римской империи, который достиг своего апогея в революционном кризисе III в., вызвал перемещение политического центра государства на восток и содействовал образованию средневековой Византийской империи. Прогрессирующая экономика обрела новые формы, в которых стало возможным дальнейшее ее развитие.

Возникает, однако, вопрос: каким образом был достигнут последний результат? Можно ли считать, что система хозяйства и в Византии основывалась по-прежнему на эксплуатации рабского труда, как это было в античном мире?

Бросается в глаза, что нерентабельность рабовладельческой системы хозяйства должна была ощущаться тем отчетливее, что во всех со-

---

* Публикуя данную статью, редакция заканчивает дискуссию по проблемам истории Византии. В одном из последующих номеров журнала будет помещена статья, подводящая итоги этой дискуссии.

[1] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10; М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1960, № 2.

предельных с Византией восточных государствах — в Армении, Грузии, Иране — стали развиваться к тому времени феодальные отношения и феодальные формы эксплуатации, которые открывали бóльшие возможности для развития сельского хозяйства и ремесла. В Армении IV в. в основном сформировались феодальная земельная собственность и феодальные формы эксплуатации зависимых крестьян — шинаканов, составлявших население сельских общин. Как указывает С. Т. Еремян, основными классами в Армении в этот период являлись феодалы и эксплуатируемые ими крестьяне [2]. Сходным образом развивался процесс становления феодального общества и в Грузии [3]. Н. В. Пигулевская, характеризуя общественный строй Ирана в III—V вв., отмечает, что элементы феодальных отношений явственно заметны там с III в., а зарождение их может быть засвидетельствовано уже в источниках первых веков н. э. Наконец, усиление процесса феодализации отмечено автором для V века [4]. Н. И. Конрад относит распад рабовладельческого общества в Иране к III веку. Таким образом, для Конрада III век — это исходный рубеж того процесса, который привел к утверждению феодализма в качестве господствующей социально-экономической формации [5]. Трудно предполагать, чтобы Византия, которая играла столь важную экономическую и политическую роль в течение всего периода раннего средневековья, Византия, которая находилась со всеми этими странами в тесных политических, торговых и культурных взаимосвязях и даже соперничала с ними, была сравнительно отсталой страной.

Действительно, сохранившиеся в источниках материалы свидетельствуют о том, что и в Византии в IV—V вв. протекали процессы, сходные с теми, которые установлены специалистами для соседних с ней стран Ближнего Востока. В отличие от Западной Европы, в Византии, как и во многих других государствах Ближнего Востока, остатки рабовладельческих отношений, рабовладельческой цивилизации заметно ощущались на протяжении многих веков истории государства. Однако неверно было бы считать, что они определяли собой путь экономического развития византийского общества. При всем большом значении этих пережитков, которые наложили определенную печать на формы жизни византийского общества, их все же не следует переоценивать. Ни в один период существования Византийской империи рабство не являлось основной формой эксплуатации в главных сферах производства в деревне и в городе. Рабство в Византии играло, по всей вероятности, сравнительно ограниченную роль, вполне сходную с той, какую оно играло на Востоке, где рабы использовались главным образом как челядь, как обслуживающий персонал в домах богатых и влиятельных феодалов. Упоминания о рабах-слугах мы находим в византийских источниках вплоть до XV столетия. Надо полагать, что содержание термина «раб» с течением времени менялось и обозначало уже не столько раба в античном смысле этого слова, сколько несвободного, зависимого от феодала человека, близкого к крепостному [6].

---

[2] С. Т. Еремян. Армения в период кризиса рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений. «Очерки истории СССР: кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв.». М. 1958, стр. 167—185; см. также Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей. Ереван. 1954, стр. 89 сл.

[3] Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа. Грузия (Картли-Иберия и Эгриси-Лазика) III—V вв. «Очерки истории СССР...», стр. 242—254.

[4] Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л. 1956, стр. 5.

[5] Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке. «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина. М. 1955, стр. 80—83.

[6] Д. Ангелов справедливо уделяет значительное внимание выяснению роли рабства в Византии в IV—VI веках. Однако для решения поставленного им вопроса не менее важно было бы подчеркнуть, что этот пережиток античного социально-экономического строя отнюдь не исчезает в Византии и позднее. Поэтому нам представ-

Попытки отождествлять византийских энапографов с рабами, на наш взгляд, нельзя признать убедительными. Законодательные памятники подчеркивают тот факт, что энапографы были свободными людьми, располагавшими не только пекулием, но и собственностью (proprіam possessionem) [7]. При изучении законодательства об энапографах обращает на себя внимание то, что при всей тяжести их положения, которое фактически приближалось к статусу посаженных на землю рабов, зависимость их от земельного собственника осуществлялась через связь с землей. Как и «свободные» колоны, энапографы были закреплены за имением. Полнота собственности господина на энапографа, как и на колона, была ограничена характерным уже для феодальных отношений образом. Фактическое положение энапографа было сходно с положением крепостных: ведь и в крепостном праве раннего средневековья сохранялось много черт древнего рабства [8]. Зато энапографа нельзя было продавать без земли так же, как нельзя было продавать и землю без энапографов [9].

Господствующей формой эксплуатации византийских крестьян в IV—V вв. был колонат в его различных видах и формах. Уже со второй половины III в. он получил широкое распространение во Фракии. Крестьяне, трудившиеся на своих парцеллах в крупных имениях, оставались там свободными до восьмидесятых годов IV столетия, после чего они были прикреплены к земле [10]. В то время во Фракии, Македонии, Дакии число крестьян быстро возрастало по мере «варваризации» этих районов. Многочисленные упоминания в источниках дают основание заключить, что в первые века существования Византийского государства на его территории были поселены десятки тысяч бастарнов, гепидов, карпов, готов, сарматов и других «варваров» в качестве федератов и limitanei. В результате исследований советских ученых можно считать установленным, что в Балканских провинциях наряду с колонами, жившими на частновладельческих землях крупных и средних собственников, уже в IV—V вв. имелась значительная прослойка свободных местных и «варварских» крестьянских общин [11]. Преемственная связь этих общин с последующими (славянскими) настойчиво и, на наш взгляд, совершенно основательно подчеркивается в исследованиях болгарских ученых [12].

Все эти факты, свидетельствующие о распространении в балканских провинциях мелкого крестьянского хозяйства, существенно дополняют картину развития производительных сил в IV—V вв., создаваемую археологическими памятниками, а отчасти и письменными ис-

---

ляется, что сохранение рабства как института под покровом развивающегося феодализма должно рассматриваться не столько как специфика именно данного периода, сколько как особенность византийского феодализма вообще, родственного в этом отношении феодализму стран Востока. Ср. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 91—93.

[7] Разбор соответствующих законов Юстиниана об энапографах см. у Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «Византийский временник». Т. XIII. 1958, стр. 49—51; А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи. «Византийский временник». Т. IX, 1956, стр. 62 сл. Ср. особенно: Corpus iuris civilis. Editio sexta lucis ope expressa. Vol. II—III. Berolini. 1959, XI, 48, 23; Novellae, ibid., 128, 14, a. 545, а также соображения Д. Ангелова. Указ. соч., стр. 96.

[8] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 640.

[9] Энапографы могли против воли своего господина становиться клириками, однако при том условии, что они оставались в имении и продолжали обрабатывать землю. Ср. Novellae, 123, 17 a. 546; Corpus iuris civilis, XI, 48, 2; cf. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue Historique». T. CCXIX. 1958, p. 47.

[10] В. Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V вв. от н. е. «Исторически преглед», 1955, № 4, стр. 36 сл.

[11] М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник», 1945, стр. 37.

[12] Ср., например, С. Лишев. За стоковото производство във феодална България. София. 1957, стр. 14 сл.

точниками. Материалов, правда, пока еще собрано немного. Исследования в этом направлении только начинаются. Но даже и то, что опубликовано, заслуживает внимания. Данные, добытые болгарскими археологами во Фракии и в Родопских горах, свидетельствуют о высоком развитии земледелия на плодородных землях этих районов. При раскопках были найдены остатки зерен пшеницы, ржи, овса, ячменя, вики и всевозможные земледельческие орудия. Подтверждается факт наличия развитой культуры виноградарства и виноделия. Археологические данные свидетельствуют также о большом значении горных промыслов, добычи руд и связанной с ней выплавки металлов [13].

Результаты работ археологов прекрасно согласуются со сведениями письменных источников. В последних можно найти известия о том, что в рассматриваемое время на Балканах и в близлежащих районах Малой Азии шло успешное развитие ремесленного производства. Такие сведения можно почерпнуть, например, из описания восточных провинций в одном источнике второй половины IV столетия — «Expositio totius mundi et gentium» [14]. По словам автора этого описания, Фракия в IV в. изобиловала зерном, Македония — железом, свинцом, Фессалия — хлебом, Вифиния — всевозможными плодами, Геллеспонт — злаками, вином, оливковым маслом, провинция Азия — разнообразными винами, оливковым маслом, ячменем, полбой, пурпуром, Киликия — вином и т. д. Таким образом, не только на Балканах, но и в районах всей Малой Азии развитие производства характеризуется в самых благоприятных тонах. Автор описания неоднократно отмечает, что отдельные провинции не только располагали необходимыми продуктами для собственного потребления, но и имели возможность снабжать ими другие районы империи. Источники, в частности «Expositio», свидетельствуют и о том, что в рассматриваемое время во всех восточных провинциях имелось значительное число городских центров.

Любопытно отметить, что многие из городских центров на Балканах существовали частью под старыми, частью под новыми названиями вплоть до очень позднего времени. Такие города, как Одессос (Варна), Видин, Месемврия, Дръстр, Никополь и другие, сохраняли свое экономическое значение в течение всего средневекового периода. Некоторые из этих городов вошли впоследствии в состав Болгарского государства [15]. Сходные явления, характерные для сравнительно развитого сельскохозяйственного и ремесленного производства, наблюдались и в других районах империи.

С перемещением политического центра на восток — в Константинополь — экономическая жизнь приобрела явно новые стимулы для своего развития. По-видимому, успешное развитие производительных сил в то время может быть объяснено тем, что в качестве основных использовались такие формы эксплуатации непосредственных производителей, которые были рассчитаны на известную заинтересованность работника в результатах своего труда. Система хозяйства, основанная на рабском труде, где подобной заинтересованности не было, к тому времени зашла уже в тупик.

---

[13] В. Велков. Указ. соч., стр. 44 сл.

[14] Большое внимание уделено «Expositio» в работе Н. Пигулевской «Византия на путях в Индию». М.-Л. 1951, passim. Русский перевод текста см. у С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. «Византийский временник», 1956, т. VIII.

[15] Хр. Миятев. Славянский город в древней Болгарии. «Byzantinoslavica», année X, 1949, № 2, p. 260; В. Бешевлиев. Античната топонимия у нас като исторически извор. «Известия на Института за български език». Кн. 3. София. 1954, стр. 352—355; В. Велков. Бележки върху социално-икономическото развитие на Одесос през късноантичната епоха. «Известия на Археологическото дружество гр. Варна». Кн. X. 1956, passim; его же. Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София. 1959, стр. 54—59, 256—257; ср. также обобщающую книгу С. Лишева (указ. соч., стр. 14—20), где приведены еще некоторые дополнительные сведения.

Происшедшие изменения оказались следствием глубокого социального переворота, положившего конец рабовладельческому строю античной Римской империи. Процесс же развития феодальной общественно-экономической формации в Византии явился результатом сочетания прогрессивных, профеодальных тенденций (уже имевшихся в эллинизованных восточных провинциях Римской империи) с пережитками родового строя сельских общин, число которых возрастало за счет поселений «варваров».

С конца III — начала IV в. н. э. это, говоря словами Маркса, своеобразное переплетение восточного «варварства» и западной цивилизации получило широкое распространение и начало играть определяющую, ведущую роль в жизни Византии. Нам представляется, что время «около 300 года», которое Энгельс рассматривал в «Диалектике природы» как грань между концом древности и началом средневековья и связывал с возвышением Константинополя, является важнейшей вехой во всей общественно-экономической истории Византии [16].

Основной экономической ячейкой, характерной для нового социального строя, было мелкое крестьянское хозяйство. Мы находим его в двух основных формах: при свободных крестьянских общинах и при поселениях колонов, зависевших от крупных земельных собственников. Поселениям колонов порой также был присущ общинный характер. Эксплуатация больших имений путем сдачи участков земли крупными собственниками эмфитевтам и колонам на основе договора между экономически неравными сторонами была рассчитана на мелкое крестьянское хозяйство «γεωργοί». В таком хозяйстве из поколения в поколение один и тот же участок земли обрабатывался потомками одной и той же семьи. Опыт ухода за виноградником и садом передавался по наследству. Длительная и неразрывная связь колона с землей, на которой он работал, и его малая имущественная обеспеченность фактически ставили его в полную зависимость от земельного собственника, который к тому же располагал еще обычно властью и влиянием. Эта зависимость существовала даже тогда, когда к ней не присоединялось государственное прикрепление к земле. При наличии же последнего тяжелая зависимость колона и мелкого арендатора от крупного землевладельца лишь еще более усугублялась.

С другой стороны, и способ ведения самостоятельного мелкого хозяйства крестьян, живших в свободных сельских общинах на землях, которые считались государственными или принадлежали к городским территориям, был во многом сходен с первым, хотя и не вполне аналогичен ему. В этом втором случае в большей или меньшей степени сказывались традиции общинной собственности: могла сохраниться память о еще недавно практиковавшихся переделах земли. Община как целое оказывала известную помощь каждому из ее членов и защищала его. Однако и эти крестьяне-общинники страдали от вымогательств представителей византийского фиска, платили обычные и экстраординарные налоги и отбывали многочисленные повинности. Поэтому они нередко предпочитали отдаваться под покровительство крупных и влиятельных частных собственников или попадали под их власть в результате насилия [17].

Сходство в хозяйственном положении обеих категорий крестьянства, располагавших в отличие от рабов не только пекулием, но и собственностью на некоторые орудия труда и известными правами на свой участок земли, ясно ощущалось современниками: и те и другие кре-

---

[16] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 440.

[17] Интересный и важный вопрос о собственности колонов на орудия труда и о характере их собственности на землю освещается некоторыми данными законодательства. См. разбор их в указанных выше статьях А. Р. Корсунского (стр. 59—70) и Е. Э. Липшиц (стр. 50—51). См. также Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 94—95.

стьяне обычно именуются в греческих источниках единым термином — «γεωργοί». Подчас при интерпретации того или иного текста бывает трудно определить, о какой именно категории крестьян в данном случае идет речь.

Так, насколько можно судить по латинскому тексту, в группе новелл Юстиниана от 535 г., которые запрещали кредиторам, дающим крестьянам ссуды зерном, брать в заклад и присваивать крестьянские участки, говорится о колонах (coloni). В греческом тексте стоит «γεωργοί». Вместе с тем в одной из древнейших и лучших рукописей Земледельческого закона (Государственный исторический музей, № 318/467, перг. XI в.) тридцать вторая новелла Юстиниана, входящая в качестве первой в указанную группу законодательных постановлений, включена в текст самого закона (после статьи 85). Земледельческий же закон, как это можно считать доказанным и общепризнанным, трактует о свободных крестьянских общинах.

Мелкое хозяйство подобных крестьян содействовало неуклонному, хотя и медленному, развитию феодальных отношений [18]. С этой точки зрения византийский колонат IV—V вв. должен рассматриваться как социальная форма, сходная, по сути дела, с позднейшим крепостничеством византийских париков времени зрелого феодализма и вообще как форма отношений, гораздо более близкая к классическому феодализму, чем к рабовладельческому строю. Конечно, на колонате лежал отпечаток своего времени. Поэтому можно предполагать, что норма эксплуатации колона была выше, чем у позднейшего парика, а степень его фактической самостоятельности ниже. Длительный многовековой процесс исторического развития, заполненный борьбой византийских крестьян за свои права, привел к превращению колонов в позднейших париков. Однако характер зависимости тех и других был в своей основе однородным. Примечательно, что в источнике X в. мы находим термин «парик» наряду с «энапографом» и «мистотом» в заглавии титула, включающего известную конституцию императора Анастасия о двух категориях колонов, то есть энапографах и мистотах. Термин «парик» употреблен автором X в. только в заглавии к титулу [19], по-видимому, как пояснение ставшего уже неупотребительным в это время термина «мистот». Это становится совершенно очевидным, если сопоставить заглавие с § 3 того же титула, где речь идет только о двух, а не о трех (как в заглавии) категориях крестьян.

На первом этапе складывания византийского феодализма типичной была эксплуатация колонов крупными частными земельными собственниками. Независимые сельские общины в этот период играли сравнительно меньшую роль. Зато в последующее время они стали основной ячейкой всего общественно-экономического строя Византии. Мелкое же крестьянское хозяйство в одинаковой мере сохраняло свое значение на обоих названных этапах развития византийского общества. Однако в первый период его истории мелкое крестьянское хозяйство существовало в сочетании с крупной частной собственностью землевладельцев. Во второй же, начинающийся с момента падения Западной Римской империи и появления массовых славянских поселений на территории Балкан и Малой Азии, эксплуатация мелкого хозяйства крестьян-общинников осуществлялась преимущественно централизованным государством крупных землевладельцев.

Повсеместное распространение сельских общин, значительную часть которых составляли новые (славянские), и их борьба против византийских императоров, посягавших на свободу и независимость этих об-

[18] См. соображения Д. Ангелова. Указ. соч., стр. 93.

[19] Synopsis Basilicorum, III. 6, 3. Ius Graeco-Romanum, pars V, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae. 1869, p. 162.

щин,— одна из самых ярких страниц истории византийского общества в VI—IX веках. По мере подчинения империей славянских общин члены их наряду с местными крестьянами превращались в подданных византийского централизованного государства: они платили теперь налоги и отбывали повинности в размерах, которые в каждом отдельном случае колебались в связи с соотношением сил и результатами борьбы крестьян за свои права [20].

На первом этапе своего развития сельское хозяйство Византии, несмотря на применение новых форм эксплуатации, не смогло преодолеть старых трудностей. Однако огромное значение славянской колонизации для судеб империи состояло, в частности, в том, что благодаря появлению нового многочисленного класса крестьян-общинников пустоши вскоре превратились в цветущие поля. Это было тем важнее, что с VII в. Византия потеряла свою житницу — Египет.

Наступление новой, фемной знати на общины в VIII—IX вв. и быстро развивавшийся внутри общин процесс их разложения привели к захвату многих из них динатами и к прогрессирующему упадку старинных общинных обычаев и порядков. С конца IX — начала X в. можно говорить о византийском феодализме в более узком, так сказать, классическом значении этого слова.

Византийская община VI—IX вв., насколько мы можем судить о ней по данным Земледельческого закона, изданного, вероятно, не позднее начала VIII столетия [21], может быть охарактеризована как сельская территориальная община. В отличие от более древних коллективов византийская община того времени находилась на такой стадии развития, когда частная собственность крестьян — членов общины распространялась уже на дом, двор, виноградник, сад, поле. Далеко зашедший процесс внутренней дифференциации, разрушивший некогда существовавшее экономическое и социальное равенство, является характерной чертой общины, отображенной Земледельческим законом. Тем не менее статьи закона свидетельствуют о наличии остатков общинной собственности на угодья, на неразделенную землю; это сказывается и в отсутствии строго оформленной частной собственности на определенный участок, а также проявляется и в некоторых других случаях [22].

---

[20] Прекрасной иллюстрацией этому может служить история взаимоотношений империи со славянскими племенами Пелопоннеса в IX и начале X в., описанная Константином VII Багрянородным. Первоначально, после подчинения племен милингов и езеритов, живших на склонах Тайгета, подать с них была установлена в размере 300 номизм с езеритов и 60 номизм с милингов. После восстания милингов и езеритов против них была направлена карательная экспедиция протоспафария Кринита Аротраса, спалившая все нивы повстанцев. Подать была увеличена до 600 номизм с милингов и 600 номизм с езеритов. Когда же эти районы оказались под угрозой нападения со стороны других славянских племен, император Роман был вынужден снизить подати до первоначальных размеров. См. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik. Budapest. 1949, cap. 50, p. 232 sq.

[21] W. Ashburner. The Farmer's Law. «The Journal of Hellenic Studies». Vol. XXX, XXXII, 1910, 1912; русский перевод см. в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии». М. 1951, стр. 103—110.

[22] З. В. Удальцова и А. П. Каждан категорически утверждают, ссылаясь на южноитальянские документы, исследованные М. Л. Абрамсон («Крестьянство в византийских областях Южной Италии в IX—XI вв.». «Византийский временник», 1953, т. VII), что термин «μεριστός» обозначал в византийской общине вообще не передел, а раздел общей (семейной) территории (см. З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 84). Следует сказать, однако, что термин «μεριστός» имел в Византии отнюдь не единичное значение. Он мог означать и раздел, и передел, и раздел между членами общины новой территории, занятой общиной. Поэтому соответствующая статья Земледельческого закона («если раздел был произведен несправедливо для некоторых в жребиях или местоположении, пусть позволено будет аннулировать произведенный раздел») допускает различные толкования. В Земледельческом законе нет ни малейшего упоминания о семейной собственности. Нет упоминаний и о родственных отношениях членов общины ни внутри общины в целом, ни в пределах участков каждого из членов. Если термин «μεριστός» означал в Южной Италии раздел семейной собствен-

Следует отметить, что утверждение М. Я. Сюзюмова о наличии у крестьян в общине этого времени dominium plenum на участки земли не подтверждается данными Земледельческого закона (ср. статьи 21, 61, 78, 79). О полной победе частной собственности и сохранении общины лишь как формального объединения ее членов, на наш взгляд, вряд ли можно говорить ранее X столетия — времени, когда (как об этом свидетельствует Податной устав [23]) община еще живет, по существу, лишь как податная единица. Поэтому именно при анализе Податного устава (опубликованного впервые в 1915 г.) среди зарубежных ученых получила широкое распространение теория фискального происхождения византийской общины и полного отрицания каких бы то ни было следов общинной собственности во все времена истории Византии. Эта теория возродила в новой форме точку зрения Б. А. Панченко, высказанную еще в начале текущего столетия [24].

Неверно было бы считать, что тип общины, описанный в Земледельческом законе, был в Византии единственным. Наряду с ним, например, в горных районах Малой Азии и в Сирии [25], имелись общины более архаического типа, где явно существовала коллективная собственность на землю. Весьма вероятно, что чисто славянские общины в Македонии и Пелопоннесе имели более ярко выраженные семейно-родовые черты.

Складывание феодальной формации в Византии шло многообразными путями. Феодальные отношения зарождались как в крупных имениях, где хозяйство строилось с упором на эксплуатацию крестьян, которые обладали собственными наделами [26], так и в свободных крестьянских общинах. Следует сказать, что в Византии латифундиальных имений с массовой эксплуатацией рабов в сельском хозяйстве вообще никогда не было [27].

Различные пути формирования феодальных отношений могут быть намечены по источникам уже в IV—V веках. С появлением сла-

---

ности, то из этого отнюдь еще не следует, что этот термин обязательно имел то же значение в самой Византии. Материалов для категорического суждения по этому вопросу в распоряжении исследователей не имеется. Кстати говоря, и М. Л. Абрамсон отмечает, что значение термина «μερισμός» было в Византии более широким, чем в Италии (М. Л. Абрамсон. Указ. соч., стр. 166). Можно предположить, что здесь речь идет о первичном разделе общинной территории при ее захвате. К тому же выводу пришел, на наш взгляд, вполне обоснованно, и Д. Ангелов (указ. соч., стр. 98 и прим. 32).

[23] Податной устав был издан дважды: W. Ashburner. A Byzantine Treatise on Taxation. «The Journal of Hellenic Studies». Vol. XXXV. 1915; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des X. und XI. Jahrhunderts. «Byzantinisches Archiv». Hf. 9. Berlin. 1927. Русский перевод см. в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии». М. 1951, стр. 147—154.

[24] Из сторонников этой точки зрения в новейшем зарубежном византиноведении можно назвать Карайаннопулоса (J. Karayannopulos. Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos. «Byzantinische Zeitschrift». Bd. 51, Hf. 2, S. 357—373). Г. Острогорский, явившийся одним из авторов этой «фискальной теории» (Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. «Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. XX. 1927, passim), в настоящее время от нее отошел. См. G. Ostrogorsky. Das Byzantinische Kaiserreich in seiner inneren Struktur. «Historia mundi». Bd. VI. Bern. 1958, S. 447.

[25] Интересны в этом отношении надписи. См., например, G. Mc. Lean Harper. Village administration in the Roman Province of Syria. «Yale Classical Studies». Vol. I. 1928, p. 105—166.

[26] Этот второй путь аналогичен процессу, подмеченному исследователями на территории Закавказья, где становление феодализма не сопровождалось массовыми вторжениями «варварских» племен. См. «Очерки истории СССР...», стр. 10.

[27] Странным, если не сказать просто ошибочным, образом трактуются в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана понятия хозяйства и собственности как явления одного порядка. Так, авторы статьи противопоставляют крупную собственность мелкому самостоятельному хозяйству как взаимоисключающие явления. В действительности же крупная собственность и мелкие самостоятельные хозяйства крестьян являлись разными сторонами одних и тех же феодальных общественных отношений. См. З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 81—83.

вянских общин феодальные отношения получили новую широкую сферу для своего распространения и развития. Процесс захвата крестьянских общин и земель крупными собственниками, который начался в первый период византийской истории и был связан, в частности, с развитием патроната, отнюдь не приостановился и позже, хотя принял несколько иные формы. Вместо захвата крестьянских земель отдельными крупными земельными собственниками борьба за землю велась во второй период истории империи преимущественно централизованным порядком. Уже с VII в. начинаются военные экспедиции в районы славянских поселений. Эти походы содействовали в большей или меньшей степени подчинению империей отдельных общин. Подобно прочим крестьянским общинам, славянские общины также несли все тяготы по уплате податей и отбыванию повинностей. Захваты крестьянских земель фемной знатью привели к дальнейшему развитию феодальных отношений. Но, несмотря на широкое распространение крестьянских общин (типичную для этого исторического периода черту), было бы необоснованным считать, что после VI в. полностью исчезло крупное и среднее частное землевладение. Видные представители правящего класса оставались по-прежнему крупными земельными собственниками, несмотря на то, что у кормила власти сменялись отдельные феодальные группировки.

Крупное церковное землевладение, для которого VI столетие было поистине «золотым» веком, отнюдь не утратило всех своих имений до начала иконоборческого периода. Из трехсот с лишним былых византийских монастырей значительное количество существовало и в интересующее нас время [28], за исключением тех, которые оказались на территории, захваченной арабами и славянами. Это явствует также из актов V/VI вселенского собора, из агиографических источников и из «Эклоги», где специально рассматривается вопрос об эмфитевзисе церковных и прочих подобных недвижимостей [29]. Целый ряд крупных земельных собственников нам известен поименно из биографий видных политических и церковных деятелей VII—IX веков [30]. К VII в., по всей вероятности, на церковных землях получил некоторое развитие и институт экскуссии [31].

Согласно широко распространенному мнению, начало второго периода истории Византии относится к VII столетию. Это время многие советские историки, в частности З. В. Удальцова и А. П. Каждан, склонны рассматривать даже как наиболее важную веху во всей истории Византии, как грань между рабовладельческой и феодальной формациями, как время социального переворота, после которого, собственно, и начинается история Византии. К этой точке зрения можно отнести и взгляды М. Я. Сюзюмова, который, однако, в отличие от первых двух названных исследователей, обоснованно возражает против поименования предшествующего времени «периодом римской истории» в отличие от позднейшего, «византийского» [32].

Точка зрения о наличии указанного рубежа в истории Византии, впервые высказанная в XIX столетии английским специалистом по ис-

---

[28] R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin. T. III. Paris. 1957, p. 4.

[29] Ecloga Leonis et Constantini, ed. Monferratus. Athenis. 1889, tit. XII. Ср. Е. Э. Липшиц. Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М. 1960, стр. 5—9.

[30] См. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 99.

[31] Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник», т. XIII, 1958, стр. 63. О предпосылках экскуссии в VI в. см. Е. Э. Липшиц. О путях..., стр. 46.

[32] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 94 сл.; А. П. Каждан и З. В. Удальцова применяют термин «Восточно-римская империя»; иногда встречаются и термины «Римская империя», «римская община» и т. д.; см. А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 84, 86.

тории Греции Финлеем, получила особенно большое распространение за рубежом в двадцатых и тридцатых годах текущего столетия в связи с вопросом о пересмотре роли императора Ираклия. В противовес либеральным историкам первой половины XIX в., отводившим важнейшую роль в истории Византии императорам-иконоборцам, историки позднейшего времени стали считать Ираклия более значительным реформатором, основателем нового военного и административного устройства империи, известного под именем фемного строя. Само собой разумеется, что ученые, стоящие на позициях буржуазной методологии, не ставили, конечно, вопроса о смене общественно-экономических формаций, а имели в виду лишь периодизацию внешней и внутренней политической истории. Но даже те из них, кто придерживается в своих работах более прогрессивных взглядов и рассматривает, по существу, проблемы социально-экономического развития и смену форм эксплуатации, принимая эту грань, отнюдь не признают в то же время господства рабовладельческих отношений в предшествующий период[33]. Большинство исследователей считает вполне доказанным господство колоната как формы эксплуатации для первого периода истории Византии[34].

В качестве решающих соображений (при отнесении грани между периодами к VII в.) приводятся обычно следующие: 1. К VII в. относят начало славянской колонизации. 2. В VII в. Византия потеряла Египет и Сирию. 3. К VII в. приурочивают и начало фемного строя, то есть такого строя, при котором было проведено прикрепление войск к определенным территориям и где полнота власти над местным населением была сосредоточена в руках командира фемы — стратига.

Едва ли можно сомневаться в том, что славянская колонизация сыграла огромную роль в судьбах византийского государства. Однако вряд ли есть достаточные основания считать, что начало колонизации относится к VII столетию. Этому мнению противоречат сведения византийских писателей VI в. Иоанна Эфесского и Прокопия Кесарийского. Иоанн Эфесский свидетельствует о наличии в его время прочных поселений славян на территории Византии, где они жили, как в своей собственной стране[35]. Прокопий же неоднократно подтверждает факт широкого проникновения славян на территорию империи и включение целых славянских отрядов в византийскую армию[36]. Поэтому некоторые иссле-

---

[33] См. G. Ostrogorsky. Staat und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit. «Historia mundi». Bd. IV. Bern. 1956, S. 556 ff.

[34] См. Е. Э. Липшиц. О путях..., стр. 31, прим. 9. Попытка Д. Ангелова (указ. соч., стр. 92—93) рассматривать эти два вида отношений как равноправные и даже независимые уклады, думается, вряд ли может быть принята. Создание мелкого крестьянского хозяйства в его различных формах в качестве основы возникающего феодального общества, как показывают законодательные памятники, стояло в центре внимания господствующего класса и его политики налаживания сельского хозяйства, от судеб которого зависело самое существование государства. Не только во всех двенадцати книгах Кодекса Юстиниана, но и в Кодексе Феодосия, в новеллах последующих императоров и в новеллах Юстиниана колонату уделяется поэтому огромное внимание. Следует иметь в виду, что с IV в. были созданы самые широкие возможности для ликвидации рабства, особенно в сельскохозяйственных отраслях производства. Сохранение же юридического института рабства и статуса рабов ничего еще не доказывает при решении поставленного вопроса, так как институт рабовладения характерен отнюдь не только для первой стадии византийской истории, но и для последующих стадий. Сохранение остатков рабовладельческих отношений накладывало определенный отпечаток на все формы византийского феодализма, подобно тому как наследие античной цивилизации оказывало немалое влияние на все отрасли византийской культуры.

[35] «История Иоанна Ефесского». Кн. VI, гл. 25 (русский перевод в книге Н. Пигулевской. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л. 1941, стр. 140—141); А. Васильев. Славяне в Греции. «Византийский временник», 1898, V, стр. 409.

[36] На это обращал внимание еще Иречек в своей истории сербов. См. E. Stein. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart. 1919, S. 120; Proc. Caes. De bello goth: I, 27, 2 sq. III, 22, 3.5.21; III, 14, 31 sq. Русский перевод С. П. Кон-

дователи считают, что есть основания относить начало колонизации к V в., а может быть, и к более раннему времени. Ведь славяне принимали участие в известном восстании Виталиана в 513 году. А. А. Васильев в своем известном исследовании «Славяне в Греции» пришел к не опровергнутому и в настоящее время заключению, что славяне участвовали в походах тюрков-болгар в конце V и начале VI в. и доходили уже в это время до Фермопил [37].

Вопрос же о происхождении фемного строя вызывает серьезные споры. Ряд исследователей считает, что фемный строй был создан императором Ираклием (610—641 гг.). Такую точку зрения высказал еще в 1919 г. Э. Штейн. Ее продолжали развивать и другие исследователи, в частности Г. А. Острогорский и В. Энслин [38].

Некоторые исследователи, например публикатор трактата Константина VII «О фемах» А. Пертузи, придерживаются того взгляда, что фемы возникли лишь во второй половине VII века [39]. Хауссиг, который присоединился к этому мнению, оспаривает достоверность свидетельства Феофана (от 622 г.) и считает, что Феофан употребил здесь термин не своего источника, а своего времени, то есть IX века. По мнению Хауссига, впервые с полной достоверностью о фемах говорится в письме императора Юстиниана II к римскому папе Иоанну V от 687 года [40]. Другие исследователи, например Гельцер, относили создание фем к VIII веку [41].

Вопрос остается спорным, хотя, по-видимому, точка зрения о более раннем происхождении фем является более убедительной. Необходимо отметить, что еще Ф. И. Успенский, Ш. Диль и Дж. Бьюри обращали внимание на то, что (если не говорить о самом термине «фема») в самой организации фемного строя нет ничего принципиально нового по отношению к деятельности правительства Юстиниана I (527—565 гг.) на востоке империи (в Писидии, Ликаонии, Исаврии, Фригии, Галатии и т. д.), а особенно при создании крупных территориальных округов под командой magistri militum на Востоке, в Армении, Иллирике, Африке и Италии и при введении института квестуры Justinianus exercitus и трех magistri militum praesentales [42]. Признавая значение этой административной реформы для политических судеб империи в период арабского завоевания восточных провинций, вряд ли все же можно рассматривать «введение» фемного строя как решающий момент в победе новой обще-

дратьева: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. 1950, стр. 156, 298, 319—321; C. Jireček. Geschichte der Serben. Bd. I. Gotha. 1911, S. 78 f.; ср. J. Dujčev. Les slaves et Byzance. Etudes historiques à l'occasion du XI-e Congrès International des sciences historiques. Sofia. 1960, p. 32; В. Тыпкова-Займова. Нападения варваров на окрестности Солуни в первой половине VI в. «Византийский временник», 1959, т. XVI, стр. 3—7.

[37] А. Васильев. Славяне в Греции. «Византийский временник», 1898, V, стр. 408.

[38] E. Stein. Studien... S. 117 ff.; G. Ostrogorsky. Korreferat zu A. Pertusi. La formation des thèmes byzantines. «Berichte des XI. Byzantinistenkongreß». München. 1958, S. 2 ff.; см. его же. History of the Byzantine State. New Brunswick. 1957, p. 74 sq.; W. Ensslin. Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung. «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 46, 1953, S. 362—368.

[39] A. Pertusi в книге: Constantinus Porfirogenitus. De thematibus. Citta del Vaticano. 1952, pp. 103—111.

[40] H. Haussig. Anfänge der Themenordnung (F. Altheim—R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main. 1957), S. 82—114.

[41] H. Gelzer. Die Genesis der Byzantinischen Themenverfassung. Leipzig. 1899, S. 72—77.

[42] Nov. Just. 41 (a. 537); 50 (a. 535). См. также Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи. «Известия» Русского археологического института в Константинополе. VI. Вып. I. 1900, стр. 154—207; Ch. Diehl. L'origine du régime des thèmes dans l'empire Byzantin. «Etudes byzantines». Paris. 1905, p. 277 sq.; J. B. Bury. History of the Later Roman Empire. Vol. II. London. 1889, p. 339 sq.; E. Stein. Указ. соч., стр. 165—168. К этому же взгляду близка точка зрения J. Karayannopulos. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München. 1959, S. 98.

ственно-экономической формации, то есть коренном переустройстве самых основ общественного строя Византии, что существенным образом и непосредственно влияло на положение и формы эксплуатации византийского крестьянства (хотя, конечно, нужно помнить, что введение фемного устройства создавало благоприятные условия для развития византийского феодализма и роста фемной знати и очень тяжело сказалось на тех крестьянах, которые должны были нести тяготы по содержанию воинских частей после их возвращения из походов).

Таким образом, во введении фемного строя,— который, кстати говоря, победил на территории всей империи лишь к X веку,— мы никак не можем усматривать решающее событие, явившееся социальным переворотом в Византии,— переходом от рабовладельческой к феодальной общественно-экономической формации. Но если это так, то, спрашивается, можно ли вообще считать политический кризис VII века единственным в своем роде и самым существенным переворотом во всей социально-экономической истории Византии? Ведь известно, что Византия терпела и впоследствии серьезные военные поражения и несла территориальные потери в гораздо больших масштабах.

Некоторые советские исследователи, придерживающиеся мнения о том, что VII в. явился переломом в общественно-экономической истории Византии, пытаются опереться на данные по истории византийского города, которые будто бы подтверждают эту точку зрения. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан указывают, что «можно считать установленным факт экономического упадка позднеримских городов в VII веке»[43]. Не вдаваясь здесь в детальное рассмотрение вопроса, отметим лишь, что эти явления, если говорить об упадке городов и процессе натурализации хозяйства, можно заметить еще несколькими столетиями раньше, когда упадок был едва ли не повсеместным[44]. К тому же процесс натурализации хозяйства с переносом центра экономической жизни из города в деревню продолжал развиваться в течение всего периода генезиса феодализма. Процесс этот, начавшись задолго до VII столетия, продолжался и в последующее время. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в жизни ряда важнейших византийских городов, ставших с основанием Византийского государства центрами ремесла и торговли, мы не находим в VII в. заметного перерыва. Так обстояло дело и в столице империи Константинополе, который превратился в многолюднейший и крупнейший центр раннесредневековой Европы. Так было и в Фессалонике и в Никее. Несмотря на нападения славянских и аварских племен и крайне трудное политическое положение империи, в городах продолжалась интенсивная экономическая жизнь; димы, представлявшие интересы ремесленных слоев городского населения, по-прежнему принимали активное участие в политической жизни страны. В городах сооружались замечательные памятники архитектуры (церковь Димитрия и церковь Софии в Фессалонике, церковь Успения в Никее), велись работы по строительству укреплений и т. д. Вообще в городах Малой Азии не было заметно особого упадка, не было его и в некоторых провинциальных городских центрах на Балканах, как, например, в тех, которые вошли впоследствии в состав Болгарского государства[45]. Даже если считать, что в Афинах, Коринфе, Пергаме и Херсонесе (городах, упоминаемых в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана) в VII в. имел место кризис, то его нельзя не рассматривать как дальнейшее развитие

---

[43] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 12; ср. А. П. Каждан, Византийские города в VII—XI вв. «Советская археология». Т. XXI. 1954.

[44] См. Е. Э. Липшиц. О путях..., стр. 31; О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во II веке нашей эры. М. 1954, стр. 67, 72, 106 и др.; A. H. M. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford. 1937, p. XII, 94 sq.; его же. The greek City from Alexander to Justinian. Oxford. 1940, p. 84 sq.

[45] См. выше, стр. 101.

процессов, начавшихся значительно раньше. К тому же удельный вес этих городов в социальной жизни был в рассматриваемую эпоху столь незначителен, что с их упадком вряд ли можно связывать вопрос о смене общественно-экономического строя в Византии в целом, о переходе от рабовладельческой к феодальной общественно-экономической формации.

Поставленные советскими исследователями проблемы византийского города в настоящее время привлекают к себе большое внимание и за рубежом [46]. Однако исследование истории отдельных городов, тесно связанное с ходом археологического изучения старых поселений, еще только начинается. Нам представляется, что при решении проблемы общей периодизации социально-экономической истории Византии современное состояние исследования вопроса не позволяет пока опираться на соответствующие данные, заимствованные из истории византийского города [47].

М. Я. Сюзюмов справедливо отмечает, что, «несмотря на самые тщательные изыскания, никаких сколько-нибудь крупных выступлений рабов в IV—VI вв. отметить не удалось» [48]. Никаких свидетельств о каком-либо крупном социальном перевороте в VI—VII вв. источники также не содержат. При всем значении «варваризации» для истории Византии «варвары» не завоевали ее. Основы общественно-экономического строя Византии, базировавшегося на эксплуатации раннефеодального типа, остались такими же, какими были в первый период истории Византии. В связи со славянской колонизацией они лишь получили свое дальнейшее развитие.

Следует, однако, отметить, что М. Я. Сюзюмов, отвергая ничем не доказанную теорию о будто бы происходившей в Византии «революции рабов и колонов», тем не менее придерживается того взгляда, что все же «революционный переворот» имел место. В качестве такового он предлагает считать совокупность фактов социально-экономической истории Византии VI—IX вв., среди которых придается важнейшее значение внутренней политике византийских императоров Фоки, Юстиниана II, Льва III и Константина V. Террор и расправа этих императоров со своими политическими противниками рассматриваются М. Я. Сюзюмовым как свидетельство о растянувшемся на много веков революционном преобразовании общественных основ. Столь широкая трактовка термина «революционный», которым фактически подменяется здесь понятие «прогрессивный» и который отождествляется с обычной борьбой между прослойками господствующего класса за власть, вызывает серьезные

[46] Проблемами византийского города в том или ином плане занимаются едва ли не все советские византинисты; специально проблемам общественно-экономической сущности византийского города посвящены многочисленные работы М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, Р. А. Наследовой, Г. Л. Курбатова, Б. Т. Горянова, Е. Э. Липшиц. Вопросы движения димов поставлены и разработаны в исследованиях А. П. Дьяконова, М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской. Интересные материалы собраны также в работах болгарских исследователей В. Велкова, С. Лишева и др. Ср. также соображения Д. Ангелова (указ. соч., стр. 99—101). С докладами по истории византийского города выступали на международных конгрессах по средневековью в Сполето (Италия. 1956) и по византиноведению в Мюнхене (1958 г.) Ф. Дэльгер, Э. Кирстэн, Д. Закитинос; вопросами византийского города занимается и Г. А. Острогорский.

[47] Уже после сдачи настоящей статьи в печать вышла в свет книга А. П. Каждана («Деревня и город в Византии IX—X в.». М. 1960), в которой автор подробно развивает вновь свою гипотезу о наличии решающей грани в истории византийского города в VII веке. Однако в появившихся за последнее время специальных исследованиях И. В. Соколовой («Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.». «Византийский временник», 1959, т. XV, стр. 50—64) и Г. Острогорского (G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. «Dumbarton Oaks Papers». XIII. 1959, p. 41—66) приведен значительный фактический материал, опровергающий правомерность такой точки зрения. Нужно также сказать, что, по моему мнению, решение проблемы об основных этапах социально-экономического развития Византии в ранний период средневековья следует искать не столько в истории города, сколько деревни.

[48] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 97.

возражения. Если считать «революционными» все подобные факты, то список византийских императоров — невольных «революционеров» — можно значительно пополнить, а понятие «революционного переворота» распространить едва ли не на добрую половину всей тысячелетней истории Византии, да и не только Византии.

Нам представляется более правильным признать, что после кризиса III в. в истории Византии вообще нельзя найти подлинно революционных событий, хотя известны многочисленные факты классовой борьбы угнетенных масс, которые имели место во все времена византийской истории. Следов того колоссального революционного переворота, который будто бы привел к разделу крупных имений, основанных на эксплуатации труда адскрипциев и колонов и ликвидации колоната как формы эксплуатации [49], мы в источниках не находим (хотя единичные случаи захвата имений крестьянами, может быть, и имели место в районах «варварских» и арабских нападений). Трудно себе представить, чтобы подобный громадный переворот, существенным образом задевавший кровные имущественные интересы господствующего класса, не оставил бы следов в источниках, оказался бы не замеченным византийскими хронистами Никифором и Феофаном.

В статье М. Я. Сюзюмова уделено большое внимание характеристике Византийского государства. М. Я. Сюзюмов (как и З. В. Удальцова, А. П. Каждан и Д. Ангелов) рассматривает Византийское государство в первый период его истории как простое продолжение Римской рабовладельческой империи. Отмечая тот факт, что «новые производственные отношения упорно прокладывали себе дорогу», М. Я. Сюзюмов считает тем не менее, что рабовладельческая сущность государства осталась прежней [50]. Остается совершенно непонятным, однако, если принять эту точку зрения, почему византийские правители (которых М. Я. Сюзюмов характеризует как реакционную прослойку правящего класса) не только не противились распространению этих новых отношений, но и внедряли их в жизнь прямым вмешательством через византийское законодательство, а также использовали их в императорских доменах. Не вернее ли было бы считать, что сильно варваризованный правящий класс Византии учел уроки революционного кризиса III в. и, независимо от своих субъективных устремлений, стал на путь отказа от рабства как основы производственных отношений? Колонат, как известно, развивался в первую очередь именно на императорских землях. Политика правящего класса, отразившаяся в законодательстве, свидетельствует о том, что путь для развития феодальных отношений был открыт.

Если при определении классовой природы ранневизантийского государства исходить только из факта сохранения рабства как института, то пришлось бы ошибочным образом признать, что Византийское государство оставалось рабовладельческим не только в этот, но и в последующие периоды своей истории. Как показывают памятники византийского права, начиная с Кодекса Феодосия и кончая Шестикнижием Арменопула (XIV в.), институт рабства сохранялся на протяжении всей истории Византии, так и не будучи отмененным. Поэтому наличие его нельзя рассматривать как черту, присущую только первому этапу истории Византии. Скорее сохранение рабства как традиционной формы эксплуатации, не игравшей существенной роли в производстве, следует рассматривать как черту, характерную для византийского феодализма вообще, то

[49] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 98; несмотря на малочисленность сохранившихся источников, факт наличия феодально-зависимых крестьян — париков на императорских и церковных землях даже во второй период истории Византии не вызывает сомнений. См. Theophanis Chronographia, ed. cit. Vol. I. Lipsiae. 1883, p. 486; Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin. 1822, № 8680 и др. Д. Ангелов правильно предостерегает против преувеличений в оценке происшедшего переворота (указ. соч., стр. 98).

[50] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 96.

есть как особенность, которая роднила его с феодализмом стран Ближнего Востока.

При характеристике Византийского государства в первый период важно обратить внимание на те большие изменения, которые были внесены в область государственного и гражданского права. Эти изменения были столь существенны, что историки-правоведы рассматривают этот период как начало «новой эры» в истории права [51]. В частности, изменения затронули сферу имущественных отношений посессоров. Наиболее важным из них являлось ограничение права собственности посессора на личность зависимого человека. Несмотря на то, что грубые формы крепостничества на практике мало чем отличаются или даже вовсе не отличаются от рабства, феодальная зависимость все же представляет собой шаг вперед по сравнению с античным рабством, где раб рассматривался как вещь, которая находилась в полной, неограниченной собственности у господина. Игнорировать этот «скачок», появление нового социального качества не может никакой историк, если он рассматривает исторический процесс как комплекс сложных и многообразных явлений.

Основы Византийского государства как орудия классового господства крупных земельных собственников, государства, построенного по типу восточной деспотии, с неограниченной властью императора — «наместника бога на земле» — и бесчисленной бюрократией, были заложены еще в первый период истории Византии. Сущность этого государства оставалась неизменной на протяжении всей последующей истории Византии, независимо от того, в союзе с какой прослойкой господствующего класса выступали крупные землевладельцы. Была ли то константинопольская или провинциальная знать, менялись ли у власти те или иные группировки, характер государства оставался прежним. Оно продолжало быть централизованным, как это имело место с самого начала. Никакого существенного изменения в этом отношении не отражено в источниках VII и всех последующих веков.

Сохранение пережитков древних рабовладельческих порядков и некоторых традиционных форм, идущих от античности, заметное во всех сферах жизни Византии, находит свое объяснение в том, что Византийское государство родилось в условиях не до конца проведенного революционного переворота III в., а также и в том, что Византия, несмотря на «варваризацию», не была ни завоевана «варварами», ни сломлена ими.

---

[51] См., например, E. Albertario. Introduzione storica allo studio del diritto romano giustinianeo. Parte I. Milano. 1935, p. 90, 95 sq.; H. F. Jolowicz. Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambridge. 1939, p. 517.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

24—27 января 1961 г. в Москве состоялось первое координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Оно было организовано Институтом славяноведения АН СССР по поручению Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения, созданного при Бюро Отделения исторических наук и Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

В работе совещания приняли участие представители 39 научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, академий наук союзных республик и других ведомств, 19 университетов, 19 педагогических институтов и 25 различных учреждений — архивов, издательств, библиотек, научных журналов и т. д. В совещании участвовали ученые-слависты (историки, литературоведы, фольклористы, лингвисты, археологи, этнографы), представители других гуманитарных и некоторых точных наук — всего более 500 человек из 36 городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Кишинева, Еревана, Алма-Аты, Фрунзе, Ташкента, Риги, Львова, Харькова, Саратова, Воронежа, Свердловска, Мурманска, Владивостока и др.), в том числе 23 академика и члена-корреспондента союзной и республиканских академий, 29 докторов наук, 247 кандидатов наук.

Координационное совещание было созвано с целью установления контакта и регулярного сотрудничества между советскими славистами в масштабе всей страны. Его основные задачи состояли в обмене информацией о главных результатах, достигнутых в разработке проблем славяноведения; в определении основных направлений дальнейшего развития научно-исследовательской работы в области изучения истории, истории культуры и языков зарубежных славянских народов, межславянских исторических и культурных связей и отношений славянских народов с другими народами; в обмене мнениями о наиболее важных проблемах, на решение которых следует направить творческие усилия советских ученых-славистов в ближайшие годы; наконец, в согласовании вопросов о формах координации научной работы в области славяноведения.

Совещание открыл академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР, председатель Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения академик Е. М. Жуков. Советское славяноведение, сказал Е. М. Жуков, сложилось как комплекс научных дисциплин, изучающих историю, язык, литературу, материальную и духовную культуру славянских народов. Восприняв лучшие, прогрессивные традиции славяноведения дореволюционной России, оно проделало значительный путь, шагнув в своем развитии далеко вперед. Выросли кадры исследователей-славистов. В настоящее время не только Москва, но и ряд других городов страны располагают коллективами исследователей, ведущих работу в области славяноведения. Однако дальнейшему успешному развитию славяноведения мешает ряд недостатков, главный из которых — разобщенность и несогласованность исследований. Поэтому Президиум АН СССР в марте 1960 г. создал при Бюро

Отделения исторических наук и Бюро Отделения литературы и языка специальный Объединенный научный совет по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения. Е. М. Жуков выразил надежду, что совещание поможет определить основные направления славистических исследований, сконцентрировать внимание специалистов на решении актуальных проблем науки.

С докладом «Состояние и основные задачи советского славяноведения и вопросы координации славистических исследований» выступил директор Института славяноведения АН СССР И. И. Удальцов. Докладчик отметил, что советское славяноведение является одним из важных участков общественных наук. Как и любая другая общественная наука, оно может выполнить свои задачи лишь в органической связи с практикой коммунистического строительства, с идеологической работой по коммунистическому воспитанию. За последние годы, отметил И. И. Удальцов, в области славяноведения сделано довольно много, в особенности в Москве и на Украине, а также в Ленинграде и ряде других городов СССР. Развитию славистической науки, однако, мешает разобщенность усилий исследователей. Задачей совещания является продолжить предпринятые Институтом славяноведения АН СССР шаги по организации постоянного сотрудничества советских славистов, обмену информацией о достигнутых результатах исследований и обмену мнениями о проблемах, разработку которых следует признать первоочередной, а также обсуждению конкретных форм сотрудничества. Далее И. И. Удальцов информировал совещание о работе, проделанной Институтом славяноведения в области изучения истории, литературы и языка славянских народов, и отметил, что в области изучения истории коллектив института считает наиболее крупными результатами своей работы уже завершенные многотомные труды по истории Болгарии, Польши и Чехословакии. В настоящее время находятся в печати публикации важных источников по истории славянских стран, создана основа текста двухтомной истории Югославии, подготовлен ряд монографий.

И. И. Удальцов охарактеризовал основные направления работы Института славяноведения на ближайшие годы. В области истории славянских народов ими будут: изучение строительства социализма в славянских странах народной демократии; революционного и национально-освободительного движения славянских народов; взаимоотношений и связи славянских народов между собой; славяно-германских отношений, борьбы с идеологией западногерманского реваншизма; главнейших проблем возникновения, развития и гибели феодализма и капитализма в славянских государствах; роли и значения культуры славянских народов в развитии мировой культуры.

В настоящее время, отметил далее И. И. Удальцов, наиболее важным является исследование проблем строительства социализма и коммунизма, создания социалистической культуры, возникновения и развития социалистических наций, складывания и укрепления мировой системы социализма. При исследовании проблем социалистического строительства, заметил докладчик, следует изучать и пропагандировать то, что сближает славянские народы не только между собой, но и с народами неславянскими, идущими по пути социализма; то, что помогает воспитывать идеологию интернационализма, преодолевать чувства национальной обособленности и ограниченности. Необходимо, заявил в заключение И. И. Удальцов, создавать труды, опирающиеся на данные по истории одновременно ряда стран и народов, а также комплексные славистические исследования.

Затем с докладом «О подготовке к V Международному съезду славистов», который состоится в Софии в 1963 г., выступил академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, председатель Советского комитета славистов академик В. В. Виноградов. Далее были заслушаны сообщения представителей академических учреждений, университетов и пединститутов, издательств и библиотек.

Академик М. Н. Тихомиров выступил с резкой критикой организации работы славянской комиссии на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. Он обратил внимание на тот факт, что из славянских стран в ней был представлен лишь один Советский Союз. Ученым славянских стран не была предоставлена возможность выступить с самостоятельными докладами. В качестве докладчиков руководители комиссии выдвинули ряд лиц, не имеющих ничего общего с наукой.

Академик Б. А. Рыбаков полностью поддержал М. Н. Тихомирова в его оценке деятельности славянской комиссии на Стокгольмском конгрессе историков. Характеризуя задачи, стоящие перед учеными-славистами, он подробно остановился на проблеме славянского этногенеза. Исследование этой проблемы, подчеркнул Б. А. Рыбаков, должно вестись совместными усилиями лингвистов, антропологов, археологов и историков. Отметив затем успехи лингвистов, осуществивших исследование гидронимов Верхнего Поднепровья, он подчеркнул, что расширение этих исследований в районе Среднего Поднепровья окажет большую помощь в решении проблемы этногенеза восточного славянства. Б. А. Рыбаков поставил вопрос о необходимости координации из единого центра всей работы по проблеме славянского этногенеза. Далее Б. А. Рыбаков говорил о важности комплексной разработки вопросов славянского язычества, а также славянского эпоса, который должен стать объектом исследования не только фольклористов, но и историков.

Член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов рассказал совещанию о выполняемых в Институте истории АН СССР работах, связанных с изучением истории зарубежных славянских народов. В. М. Хвостов подчеркнул необходимость установления тесных контактов между всеми историками при изучении послевоенной истории европейских стран народной демократии.

Академик АН Литовской ССР Ю. И. Жюгжда (Вильнюс) информировал совещание о публикациях документов и исследовательской работе литовских историков в области литовско-русских и литовско-польских связей и отношений.

Доктор искусствоведческих наук И. Ф. Бэлза остановился в своем сообщении на той работе, которая ведется в области славяноведения в Институте истории искусств АН СССР. И. Ф. Бэлза подчеркнул необходимость усиления разработки истории культуры славянских народов, отметив, что вопросы развития культуры следует изучать в тесной связи с историей данного народа и не сводить их лишь к искусствоведению.

Доктор исторических наук А. К. Касименко (Киев) охарактеризовал основные проблемы в области славяноведения, разрабатываемые историками Украины (совместная борьба славянских народов против немецко-фашистских захватчиков в годы второй мировой войны; послевоенная история зарубежных славянских народов и послевоенное сотрудничество Советского Союза с европейскими странами народной демократии; влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в славянских странах; славяно-германские отношения).

С сообщениями на пленарном заседании выступили также И. И. Белякевич (Львов), В. П. Беседина-Невзорова (Харьков), Т. Н. Копреева (Ленинград), А. А. Москаленко (Воронеж), А. И. Озолин (Саратов), В. К. Соколова (Москва) и другие. Всего на первом пленарном заседании было заслушано 24 сообщения о развитии славистических исследований в различных институтах Академии наук СССР, академиях наук союзных республик и высших учебных заведениях страны.

Из выступлений представителей издательств и библиотек участники совещания получили интересную информацию об издательских планах, фондах научной литературы и библиографической работе, ведущейся в области славяноведения.

В последующие дни работы совещания действовало три секции: историческая, литературоведения и фольклористики, лингвистическая. На секциях участники совещания прослушали и обсудили ряд докладов, подготовленных Институтом славяноведения. На межсекционном заседании 25 января были заслушаны доклады: «Основные направления и вопросы координации в исследовании проблемы «Строительство социализма и социалистической культуры в славянских странах народной демократии» (И. А. Хренов, Я. Б. Шмераль, П. В. Галенко, С. И. Баскаков, М. Н. Кузьмин), «Основные направления и вопросы координации в исследовании проблемы «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры у южных и западных славян» (С. А. Никитин), «Об организации исследовательской работы по истории славяно-германских отношений в связи с борьбой против идеологии западногерманского реваншизма» (В. Д. Королюк). На четырех заседаниях исторической секции было заслушано еще 5 докладов. Первый из них, «Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников тер-

минами из других славянских источников», сделал академик М. Н. Тихомиров. Опираясь на положение о том, что общность словаря у народов является в определенной степени свидетельством общности их культуры, М. Н. Тихомиров показал, как, используя терминологию из братских славянских языков, можно объяснить некоторые социальные понятия времен Древней Руси. Помимо того, были заслушаны доклады: «Некоторые спорные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период» (В. Д. Королюк), «Русско-польские революционные связи до 1917 г. Состояние и задачи изучения проблемы» (И. С. Миллер), «Историография проблемы «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на формирование национальных государств и развертывание революционного движения в зарубежных славянских странах» (М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, А. Я. Манусевич), «Об исследовании проблемы «Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран с фашизмом в годы второй мировой войны» (Л. Б. Валев, В. С. Парсаданова, Г. М. Славин, Н. А. Шленова).

В обсуждении докладов на исторической секции приняло участие более 50 человек. Участники совещания обменялись мнениями об основных направлениях в исследовательской работе в области истории и истории культуры зарубежных славянских народов, о наиболее важных и актуальных научных проблемах, обсудили вопросы координации научной работы. Результаты работы всех секций были отражены в специальных решениях.

Участники совещания обменялись также мнениями о формах координации научной работы по основным направлениям развития славяноведения и зафиксировали предварительные соображения о головных институтах и составе участников исследования намеченных проблем. Совещание обратило внимание на отставание исследовательской работы в области комплексного изучения истории культуры славянских народов. Оно отметило также, что дальнейшему развитию советского славяноведения и координации научно-исследовательских работ в этой области содействовало бы издание специального славистического журнала и реферативного бюллетеня по славяноведческим дисциплинам. Совещание подчеркнуло необходимость усиления подготовки к V Международному конгрессу славистов.

На последнем пленарном заседании в своем заключительном слове Е. М. Жуков отметил особую важность изучения пока еще слабо разрабатываемых проблем истории и культуры славянских народов.

Совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивается, что советские ученые-слависты будут работать по 7 основным направлениям в области истории и истории культуры славянских народов: возникновение и укрепление мировой системы социализма, социалистическое строительство в европейских странах народной демократии, рост социалистической культуры, развитие социалистических наций; рабочее и крестьянское революционное и национально-освободительное движение, прогрессивная общественная мысль славянских народов, история их коммунистических партий; межславянские связи; славяно-германские отношения; генезис капитализма у южнославянских и западнославянских народов; славянский этногенез и образование славянских государств, генезис феодализма у славянских народов; роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры.

В заключение совещание призвало славистов к активному выполнению задач, поставленных перед нашей наукой народом и Коммунистической партией Советского Союза.

М. Н. Кузьмин

Обзоры и рецензии

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Советскими историками написано большое количество книг, брошюр и статей, посвященных истории Великой Отечественной войны. Издано значительное количество документальных материалов по этому вопросу. Среди них такие важнейшие документы, как «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам» в четырех томах, один из которых состоит из документов периода войны (М. 1957), «Внешняя политика СССР» в четырех томах (М. 1949—1953), «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (М. 1957), «Сообщения Совинформбюро» в восьми томах (М. 1944—1945). Опубликованы сборники документов о городах-героях — Ленинграде, Сталинграде, Одессе, Севастополе — и целый ряд других изданий.

Круг вопросов, изучением которых заняты исследователи, широк и разнообразен. Лишь в течение последних нескольких лет было напечатано свыше 150 книг, брошюр и статей о рабочем классе СССР в годы войны. Большое количество трудов опубликовано по истории крестьянства, интеллигенции, об отдельных военных операциях, о городах-героях, о боевых действиях военно-морского флота, отдельных родов войск (авиации, артиллерии, инженерных войск). Много исследований посвящено партизанскому движению, участию в войне женщин, роли комсомола и профсоюзов. По сведениям Высшей аттестационной комиссии и Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, по военной тематике написано и защищено свыше двух тысяч кандидатских и несколько докторских диссертаций.

Ниже мы попытаемся дать краткий обзор работ, посвященных общему описанию войны и истории советского народа в указанный период, а также охарактеризовать отдельные труды, раскрывающие руководящую и вдохновляющую роль Коммунистической партии, освещающие историю рабочего класса в годы войны, и некоторые другие. Автор не ставил своей задачей охватить весь круг литературы по данной проблеме.

★

Литература по истории Великой Отечественной войны начала издаваться еще в военные годы. Важной предпосылкой для создания работ оперативно-тактического характера послужило практическое изучение боевого опыта. Часть полученных в результате этого военно-исторических очерков была опубликована в журналах «Большевик», «Пропагандист», «Военная мысль», «Морской сборник». Они были изданы также и отдельными брошюрами [1]. Одновременно было выпущено несколько небольших работ, где авторы, в отличие от журнальных статей, не стремились анализировать боевой

[1] Н. Таленский. Разгром немецких армий под Москвой. «Большевик», 1942, № 23—24; его же. Обзор военных действий в районе Сталинграда (с августа 1942 г. по 2 февраля 1943 г.). «Большевик», 1943, № 5; его же. Великое сражение под Сталинградом. М. 1943; его же. Летняя кампания 1943 г. (краткий обзор). М. 1944; Е. Шиловский. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. «Военная мысль», 1942, № 10; А. Борисов. Оборона Одессы (август—октябрь 1941 г.). «Военная мысль», 1942, № 8; Н. Замятин. Сражение под Сталинградом. «Военная мысль», 1943, № 7; его же. Битва под Курском. Оборонительное сражение. «Военная мысль», 1944, № 5—6; его же. Битва под Курском. Разгром орловской и белгородско-харьковской группировок немецкой армии. «Военная мысль», 1944, № 7; П. Иванов. Разгром прибалтийской группировки немецко-фашистской армии. «Военная мысль», 1944, № 12; А. Кононенко. Ростовская операция армий Южного фронта (ноябрь — декабрь 1941 г.). «Военная мысль», 1942, № 4—5; И. Коротков. Калужская операция (17—31 декабря 1941 г.). «Военная мысль», 1942, № 6; его же. Белевско-козельская операция (декабрь 1941 г.). «Военная мысль», 1942, № 9, и др.

опыт и военное искусство, а лишь описывали ход той или иной боевой операции [2]. Исключение составляла небольшая коллективная работа в виде популярного очерка, который был посвящен военным действиям в 1944 году [3]. В аннотации авторы сделали оговорку, что книга написана по материалам периодической печати. Но, судя по ее содержанию, новизне схем и цифровых материалов, можно утверждать, что при ее разработке были использованы и другие источники.

Одновременно с литературой оперативно-тактического характера стала выходить историко-партийная литература. Вначале это были журнальные и газетные статьи. С 1942 г. наряду со статьями стали появляться книги и брошюры. В них раскрывалось и популяризировалось марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых, разоблачались империалистический характер войны со стороны фашистской Германии и человеконенавистническая сущность расовой теории, утверждалась неизбежность и закономерность поражения агрессора. Эти работы подчеркивали справедливый характер войны со стороны народов СССР, показывали на конкретных примерах руководящую роль Коммунистической партии на фронте и в тылу.

В журналах «Большевик», «Партийное строительство», «Пропагандист» и других были помещены статьи, в которых обобщался опыт партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы партии в условиях войны [4]. Множество статей было опубликовано в местной периодической печати. Вся эта литература вооружала пропагандистов конкретными материалами и фактами, связанными с борьбой советского народа за свою свободу и независимость. Она сыграла большую роль в развертывании и улучшении в военное время партийно-организационной и партийно-воспитательной работы в массах.

Основополагающими материалами для создания этой литературы служили труды классиков марксизма-ленинизма, решения Центрального Комитета партии, принятые по различным вопросам в период войны. Авторы работ широко использовали статьи и выступления руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, приказы Верховного Главнокомандующего.

Во время войны было издано большое количество работ, посвященных героизму советских людей на фронте и в тылу. Источниками для написания статей и брошюр служили газетный материал, сообщения Совинформбюро, личные наблюдения и беседы авторов. Характерная черта брошюр и статей военного времени состояла в попытке осмыслить теоретически новые принципы военного искусства, новые явления и процессы, которые рождались в боевой практике, в работе партийных организаций, в деятельности масс. Они были пропитаны идеями советского патриотизма и воспитывали уверенность народа в победе. Естественно, что в годы войны, когда документальные источники еще не попали в архивы, не было возможности создать обобщающие труды о войне в целом.

К решению задачи более углубленного научного исследования истории Великой Отечественной войны наши ученые приступили после ее окончания. С 1945 г. и приблизительно до 1956 г. советская историография по данной проблеме прошла новый, второй этап своего развития. На протяжении всего этого времени собирались, систематизировались и обрабатывались документальные материалы военных лет в государственных, партийных и местных архивах. Поскольку исследователи имели ограниченные возможности пользоваться архивными документами, обобщающие работы базировались главным образом на опубликованных материалах. Первой такой книгой был

---

[2] В. И. Сидоров. Разгром немцев на Севере. Наступательная операция войск Карельского фронта в Заполярье (октябрь 1944 г.). М. 1945; В. Сидоров, Н. Фокин. Разгром итало-немецких войск на Дону (декабрь 1942 г.). М. 1944; М. В. Савин, В. И. Сидоров. Разгром немцев под Ленинградом. М. 1945; И. В. Паротькин. Освобождение Западной Украины. М. 1945; Ф. Д. Воробьев. Освобождение Правобережной Украины. М. 1945; В. М. Хвостов. Разгром немцев под Ростовом в ноябре 1941 года. М. 1943, и др.

[3] Н. М. Замятин, Ф. Д. Воробьев, Н. Ф. Артемьев, И. В. Паротькин. Десять сокрушительных ударов (краткий обзор операций Красной Армии в 1944 г.). М. 1945.

[4] Е. Леонтьева. Агитационно-массовая работа в Москве в дни войны. «Пропагандист», 1942, № 18; А. Маханов. Пропагандистская и агитационная работа парторганизаций Ленинграда в условиях Отечественной войны (там же), и др.

популярный очерк А. Крутикова, вышедший в свет в 1947 году[5]. Автор, сочетавший описание военных действий с изложением важнейших событий внешней политики СССР, кратко рассказал о перестройке народного хозяйства, о трудовых подвигах рабочего класса и колхозного крестьянства.

Популярный характер носила и опубликованная через несколько лет книга С. З. Голикова о выдающихся победах Советской Армии в годы войны[6]. В 1953 г. вышла в свет работа Ф. Д. Воробьева и В. М. Кравцова[7]. В следующем году она была переиздана. Это была первая попытка создать на основе сравнительно широкого круга источников краткое последовательное описание войны, показать решающую роль Советской Армии в разгроме фашистской Германии. Книга ввела в научный оборот много новых цифр и фактов.

В те же годы в высших учебных заведениях разрабатывался курс лекций о Великой Отечественной войне. Наиболее удачные варианты его были опубликованы различными издательствами[8].

Вместе с тем появилось значительное количество книг, рассматривавших войну не в целом, а какую-то одну из ее сторон[9]. Особенно важное значение имела книга Н. А. Вознесенского о военной экономике страны в годы войны[10]. Приведя конкретный богатый цифровой материал, Н. А. Вознесенский показал преимущества социалистической системы хозяйства, сыгравшей решающую роль в обеспечении экономической победы над врагом. Благодаря коренным преобразованиям, совершенным в нашей стране в ходе социалистического строительства, и невиданному в истории трудовому героизму рабочих, крестьян, советской интеллигенции, всего советского народа экономика СССР продолжала развиваться и обеспечила фронт всем необходимым для разгрома врага. Надо учесть при этом и тот факт, что в течение первого года войны Советский Союз потерял территорию, на которой до войны проживало 45% всего населения страны, где производилось 33% всей валовой продукции промышленности, находилось 47% всех посевных площадей[11]. Как справедливо подчеркивал автор, только народ, беззаветно преданный своей социалистической Родине и возглавленный Коммунистической партией, способен был вынести все лишения и испытания военного времени, проявить столь высокий трудовой героизм. Работа Н. А. Вознесенского по сей день не утратила своего научного значения.

В 1951 г. вышла в свет книга П. А. Белова, которая также посвящена военной экономике[12]. Она знакомила читателя с характером современной войны и требованиями, которые предъявляла война к экономике, с военной экономикой капитализма и ее

---

[5] А. Крутиков. Великая Отечественная война Советского Союза (популярный очерк). М. 1947.

[6] С. Голиков. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М. 1952; М. 1954.

[7] Ф. Д. Воробьев, В. М. Кравцов. Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М. 1953.

[8] И. В. Анисимов. Великая Отечественная война Советского Союза. М. 1947; И. В. Анисимов, Г. В. Кузьмин. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. М. 1952; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945). М. 1952.

[9] Б. С. Тельпуховский. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. М. 1953; В. А. Захаров. Очерк начального периода Великой Отечественной войны. М. 1949; В. В. Возненко, Г. М. Уткин. Освобождение Киева (осень 1943 г.). М. 1953; Н. Д. Степанов, М. И. Голышев. В боях за Днепр. М. 1954; М. М. Минасян. Победа в Белоруссии. М. 1952; Н. М. Румянцев. Победа Советской Армии в Заполярье. М. 1955; С. Смирнов. Сталинград на Днепре. Очерк Корсунь-Шевченковской битвы. М. 1954; М. И. Трактуев. Освобождение Западной Украины. М. 1954; А. Васильев. Великая победа под Москвой. М. 1953; П. Д. Васильев. Боевые будни (о патриотизме трудящихся города Иванова в годы Великой Отечественной войны). Иваново. 1954; Э. А. Воскобойников. Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны. Ташкент. 1947; А. Казанский. Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Фрунзе. 1954; А. Н. Манаканян. Армянский народ в Великой Отечественной войне (1941—1945). Ереван. 1954 (на армянском языке), и др.

[10] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1948.

[11] «История Коммунистической партии Советского Союза». М. 1959, стр. 540.

[12] П. А. Белов. Вопросы экономики в современной войне. М. 1951.

противоречиями. Лишь в заключительной части книги автор кратко коснулся военной экономики СССР в годы войны. При работе над книгой П. А. Белов использовал преимущественно опубликованные материалы.

Как известно, в составе Советской Армии сражались войска некоторых стран, сформированные на территории СССР (Чехословакии, Польши и др.). В огне освободительных сражений зарождались армии нового типа этих государств, формировалось их военное искусство, укреплялась дружба чехословацкого, польского и других народов с советским народом. Этому замечательному явлению была посвящена монография С. Грачева, в которой рассказывается о действиях чехословацких войск в составе Советских Вооруженных Сил, о помощи советского народа народам Чехословакии, сражавшимся за свою свободу и национальную независимость [13].

В 1954 г. Е. И. Солдатенко опубликовал научно-популярную работу, посвященную трудовому героизму советского народа в годы войны [14].

В 1946—1955 гг. появилось несколько брошюр и книг, посвященных истории партии в годы войны. В частности, в Военно-политической академии имени В. И. Ленина была издана работа Д. М. Кукина [15]. Несмотря на сравнительно небольшой ее объем, автор сумел рассказать о деятельности КПСС по превращению страны в единый боевой лагерь. Главное внимание в ней уделяется идеологической работе партии в годы войны. В брошюре раскрывается необходимость идейного воспитания коммунистов, повышения их теоретического уровня. В области идеологической работы, пишет автор, перед партией стояла задача окончательного разоблачения фашистской идеологии, которая нацистами через самые различные каналы пропагандировалась как в странах Европы, так и за ее пределами.

В других работах освещалась история партийных организаций отдельных республик, областей и районов в годы войны. Три книги были написаны по истории партийных организаций Казахстана и Узбекистана [16]. В них показана большая, напряженная работа коммунистов этих республик, их вклад в общее дело победы над врагом. На конкретном материале авторы раскрывают нерушимую дружбу народов СССР, патриотизм народов Средней Азии и Казахстана, их преданность Коммунистической партии и Советскому правительству. Не ограничиваясь изложением истории организаторской и идеологической работы партии в тылу, авторы приводят многочисленные примеры доблести и героизма воинов — узбеков и казахов на фронте. Исследование этого вопроса имеет большое значение. Как известно, царское самодержавие не допускало в армию казахов, узбеков, таджиков, туркмен, киргизов и представителей ряда других народов, находившихся в колониальной зависимости. Оно боялось дать им в руки оружие, научить их военному делу. При Советской власти эти народы стали равноправными членами великой братской семьи народов СССР, развили свою экономику и культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. В годы войны вместе с русским и другими народами они с оружием в руках отстаивали свободу и независимость своей Родины, боролись с общим врагом. Их героизм как нельзя лучше раскрывает нерушимость и жизненную силу принципов ленинской национальной политики.

Сразу же после войны вышла в свет брошюра, написанная секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым, о героических делах Ленинградской партийной организации в защите родного города [17]. Секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов опубликовал брошюру, где в популярной форме рассказал о дея-

---

[13] С. Грачев. Помощь СССР народам Чехословакии в их борьбе за свободу и независимость (1941—1945 гг.). М. 1953.

[14] Е. Солдатенко. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М. 1954.

[15] Д. М. Кукин. Партия большевиков — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1947.

[16] Х. Гулямов. Коммунисты Узбекистана в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Ташкент. 1952; Г. Абишев. Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Алма-Ата. 1950; А. В. Шошенко. Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны (по материалам Казахской ССР). Алма-Ата. 1951.

[17] А. А. Кузнецов. Большевики Ленинграда в защите родного города. Л. 1945.

тельности партийной организации города-героя от начала войны до уничтожения вражеской группировки под Сталинградом зимой 1943 года [18]. Е. Н. Мельник написала книгу о коммунистах Ленинградского района Москвы. В книге приведен ряд обобщающих цифровых материалов. Автор раскрывает ведущую, авангардную роль коммунистов в формировании дивизий народного ополчения, показывает их бесстрашие и дисциплинированность в борьбе с врагом [19]. Из историко-партийной литературы, вышедшей в свет до 1955 г., следует отметить брошюру Н. И. Шатагина, освещающую партийно-политическую работу в действующей армии и организаторскую работу КПСС в тылу [20]. Следует отметить также, что в этот период было защищено значительное количество кандидатских диссертаций о деятельности партии в годы войны. В 1958 г. насчитывалось 147 таких диссертаций [21]. Однако все они, за редким исключением, остались неопубликованными.

Интерес к истории Великой Отечественной войны заметно повысился в связи с приближавшимся 10-летием Дня Победы. В ознаменование этого юбилея Высшая военная академия имени К. Е. Ворошилова в 1955 г. издала четырехтомный «Сборник материалов по истории военного искусства в Великой Отечественной войне» под общей редакцией А. И. Готовцева. При подготовке сборника в печать большую помощь коллективу составителей оказало Военно-историческое управление Генерального штаба. Название сборника, собственно, не отражает его содержания. Это скорее подборка военно-исторических выдержек из опубликованных книг, брошюр, журнальных статей и лекций, которые освещают в большей степени самый ход войны и в меньшей — военное искусство. Сборник включает в себя лучшие материалы из всего того, что было создано историками и публицистами в годы войны и в первые семь-восемь послевоенных лет. При его редактировании многие авторы внесли в работы исправления, дополнения и уточнения. Как пособие для изучения истории войны сборник до сего времени не утратил своего значения.

В 1955 г. Институт истории АН СССР опубликовал коллективную работу «Очерки истории Великой Отечественной войны». Ее авторы (Б. С. Тельпуховский, Б. И. Баринов, В. Н. Евстигнеев, И. С. Коротков, А. М. Самсонов) ставили своей целью в рамках научно-популярного труда дать не только краткое военно-историческое описание хода вооруженной борьбы на советско-германском фронте, но и показать ее всенародный характер, осветить роль широких народных масс в тылу и на фронте, раскрыть руководящую роль Коммунистической партии в мобилизации советского народа на разгром врага. «Очерки» явились известным шагом вперед в разработке истории Великой Отечественной войны. Вместе с тем сборник подвергся острой критике. Дело в том, что он, подобно предыдущим книгам, был написан на материалах, ранее опубликованных в печати и уже известных советскому читателю.

Книги, брошюры и статьи, вышедшие в свет в период 1945—1955 гг., занимают большое место в историографии войны. Они показывают, что были достигнуты определенные успехи в области научного исследования истории войны. Однако литература этого периода, как и работы, опубликованные в военный период, имела серьезные ошибки и недостатки. В ней чрезмерно преувеличивались заслуги и роль Сталина, недостаточно раскрывалась организующая и руководящая роль партии и ее Центрального Комитета. Победы войск в известной мере рассматривались в отрыве от работы советского тыла; не раскрывалось в должной мере единство фронта и тыла. Трудности войны зачастую преуменьшались, а иногда вовсе замалчивались. Неудачи Красной Армии в первый период войны трактовались в основном как осуществление плана активной обороны. Слабо разработанным оставался вопрос о периодизации второй мировой войны в целом и о ее характере до нападения Германии на СССР. Крупнейшим недостатком книг, брошюр и статей являлась узость источниковедческой базы. Все они в основном были написаны на основе газетных материалов, корреспонденций и сооб-

---

[18] А. С. Чуянов. Большевики города-героя. Сталинград. 1945.

[19] Е. Мельник. В дни суровых испытаний. Большевики Ленинградского района Москвы в годы Великой Отечественной войны. М. 1947.

[20] Н. И. Шатагин. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М. 1955.

[21] См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 11, стр. 117.

щений военных лет, которые уже были знакомы читателю. Широкое применение так называемого цитатничества, обусловленное вредным влиянием культа личности, снижало теоретический уровень работ.

XX съезд КПСС положил начало новому периоду в разработке истории советского общества, в том числе и истории Великой Отечественной войны. Решения съезда нацеливали на крутую перестройку работы идеологического фронта и приближение ее к практическим нуждам коммунистического строительства. Перед историками советского общества, в частности, была поставлена задача создания обобщающих трудов, раскрывающих закономерности построения коммунистического общества. Перед исследователями были широко открыты архивы и книгохранилища страны.

В 1958 и 1959 гг. вышли в свет сборники докладов и выступлений Н. С. Хрущева [22]. В них содержатся принципиальные оценки истории СССР военных лет, приводятся интересные фактические материалы, и, что особенно важно, сборники эти вооружают историков советского общества методом глубокого марксистско-ленинского анализа исторических явлений.

В эти годы советская историческая литература обогатилась ценными коллективными трудами. В 1957 г. читатели получили 50-й том Большой Советской Энциклопедии, где в сжатой форме давалось изложение истории борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В том же году было издано учебное пособие для исторических факультетов «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)», в котором три главы (XVII, XVIII и XIX) посвящены истории Великой Отечественной войны. В этих главах раскрывается руководство партии страной, мобилизация сил народа на разгром врага. При работе над книгой авторы использовали материалы Центрального статистического управления, государственных и партийных архивов. В 1959 г. вышел в свет учебник по истории КПСС. В главе XV учебника освещается роль партии в период Великой Отечественной войны. Разумеется, авторы этих трудов не могли с достаточной подробностью показать всю многогранную деятельность партии в этот предельно насыщенный событиями исторический отрезок времени. Они осветили ее в обобщенном виде. Исследователи получили, таким образом, характеристику узловых проблем и основные направления, которые в дальнейшем необходимо развивать и конкретизировать при изучении истории партии периода войны.

В это же время были опубликованы две книги, посвященные военным операциям в годы Великой Отечественной войны. Одна из них, подготовленная научными сотрудниками военно-научных учреждений, преподавателями высших военно-учебных заведений, офицерами и генералами запаса, была опубликована в 1956 г. в виде сборника статей (под редакцией П. А. Жилина) [23]. В сборник включено свыше тридцати работ, которые знакомят читателя с наиболее важными и успешными операциями, проведенными войсками Советской Армии. Здесь впервые были названы многие имена командующих фронтами, начальников штабов, членов военных советов. В сборнике раскрывается содержание каждого из периодов войны.

В 1958 г. вышла в свет коллективная монография, подготовленная сотрудниками Военно-исторического отдела Генерального штаба [24]. Это история второй мировой войны в целом, от ее подготовки и развязывания до капитуляции Японии. Авторы рассматривают боевые действия на всех фронтах, уделяя основное внимание Великой Отечественной войне Советского Союза как главной и решающей составной части второй мировой войны. К книге приложены альбом схем, краткая хронологическая таблица и перечень источников. Назначение книги, по словам авторов, состоит в том, чтобы оказать офицерам, генералам и адмиралам Советской Армии и Флота помощь «в изучении и понимании основных событий второй мировой войны, а также в извлечении необходимых уроков и выводов из опыта этой войны» [25]. Книга целиком посвящена боевым операциям. Она не касается работы тыла и ряда других проблем. Заслуга ее авторов состоит прежде всего в том, что они глубоко и убедительно показывают ре-

[22] Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование. М. 1958; его же. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М. 1959.

[23] «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Сборник статей. М. 1956.

[24] «Вторая мировая война 1939 — 1945 гг.». Военно-исторический очерк. М. 1958.

[25] Там же, стр. 4.

шающую роль Советской Армии в разгроме фашистской Германии и ее союзников. Авторы опровергли попытки реакционной буржуазной историографии умалить значение борьбы советского народа и его армии и преувеличить роль вооруженных сил империалистических стран. Широкий круг источников, включающий документы генерального штаба фашистской армии, позволил на конкретных цифрах и фактах показать, каков в действительности был вклад каждого из государств в общее дело разгрома фашистской Германии. Авторы ввели в научный оборот новый материал, ранее неизвестный в исторической литературе. Значительное внимание они уделили описанию приграничного сражения и летним оборонительным боям 1941 года. Здесь уже говорится не о предумышленной стратегической обороне, а об ожесточенных оборонительных сражениях и вынужденном отступлении советских войск в глубь страны. И хотя книга не отвечает на некоторые важные вопросы (к примеру, о соотношении сил к началу Великой Отечественной войны), выход ее в свет — значительное явление в историографии войны. По существу, это был серьезный шаг на пути научного исследования оперативно-стратегической стороны военных событий.

После XX съезда КПСС был издан ряд трудов, написанных с привлечением широкого круга документов. Среди них — работа, написанная коллективом преподавателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина [26]. В ней освещается военно-организаторская и идеологическая работа партии в период войны. Авторы широко использовали фонды архивов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Министерства обороны СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Московского и Ленинградского обкомов партии и ряда других партийных и советских архивов. Ход военных действий изложен в книге чрезвычайно кратко. Он служит лишь фоном, на котором раскрывается работа партии в тылу и на фронте. Авторы избежали ошибок, которые имели место в прошлом. Они стремились как можно шире раскрыть роль народа и партии в достижении победы. Книга является серьезным вкладом в разработку истории партии.

Вскоре в свет вышло еще одно коллективное исследование сотрудников Военно-политической академии имени В. И. Ленина, в котором рассматривается проблема идеологической работы партии на фронте [27]. Использовав материалы архива Министерства обороны СССР, периодическую печать военных лет и другие печатные источники, авторы доходчиво и ярко рассказали об огромной идейно-политической работе партии в войсках. Книга состоит из трех глав, которые соответствуют трем периодам войны. Авторы показали, как изменялись содержание, формы и методы идейно-воспитательной работы в зависимости от складывавшейся военно-стратегической обстановки. Книга содержит много ярких примеров, имен и фактов, цифровые материалы и выдержки из малоизвестных документов.

Среди работ по истории КПСС периода войны следует также отметить книгу И. М. Шляпина, М. А. Шварева и И. Я. Фомиченко [28], которая ввела в научный оборот большое количество новых материалов.

К числу трудов, созданных после XX съезда КПСС на основе широкого круга источников, следует отнести книгу Г. А. Деборина, посвященную военно-политической истории войны [29], монографию В. Л. Исраэляна, в которой излагается дипломатическая история Великой Отечественной войны [30], и работу Б. С. Тельпуховского [31]. Сосредоточив главное внимание на освещении общего хода войны, Б. С. Тельпуховский большое место в книге отвел раскрытию руководящей деятельности Коммунистической партии и Советского правительства в завоевании победы.

В целом эти книги, дополняя одна другую, сравнительно полно освещают различные стороны истории Великой Отечественной войны. Авторы научно изложили основ-

---

[26] «КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне». М. 1959.

[27] «Идеологическая работа КПСС на фронте. 1941—1945 гг.». М. 1960.

[28] И. М. Шляпин, М. А. Шварев, И. Я. Фомиченко. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны. М. 1958.

[29] Г. А. Деборин. Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М. 1958.

[30] В. Л. Исраэлян. Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 1959.

[31] Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. М. 1959.

ные причины неудач Красной Армии в 1941 г. и летом 1942 года. В противоположность утверждениям буржуазных фальсификаторов истории авторы обоснованно показывают, что победа советского народа не воля случая и не результат ошибок Гитлера, а историческая закономерность, следствие экономических, политических и военных преимуществ социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Значительное внимание авторы уделили раскрытию империалистической политики реакционных правящих кругов стран англо-американского блока накануне и во время войны.

Следует пожалеть, что ни одна из перечисленных книг не имеет характеристики использованных источников, анализа предшествовавшей исторической литературы и приложений в виде карт, схем, именного и географического указателей.

В 1960 г. в Издательстве Академии наук СССР вышло крупное исследование А. М. Самсонова «Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге».

После XX съезда КПСС было издано значительное количество книг и брошюр на периферии, в которых освещалась история областных и городских партийных организаций, а также отдельные, частные историко-партийные темы военного времени. Из числа таких работ можно отметить книгу П. П. Липило [32], изданную Институтом истории партии ЦК КП Белоруссии. Это одна из первых серьезных попыток научно проанализировать и раскрыть роль республиканской партийной организации в партизанском движении, разоблачить писания буржуазных фальсификаторов истории, извращающих сущность руководства партизанским движением со стороны Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. Этой же теме посвящен ряд трудов украинских историков, в которых широко раскрывается героическая роль коммунистов Украины в партизанском движении. Истории славной борьбы народных мстителей полностью посвящен коллективный труд В. И. Клокова, И. Т. Кулика и И. И. Слинько. Большое место уделено партизанам в книге Н. И. Супруненко [33]. Авторы ввели в научный оборот большое количество новых документов, показывающих, какой широкий, подлинно народный характер имело партизанское движение на Украине, с какой самоотверженностью боролись коммунисты на оккупированной врагом территории. Работы украинских историков содержат яркий и убедительный материал о неразрывной связи партизан и населения, о поддержке украинского народа со стороны всех народов СССР и прежде всего русского народа. Эти работы значительно расширяют наши представления о масштабах партизанского движения и подпольной работы коммунистов на Украине в годы войны.

С указанными книгами перекликаются работы П. И. Курбатовой о Смоленской партийной организации, П. Р. Шевердалкина — о партизанской войне на Новгородской земле, И. Я. Омельяненко — о героизме коммунистов-горняков Донбасса, И. С. Кравченко — о борьбе коммунистов Белоруссии в тылу врага [34]. Ярко и выразительно раскрывают эти книги героическую историю партийных организаций, возглавлявших борьбу советских людей за свободу и независимость нашей Родины.

Эти наиболее важные историко-партийные работы дополняются и расширяются большим количеством книг, брошюр и исследовательских журнальных статей [35].

---

[32] П. П. Липило. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск. 1959.

[33] В. Клоков, И. Кулик, И. Слинько. Народная война на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев. 1957 (на укр. языке); Н. И. Супруненко. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.). Киев. 1956.

[34] П. И. Курбатова. Смоленская партийная организации в годы Великой Отечественной войны. Смоленск. 1958; П. Р. Шевердалкин. Партизанская война на Новгородской земле. Новгород. 1957; И. Я. Омельяненко. Коммунисты Донбасса в Великой Отечественной войне. Сталино. 1959; И. С. Кравченко. Работа Компартии Белоруссии в тылу врага (1941—1944 гг.). Минск. 1959 (на белорусском языке).

[35] И. А. Важенцев. Во главе героического коллектива. Партийная организация Кировского завода в Великой Отечественной войне. Л. 1959; Ж. Калымбетов. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности (1941—1945 гг.). Ташкент. 1958; Х. Т. Чибиров. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. Орджоникидзе. 1957; Н. А. Гоголев. Хабаровская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны. Хабаровск. 1957; А. Г. Наумова. Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Пермь. 1960; В. И. Филькин. Чечено-Ингушская

После XX съезда КПСС советские историки стали более активно исследовать историю трудового героизма советского народа в годы войны. На эту тему было издано несколько трудов. Издательство политической литературы выпустило книгу В. С. Василенко, посвященную героическим делам советского рабочего класса[36]. На эту же тему были опубликованы две монографии, подготовленные Институтом истории АН СССР: А. В. Митрофановой — о рабочем классе в первый период Великой Отечественной войны и Н. П. Липатова, исследовавшего историю строительства предприятий черной металлургии на Урале в 1941—1945 годах[37]. Это серьезные научные исследования, в которых авторы привлекли многочисленные архивные и литературные источники. Особенностью их является также попытка дать краткие историографические очерки, что в общем встречается довольно редко в книгах по истории минувшей войны.

В монографии Ю. В. Арутюняна, посвященной истории формирования механизаторских кадров в сельском хозяйстве[38], один из разделов показывает состояние этих кадров в период Великой Отечественной войны. Следует отметить, что истории колхозного крестьянства в годы войны пока уделяется мало внимания. Серьезных монографических исследований на эту тему еще нет.

Несколько книг, посвященных героизму трудящихся в годы войны, было издано в республиканских и местных издательствах[39].

Характерными для большинства исторических трудов стали и углубленная разработка темы и наличие серьезных обобщений. Перед советскими историками раскрыты двери архивов, где хранится огромное количество документов, еще не тронутых рукой исследователя. Широкое использование архивных материалов — бесспорное достоинство многих работ по истории Великой Отечественной войны. Но, к сожалению, архивными источниками авторы не всегда пользуются умело. Иногда имеет место некритический подход к оценке документов и фактов. Зачастую исследователь, выбрав тему, направляется в архив, не изучив как следует уже опубликованные материалы, ссылается на архивные документы, хотя многие из них в той или иной форме уже появлялись в советской печати.

партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный. 1960; И. М. Кропотов. Военно-организаторская работа Мурманской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны. Мурманск. 1958; А. Костин. К вопросу о периодизации истории КПСС. «Коммунист», 1956, № 18; Б. С. Тельпуховский. Коммунистическая партия—вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2; М. И. Павлова. Тульская парторганизация в первый период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6; В. В. Стремилов. Ленинградская партийная организация в период блокады (1941—1943 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5; А. Ф. Васильев. Парторганизации Южного Урала во главе перестройки промышленности на военный лад (1941—1942 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 1; П. Андреев. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне. «Пропагандист и агитатор Красной Армии», 1957, № 23; Ф. И. Сирота. Военно-организаторская работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1956, № 10; Ю. П. Петров. Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1958, № 5; И. В. Ставицкий. Укрепление армейских партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1958, № 8; Н. М. Киряев, И. В. Ставицкий. Рост и укрепление рядов КПСС в период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1959, № 9, и др.

[36] В. С. Василенко. Труд во имя победы. М. 1959.

[37] А. В. Митрофанова. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941 — 1942 гг.). М. 1960; Н. П. Липатов. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Очерки истории строительства. М. 1960.

[38] Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. (Формирование кадров массовых квалификаций). М. 1960.

[39] И. С. Кравченко, А. И. Залесский. Белорусский народ в годы войны. Минск. 1959; В. А. Беляева. Трудовой героизм рабочих Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Баку. 1957; И. И. Сидоров. Трудящиеся Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. Ярославль. 1958; Б. З. Плиев. Трудящиеся Юго-Осетии в период Великой Отечественной войны. Сталинир. 1957; Г. И. Дедов. Кизиловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь. 1959, и др.

Как отмечалось выше, видное место в трудах советских историков занимает разоблачение буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны. Первой наиболее значительной работой в этом отношении явилась историческая справка, опубликованная Советским информационным бюро в 1948 г. под названием «Фальсификаторы истории». Она разоблачила попытку государственного департамента США, английского и французского министерств иностранных дел фальсифицировать историю внешней политики Советского Союза в предвоенный период и в годы войны путем подтасовки немецких трофейных документов, попытку представить эти отношения в заведомо ложном свете и одновременно снять с себя ответственность за подготовку войны против СССР.

Грубое извращение фактов и событий Великой Отечественной войны в книгах Гудериана, Манштейна, Дерра, Типпельскирха и других бывших гитлеровских военачальников, разнузданная пропаганда войны и клеветнические нападки на СССР, беззастенчивое искажение истории второй мировой войны реакционными авторами — все это заставило советских военных и гражданских историков выступить со специальными работами, опровергающими фальсификаторов истории. Ряд этих работ был опубликован в виде тематических сборников. В сборнике «Против фальсификации истории второй мировой войны» (Воениздат. 1959) центральное место занимают события Великой Отечественной войны. С фактами и цифрами в руках советские авторы разоблачили ложь американских и английских историков, таких, как О. Бредли, М. Риджуэй, Д. Фуллер, Лиддел Гарт, а также битых фашистских генералов, которые ныне подвизаются в роли военных историков.

В прошлом году коллектив авторов Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института истории АН СССР издал сборник работ, которые направлены против буржуазной фальсификации истории советского общества [40]. В сборник включены статьи, в основу которых положены доклады и выступления научных работников и аспирантов на теоретической конференции кафедры истории советского общества Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института истории АН СССР, проведенной в начале 1959 года. Примерно третья часть материалов посвящена истории борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков [41]. Достоинство сборника состоит прежде всего в широком привлечении различных источников, глубокой и обоснованной аргументации. Авторы наряду с критикой идеологов империализма показали прогрессивные направления в буржуазной исторической литературе.

В ответ на фальсификацию истории Сталинградской битвы Маршал Советского Союза А. И. Еременко написал книгу [42], где рассказал, как в действительности развертывались отдельные события этой славной эпопеи.

В период с 1955 г. до настоящего времени советская историческая наука шагнула вперед. Ее успехи значительны и бесспорны. С большей глубиной и нарастающими усилиями продолжают советские ученые исследование истории минувшей войны. Важнейшим событием является постановление ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. о создании шеститомной истории Великой Отечественной войны. Осуществление этого издания было возложено на Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Коллектив авторов и редакция многотомной истории войны провели плодотворную работу по сбору и изучению документов, подготовке к печати этого труда. В настоящее время уже вышел в свет первый том, охватывающий период подготовки и развязывания войны империалистическими державами. Видное место в нем занимает история СССР кануна Великой Отечественной войны [43]. Этот труд получил высокую оценку советской общественности и печати. В 1961—1962 гг. намечается завершить остальную

---

[40] «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М. 1960.

[41] Н. И. Салехов, В. И. Немчинов. Против фальсификации роли Советского Союза во второй мировой войне; Б. И. Марушкин. Американская буржуазная историография о внешней политике СССР накануне и в годы второй мировой войны; В. И. Куликов. Против буржуазной фальсификации советского партизанского движения.

[42] А. И. Еременко. Против фальсификации истории второй мировой войны. М. 1959. См. его же. Сталинград. М. 1961.

[43] «История Великой Отечественной войны. 1941—1945». Т. I. М. 1960. Рецензию на этот том см. «Вопросы истории», 1960. № 11.

работу по подготовке многотомного издания. Политическое и научное значение публикации шеститомной истории войны трудно переоценить. Это будет крупный вклад в дело разоблачения буржуазных фальсификаторов. Для широких масс советских читателей это издание будет важным источником для изучения истории Великой Отечественной войны. Оно призвано сыграть крупную роль в коммунистическом воспитании советского народа, особенно молодежи. Вместе с тем это издание послужит хорошей базой для дальнейшей разработки и популяризации истории борьбы советского народа за свою свободу и независимость. Перед учеными, которые занимаются военной тематикой, в настоящее время стоит задача создать полноценные труды по истории КПСС, советского рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в годы войны. В нашей литературе еще нет обобщающей работы о партизанском движении. Глубокого раскрытия требует история деятельности трудящихся союзных республик, крупных экономических районов страны — Урала, Сибири, Поволжья, центральных областей РСФСР, их роли в общей борьбе за независимость нашей Родины. Необходимо в еще больших масштабах развернуть работу по научному изданию воспоминаний и мемуаров участников войны.

Все сказанное позволяет заявить, что в области изучения истории Великой Отечественной войны советскими исследователями сделано довольно много. Есть все основания полагать, что в недалеком будущем они обогатят историческую науку новыми трудами, глубоко и всесторонне освещающими грандиозную эпопею минувшей войны.

А. В. Карасев

В. П. ЦЫГАНКОВ. *Героическая Москва. (Военно-организаторская деятельность Московской городской партийной организации в период героической битвы под Москвой 1941—1942 гг.).* Воениздат. 1960. 184 стр. Цена 45 коп.

Книга В. П. Цыганкова написана на актуальную тему. Ее отличают новизна фактического материала и широкий круг использованных источников в сочетании с их серьезным научным анализом.

Книга состоит из введения, двух глав и заключения.

В небольшом, но содержательном введении повествуется о постоянной заботе Коммунистической партии об укреплении оборонной мощи Советского государства в предвоенные годы. Автор приводит интересные сведения, раскрывающие роль Москвы как крупного промышленного центра в экономике страны. В промышленность столицы за период предвоенных пятилеток было вложено 8,5 млрд. рублей. Накануне войны индустрия Москвы давала почти в два раза больше продукции, чем в 1913 г. вся Россия (стр. 8—9).

В предвоенный период были созданы необходимые материально-технические предпосылки, позволившие в первые месяцы Отечественной войны быстро переключить промышленность столицы на производство вооружения и боеприпасов.

В первой главе освещается перестройка организационно-партийной, военно-организаторской и идеологической работы Московской партийной организации в связи с нападением на нашу страну фашистской Германии. Содержательны страницы книги, где рассказывается об огромном размахе и действенности агитационной работы, в которой участвовали тысячи партийных агитаторов. Значение политической агитации для дела победы над врагом трудно переоценить. Партийные агитаторы несли в массы слова суровой правды о трудностях военной поры, вселяли в сердца людей непоколебимую веру в неизбежность нашей победы, поднимали тружеников тыла на самоотверженную работу для фронта.

Определенный интерес представляют не публиковавшиеся ранее сведения об изменениях в структуре Московского городского комитета ВКП(б): отдел машиностроения был разукрупнен, и на его базе созда-

ны отделы среднего, тяжелого и общего машиностроения; сформированы отделы танковой, металлургической и химической промышленности. Новая организационная структура Московского городского комитета партии позволила более целеустремленно и оперативно руководить партийными организациями промышленных предприятий, снабжавших фронт вооружением и боеприпасами (стр. 21).

Огромное место в работе столичной партийной организации занимало оказание помощи действующей армии людскими резервами. С 28 июня 1941 г. МК и МГК ВКП(б), райкомы и первичные партийные организации развернули работу по формированию истребительных батальонов. За короткий срок (к 15 июля 1941 г.) в Москве было создано 25 батальонов для борьбы с вражескими парашютными десантами и диверсантами (стр. 35).

Среди мероприятий, направленных на усиление обороны города, важное значение имело формирование дивизий народного ополчения, предпринятое по призыву ЦК ВКП(б) в связи с осложнившейся обстановкой на московском стратегическом направлении. Трудящиеся столицы горячо откликнулись на призыв партии. Московская партийная организация, наряду с решением других неотложных задач, в чрезвычайно короткие сроки обеспечила формирование дивизий народного ополчения. В течение 4—5 дней, к исходу 6 июля 1941 г., в столице было сформировано 12 таких дивизий (стр. 43). Эти данные, установленные автором по архивным материалам, впервые вводятся в научный оборот. Немало трудностей пришлось преодолеть коммунистам Москвы, чтобы обеспечить дивизии командными и политическими кадрами, вооружением и снаряжением. В июле дивизии Московского ополчения были переданы в распоряжение командования Резервного фронта и привлечены к строительству оборонительных рубежей. В сентябре 1941 г. они вошли в состав общевойсковых армий и приняли активное участие в боях за столицу (стр. 52).

Во второй главе автор освещает деятельность партийной организации столицы по оказанию помощи частям действующей армии в отражении наступления гитлеровских войск на Москву осенью 1941 года. На основе фактов и документов автор показывает, как партийная организация направляла усилия трудящихся Москвы на оперативное оказание помощи фронту. Кроме создания дивизий народного ополчения и организации противовоздушной обороны, ей приходилось заниматься самыми разнообразными вопросами: организацией добровольных пожарных команд, сбором средств в фонд обороны, вопросами строительства танков, самолетов и бронепоездов, развертыванием военных госпиталей, обучением населения военному делу и созданием из бойцов всевобуча воинских частей и подразделений, ремонтом оружия и боевой техники, мобилизацией населения для сооружения оборонительных рубежей под Москвой, созданием подразделений истребителей танков, эвакуацией заводов на восток страны, организацией производства минометов, пулеметов, автоматов, мин и гранат. По всем этим вопросам в книге содержится интересный конкретный материал.

Надо сказать, что из массы практических дел и задач, которые надо было решать коммунистам столицы, автор правильно выделяет главные, стоявшие в тот период в центре внимания московских партийных органов. Такими вопросами в октябре — ноябре 1941 г. являлись мобилизация промышленности на всемерное увеличение производства вооружения и боеприпасов и строительство оборонительных рубежей на подступах к столице. Их освещению В. П. Цыганков уделяет наибольшее внимание. Необходимо также отметить, что автор не только излагает положительный опыт деятельности Московской партийной организации по руководству оборонной работой, но также критически анализирует упущения и недостатки, которые имелись в работе коммунистов (стр. 22, 164—165 и др.).

Деятельность Московской партийной организации и беззаветный труд москвичей явились патриотическим вкладом в общее дело советского народа — разгром фашистских войск под Москвой. В. П. Цыганков сумел показать, насколько это позволяли размеры книги, какую громадную помощь героическим защитникам Москвы оказал весь советский народ. С интересом читаются страницы, повествующие о великом подвиге советских женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин на всех, в том числе на самых трудных участках производства (стр. 65—68, 95 и др.).

Одним из достоинств книги является то, что автор уделил большое внимание героям трудового фронта. Он рассказал о многих рядовых рабочих и работницах, отдавав-

ших все силы делу победы над врагом. Гораздо меньше в книге конкретных сведений о партийных руководителях и рядовых коммунистах. В силу этого отдельные партийные организации предстают перед читателем безликими, без живых людей. Крайне редко упоминаются имена командиров, политработников дивизий народного ополчения, московских коммунистических дивизий, полков и батальонов всевобуча, истребительных батальонов и других формирований, создававшихся в Москве.

Не получила в книге должного освещения тесная и разнообразная связь столичной партийной организации с политотделами Западного и Калининского фронтов, свидетельствовавшая о нерушимом единстве фронта и тыла, народа и армии.

Книга В. П. Цыганкова — это, по существу, первая работа, в которой на обширном архивном материале исследуются вопросы военно-организаторской деятельности Московской партийной организации в первые годы войны.

В. В. Кутузов

А. Г. НАУМОВА. *Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)*. Пермь. 1960. 108 стр. Тираж 2 000. Цена 18 коп.

С каждым годом возрастает интерес исследователей к изучению различных сторон истории КПСС в годы Великой Отечественной войны. Наряду с общими исследованиями историко-партийная литература пополнилась рядом научных трудов, освещающих жизнь местных партийных организаций [1].

К числу этих изданий относится научно-популярная книга А. Г. Наумовой. Автор ставил своей задачей показать особенности работы Пермской партийной организации в 1941—1945 гг., проследить напряженную борьбу коммунистов за развертывание военного производства и усиление помощи фронту. А. Г. Наумова привлекла интересный материал, почерпнутый из местных архивов и периодической печати.

В первом разделе рассматриваются вопросы перестройки организационной и политической работы Пермской партийной организации на военный лад. В целях более оперативного руководства отдельными отраслями народного хозяйства в областном комитете партии был создан ряд отраслевых отделов (угольной, лесной, а также нефтяной промышленности, цветной металлургии и т. д.). Огромную работу проводили вновь образованные при обкоме, окружкоме, горкомах и райкомах партии военные отделы, которые координировали деятельность военкоматов и местных Советов, оказывали им необходимую помощь. 28 июня 1941 г. бюро Пермского обкома ВКП(б) приняло решение об обязательном военном обучении всех членов и кандидатов партии. Тысячи людей стали овладевать военными знаниями: только в течение одной недели 122 тыс. человек вступили в оборонные кружки (стр. 12—13).

Война потребовала коренным образом перестроить всю политическую работу в массах. Автор на конкретном материале показывает развертывание агитационной работы среди населения Пермской области. На предприятиях, в учреждениях, колхозах из числа коммунистов, а также лучших беспартийных активистов было сформировано 1 752 агитколлектива (стр. 15). Несмотря на сложность обстановки, была усилена работа по повышению идейно-теоретического уровня пропагандистов. Для них при Пермском обкоме были организованы специальные курсы, а при горкомах и райкомах пар-

[1] Х. Гулямов. Коммунисты Узбекистана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.). Ташкент. 1957; Х. Т. Чибиров. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. Орджоникидзе. 1957; П. И. Курбатова. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск. 1958; И. С. Кравченко. Работа Компартии Белоруссии в тылу врага (1941—1944 гг.). Минск. 1959; О. И. Омельяненко. Коммунисты Донбасса в Великой Отечественной войне. Из истории Сталинской областной партийной организации периода Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Сталино. 1959; В. И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный. 1960, и др.

тии — семинары по изучению основ марксизма-ленинизма.

Интересный материал содержит глава, посвященная борьбе Пермской партийной организации за мобилизацию промышленности на обслуживание нужд фронта. Уже к октябрю 1941 г. все машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия, занимавшие ведущее место в промышленности области, были переключены на выпуск оборонной продукции. Коммунисты-машиностроители явились организаторами движения за модернизацию металлорежущих станков и производство их на месте. В результате заводы Перми получили свыше 800 новых станков (стр. 27).

Автор, к сожалению, не осветил вопрос о перестройке на военный лад предприятий лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной промышленности, которые, как указано в вводной части, играли крупную роль в экономике области. Лишь вскользь сказано о военной перестройке химической промышленности. Кроме того, А. Г. Наумова допускает ошибку, утверждая, что «перестройка всего народного хозяйства на военный лад была завершена весной 1942 года» (стр. 37). Правильным является утверждение авторов «Истории КПСС» о том, что перестройка промышленности в Советском Союзе на удовлетворение нужд фронта была проведена в течение одного года [2], то есть она завершилась летом 1942 года.

Третья глава посвящена борьбе пермских коммунистов за подъем сельскохозяйственного производства. Война потребовала от колхозов восточных районов страны максимально расширить посевные площади, увеличить поголовье скота, создать крупные овощные и картофельные базы вокруг промышленных центров. От этого в значительной мере зависела победа над врагом. Выполняя свой долг перед страной, колхозное крестьянство Пермской области в целом справилось с этой задачей. Об огромном напряжении сил, которое потребовалось от колхозов, говорит хотя бы такой факт: средняя нагрузка на каждого трудоспособного члена артели составляла в годы войны 6 гектаров пахотной земли. И это при острой нехватке сельскохозяйственной техники (стр. 61). Повсеместная смена руководящих колхозных кадров в связи с уходом в армию подавляющего большинства председателей колхозов потребовала повседневного внимания со стороны партийных органов к вопросам развертывания сельскохозяйственного производства.

На ярком конкретном материале А. Г. Наумова рассказывает об организации взаимопомощи между городом и деревней. В тяжелые военные годы, как и в мирное время, на помощь колхозному крестьянству пришел рабочий класс, организовавший шефство над МТС и колхозами. В частности, рабочие активно помогали труженикам сельскохозяйственных артелей в электрификации сел и деревень. Со своей стороны, колхозники оказывали рабочему классу большую продовольственную поддержку. Только колхозники Верхне-Муллинского района направили труженикам пермских заводов в январе 1943 г. свыше 12 тыс. пудов сельскохозяйственных продуктов (стр. 78). В книге правильно подчеркивается, что шефство города над деревней во время войны еще более укрепило нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства.

Четвертая глава посвящена движению пермских трудящихся за создание Фонда обороны, их связи с фронтом. В ней рассказывается также о создании Уральского добровольческого танкового корпуса и о помощи районам, освобожденным от фашистской оккупации. Этот раздел книги в отличие от других содержит больше обобщающих данных. Здесь приводятся многие имена коммунистов, лучших тружеников, воинов-пермяков, чего, к сожалению, нельзя сказать о других главах. Неплохое впечатление в целом оставляет завершающий раздел. В нем освещается забота партийных организаций о материально-бытовых нуждах трудящихся. Однако автор, по нашему мнению, не раскрывает во всем объеме трудностей, с которыми сталкивалось население Урала в период войны.

Из числа других недостатков работы А. Г. Наумовой следует отметить тот факт, что автор слишком мало уделил внимания тем изменениям, которые претерпел состав Пермской партийной организации в военные годы. Лишь на стр. 70 приводятся сведения об уменьшении количества сельских коммунистов в области, и то только по состоянию на 1 июня 1942 года. Если книга дает определенное представление о деятельности Пермского обкома партии, то организаторская роль городских и районных комитетов ВКП(б), по сути дела, не раскрыта. Не названы в работе руководители пермских коммунистов: секретари обкома, горкомов и

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат. 1959, стр. 542.

райкомов. По существу, ничего не говорится о работе коммунистов Пермской железной дороги. Не получила надлежащего освещения борьба пермских большевиков за развертывание движения многостаночников, комсомольско-молодежных бригад, за совмещение профессий, за развертывание лунинского движения в промышленности и на транспорте. Недостаточно сказано о развитии всесоюзного социалистического соревнования и его особенностях на предприятиях области.

Есть в рецензируемой работе неточные формулировки. Так, в вводной части автор утверждает, что «в первый период войны (с 22 июня 1941 года по ноябрь 1942 года) Красная Армия отступала» (стр. 4). Говорить так — значит игнорировать наступательные операции советских войск под Ростовом, Тихвином и Ельней, разгром гитлеровских полчищ под Москвой. Точнее было бы, сказать, что Красная Армия в первый период войны была вынуждена преимущественно отступать и обороняться. Многие цифры и факты не снабжены в необходимых случаях ссылками на источники, что вряд ли допустимо в подобных изданиях.

Следовало бы включить в книгу хотя бы небольшой обзор имеющейся литературы по проблеме, а также заключение, которое давало бы читателю общее представление о жизни и деятельности одной из областных партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны.

Г. А. Куманев

«Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.). Библиография советской исторической литературы за 1946—1959 годы». Составитель Г. А. Куманев. Академия наук СССР. Институт истории. М. 1960. 137 стр. Тираж 1 000. Цена 44 коп.

«СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Указатель диссертаций и авторефератов». Составители: Г. А. Куманев, Ю. К. Стрижков, В. Б. Тельпуховский. Академия наук СССР. Институт истории. М. 1961. 43 стр. Тираж 1 000. Цена 15 коп.

За 20 лет, прошедших с начала Великой Отечественной войны, советские ученые проделали большую работу по изучению ее истории. Выходит в свет фундаментальный труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Появились сборники документов, мемуарная литература. В центре и на местах издаются монографии, брошюры, публикуются статьи в периодических изданиях. По данной тематике защищено свыше двух тысяч кандидатских и докторских диссертаций.

Назрела насущная потребность в создании библиографических пособий, учитывающих вышедшую в свет литературу. Еще в годы войны и в послевоенный период были изданы первые библиографические указатели, которые содержали сведения о литературе, освещающей ход военных действий в целом, боевые операции на отдельных фронтах, героическую оборону городов-героев, рост партизанского движения, вклад отдельных республик и областей страны в общее дело разгрома врага и т. п.[1]. Однако до сих пор не было указателя, который с до-

[1] «Великая Отечественная война советского народа». Указатель литературы. М. 1942 (Всесоюзная книжная палата); «Великая Отечественная война». Указатель литературы. М. 1942—1945 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Боевой путь Советской Армии в Великой Отечественной войне». М. 1949 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Взятие Берлина». Указатель литературы. М. 1948 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Великая битва под Москвой». М. 1951 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Великая битва под Сталинградом». М. 1952 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Героическая оборона Ленинграда». М. 1947 (Государственная библиотека имени В. И. Ленина); «Одесса в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.». Одесса. 1948 (Одесская государственная научная библиотека имени А. М. Горького); «Советский Дон в Великой Отечественной войне». Ростов-на-Дону. 1947 (Ростовская государственная научная библиотека имени К. Маркса); «Тула и область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Тула. 1951 (Тульская областная библиотека имени В. И. Ленина), и др.

статочной полнотой отразил бы всю имеющуюся литературу по проблеме. Поэтому с особым вниманием и интересом был встречен выход в свет двух библиографических сборников, изданных Институтом истории АН СССР: «Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.)» и «СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». В них сведено воедино огромное количество названий работ и различных изданий по истории Великой Отечественной войны. Новые библиографические сборники наглядно показывают, каким широким фронтом советские ученые ведут исследование этой важнейшей темы. Вместе с тем они в известной мере помогают определить «белые пятна» в изучении истории Великой Отечественной войны, нацелить исследователей на разработку слабо изученных вопросов. Новые библиографические указатели, несомненно, окажут большую помощь научным работникам, занимающимся проблемами минувшей войны.

Давая положительную оценку работе, проделанной составителями, вместе с тем необходимо высказать ряд критических замечаний и пожеланий. В первом указателе, составленном Г. А. Куманевым, отражены книги, брошюры, журнальные статьи, а также крупные статьи из газет, опубликованные в послевоенный период. Опыт издания библиографических справочников говорит о том, что работы в отдельных разделах и подразделах лучше всего систематизировать в зависимости от вида издания. На первый план в алфавитном порядке выделяются, как правило, документальные публикации, за ними — мемуарная литература и лишь затем — монографии и статьи. Такой порядок расположения материала облегчает научному работнику разыскание источников. В указателе Г. А. Куманева источники, к сожалению, представлены в общем алфавите названий (см. стр. 6, 8, 12, 14, 16, 26 и др.). К тому же они не выделены особым шрифтом, и их трудно найти среди монографий и статей. Было бы полезно отразить в указателе рецензии, имеющиеся на ту или другую работу.

В различных разделах необходимо было шире прибегать к повторным указаниям на литературу, в которой рассматривается не один, а ряд смежных вопросов. В самом деле, статья С. Голикова о мероприятиях Коммунистической партии по созданию предпосылок коренного перелома в ходе войны дана в разделах о первом периоде войны (стр. 5—6), о промышленности, рабочем классе и трудовых резервах (стр. 84). Однако ее нет в разделе по истории Коммунистической партии, где она должна быть отражена в первую очередь. То же самое можно сказать относительно статьи И. Агибалова о разгроме империалистической Японии, которая указана в разделе о Вооруженных Силах СССР (стр. 43), но не отмечена в разделе об исторической победе над Японией.

Исследователь заинтересован в максимально полном отражении литературы в библиографии. В связи с этим следует отметить, что в указателе Г. А. Куманева с большой полнотой представлена литература о Советских Вооруженных Силах, о партизанском движении, о героическом труде рабочих, колхозников, интеллигенции в годы минувшей войны. Однако в указателе Г. А. Куманева пропущены некоторые работы, в частности о героях Отечественной войны [2] и по другим вопросам [3].

В библиографическом справочнике «СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» указаны авторефераты и диссертации, защищенные в 1944—1960 гг. как в области исторических, так и в области философских, экономических, юридических, сельскохозяйственных, филологических и педагогических наук, в той или иной мере касающиеся проблем минувшей войны. Такое расширение круга научных работ в тематической библиографии можно только приветствовать.

К числу общих недостатков этого указателя прежде всего следует отнести неполноту библиографических справок о диссертациях. Так, составители не указывают количества страниц в диссертациях. К диссертациям нередко прилагаются карты, схемы, таблицы. Однако в указателе они не отражены.

Поскольку данные о диссертациях и авто-

---

[2] И. В. Травкин. В водах седой Балтики. М. 1959; «Под знаменем Отчизны. Орчане на фронтах Великой Отечественной войны». Оренбург. 1960; «Герои Башкирии». Уфа. 1949; «Во славу Советской Родины». М. 1954; «Герои не умирают». Саратов. 1958; «Герои Советского Союза — туркменистанцы». Сборник материалов. Ашхабад. 1950; К. Г. Григорян. Герои Советского Союза — армяне в боях за оборону Кавказа. Ереван. 1959, и др.

[3] И. А. Важенцев. Во главе героического коллектива (партийная организация Кировского завода в годы Великой Отечественной войны). Л. 1959; А. Д. Борисов. Одесса — город-герой. М. 1954, и др.

рефератах сведены в один указатель, не было необходимости часть из них приводить в первом, общем справочнике (см. стр. 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22). В библиографиях целесообразно было дать вспомогательный алфавитный указатель.

Отмеченные недостатки легко могут быть устранены при переиздании библиографических справочников. А необходимость в таком издании есть, ибо из-за малого тиража эти справочники в первый же день после выхода в свет стали библиографической редкостью.

М. Л. Иткин

В. С. ВАСИЛЕНКО. *Труд во имя победы.* Госполитиздат. М. 1959. Тираж 25 000. 191 стр. Цена 25 коп.

В последние годы вышло немало книг, брошюр, сборников документов, статей, очерков, воспоминаний, в которых освещается тема труда в годы Великой Отечественной войны [1]. Рецензируемая книга также посвящена бессмертным трудовым подвигам рабочего класса во время войны 1941—1945 годов. Значительное место в ней отводится показу трудового героизма рабочих городов-героев.

В. С. Василенко использовал ряд печатных и архивных источников, ввел в научный оборот интересные данные о работе предприятий (главным образом московских) в годы войны [2]. Достоинством книги является насыщенность ее ярким фактическим материалом. Вместе с тем это популярная работа, не претендующая на исчерпывающее, глубокое исследование вопроса. Живой, образный язык книги делает ее доступной самому широкому кругу читателей.

В книге семь разделов, каждый из которых представляет собой как бы законченный очерк истории отдельных этапов нарастания трудовых усилий советского народа, его самоотверженного трудового героизма.

Автору удалось убедительно показать, что в первые дни фашистского нашествия советские люди все как один поднялись на защиту своей Родины (глава «В грозный и решительный час»). В этот и последующие периоды ярко проявились высокие моральные качества и величие советского рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции.

«Не для того мы двадцать три года строили социализм,— заявил рабочий Ипполитов на собрании Пензенских вагоноремонтных мастерских,— чтобы сдать завоеванное обезумевшему врагу. Не бывать этому никогда!» (стр. 4).

«У нас есть... непобедимое оружие,— свидетельствовали колхозники Казахстана,— которого нет и никогда не будет у фашистов,— это наша безграничная любовь к Родине, монолитное единство и сплоченность советского народа вокруг Коммунистической партии» (стр. 5).

Не только в центральных районах страны, но и в самых отдаленных уголках нашей Родины поднялся народ на защиту своего социалистического Отечества.

Из далеких стойбищ, читаем в книге, приходили в военкоматы ханты, ненцы, представители других малых народностей и просили зачислить их в Красную Армию. «Военному начальнику просьба большая,— писал охотник-хант.— Посылай меня драться с крестогрудой зубастой собакой. Я белке в глаз попадаю — крестогрудой подлой собаке в сердце стрелять буду. Нашу землю защищать буду» (стр. 5).

В. С. Василенко умело использует фактический материал, представляя описывае-

---

[1] Е. И. Солдатенко. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М. 1954; «В дни великого сражения». Сборник документов и материалов о Сталинградской битве. Сталинград. 1958; И. Важенцев. Во главе героического коллектива (партийная организация Кировского завода в годы Великой Отечественной войны). Л. 1959; М. А. Водолагин. Сталинград в Великой Отечественной войне. Сталинград. 1948; «Воронежская область в Великой Отечественной войне». Сборник документов и материалов. Воронеж. 1948; «Героическая оборона Севастополя. 1941—1942 гг.». Сборник документов и материалов. Симферополь. 1946; А. Казанский. Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Фрунзе. 1954, и многие другие.

[2] К сожалению, автор использует только материалы московских архивов.

мые им события не безликими и сухими. Он ярко показывает действительный ход событий, облик советских людей, которые героически сражались на фронтах Отечественной войны и обеспечивали в тылу невиданный размах военного производства для нужд сражавшейся Красной Армии.

Героизм советских людей был беспримерным. Ни одной стране не приходилось испытывать таких трудностей и вести борьбу в таких напряженных условиях, как Советскому Союзу. Только прочность советского строя, массовый трудовой подвиг советских людей в тылу и их героическая борьба на фронтах Великой Отечественной войны предотвратили смертельную опасность, нависшую над нашей Родиной. Коммунистическая партия мобилизовала все силы трудящихся и материальные ресурсы страны на защиту социалистического Отечества, на превращение советского тыла в несокрушимый военный лагерь.

Автор показал ведущую роль коммунистов во всех мероприятиях, связанных с перестройкой хозяйства страны на военный лад. Под руководством Коммунистической партии была создана победоносная армия и организована работа тыла в соответствии с требованиями военной обстановки. Все это привело к невиданному в истории единству фронта и тыла в нашей стране, к победе трудящихся СССР в напряженной борьбе за создание материальных условий для разгрома фашистских агрессоров. При этом ни на один день не прекращалось невиданное по своим масштабам строительство новых промышленных предприятий. Под руководством Коммунистической партии было проведено не знающее примеров в истории гигантское перебазирование промышленных предприятий из западных в восточные районы Советского Союза. Нередко рабочие демонтировали, грузили и вывозили заводское оборудование под вражеским обстрелом. Несмотря на колоссальные трудности военного времени, перебазирование промышленности было произведено успешно, и уже в начале 1942 г. подавляющее большинство эвакуированных предприятий не только было возрождено на востоке страны, но многие из них наладили выпуск продукции в объеме, превышавшем довоенный уровень (стр. 45) [3]. Советский патриотизм, высокое сознание долга перед Родиной, непоколебимая вера в победу над фашистскими агрессорами — вот та сила, которая способствовала быстрому восстановлению предприятий в новых районах. «И как только составы прибывали на новое место,— пишет автор,— сразу же все становились строителями. Инженеры работали бетонщиками, плотниками, монтажниками, токари и фрезеровщики — землекопами. Никто не стоял в стороне. В расчистке строительных площадок участвовали семьи приехавших... Люди работали при сильном морозе по 12—15 часов» (стр. 44).

С тем же подъемом, не щадя сил, трудились советские люди, восстанавливая народное хозяйство на территории, освобожденной от фашистских захватчиков.

Партийные организации на местах являлись боевыми штабами, куда обращались советские люди за разрешением разнообразных вопросов, связанных с жизнью и деятельностью заводов, фабрик, железнодорожного транспорта и других объектов, работавших на оборону. Коммунисты играли ведущую роль в развертывании социалистического соревнования в промышленности, в строительстве и на транспорте, при их непосредственном участии началось движение тысячников, пятисотников и т. д.

Партийные организации возглавляли движение за распространение достижений науки, техники, передового опыта, за активное и быстрое внедрение в производство высокопроизводительных методов труда. Коммунисты находили и быстро вводили в строй резервы оборудования и материалов, были застрельщиками в борьбе за экономию сырья, оказывали активную помощь рационализаторам и изобретателям, содействовали осуществлению подготовки для промышленности квалифицированных кадров из числа женщин и молодежи. Словом, не было такой стороны деятельности, в которой не чувствовалась бы действенная, направляющая роль Коммунистической партии.

Миллионы патриотов, работавших в тылу и обеспечивавших нужды фронта, следовали примеру коммунистов. Нередко рабочие круглые сутки находились на предприятиях у своих станков (стр. 37). Величайший героизм и самоотверженность проявили работники железнодорожного транспорта.

---

[3] Автор уместно приводит следующее сравнение: «В период второй мировой войны французское правительство даже не делало попытки спасти или хотя бы разрушить военные предприятия. В результате оружие, изготовленное на французских заводах, и сами заводы использовались фашистской Германией» (стр. 18).

Книга В. С. Василенко полна волнующих примеров трудовой доблести советских людей, их массового героизма, революционного энтузиазма и готовности отдать все силы, а если понадобится, и жизнь во имя победы над врагом.

Несмотря на то, что на фронт уходила основная масса квалифицированных рабочих, коллективы промышленных предприятий выполняли и перевыполняли производственную программу. На 1-м Государственном подшипниковом заводе на одном из участков к концу июня 1941 г. осталось 26 из 121 рабочего. Оставшиеся рабочие взяли на себя обязательство выполнить предусмотренный план участка, и свое слово они сдержали (стр. 6).

На Павловской шахте Подмосковного бассейна к концу первого месяца войны не было ни одного шахтера, который не выполнял бы норму на 120% и выше. В те дни горняк шахты № 20 «Болоховуголь» Андрианов заявил: «Воинские части, получив задание командования, любой ценой выполняют его. Точно такую же задачу должны поставить перед собой и мы, горняки: пока не будет выполнен наряд, не подниматься на-гора!» (стр. 7).

Партия, мобилизовав все силы и средства на защиту Отечества, дала советскому народу четкую программу действий. В короткие сроки все фабрики и заводы перешли на выпуск военной продукции. Рабочие Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Свердловска, Челябинска и других городов Советского Союза с каждым днем усиливали помощь фронту.

«Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования»[4],— писал В. И. Ленин. Но массовый героизм нельзя вызвать искусственно. Только сознание того, что Советский Союз ведет справедливую, освободительную войну против фашистского агрессора, сделало трудовой героизм советского народа массовым, повседневным явлением.

Ленинское положение о непобедимости народа, воодушевленного идеями защиты социалистического Отечества, было особенно ярко подтверждено в годы Великой Отечественной войны.

Книга, к сожалению, не лишена недостатков. Известно, что война против фашистской Германии приобрела с самого начала характер Отечественной войны всего советского народа. Поэтому, отводя рабочему классу первое место, автору не следовало бы забывать о деятельности колхозного крестьянства и интеллигенции, сыгравших громадную роль в создании материальных условий для победы Красной Армии. В. С. Василенко уделяет крестьянству и интеллигенции незначительное место. Не показан им и тот огромный вклад, который внесли советские ученые в общее дело победы над врагом. Разумеется, такие вопросы могут быть и темами для самостоятельных исследований. Но хотелось бы, чтобы и в рецензируемой книге они нашли большее раскрытие.

Автор приводит несколько примеров, свидетельствующих о помощи рабочих колхозному крестьянству, об их совместной работе по восстановлению разрушенного фашистами хозяйства колхозов. Однако тема укрепления союза рабочего класса и крестьянства в годы Великой Отечественной войны в книге не раскрыта.

Наконец, несколько замечаний редакционного порядка.

На стр. 190 ошибочно приводится цифра 60 млн. руб. вместо 60 млрд. руб., сэкономленных тружениками тыла в годы войны.

В книге имеются повторения. Так, на стр. 54 автор рассказывает о рекордном строительстве доменных печей объемом в 1 300 куб. м, осуществленном в годы войны. Об этом же он пишет на стр. 97.

Кроме того, хотелось бы, чтобы унификация названий была более тщательной. Например, на стр. 6 и 114 автор не дает точного названия 1-го Государственного подшипникового завода, хотя на стр. 41 и 79 указывается правильное название завода.

Подводя итог беглому обзору книги В. С. Василенко (редактор И. П. Верховцев), следует сказать, что она имеет большое познавательное и воспитательное значение.

Н. В. Нелидов

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 337.

И. А. КОЛОСКОВ, Н. Г. ЦЫРУЛЬНИКОВ. *Народ Франции в борьбе против фашизма (Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 гг.)*. Изд-во социально-экономической литературы. М. 1960. 406 стр. Тираж 5 000. Цена 1 руб. 43 коп.

Книга И. А. Колоскова и Н. Г. Цырульникова в известной степени обобщает работу советских историков, изучающих французское движение Сопротивления периода второй мировой войны. По существу, это первая в советской литературе попытка нарисовать общую картину возникновения и развития движения Сопротивления.

Тема, избранная авторами, служит объектом чрезвычайно острой идейно-политической борьбы в современной Франции. Реакционные буржуазные ученые и пропагандисты прилагают все усилия к тому, чтобы извратить историю, возвеличить буржуазных участников Сопротивления и опорочить Французскую коммунистическую партию, сыгравшую ведущую роль в его организации.

Усилиями буржуазных историографов создана насквозь лживая концепция, согласно которой организаторами Сопротивления были буржуазные элементы, тогда как коммунисты якобы стали бороться против оккупантов лишь после нападения Германии на Советский Союз. Роль СССР, разгромившего основные силы гитлеровской Германии и сделавшего возможным освобождение Франции, буржуазная историография обычно замалчивает, зато действия англо-американских войск в Северной Африке изображает как поворот в ходе войны [1].

Марксистско-ленинская историография неоднократно разоблачала несостоятельность подобных утверждений. Книга И. А. Колоскова и Н. Г. Цырульникова на основе изучения документов Французской коммунистической партии, нелегальной печати Сопротивления, парламентских отчетов, многочисленных мемуаров, публикаций дипломатических документов, широкого использования советской и французской литературы также дает убедительный отпор фальсификаторам.

Авторы рассматривают движение Сопротивления как широкое патриотическое движение, в котором имелись два течения: народное, демократическое, возглавленное Коммунистической партией, и буржуазное, консервативное. В книге тщательно анализируются политическая линия и практическая деятельность Коммунистической партии с сентября 1939 по август 1944 г. и убедительно доказывается, что на всем протяжении этого периода «Французская коммунистическая партия являлась инициатором, организатором и основным руководителем борьбы патриотических сил» (стр. 389).

Большой документальный материал, использованный в рецензируемом труде, свидетельствует о том, что «еще до нападения Германии на СССР Компартия, исходя из национальных интересов страны, положила начало активному сопротивлению оккупантам и коллаборационистам» (стр. 108). Авторы напоминают известные призывы Коммунистической партии к сопротивлению (от 6 июня, 10 июля 1940 г. и 15 мая 1941 г.) и — что особенно важно — подробнее, чем в других работах, рассматривают деятельность первых вооруженных групп, созданных коммунистами в 1940—1941 годах.

И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников приводят неизвестные в советской литературе данные об оформлении, составе и программе Национального фронта, ставшего самой массовой организацией Сопротивления; о стратегии, тактике и вооружении руководимых коммунистами отрядов франтиреров и партизан.

Большой интерес представляют разделы, посвященные борьбе Коммунистической партии за подготовку и проведение национального восстания 1944 года. Здесь сведен воедино обширный фактический материал, разбросанный по многочисленным и зачастую малоизвестным источникам; проанализирована деятельность Компартии по подготовке восстания, в том числе слабо освещенная в советской литературе работа делегации Центрального Комитета ФКП в Северной Африке. Весьма ценно, что наряду с подробным изложением хода вооруженного восстания в Париже авторы уделяют много внимания изучению национального восстания в провинции, в отдельных районах и департаментах Франции.

И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников отмечают известную положительную роль, которую сыграли в освобождении страны движение «Свободная Франция» в эмиграции

[1] Подробнее см. И. С. Киссельгоф. Некоторые вопросы истории Франции периода второй мировой войны в освещении французской буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1961, № 1.

и буржуазные группировки Сопротивления на территории Франции. Вместе с тем они указывают, что буржуазные организации «были созданы не только для борьбы с гитлеровскими оккупантами и их пособниками, но и для борьбы за сохранение в освобожденной Франции власти в руках буржуазии» (стр. 143—144).

И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников показывают, что Коммунистическая партия неустанно боролась против реакционных тенденций в движении Сопротивления, в особенности против политики «пассивного выжидания», представлявшей серьезную угрозу для национальных интересов Франции. В то же время, стремясь сплотить все патриотические силы страны, коммунисты сотрудничали с буржуазными деятелями Сопротивления, в частности в таких объединенных организациях, как Национальный совет сопротивления, Французский комитет национального освобождения и Французские внутренние силы.

Большое внимание И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников уделяют международной обстановке. Они разоблачают политику англо-американских империалистов, которая препятствовала развитию народного движения Сопротивления, и справедливо подчеркивают, что «решающим условием, создавшим благоприятную военно-политическую обстановку для усиления движения Сопротивления и освобождения Франции и других порабощенных стран от гнета оккупантов, являются исторические победы Советского Союза, сыгравшего решающую роль в разгроме фашистской Германии» (стр. 402).

К сожалению, не все разделы книги равноценны. Наряду с главами, носящими исследовательский характер, есть ряд глав (о «странной войне», оккупации Франции, участии советских людей в движении Сопротивления), которые вносят мало нового в изучение темы. Недостаточно подробно раскрыта в книге деятельность наиболее влиятельных буржуазных организаций Сопротивления. Авторам не удалось более глубоко разработать такой малоизученный вопрос, как участие крестьян и мелкой городской буржуазии в движении Сопротивления. Они ограничились приведением отдельных уже известных примеров.

И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников не использовали полностью возможности расширения круга источников. Нелегальные издания близких к Коммунистической партии организаций («L'Avant-Garde», «Les Lettres françaises», «La Vie Ouvrière» и др.) привлечены ими крайне ограниченно. Остались неизученными также некоторые подпольные газеты буржуазных организаций Сопротивления, публикации документов французской делегации при немецкой комиссии по перемирию и пр.

На наш взгляд, имеются неточности в освещении авторами тактики Французской коммунистической партии. Трудно согласиться, например, с мнением авторов о том, что в период до запрещения Компартии международная обстановка, империалистический характер войны и политика правительства «были не совсем ясны» ее руководству (стр. 29). Напротив, руководители Коммунистической партии ясно видели и правильно оценивали сложившуюся обстановку. Они учитывали, что в сентябре 1939 г. существовала возможность превращения второй мировой войны в подлинно народную освободительную антифашистскую войну путем давления на правительство и организации массового антифашистского движения[2]. Поэтому в сентябре 1939 г. Коммунистическая партия одобрила меры, укрепляющие национальную оборону, и голосовала за военные кредиты.

Указанные выше недостатки не могут изменить общей оценки работы. И. А. Колосков и Н. Г. Цырульников написали интересную книгу, которая является новым достижением советских ученых в изучении истории французского движения Сопротивления.

В. П. Смирнов

[2] См. G. Willard. La drôle de guerre et la trahison de Vichy. Paris. 1960, pp. 30—33, 64—67.

«Русско-шведские экономические отношения в XVII веке». Сборник документов. Ин-т истории. Ленинградское отделение. Составители и авторы «Введения» — М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. Ответственные редакторы — М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1960. 654 стр. Тираж 1 500. Цена 2 руб. 50 коп.

Проблема русско-шведских отношений в XVII в. неоднократно привлекала к себе внимание историков, как русских, так и шведских. Интерес этот был обусловлен тем, что русско-шведские отношения составляли важную часть так называемого «балтийского вопроса», чрезвычайно обострившегося именно в XVII столетии. Из дореволюционных русских ученых больше всех сделал для освещения этого вопроса проф. Г. Форстен. Но он интересовался преимущественно дипломатической его стороной и опирался почти исключительно на материалы зарубежных архивов. Так же односторонне подошли к исследованию шведско-русских отношений и другие тогдашние ученые (например, русские историки Е. Д. Сташевский, Д. И. Иловайский, шведские историки Х. Иерне, Н. Анлунд, Б. Фальборг, Х. Алмквист), изучавшие историю войн и дипломатии.

Советские историки, занимавшиеся данной проблемой, уделили много внимания экономическим отношениям, хотя и не дали цельной картины их развития на протяжении XVII века. Этому препятствовали, с одной стороны, разбросанность соответствующих материалов по различным архивным фондам, с другой — отсутствие публикаций весьма важных источников по истории русско-шведских экономических связей. Подготовка подобных публикаций требует особенно большого труда по выделению источников экономической истории из массы дипломатических документов и по их археографической обработке. Именно поэтому следует приветствовать выход в свет рецензируемого сборника.

Составители сборника вынуждены были ограничить свою задачу в двух направлениях. Во-первых, они положили в основу публикаций только один фонд — «шведских дел» Посольского приказа из Центрального архива древних актов (фонды Тихвинского монастыря и Посольского стола Новгородской приказной палаты, хранящиеся в Архиве ЛОИИ, использованы ими лишь отчасти). Во-вторых, составители выделили документы, относящиеся преимущественно к торговым связям, которые, разумеется, не охватывают всей совокупности экономических отношений.

Ценнейший фонд «шведских дел» был и раньше известен ученым. Но в данном сборнике благодаря сплошному просмотру этого фонда составителям удалось поместить немало новых материалов, которые впервые вводятся в научный оборот. Так, например, только теперь приведены с надлежащей полнотой «сказки» русских торговых людей об «обидах», нанесенных им шведскими властями, челобитные по поводу затруднений в русско-шведской торговле, а также соответствующие челобитные шведских купцов. Попутно отмечу, что немало документов того же рода хранится в Государственном шведском архиве в Стокгольме на русском и шведском языках, причем шведской стороной в различные годы XVII в., видимо, делались попытки свести все эти документы в особые книги или реестры, где было бы отмечено, что сделано по той или иной жалобе.

Весьма удачной мне представляется мысль извлечь из всех русско-шведских договоров начиная с 1617 г. и кончая 1684 г. «экономические» статьи, использовав для этого русские оригиналы договоров, никогда ранее не издававшиеся. Что касается фонда Тихвинского монастыря из Архива ЛОИИ, то он также дает важные материалы: таможенные книги за ряд лет, судные дела, подрядные договоры, заемные кабальные грамоты и другие документы, характеризующие различные стороны организации торговли и родственные ей дела.

Опубликованные документы позволяют выяснить номенклатуру товаров, масштабы отдельных торговых сделок, ограничения розничной торговли и трудности, с которыми была сопряжена оптовая торговля, а также цены на русском внутреннем рынке, размер таможенных пошлин, характер кредитных операций; получить сведения о путях сообщения и транспортных средствах, составе непосредственных участников торговли — купеческих компаниях и их агентах, крестьянах и посадских людях. Документы сборника содержат ценные данные о состоянии российского внутреннего рынка, об элементах географического разделения труда в стране, об использовании наемного труда в торговле и на транспорте, о денежных капиталах отдельных купцов.

Таково в общих чертах содержание сборника. Конечно, использование и иных фондов Посольского приказа (датских, голландских и прочих «дел», тесно связанных со шведскими), «Приказных дел старых лет», «Дел о выезде в Россию иностранцев» и многого другого могло бы восполнить ряд имеющихся в сборнике пробелов в хронологии. Нужно думать, что составители продолжат предпринятую ими работу и дополнят данную публикацию материалами из остальных фондов ЦГАДА, а также из архивов Риги, Таллина и Тарту.

В археографическом отношении сборник вряд ли вызовет серьезные нарекания даже со стороны самых придирчивых специалистов-археографов. Что касается историков, то они, несомненно, оценят и удобство строго хронологического расположения документов; и полноту заголовков к каждому из них, за редкими исключениями точно раскрывающих их содержание; и тщательность археографических аннотаций; и содержательное источниковедческое «Введение»; и богатство «Комментария» с его ценными библиографическими данными; и, наконец, хорошие указатели имен и географических названий.

Однако по поводу «Введения» и «Комментария» необходимо сделать ряд критических замечаний, которые затрагивают отчасти и состав документов в сборнике.

Во «Введении» оговорено, что из сборника исключены документы, относящиеся к торговле с Прибалтикой, поскольку задачей составителей являлась публикация материалов о торговле России непосредственно с Швецией. На этом основании они не учли материалов из архивов Риги, Таллина, Тарту и не включили в сборник Псковскую таможенную книгу.

О таком принципе отбора можно только пожалеть, так как вопрос о прямой русско-шведской торговле является частью более важной проблемы — русской торговли через Балтийское море. Отделить непосредственную торговлю с Швецией от торговых операций с шведскими владениями в Прибалтике трудно, почти невозможно. Отсюда непоследовательность составителей в проведении принятого ими принципа отбора. Они привели много ценных документов о вывозе русского хлеба, преимущественно через Архангельск, в 1628—1633 годах. Но имеет ли эта хлебная торговля отношение только к прямой русско-шведской торговле? Конечно, нет. Во-первых, бо́льшая часть этого хлеба, минуя Швецию, поступала в Голландию, где агенты Густава-Адольфа продавали его по спекулятивным ценам. Хорошо известно (на это указал еще К. И. Якубов в конце XIX в.)[1], что такая операция, в сущности, не носила коммерческого характера, по крайней мере с русской стороны, а была формой финансовой субсидии русского правительства своему союзнику Густаву-Адольфу на определенном этапе Тридцатилетней войны.

Во-вторых, прямая русско-шведская торговля складывалась в основном из шведского импорта в Россию железа, меди и оружия и из экспорта русских товаров в Швецию — кож, пеньки, льна, сала и т. п. Но как потребитель русских товаров Швеция была третьестепенной величиной. В новейших исследованиях Кристенсена, Аттмана и др.[2], основанных на изучении Зундских таможенных книг, неопровержимо установлено, что бо́льшую часть так называемых «русских товаров» Швеция покупала для перепродажи на рынках Западной Европы; в самой Швеции потреблялись главным образом изделия русского ремесла: сапоги, перчатки, холстина, грубошерстные ткани и т. п., которые ввозились в сравнительно малых количествах. Но в таком случае можно ли устанавливать различие между русским вывозом в Швецию и русским вывозом в порты Прибалтики?

В-третьих, нет никаких оснований (как это делают составители) связывать прямую русско-шведскую торговлю только со Стокгольмом и Ниеншанцем («Канцы»); ведь товары в Швецию направлялись и через Ригу; притом, как показывают данные Зоома[3], через Ниен[4] шли товары и в другие (помимо Швеции) страны Европы.

В начале «Введения» составители противопоставляют чрезмерному и одностороннему интересу историков (в том числе и советских) к русско-шведским войнам меньший интерес к обоюдным хозяйственным связям, гораздо более длительным, чем войны, и подчеркивают (стр. 15 сл.), что

[1] К. И. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Кн. III. 1897, стр. IX.

[2] Aksel E. Christensen. Dutch trade to the Baltic about 1600. Copenhagen. 1941; Artur Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets Baltisk politik. Lund. 1944.

[3] A. Soom. Die Politik Schwedens bezüglich des Russischen Transithandels über die Estnischen Städte in den Jahren 1636—1656. Tartu. 1940.

[4] Шведский торговый пункт на правом берегу реки Охты.

«в документах... сравнительно мало отразился нормальный ход торговли между обоими государствами, когда не возникало конфликтов и споров... Документация Посольского приказа содержит преимущественно сведения о нарушении нормального хода торговли со стороны шведских властей или отдельных купцов...». Однако составители упускают из виду, что дело не в одних только отдельных конфликтах и частных взаимных претензиях. Возможно, что конфликты были исключением, а мирная торговля — правилом. Но называть ее «нормальной» нет никаких оснований. Авторы «Введения» игнорируют всю глубину русско-шведских противоречий в связи с «балтийской проблемой». Если русские купцы ухитрялись извлекать прибыли из торговли со Швецией и другими странами Европы через немецко-шведское посредничество, то следует еще поставить вопрос, насколько страдали от этого русский производитель и экономические интересы России в целом. Иначе можно было бы подумать, что Северная война 1700—1721 гг. вспыхнула внезапно, а не была подготовлена предшествующими десятилетиями «мирных» отношений и что война 1656—1658 гг. вообще была только случайным эпизодом.

Именно поэтому составители сознательно не поместили, по-видимому, в своем «Введении» никаких данных об «архангельско-балтийском вопросе». Известно, что еще с 30-х годов XVII в. шведское правительство ставило перед собой задачу перетянуть всю русскую внешнюю торговлю из Архангельска на побережье Балтики, принадлежавшее в то время Швеции. Во второй половине XVII столетия в Стокгольме становится навязчивой идея о ликвидации русской торговли через Архангельск. Осуществление этого замысла поставило бы огромный русский рынок в полную зависимость от Швеции. Шведское правительство не только в период мирных, но даже союзнических отношений с Россией пускало в ход все средства для достижения данной цели: и экономический шпионаж внутри России (так называют задачу шведских резидентов в Москве сами авторы коллективного шведского труда «История управления шведским министерством иностранных дел») [5] и антирусскую пропаганду в Англии и Голландии, стремившуюся побудить купечество упомянутых стран перенести свою деятельность с Севера в порты Балтики. Шифрованные инструкции шведским послам и агентам во второй половине XVII в., хранящиеся в Стокгольмском государственном архиве, особенно поучительны в этом отношении.

Русское правительство оказывало шведским планам энергичное и успешное противодействие, пользуясь таким оружием, как таможенная политика. Но в то самое время, как оно отпустило Швеции 20 тыс. четвертей ржи беспошлинно, Швеция вела переговоры с Кромвелем в Лондоне и через посла Английской республики Уайтлока в Стокгольме об уничтожении Архангельска английским военным флотом [6]. Характерно поэтому, что первым шагом Карла XII против России с момента возникновения Северной войны было снаряжение военно-морской экспедиции против Архангельска. О провале этой экспедиции рассказывает рукописный сборник о судебном процессе (и других связанных с ним материалах) против начальника экспедиции Чарльза Льюита [7].

Весь этот круг вопросов затронут в работах Нюстрема [8] и Эберга [9], получивших, кстати сказать, не совсем верную характеристику во «Введении» (стр. 12, прим. 22). Работа Нюстрема «Торговля с Русью» дает интересные данные, дополняющие книгу Курца [10]. Последнему осталась неизвестной подлинная рукопись Кильбургера в Стокгольмском архиве с двумя ранее не публиковавшимися главами о пути из Москвы до Стокгольма, из Москвы до Тобольска и далее до Пекина (последний путь — по данным посольства Байкова в Пекин, 1654 г.). Сюда же следует присоединить не учтенную ни в «Комментарии», ни во «Введении» статью Свенссона «Мотивы царя Петра для войны со Швецией», где собраны данные об экономических предпосылках данной войны [11].

[5] «Histoire de l'Administration des Affaires étrangères de Suède». Par S. Tunber et autres. Uppsala. 1940.

[6] См. Bulstr. Whitelockes Dagbog öfuer des Ambassade till Sverige åren 1653 och 1654. Uppsala. 1777. Надежды шведов на английскую помощь были связаны с ликвидацией торговых привилегий Московской компании в 1649 году.

[7] Сборник хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме: «Handlingar Röran de Commandeuren Charles H. Lewet missiyckade Siö-Expedition till Archangel 1701».

[8] Per Nyström. Mercatura Rutenica. «Scandia». Vol. X. 1937.

[9] Arne Öhberg. Russia and the World Market in the Seventeenth Century. Uppsala. 1956.

[10] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев. 1915.

[11] Sv. Svensson. Czar Peters motiv för Kriget mot Sverige. «Historisk Tidskrift», 51 årg., 1931, H. I.

Помимо указанных выше пробелов в библиографии сборника, нужно отметить еще следующие: в связи с известными переговорами в Кардисе названа только одна монография Нурдвалла (о Швеции и России после Кардисского мира) и почему-то пропущена другая его монография — о шведско-русских переговорах в 1658—1661 гг., перед Кардисским миром [12]. Совсем выпали из библиографии все зарубежные работы о Столбовском мире 1617 г., в частности Лоати, Аттмана и финского историка Миккола [13] (последняя написана по русским архивным материалам). В связи с ролью Ниена в русско-шведской торговле следовало бы назвать работу К. фон Бонсдорфа «Nyen och Nyenskans» [14], а также статью (более общего характера) Рауха о русской торговле в XVII веке [15].

Кое-какие пробелы есть и в источниковедческой библиографии «Введения». Особенно удивляет отсутствие ссылок на известный труд Иконникова [16] (т. 1, кн. 2, разд. «Швеция», стр. 1475 сл.), где даются сведения о русских и шведских рукописях, находящихся в Швеции и имеющих, в частности, отношение к тематике сборника. Там же приводятся некоторые публикации на основе извлечений из шведских архивов, сделанных русскими историками XVIII и XIX вв.,— публикации, не получившие отражения в библиографии сборника. Наконец, при упоминании публикации Якубова следовало бы отметить, что лишь небольшая часть писем шведского резидента Поммеренинга была переведена и издана Якубовым.

В целом научно-справочный аппарат рецензируемой публикации производит самое благоприятное впечатление. Что касается подбора документов, то сделанные выше критические замечания свидетельствуют о том, как трудно отделить экономические отношения от политических проблем. Но и при наличии такой оговорки следует признать сборник документов о русско-шведских экономических отношениях весьма полезной книгой, без которой не смогут обходиться отныне ни советские, ни зарубежные историки, изучающие «балтийский вопрос» в XVII веке.

О. Л. Вайнштейн

[12] I. E. Nordwall. Swensk-ryska underhandlingar före freden i Kardis (1658—1661). Stockholm. 1890.

[13] Работа I. I. Mikkola напечатана в «Historisk Tidskrift», 1938, стр. 268—298; монография I. Loati «Ost-Karelen och freden i Stolbova år 1617» вышла в том же году. Статья Attman «Freden i Stolbova» опубликована в журнале «Scandia» (vol. XXIV. 1948—1949).

[14] «Acta Scient. Fennicae». Vol. XVIII. 1891.

[15] G. von Rauch. Zur Geschichte des russischen Handels und der kolonialen Expansion im 17. Jahrhundert. «Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. XL.

[16] В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. I. Кн. 2. Киев. 1908.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Бобренок С. *У стен Брестской крепости.* Записки участника обороны. Изд. 2-е. Минск. Госиздат БССР. 1961. 151 стр. 100 000 экз. 23 коп.

Борьба за власть Советов в Астраханском крае. 1917—1920 гг. Документы и материалы. Ч. 2. Оборона Астрахани и разгром интервентов и белогвардейцев в Астраханском крае. Астрахань, «Волга». 1960. 632 стр. 5 000 экз. 98 коп.

Борьба КПСС за завершение строительства социализма. 1953—1958 гг. Документы и материалы. М. Госполитиздат. 1961. 696 стр. 50 000 экз. 1 р. 10 к.

Годы огневые, годы боевые. Сост. Г. А. Вендрих и А. Я. Шапранова (предисл. А. Г. Солодянкина). Иркутск. Кн. изд-во. 1961. 303 стр. 3 000 экз. 69 коп. Сборник воспоминаний участников борьбы за власть Советов в Восточной Сибири, охватывающий период с осени 1918 г. до весны 1920 г.

Горюнова Е. И. *Этническая история Волго-Окского Междуречья.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 267 стр. 1 300 экз. 1 р. 94 к.

Гостимский Ю. Н. *Партия большевиков — руководитель массового революционного движения пролетариата России накануне первой мировой войны.* М. Изд-во ИМО. 1961. 96 стр. 14 000 экз. 37 коп.

Дудченко Е. *Из истории комсомола Приморья.* 1920—1922. Владивосток. Примор. кн. изд. 1960. 74 стр. 5 000 экз. 9 коп.

Заозерская Е. И. *Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60 гг. XVIII в.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 450 стр. 1 300 экз. 1 р. 82 к.

Зубов А. А. *Люди Огненной Земли* (Этнографический очерк). М. Географгиз. 1961. 40 стр. 25 000 экз. 6 коп.

Ижойкин А. Ф. *Рабочий класс Чувашии в годы Великой Отечественной войны.* Чебоксары. Чувашгосиздат. 1961. 110 стр. 1 500 экз. 13 коп.

Из истории партизанского движения в Белоруссии. 1941—1944 гг. Сборник воспоминаний. Минск. Госиздат БССР. 1961. 506 стр. 10 000 экз. 71 коп.

История международного рабочего и национально-освободительного движения. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 138 стр. 4 000 экз. 65 коп.

Кадыров Ш. *Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века.* Фрунзе. Киргизгосиздат. 1961. 107 стр. 3 000 экз. 12 коп.

Казахская Советская Социалистическая Республика. Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 479 стр. 20 000 экз. 1 р. 20 к.

Карамзин Г. Б. *Битва при Грюнвальде.* Популярный очерк. Л. Учпедгиз. Ленинград. отделение. 1961. 109 стр. 45 000 экз. 12 коп.

Келлер Л. *Очерк истории нижегородских профессиональных союзов.* 1905—1912 гг. Горький. Кн. изд. 1961. 138 стр. 5 000 экз. 17 коп.

Ковалев Н. К. *Экономика нефтяного района Прикарпатья в период иностранного владычества и в годы Советской власти.* Ист.-эконом. очерк. Киев. Изд-во Киевского ун-та. 1960. 96 стр. 4 000 экз. 28 коп.

Комаров К. *Вековая дружба.* М. Воениздат. 1960. 107 стр. 34 коп. Автор рассказывает о дружбе русского и болгарского народов.

Крившич В. *Основоположники марксизма-ленинизма о коллективности партийного руководства.* М. Госполитиздат. 1961. 96 стр. 30 000 экз. 11 коп.

Кюнер Н. В. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.* М. Изд. вост. лит. 1961. 392 стр. 1 200 экз. 1 р. 90 к. В книге помещены отрывки из китайских средневековых исторических и географических сочинений в переводе и с введением Н. В. Кюнера.

Мерінг Ф. *Карл Маркс и Фридрих Энгельс — создатели научного коммунизма* (Предисловие А. Полякова). М. Госполитиздат. 1960. 234 стр. 60 000 экз. 30 коп.

Минуя капитализм. О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана (Сборник статей). М. Госполитиздат. 1961. 248 стр. 12 000 экз. 45 коп.

Молодость приходит с годами. Очерк истории Ждановского коксохимического завода. Сталино. Кн. изд. 1961. 113 стр. 5 000 экз. 18 коп.

Монгайт А. Л. *Рязанская земля.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 400 стр. 2 000 экз. 2 р. 35 к. Исследование об истории Рязанской земли в I—XIII вв., основанное главным образом на археологических источниках.

Муштуков В. Е. и Никитин П. Е. *Здесь жил и работал Ленин.* По памятным ленинским местам Ленинграда и окрестностей. Л. Лениздат. 1961, 416 стр. 15 000 экз. 68 коп.

Народы Кавказа. Под ред. М. О. Косвена и др. Т. 1. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 611 стр. 5 000 экз. 3 р. 40 к.

Новая история. Учебник для пединститутов. Под ред. В. Г. Ревуненкова. Т. 2. 1871—1917. М. Учпедгиз. 1961, 475 стр. 30 000 экз. 89 коп.

Павлов А. П. *Коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства.* 1926—1929 гг. Изд. 2-е. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 138 стр. 31 000 экз. 14 коп.

Первенец индустриализации страны — Днепрогэс имени В. И. Ленина. Сборник документов о строительстве Днепрогэса имени В. И. Ленина. 1926—1932 гг. Запорожье. Кн.-газ. изд. 1960. 287 стр. 7 000 экз. 60 коп.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 10—18 января 1961 г. Стенографический отчет. М. Госполитиздат. 1961. 647 стр. 100 000 экз. 1 р. 10 к.

Покровский С. Н. *Победа Советской власти в Семиречье.* Алма-Ата. Изд-во Акад. наук КазССР. 1961. 368 стр. 1 340 экз. 1 р. 90 к.

Проблемы источниковедения (Сборник статей). Т. 9. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 464 стр. 1 500 экз. 1 р. 85 к.

Путешественники об Азербайджане. Под ред. Э. М. Шахмалиева. Т. 1. Сост. (и авт. предисловия) З. И. Ямпольский. Баку. Изд-во Акад. наук АзССР. 1961. 499 стр. 1 500 экз. 2 р. 15 к.

Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции. 1906—1907 годы. Ч. 2. Май—сентябрь 1906 года. Кн. 1. Сост. В. К. Головников и С. А. Ливщиц. Под ред. Г. М. Деренковского и др. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961, 704 стр. 2 200 экз. 2 р. 54 к.

Рознер И. *Северин Наливайко — руководитель крестьянского казацкого восстания 1594—1596 гг. на Украине.* М. Соцэкгиз. 1961. 80 стр. 15 000 экз. 9 коп.

Рошкован Ю. и Фрейдер Л. *Бельцы.* Кишинев, «Картя молдовеняскэ». 1961. 58 стр. 5 000 экз. 8 коп. Очерк о прошлом и настоящем гор. Бельцы — второго после Кишинева промышленного и культурного центра Молдавской ССР.

Семенов В. Ф. и Кириллова А. А. *Альбом по истории средних веков.* Пособие для учителей и студентов. М. Учпедгиз. 1960. 344 стр. 13 500 экз. 2 р. 38 к.

Сирица Л. *По нижнему Дунаю.* Одесса. Кн. изд. 1961. 65 стр. 4 000 экз. 6 коп. Очерк о прошлом, настоящем и будущем придунайских городов, расположенных на территории Советского Союза.

Сказкин С. Д. *История — увлекательная наука.* М. «Знание». 1961. 64 стр. 25 000 экз. 10 коп.

Страницы жизни. Из истории Сердобской организации КПСС. Пенза. Кн. изд. 1961. 155 стр. 3 000 экз. 20 коп.

Строд И. *В тайге* (2-е изд.). Якутск. Якутгиз. 1961. 126 стр. 5 000 экз.

30 коп. Воспоминания участника гражданской войны в Сибири.

Трапезников С. П. *Коммунистическая партия в период наступления социализма по всему фронту.* Победа колхозного строя в деревне. 1929—1932 гг. Изд. 2-е. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1961. 143 стр. 35 000 экз. 15 коп.

Черненко Н. *Партия в период восстановления народного хозяйства.* 1921—1925 гг. М. Госполитиздат. 1961. 119 стр. 40 000 экз. 14 коп.

Шеламов В. *Кромы* (историко-краеведческий очерк). Орел. Кн. изд. 1960. 68 стр. 3 000 экз. 11 коп.

90 лет со дня рождения В. И. Ленина. Доклады научных работников Казанского гос. ун-та, сделанные на юбилейной сессии в Ленинграде в апреле 1960 г. (Науч. ред. Н. А. Гуляев). Казань. Изд-во Казан. ун-та. 1961. 165 стр. 1 000 экз. 67 коп.

Всеобщая история

Айдит Д. Н. *Уроки истории Коммунистической партии Индонезии.* Пер. с индонез. М. Госполитиздат. 1961. 35 стр. 25 000 экз. 4 коп.

Алатри П. *Происхождение фашизма.* Пер. с итал. М. Изд. иностр. лит. 1961. 462 стр. 1 р. 76 к.

Алексеев В. М. *Тридцатилетняя война.* Пособие для учителей. Л. Учпедгиз. Ленингр. отд-ние. 1961. 183 стр. 24 000 экз. 24 коп.

Васильев М. *Внешняя политика Германской Демократической Республики.* М. Изд-во ИМО. 1961. 88 стр. 12 000 экз. 10 коп.

Ганзелка И. и Зикмунд М. *Меж двух океанов.* Пер. с чешск. М. «Молодая гвардия». 1961. 391 стр. 165 000 экз. 1 р. 10 к.

Дилигенский Г. Г. *Северная Африка в IV—V веках.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 303 стр. 1 800 экз. 1 р. 18 к.

Захер Я. М. *Движение «бешеных».* М. Соцэкгиз. 1961. 223 стр. 8 000 экз. 36 коп.

Иноземцев Н. *Внешняя политика США в эпоху империализма.* М. Госполитиздат. 1960. 760 стр. 10 000 экз. 1 р. 70 к.

Ким Ир Сен. *Торжество идей Великого Октября* (Пер. с корейского). М. Госполитиздат. 1960. 67 стр. 45 000 экз. 7 коп.

Китай. Япония. История и филология (Сборник статей). М. Изд-во вост. лит. 1961. 333 стр. 1 000 экз. 2 руб.

Корбетт Д. *Моя Индия.* Пер. с англ. Предисл. Г. Г. Котовского. М. Изд. вост. лит. 1961. 178 стр. 40 000 экз. 42 коп.

Мирошников Л. И. *Английская экспансия в Иране.* 1914—1920. М. Изд. вост. лит. 1961. 228 стр. 1 600 экз. 70 коп.

Монополистический капитал современной Японии. Пер. с япон. Вступит. статья Я. А. Певзнера. М. Изд. иностр. лит. 1961. 323 стр. 1 р. 86 к.

Патрис Лумумба. Правда о чудовищном преступлении колонизаторов (Сборник документов и материалов). Сост. К. Непомнящий и др. М. Изд. Союза журналистов СССР, 1961. 207 стр. 175 000 экз. 20 коп.

Пристер Е. *Алжир в борьбе.* Пер. с нем. М. Изд. иностр. лит. 1961. 288 стр. 45 коп.

Развитие экономики стран народной демократии. Обзор за 1959 г. Под ред. Н. И. Иванова и др. М. Соцэкгиз. 1960. 306 стр. 5 000 экз. 57 коп.

Солоницкий А. *Гвинейская Республика.* М. Изд-во ИМО. 1961. 62 стр. 15 000 экз. 11 коп.

Сорок лет Монгольской народно-революционной партии. 1921—1961. М. Госполитиздат. 1961. 24 стр. 3 коп.

Тольятти П. *За демократическое обновление итальянского общества, за продвижение к социализму.*— Задачи Итальянской коммунистической партии в избирательной кампании по выборам органов местного самоуправления.— Коммунистическую партию поддерживают миллионы людей. (Пер. с итал.). М. Госполитиздат. 1960. 135 стр. 50 000 экз. 16 коп.

Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1959. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 599 стр. 2 000 экз. 3 р. 24 к.

Хохлов Н. *Бурлящее Конго.* (Очерки). М. «Известия». 1961. 151 стр. 60 000 экз. 18 коп.

Чабб М. *Здесь жила Нефертити.* Пер. с англ. Предисл. И. С. Кацнельсон. М. Изд. вост. лит. 1961. 143 стр. 30 000 экз. 35 коп. Автор рассказывает об археологических раскопках в древнем египетском городе Ахетатоне, где ранее было найдено замечательное произведение искусства — скульптурный портрет жены фараона царицы Нефертити.

Че Гевара Э. *Партизанская война.* Пер. с испан. М. Изд. иностр. лит. 1961. 136 стр. 26 коп.

Чжоу Энь-лай. *Политический доклад на втором пленуме Всекитайского комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая.* 30 янв. 1956 г.— К вопросу о роли интеллигенции. Доклад на Совещании в ЦК КПК. 14 янв. 1956 г. (Пер. с китайск.). М. Госполитиздат. 1960. 78 стр. 50 000 экз. 10 коп.

Шангин И. С. *Классовая борьба в странах капитала.* Л. Лениздат. 1961. 58 стр. 30 000 экз. 4 коп.

Шедивый Я. и Коржалкова К. *Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг.* М. Соцэкгиз. 1960. 171 стр. 10 000 экз. 20 коп.

Штаерман Е. М. *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи.* Италия и Западные провинции. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1961. 320 стр. 3 000 экз. 1 р. 26 к.

Щедров И. М. *Ханой.* М. Географгиз. 1961. 78 стр. 15 000 экз. 12 коп. Очерк о столице Демократической Республики Вьетнам — о географическом положении, истории, архитектуре, достопримечательностях города, о культуре и быте его жителей.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС» № 2. 1961. Статья В. И. Ленина «Капиталисты и вооружение»; В. Либкнехт. Доклад о рабочем движении в Германии; А. И. Ермолаев. О переходе стран социализма к высшей фазе коммунистического общества; В. П. Мжаванадзе. Некоторые вопросы идеологической работы Компартии Грузии; Э. В. Тадевосян. В. И. Ленин о государственной федерации (Дооктябрьский период); М. А. Зотов. Из истории борьбы В. И. Ленина за партию после II съезда РСДРП (Август 1903 г.— август 1904 г.); Стефан Дёрнберг. Основание СЕПГ—крупнейшее событие в истории германского рабочего движения; Л. М. Спирин. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны; И. М. Дажина. О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны.

«История СССР» № 2. 1961. Создадим историю народного партизанского движения 1941—1945 гг.; А. Г. Рашин. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917—1958 гг. (историко-статистический очерк); З. А. Богатырь. Рейд партизан на Правобережье Днепра; П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX века; Н. И. Павленко. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в.; Г. Н. Моисеева. Об идеологии «нестяжателей»; Е. А. Луцкий. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки; Э. В. Клопов. Первый день деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров; Г. С. Жуйков. Новые материалы о работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»; А. М. Гак. Участие В. И. Ленина в подготовке географического атласа; М. Е. Раковский. Крах австро-германской оккупации на юге Украины в 1918 г.; Д. С. Завриев. С. М. Киров на посту советского полпреда в меньшевистской Грузии; В. С. Панченко. Рабочее движение на Дону в 1910—1914 гг.; Б. С. Итенберг. Парижская коммуна и русские революционеры 70-х годов XIX в. (К 90-летию провозглашения Парижской коммуны); В. Е. Шутой. О письмах населения Украины русскому правительству в связи с изменой Мазепы (1708 г.).

«Новая и новейшая история» № 2. 1961. Д. К. Пайетта. Итальянские коммунисты в борьбе за демократию и социализм; А. А. Янин. Из истории кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии; В. П. Волгин. Место бабувизма в истории социальных идей; Л. И. Зубок. Идеология и тактика союза «Индустриальные рабочие мира» (1908—1918 гг.); А. З. Манфред. Историческое значение и традиции Парижской коммуны; И. А. Бах. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в дни Парижской коммуны; Г. П. Новикова. Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской коммуны; Я. И. Дразнинас. К истории Красной афиши и восстания 22 января 1871 года в Париже; А. Я. Манусевич. Ленинская «Искра» и польская социалистическая печать; М. М. Суслова. К вопросу о влиянии ленинских идей на представителей революционного крыла Сербской социал-демократии.

«Военно-исторический журнал» № 3. 1961. В. Курасов. Вопросы советской военной науки в произведениях В. И. Ленина; К. Ворошилов. Из истории подавления кронштадтского мятежа; Г. Пшеняник. Борьба с авиацией противника в летне-осенней кампании 1941 года; Т. Ерофеев. Противовоздушная оборона Берлина в период второй мировой войны; И. Ростунов. Вооруженная борьба парижских коммунаров.

«Вестник Московского университета». Серия IX. История. № 2. 1961. В. И. Мавроди. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по восстановлению тяжелой промышленности Донбасса (1943—1945 гг.); Н. И. Немаков. К вопросу о землепользовании бывших помещиков в первое десятилетие Советской власти; З. В. Ждановская. Протоколы партийных съездов как источники истории партии (1903—1905 гг.); И. Д. Очак. Сербский революционер Андра Банкович в России и Польше в 1885—1886 гг.; М. Т. Белявский. Просветители на конкурсе о собственности крестьян в России (1766—1768 гг.).

«Средние века». Вып. XIX. 1961. Л. И. Гольман. Фридрих Энгельс — исследователь истории древних ирландцев; А. Р. Корсунский. О развитии феодальных отношений в готской Испании. (Зарождение бенефициальной системы); М. А. Барг. Эволюция вотчинной структуры Средней Англии между 1086 и 1279 гг.; В. Л. Романова. Некоторые вопросы организации производства рукописной книги во Франции XIII—XV вв.; А. Н. Чистозвонов. Аграрные отношения в Северной Голландии по материалам описей 1494 и 1514 гг.; Э. Э. Литаврина. Мемориал испанского экономиста Луиса Ортиса и зарождение идей протекционизма в Испании XVI в.; К. Альзон. Французские Генеральные штаты 1614—1615 гг. и их значение; А. А. Сванидзе. Налоговые описи Колчестера как источник по истории английского средневекового города; Н. А. Бортник. Социальный облик средневекового Рима (по данным переписи римского населения 1527 г.); И. В. Чуркина. Некоторые черты экономического развития словенских земель в XVI веке.

«Проблемы востоковедения» № 1. 1961. Дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения о национально-колониальном вопросе; Р. А. Ульяновский. Аграрные реформы в странах Ближнего и Среднего Востока, Индии и Юго-Восточной Азии; Э. П. Стужина. О характере цеховой организации в Китае в XVII — первой половине XIX в.; С. П. Толстов. Датиро-

ванные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки»; Ю. Н. Андреев. Нефтяная политика Иракской Республики; М. М. Коган. Империалистические интересы в Конго; М. Н. Пак. Описание корейских племен начала нашей эры. (По «Сань-го чжи».)

«Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР». XXXV. 1960. Л. А. Пушкарева, М. Н. Шмелева. Изучение культуры и быта в колхозах Костромской области; В. А. Александров. Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII — первой четверти XVIII века; В. К. Гарданов. О «кормилице» и «кормиличице» краткой редакции Русской Правды; М. В. Райт. Полевые исследования в Эфиопии.

«Материалы и исследования по археологии СССР АН СССР». № 76. Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. 1960. Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.; Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э.

«Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе». Том XXXVI. 1961. К. Ф. Шалина. Роль 25-тысячников в социалистическом переустройстве сельского хозяйства; П. Я. Шалдыбин. КПСС — организатор подготовки кадров производственно-технической интеллигенции в годы первой пятилетки; М. М. Меримкина. Роль «Правды» в организации и развитии социалистического соревнования в первый период Великой Отечественной войны; Н. И. Селиванова. Партийная работа в период обороны Севастополя (1941—1942 гг.) и роль печати в ее организации; Г. Н. Пеньков. Из опыта работы партийных организаций по укреплению и воспитанию кадров колхозных руководителей среднего звена в 1950—1955 гг. (По материалам Крымской, Запорожской и Одесской областей); Б. Д. Спиртус. Разоблачение Коммунистической партией реакционной сущности механистической концепции А. А. Богданова и идеологии «пролеткультовцев».

«Сборник докладов научной конференции и статей, посвященных 90-летию со дня рождения В. И. Ленина». Читинский государственный педагогический институт. 1960. Б. Н. Бабин. В. И. Ленин и некоторые вопросы политики Коммунистической партии; Б. М. Шерешевский. К вопросу о роли В. И. Ленина как историка КПСС; В. С. Овчинников. Обоснование В. И. Лениным идеи революционного союза рабочих и крестьян как главной общественной силы в свержении власти царя, помещиков и капиталистов в 90-х годах XIX века; Е. А. Сюткина. В. И. Ленин об историческом подходе к проблеме защиты отечества; Я. И. Дразнинас. Из истории борьбы В. И. Ленина за создание Коммунистического Интернационала; О. Л. Гекker. В. И. Ленин о некоторых вопросах парламентской тактики коммунистических партий.

«90 лет со дня рождения В. И. Ленина». (Доклады научных работников Казанского государственного университета, сделанные на юбилейной сессии в Ленинграде в апреле 1960 г.): 1961. М. И. Абдрахманов. Начало революционной деятельности В. И. Ленина в Казанском университете; Ш. М. Еналеев. Осуществление ленинской национальной политики в Татарии; В. Ф. Семенов, А. П. Харитонов. От революционного демократизма к марксизму (Из истории общественно-экономических идей в Казанском университете в 60—80 гг. XIX века); В. М. Горшенев. В. И. Ленин о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление; Ш. Ш. Хафизов. В. И. Ленин и вопросы национально-государственного строительства; Б. К. Лебедев. Ленинское учение об общественных противоречиях и некоторые вопросы развернутого коммунистического строительства в СССР; И. И. Бойков. В. И. Ленин о соотношении объективных условий и субъективного фактора в истории; Г. Ф. Шамов. В. И. Ленин и национально-освободительная борьба народов колоний и зависимых стран; А. С. Шофман. В. И. Ленин и некоторые вопросы национально-освободительного движения балканских народов.

«Сборник статей кафедр общественных наук Свердловского государственного педагогического института». Вопросы истории КПСС и философии. 1960. Н. С. Меерович. Из истории борьбы Коммунистической партии за привлечение учительства на сторону Советской власти (ноябрь 1917 г.—февраль 1918 г.); Д. П. Горбунова. Руководство партийных организаций Свердловской области деятельностью клубных учреждений в годы второй пятилетки; В. С. Барулина. Борьба партийных организаций Свердловской области за повышение роли сельских культурно-просветительных учреждений в решении хозяйственно-политических задач (1953—1958 гг.); Л. А. Куимова. К вопросу о коммунистическом воспитании рабочего класса (из опыта работы Свердловской областной партийной организации по коммунистическому воспитанию рабочих области в послевоенный период 1946—1958 гг.).

«Труды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина». Материалы научной конференции к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Том IV. 1960. И. П. Кондаков. Пропаганда марксизма-ленинизма — важнейшая задача Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; И. Ю. Багрова. Пропаганда марксизма-ленинизма в справочно-библиографической и выставочной работе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; Г. Г. Тимошенко. Пропаганда произведений В. И. Ленина в рекомендательных библиографических и методических пособиях, издаваемых Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина; В. А. Василевская. Отражение произведений В. И. Ленина в каталогах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина;

М. М. Клевенский. Произведения В. И. Ленина в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; Б. И. Козловский. Редкие и особо ценные издания произведений В. И. Ленина, хранящиеся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

«Труды Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина». Новая серия. Вып. 169. Исторические науки. Книга 34. Материалы из истории Средней Азии и Узбекистана. П. А. Ковалев. Июльские события 1914 г. в Туркестане; Л. Н. Кравец. Из истории рабочего движения в Туркестане в годы реакции 1907—1910 гг.; А. М. Ташмухамедов. О первых сельскохозяйственных коммунах и артелях в Узбекистане (1918 г.); Х. А. Ерзин. Оборона советского поселения Керки в Бухарском ханстве в 1918 г.; А. М. Матвеев. Из истории иностранных интернационалистов в Средней Азии (1918—1920 гг.); М. Х. Назаров. Ленинский декрет от 10 мая 1920 г. в Туркестане; Л. В. Гентшке. Культурно-просветительная работа профсоюзов в кишлаках Узбекистана в 1925 г.; М. М. Бабаджанова. Борьба за ликвидацию неграмотности в кишлаках Узбекистана (1925—1926 гг.); А. Нуритов. Возникновение и деятельность политотдельской печати в Узбекистане (1933—1934 гг.).

«Труды кафедры истории КПСС Московского государственного заочного педагогического института». 1960. Г. А. Нагапетян. В. И. Ленин и первая московская марксистская организация «Рабочий союз» (1893—1895); В. С. Тотров. Борьба В. И. Ленина за укрепление партии в период между II и III съездами РСДРП; Г. В. Стороженко. Борьба партии большевиков за крестьянство в 1917 г. (на материалах центрально-промышленного района); М. И. Ремнев. Деятельность рабочих продовольственных отрядов и дружин на Украине в 1921 г.; Я. В. Дубровский. Из опыта работы партийных организаций Москвы по осуществлению закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

«Труды Среднеазиатского политехнического института». Вып. 16. Новая серия. Труды кафедры истории КПСС. 1960. (Посвящается 90-летию со дня рождения В. И. Ленина). А. А. Артыков. В. И. Ленин — великий корифей передовой науки; И. Мавлани. Распространение идей Ленина в Туркестане; В. С. Тен. В. И. Ленин на Циммервальдской конференции; С. Карабаев. Осуществление в Узбекистане идей В. И. Ленина о преимущественном развитии тяжелой промышленности (по материалам первой и второй пятилеток); Р. Аминова. Осуществление ленинских идей о коммунистических субботниках партийной организацией Туркестана; С. И. Ахмедов, С. Х. Насырходжаев. Осуществление ленинских идей о развитии крупного социалистического сельского хозяйства (по материалам Узбекской ССР); А. Закиров. Ленинский кооперативный план и его осуществление в Узбекистане; У. Т. Тохтаханов. Развитие народного хозяйства Хорезма — торжество ленинской национальной политики; Д. Рудзянский. О работе профсоюзов Узбекистана и Киргизии по претворению в жизнь ленинских идей об интернациональном воспитании трудящихся (1928—1932 гг.).

«Труды Красноярского сельскохозяйственного института». Том IV. 1960. В. Аношин. Развитие промышленности в Красноярском крае в послевоенный период (1945—1957 гг.); Е. Елисеева. Борьба КПСС за крутой подъем колхозного производства (1953—1959 гг.); К. Брылев. Из истории первых революционных выступлений рабочих Красноярска.

«Труды Орехово-Зуевского педагогического института». Вопросы теории и истории педагогики. 1960. А. В. Ососков. Из истории борьбы за всеобщее обучение в дореволюционной России.

«Ученые записки Шуйского государственного педагогического института». Вып. IX. 1960. А. Г. Титов. Мероприятия Коммунистической партии по совершенствованию организационной структуры и методов работы партийных организаций в 1935—1937 гг.; И. А. Шмелева. Борьба против зубатовщины в Москве по воспоминаниям рабочих; А. Я. Киперман. К вопросу об общественном подъеме в России в связи с Балканскими событиями 1875—1878 гг.; В. Ф. Грачев. Ближневосточная политика Франции в период буржуазной революции конца XVIII века, Консульства и Империи; Б. Б. Кросс. Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 года.

«Ученые записки Каршинского государственного педагогического института». Вып. V. 1961. С. М. Захаров. Политическое и экономическое значение земельно-водной реформы 1925—1929 годов в Узбекистане.

Хроника научной жизни

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДРАМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ВУЗОВ

В конце 1960 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова состоялось Всероссийское совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений, организованное Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР. В его работе принял участие кандидат в члены Президиума ЦК КПСС П. Н. Поспелов.

Во время пленарных заседаний и работы секций по истории КПСС, политической экономии и диалектическому и историческому материализму было заслушано более 150 докладов и сообщений.

Совещание открыл министр высшего и среднего специального образования РСФСР В. Н. Столетов. С докладом «О работе кафедр общественных наук вузов по выполнению Закона об укреплении связи школы с жизнью и Постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» выступил заведующий отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмин.

На пленарных заседаниях выступили председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Г. А. Жуков, заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по союзным республикам Д. М. Кукин, заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР С. И. Никишов, профессор М. Н. Руткевич (Уральский государственный университет), ректор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР А. Д. Александров, секретарь правления Союза писателей СССР В. П. Друзин, профессор М. Н. Алексеев (Московский государственный университет), профессор В. М. Кадачигов (Ленинградский политехнический институт), секретарь правления Союза композиторов СССР профессор Д. Б. Кабалевский, зав. отделом науки и школ Воронежского обкома КПСС Г. А. Алешина, директор Московского энергетического института профессор М. Г. Чиликин, член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук и др.

Выступавшие показали, что кафедры общественных наук вузов, выполняя решения Коммунистической партии и Советского правительства, проделали большую работу, накопили некоторый положительный опыт по воспитанию студенчества.

В то же время они отметили, что в период развернутого строительства коммунизма необходимо поднять идейно-теоретический уровень преподавания марксистско-ленинской науки на новую, более высокую ступень, сделать его более творческим, ярким и увлекательным, вызывающим у студенчества живой интерес и горячую любовь к марксистско-ленинской теории, умение применять теоретические знания на практике. Преподаватели вузов должны формировать убежденных и страстных борцов за священные идеалы коммунизма, добиваться того, чтобы марксистско-ленинское мировоззрение и глубокое понимание политики Коммунистической партии стало внутренним убеждением студенческой молодежи. Для успешного решения такой задачи они должны уметь органически связать дело обучения, образования и воспитания студенческой молодежи с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Выступавшие говорили также о необходимости дальнейшего развертывания на кафедрах общественных наук научно-исследовательской работы.

На совещании отмечалось, что за последние пять лет кафедры общественных наук достигли в этом некоторых успехов. Издано, например, 10 курсов лекций и учебных пособий, 146 монографий, 490 различных сборников статей и т. д. Однако в некоторых из вышедших в свет трудах еще недостаточно глубоко и всесторонне разрабатываются важнейшие проблемы современности.

Есть недостатки и в ныне действующих учебных программах по общественным наукам, в них допускаются параллелизм и дублирование материала.

В первый день работы секции истории КПСС[1] преподаватели заслушали девять

[1] В настоящей информации не освещается работа секций по политической экономии и диалектическому и историческому материализму.

научных сообщений о деятельности КПСС по созданию материально-технической базы коммунизма. Профессор С. М. Петров (Высшая партийная школа при ЦК КПСС) рассказал о возрастающей роли КПСС в период развернутого строительства коммунизма. Профессор А. В. Шапкарин (Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ) говорил о роли КПСС в борьбе за совершенствование политической организации советского общества в период развернутого строительства коммунизма. Организующую роль Коммунистической партии в создании материально-технической базы коммунизма осветили в своих сообщениях профессор С. И. Мурашов (Московский энергетический институт), доценты Ф. П. Быстрых (Уральский государственный университет) и Н. В. Телегин (Ленинградский политехнический институт). Доцент И. И. Ерканов (Куйбышевский авиационный институт) посвятил свое выступление деятельности КПСС по дальнейшему развертыванию соревнования ударников, бригад и коллективов коммунистического труда. Профессор В. П. Фадеев (Горьковский государственный университет) выступил с сообщением на тему «Комиссии партийного контроля на промышленных предприятиях и их роль в борьбе за дальнейший подъем социалистической промышленности». Он, в частности, отметил, что только парторганизации Москвы, а также Ленинградской, Горьковской, Свердловской и Челябинской областей выдвинули в комиссии партийного контроля около 75 тыс. коммунистов. Доцент А. К. Азизян (редакция газеты «Правда») выступил с сообщением о дальнейшем развитии социалистических наций и народностей СССР и укреплении их дружбы в период развернутого строительства коммунизма. Профессор П. В. Семернин (Ростовский государственный университет) осветил деятельность КПСС по обеспечению дальнейшего подъема социалистического сельского хозяйства, показал рост и укрепление колхозных партийных организаций.

Во второй день работы секции истории КПСС было заслушано десять сообщений по теме «Идеологическая работа КПСС в период развернутого строительства коммунизма». А. Л. Угрюмов (Московский педагогический институт иностранных языков) отметил огромное значение для правильного, марксистско-ленинского понимания современной эпохи решений XX и XXI съездов КПСС, совещаний коммунистических и рабочих партий. Секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. А. Покровский посвятил свое выступление борьбе партийных организаций области за выполнение Постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Доцент С. В. Александров (Всесоюзный заочный электротехнический институт связи) выступил с сообщением «Возрастание значения идеологической работы — объективная закономерность строительства коммунизма». Доцент Н. П. Киреев (Московский педагогический институт имени В. И. Ленина) и секретарь парткома Куйбышевского подшипникового завода Н. М. Крутых рассказали о деятельности партийных организаций предприятий по коммунистическому воспитанию рабочих на основе развертывания соревнования за звание бригад и коллективов коммунистического труда. Доцент А. С. Дубинин (Московский институт стали) в своем сообщении говорил о деятельности КПСС по воспитанию трудящихся масс в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Доцент С. В. Первова (2-й Московский медицинский институт) осветила атеистическое воспитание масс как важнейшую часть идеологической работы партии. Доцент В. К. Скатерщиков (Московская консерватория имени П. И. Чайковского) показал значение борьбы КПСС за новый подъем советской литературы и искусства. Профессор Д. И. Ковалевский (Московский государственный университет) и доцент В. Б. Островский (Саратовский университет) в своих сообщениях остановились на некоторых вопросах развития советской исторической науки, в том числе на необходимости активизации разработки истории местных партийных организаций.

В третий день работы секции были заслушаны и обсуждены сообщения по вопросам учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы кафедр. По этим вопросам выступили профессор А. В. Федоров (Ленинградский государственный университет), кандидат исторических наук Г. А. Титова (Иркутский сельскохозяйственный институт), доценты В. В. Ревенко (Московский институт инженеров железнодорожного транспорта), А. В. Лосев (Воронежский университет), доценты И. Ф. Болотеин (Ленинградский электротехнический институт), З. Ф. Дубровина (Сталинградский медицинский институт), Р. О. Карапетян (Московский институт нефтехимической и газовой промышленности), про-

фессор Н. С. Шевцов (Московский государственный университет), доценты П. Е. Емельянов (Московский институт химического машиностроения), Н. Н. Маслов (Ленинградский библиотечный институт), Н. С. Давыдова (Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности), М. А. Борисов (Московский институт тонкой химической технологии).

Выступивший на секции заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС» С. С. Култышев отметил, что за последние годы по историко-партийной тематике издано свыше 3,5 тыс. книг и статей. Он сказал, что главное теперь состоит в повышении качества выпускаемой научной продукции, в организации коллективной разработки наиболее важных проблем, в марксистско-ленинском обобщении богатейшего опыта истории КПСС и мирового коммунистического движения.

На протяжении всей работы секции выступавшие уделяли огромное внимание дальнейшему повышению квалификации преподавателей истории КПСС. Они привели яркие примеры большой заботы Коммунистической партии и Советского правительства о подготовке кадров для высшей школы. Ежегодно в институтах повышения квалификации преподавателей общественных наук в Москве и Киеве проходят курс учебы более 700 преподавателей. Существенную помощь в повышении квалификации преподаватели общественных наук получают на совещаниях по обмену опытом, теоретических конференциях. Но жизнь требует дальнейшего усиления внимания к повышению квалификации преподавателей общественных наук, особенно в деле подготовки докторов наук.

Председательствовавший на секции профессор Н. И. Шатагин (заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) подчеркнул, что глубокое научное обобщение и пропаганда истории КПСС являются одной из важнейших задач идеологической работы в период развернутого строительства коммунизма. Надо не только уметь писать популярные брошюры и статьи, читать интересные по форме и глубокие по содержанию лекции, сказал выступавший, но и активно, целеустремленно вести научно-исследовательскую работу, создавать капитальные научные труды, особенно по послеоктябрьскому и послевоенному периодам деятельности советского народа, направляемого КПСС. При этом надо по-ленински, по-партийному анализировать источники, которые берутся в основу исследования. Уделять больше внимания разработке историографии, не допуская при этом замалчивания конкретных ошибок и недостатков, которые имели место в некоторых ранее опубликованных работах.

Коллегия Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР обсудила вопрос об итогах проведения первого Всероссийского совещания заведующих кафедрами общественных наук вузов, а также рассмотрела и одобрила рекомендации и предложения, принятые на заседаниях секций. Одобрены также предложения секций о подготовке и издании в 1961 г. ряда актуальных научных работ на темы, связанные с практикой коммунистического строительства.

Г. А. Чигринов

ПЕРВАЯ «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА»

В январе 1961 г. состоялось расширенное заседание Комиссии по истории исторической науки Института истории АН СССР, которое положило начало «историографическим средам» (предполагалось проводить их в первую среду каждого месяца). Темой обсуждения первой «историографической среды» был вопрос о предмете и методе историографии.

В своем сообщении академик М. В. Нечкина, определив историографию как историю исторической науки, отметила, что историография относится к области идеологических явлений; ее развитие имеет свои особенности, свою периодизацию. Историографический факт, сказала М. В. Нечкина,— это прежде всего труды историков, явившиеся вкладом в науку.

Исследователь советской исторической науки особое внимание должен уделять изучению ленинских работ и партийных документов, раскрывающих руководящую

роль партии в развитии нашей историографии. Важно не только рассказать о содержании трудов В. И. Ленина, но и показать, в какой обстановке они были написаны, какое значение имеют в идейной борьбе, в разработке кардинальных вопросов отечественной и всеобщей истории. Историки призваны показывать приоритет В. И. Ленина в решении коренных научных проблем, раскрывать значение ленинизма для советской исторической науки, которая развивалась в упорной и напряженной борьбе с враждебными марксизму течениями. Рассмотрение этой борьбы — необходимый элемент историографического исследования. Чтобы создать полную и ясную картину развития науки, следует также изучать материалы научных конференций, съездов и дискуссий, исследовать условия и обстановку, в которых развивалась наука. Объектом для изучения являются также труды историков-немарксистов. Рассмотрение идейной эволюции таких историков особенно необходимо при исследовании раннего периода развития советской науки. Вспомогательное значение имеет изучение деятельности архивов, музеев, библиотек и т. п.

Вторая проблема, поставленная в сообщении М. В. Нечкиной,— соотношение истории исторической науки и истории общества в целом. Для глубокого и всестороннего понимания истории науки и закономерностей ее развития следует знать историю страны. Исследователь истории исторической науки должен основательно и подробно изучить жизнь историка, условия формирования и развития его мировоззрения, его научную деятельность. Важнейшее значение, отметила М. В. Нечкина, имеет вопрос об историографической оценке. При этом едва ли правильно ограничиваться формальным сравнением работ, относящихся к раннему периоду развития советской науки, с современными историческими трудами. В результате историографические работы зачастую содержат лишь перечень ошибок и недостатков того или иного историка. Между тем к оценке труда историка надо подходить с точки зрения того, что́ нового дал историк в своей работе по сравнению с предыдущими исследователями данной проблемы. В противном случае нельзя показать, какой вклад сделал тот или иной ученый в науку. Без такого историографического подхода невозможно выявить успехи советской исторической науки за 40 с лишним лет ее развития. В заключение М. В. Нечкина подчеркнула, что изучение истории советской науки помогает вести успешную борьбу с буржуазными фальсификаторами истории.

Выступавшие в прениях отмечали научное и практическое значение поднятых в сообщении М. В. Нечкиной вопросов в связи с подготовкой и чтением в высших учебных заведениях курсов историографии (И. С. Галкин (МГУ) и научно-исследовательской работой по истории исторической науки.

Предметом историографии, сказал А. М. Сахаров (МГУ), является исследование развития исторической науки в данной стране. Задача историографа — изучать закономерности развития науки. Они связаны с развитием общества, его культуры и идеологии. С другой стороны, поскольку историческая наука как форма общественного сознания имеет относительную самостоятельность, необходимо исследовать специфические особенности и внутренние закономерности этого развития. А. М. Сахаров остановился на пяти сторонах историографического исследования, на необходимости изучения, во-первых, связи истории с современностью, выявления классовых и политических основ исторических концепций, течений и направлений, их связи с классовой борьбой; во-вторых, методологии; в-третьих, проблематики; в-четвертых, организационных форм (учреждений, системы подготовки кадров) и, в-пятых, документальной источниковедческой базы. Предметом историографии является также история вспомогательных исторических дисциплин, и в этом смысле историография — это синтез ряда наук. Р. А. Киреева (Институт истории АН СССР) поставила вопрос об активизации работы по изучению возникновения и развития историографии как науки. В работах русских буржуазных историков, сказала она, были сделаны первые попытки изучения истории исторической науки. С 1920-х годов стали появляться труды советских ученых по истории исторической науки. Однако процесс ее развития не получил еще должного освещения в нашей литературе. Особенно это относится к советской историографии.

По мнению М. А. Алпатова (Институт истории АН СССР), историографию как историю исторической науки следует изучать в тесной связи с развитием идеологии, классовой борьбы и материальной основы общества. В то же время необхо-

димо учитывать, что развитие науки определяется уровнем знаний, накопленных не только исторической наукой, но и политэкономией, философией. При изучении наследия того или иного историка недостаточно охарактеризовать только вклад, внесенный им в науку, необходимо вскрыть классовые позиции и политическое лицо этого историка. В. Е. Иллерицкий (Историко-архивный институт) напомнил присутствующим, что в советской науке не сразу выработалось представление о предмете историографии и ее задачах. Несовершенно и определение историографии, данное в «Очерках истории исторической науки» (т. I). В. Е. Иллерицкий остановился также на некоторых специальных вопросах историографического исследования (соотношение национальных и интернациональных элементов, изучение влияний, связь национальной историографии с мировой наукой, рассмотрение общих закономерностей развития исторической науки).

С. С. Дмитриев (МГУ), указав на наличие различных определений историографии, внес предложение посвятить одну из ближайших «историографических сред» вопросу о дефинициях. Подчеркнув глубоко национальный характер историографии как науки, он отметил необходимость выявления классовой сущности работ по историографии, вышедших в дореволюционное время. Говоря об историографических фактах, С. С. Дмитриев считает, что важной проблемой истории науки является вопрос о состоянии исторического образования в стране. Е. А. Луцкий (Историко-архивный институт) высказался за употребление понятия «историография» как в отношении истории исторической науки, так и разработки какой-либо проблемы. Поскольку есть ряд объектов историографического изучения, то вряд ли можно договориться о едином термине с общим содержанием. При разработке истории советской исторической науки необходимо изучать все ее направления. Задача советских историков состоит также в том, чтобы показать значение партийного руководства на различных этапах развития исторической науки. Это особенно важно потому, что буржуазные историки и политики грубо искажают и фальсифицируют роль Коммунистической партии в развитии советской науки.

Серьезная работа по историографии должна, по мнению Е. В. Гутновой (МГУ), включать вопросы развития методики изучения истории; помимо источниковедческого элемента, должны освещаться методы историографического исследования, знание которых играет важную роль в правильной оценке работы историка или даже целой школы или направления. И. С. Смирнов (Институт истории АН СССР) высказался против расширения понятия «историография». Подчеркнув громадное научное, политическое и воспитательное значение истории исторической науки, он указал на необходимость изучения работ не только историков, но и экономистов, ибо в исследовании ряда проблем они значительно опередили историков.

К. Н. Тарновский (Институт истории АН СССР) сказал, что историография и история исторической науки — это различные дисциплины, каждая из которых имеет свой предмет. История исторической науки является частью истории общественной мысли, поэтому она должна включать последнюю, но в такой мере и форме, в какой это необходимо для понимания самого процесса развития исторической науки.

По мнению С. И. Якубовской (Институт истории АН СССР), предмет истории исторической науки определен в самом названии, и особой дефиниции не требуется. Никакого различия между историографией и историей исторической науки, по ее словам, нет. Кроме того, нельзя отрывать историографию от источниковедения, так же как нельзя характеризовать историка и его выводы, не исследуя методов его работы.

В. П. Данилов (Институт истории АН СССР) возражал против попыток представлять историю исторической науки в качестве самостоятельной науки. Он определил ее как вспомогательную историческую дисциплину, основной задачей которой является всемерное содействие решению задач, стоящих перед исторической наукой на данном этапе ее развития. При решении вопроса о предмете истории исторической науки необходимо, по его мнению, выработать определенные принципы и критерии, чтобы не подменять развитие исторической науки развитием общественно-политической мысли вообще.

Е. Н. Городецкий (Институт истории АН СССР) считает, что вопрос о закономерностях развития исторической науки следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, учитывать социально-политические условия, в которых это развитие происходило, и, во-вторых, выяснять внутренние закономерности развития самой науки.

История исторической науки со времени возникновения марксизма, сказал он, это история борьбы исторического материализма с различными формами идеализма в данной области развития общественно-политической мысли. Об этом необходимо напомнить, так как в последние годы наметился разрыв между исследованием конкретной истории и разработкой вопросов исторического материализма. Е. Н. Городецкий остановился также на вопросе о связи истории с современностью, о разнообразии форм историографических работ, замечательные образцы которых дал В. И. Ленин.

С. О. Шмидт (Институт истории АН СССР) отметил, что историография тесно связана с проблемой научного наследия, ибо нельзя заниматься исследованием той или иной темы, не зная степени ее изученности, накопленного в этой области опыта, не зная достижений и ошибок своих предшественников. Не следует отделять историка от его трудов, так же как историю развития науки — от распространения в обществе исторических знаний. С. О. Шмидт поставил также вопрос о месте исторической науки в обществе, о ее большой воспитательной роли.

Интересные соображения были высказаны также в выступлениях И. С. Краснова и др.

В заключительном слове академик М. В. Нечкина призвала историков поддержать почин Комиссии по истории исторической науки и принять активное участие в «историографических средах», ибо широкое творческое обсуждение очередных вопросов будет способствовать их успешному решению.

Г. Д. Алексеева

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА

В конце 1960 г. в Перми состоялась научная конференция по истории рабочего класса Урала, организованная Пермским государственным университетом имени А. М. Горького и Институтом истории Академии наук СССР. В работе конференции приняли участие историки Свердловска, Перми, Челябинска, Кирова, Уфы, Ижевска, Ленинграда и Москвы. Было заслушано около 40 научных докладов и сообщений.

Пленарное заседание конференции было посвящено историографии рабочего класса СССР. С докладом «Историография советского рабочего класса» выступил Р. П. Дадыкин (Институт истории АН СССР). Обзор литературы по истории фабрик и заводов был сделан Л. С. Рогачевской (Институт истории АН СССР). Оба докладчика много внимания уделили анализу трудов по истории уральских рабочих и промышленных предприятий Урала.

Об освещении истории советского рабочего класса в зарубежной историографии рассказал В. И. Салов (Институт истории АН СССР). Он сосредоточил главное внимание на разоблачении буржуазных авторов, сознательно извращающих в своих сочинениях историю советского рабочего класса.

Основная работа конференции проходила на секционных заседаниях. На секции истории рабочего класса Урала периода социализма важнейшее место заняло обсуждение вопроса об источниках формирования и составе уральских рабочих. При этом отмечалось, что хотя за последнее время значительно возрос интерес исследователей к истории советского рабочего класса, проблема формирования рабочих кадров изучается все еще явно недостаточно. До сих пор нет обобщающих работ по данной теме. Остаются неизученными специфические особенности процесса формирования рабочего класса в различных районах страны. Одна из положительных сторон состоявшейся конференции заключается в том, что на ней были подведены некоторые итоги изучения формирования рабочего класса на Урале. На особенностях этого процесса в 20—30-х годах остановились в своих выступлениях В. В. Фельдман (Уральский лесотехнический институт) и В. Г. Черемных

(Пермский университет). Докладчики отметили, что для Урала вплоть до 30-х годов характерной чертой являлось наличие у значительной части рабочих «своего хозяйства» (земельного надела, молочного скота, домашней птицы и пр.). Это наносило большой вред производству, так как некоторые заводы Урала иногда приходилось останавливать на время уборки урожая. Наличие подсобных хозяйств способствовало оживлению мелкособственнической идеологии в рабочей среде, затрудняло политико-воспитательную работу.

Другой особенностью формирования рабочего класса на Урале был массовый приток рабочей силы из деревни. В. Г. Черемных показал, например, что за годы первой пятилетки здесь 60% всех пришедших на производство рабочих были выходцы из крестьян. Это оказывало существенное влияние на изменение социальной структуры рабочего класса.

Вопросы формирования рабочих кадров на Урале в годы Великой Отечественной войны осветили в своих докладах А. В. Митрофанова (Институт истории АН СССР) и Г. И. Дедов (Пермский политехнический институт). А. В. Митрофанова отметила, что на Урале в годы войны наблюдался неуклонный рост рядов рабочего класса. Если для страны в целом в 1941—1943 гг. было характерно сокращение численности рабочих и служащих, то на Урале к 1943 г. численность их в целом возросла на 36%, в том числе в промышленности — на 65%. В докладе Г. И. Дедова был проанализирован состав рабочих Кизеловского бассейна.

Об источниках пополнения рядов уральских рабочих в послевоенный период говорилось в докладах П. Д. Пачгина и В. Ф. Попова (Пермский университет).

Вопрос о формировании рабочего класса на Урале за годы Советской власти вызвал оживленное обсуждение. По этому вопросу выступили Ф. Н. Артамонов, А. Г. Наумова и А. И. Дорофеева (Пермский педагогический институт), С. А. Ларькин (Пермский областной партийный архив) и др.

Революционной борьбе уральских рабочих в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции были посвящены доклады Л. М. Гантмана (Пермский университет) и З. А. Аминева (Башкирский университет). Развитие второй угольно-металлургической базы СССР в годы Великой Отечественной войны осветил Н. П. Липатов (Институт истории АН СССР). Роль рабочих Западного Урала в подъеме сельского хозяйства после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. попытался раскрыть в своем сообщении С. М. Дедик.

С большим интересом был встречен доклад А. Н. Фадеева (Пермский университет) о движении бригад и ударников коммунистического труда в промышленности Пермской области. Докладчик, а также выступавшие Г. И. Дедов, А. В. Митрофанова, Л. С. Рогачевская показали, что перед исследователями стоят важные задачи по изучению и обобщению закономерностей развития новых форм социалистического соревнования в период развернутого строительства коммунизма.

На секции истории пролетариата Урала периода капитализма были представлены доклады и сообщения по двум основным проблемам: формирование и развитие рабочего класса на Урале и вопросы рабочего движения и классовой борьбы.

Первой проблеме посвятили свои доклады и сообщения Ф. С. Горовой, Е. М. Мильман и Я. Б. Рабинович (Пермский университет), А. А. Александров (Удмуртский пединститут), В. А. Жуков (Свердловская высшая партийная школа), Н. Д. Аленчикова и Л. П. Матвеенко (Пермский государственный областной архив), М. А. Садаков (Ижевский научно-исследовательский институт). Особенно много внимания в этих докладах было уделено вопросу о связи уральских рабочих с землей. Ф. С. Горовой подчеркнул, что формирование рабочего класса на Урале после реформы 1861 г. проходило в условиях сохранявшихся крепостнических пережитков. Вплоть до революции 1917 г. продолжали увеличиваться землевладение и землепользование горнозаводских рабочих. По мнению Ф. С. Горового, эти наделы играли важную роль в формировании пролетариата, они привязывали рабочих «к месту», служили «основой беспримерного снижения заработной платы». Увеличение земельных наделов в пореформенный период было показано Н. Д. Аленчиковой на примере рабочих частных горных заводов наследников А. В. Всеволожского.

Я. Б. Рабинович отметил, что уральские рабочие нередко владели земельными участками лишь юридически, фактически

они ими не пользовались. Этот вывод был поддержан П. И. Хитровым (Пермский университет). По его предварительным подсчетам, к 1903 г. около 60% мастеровых владели землей, а пользовались ею только около 20%. Я. Б. Рабинович высказался против встречающегося в исторической литературе отождествления уральских рабочих с крестьянами или «полукрестьянами-полуремесленниками». Причины ошибочного отнесения рабочих Урала к крестьянам и полукрестьянам, по мнению докладчика, заключаются в игнорировании некоторыми исследователями разнородности социального состава горнозаводского населения Урала.

О революционной борьбе уральского пролетариата говорилось в докладах К. Н. Сербиной (Ленинградское отделение Института истории АН СССР), В. В. Наймушина и А. А. Папыриной (Кировский пединститут), В. Е. Четина (Челябинский пединститут), П. И. Хитрова (Пермский университет). Используя значительный архивный материал, докладчики раскрыли характер и масштабы борьбы горнозаводского пролетариата в период развития капитализма и перерастания его в империалистическую стадию. В. Е. Четин в докладе «Рабочее движение в Пермской губернии в 70-х годах XIX века» показал, что за 70-е годы было отмечено 25 стачек и 42 крупных волнения. Эти данные, по мнению В. Е. Четина, вносят существенную поправку в статистические материалы о стачках и волнениях, имеющиеся в нашей литературе, и свидетельствуют о том, что уже в 70-х годах рабочие Урала в рабочем движении России занимали достойное их численности место.

На секции периода феодализма было заслушано 10 докладов по вопросам формирования рабочей силы, положения заводских людей, классовой борьбы, а также историографии горнозаводского Урала в крепостную эпоху. С докладами выступили Н. И. Павленко, А. А. Преображенский и А. П. Бажов (Институт истории АН СССР), В. Я. Кривоногов и П. А. Вагина (Уральский университет), А. Г. Козлов (Госархив Свердловской области), Б. Г. Плющевский и Ю. А. Герасимов (Удмуртский пединститут), С. М. Томсинский (Пермский университет) и С. И. Сметанин (Ижевский механический институт). Оживленную дискуссию на секции вызвал вопрос о степени распространения и месте наемного труда в горнозаводской промышленности Урала XVIII в., наиболее остро поставленный в докладах Н. И. Павленко и В. Я. Кривоногова. По мнению Н. И. Павленко, вольнонаемный труд в XVIII в. среди ведущих профессий металлургической промышленности Урала не получил сколько-нибудь широкого распространения. Возражая Н. И. Павленко, В. Я. Кривоногов обратил внимание на то, что при определении характера труда на уральских мануфактурах следует брать в расчет все специальности, а не только ведущие. Не было единства мнений и в вопросе о том, каким критерием следует пользоваться при определении ведущих и вспомогательных профессий в горнометаллургической промышленности.

К. С. Маханек (Пермский университет) считает, что при суждении о характере мануфактур Строгановых в первой половине XIX в. недостаточно иметь в виду только один признак — вольный наем. По его мнению, строгановские мануфактуры ни по форме владения, ни по юридическому положению работников, ни по методам эксплуатации рабочей силы нельзя признать капиталистическими; они имели сложный характер с переплетением различных форм внеэкономического принуждения и элементов капиталистической эксплуатации.

А. П. Бажова отметила, что проблема генезиса капитализма изучается В. Я. Кривоноговым преимущественно на материалах вятских заводов, где вольнонаемный труд был распространен, по-видимому, в большей мере, чем на заводах Центрального Урала. Поэтому требуется более полное выявление, в какой степени применялся вольный наем на Урале в целом.

П. А. Вагина указала на резкое падение вольнонаемного труда на заводах Южного Урала в результате разгрома народного восстания под руководством Е. И. Пугачева.

По докладу А. Г. Козлова были сделаны замечания Н. И. Павленко и А. П. Бажовой. Они возражали против попыток докладчика пересмотреть взгляды на государственных крестьян, считая, что этот вопрос уже получил решение в работах академика Н. М. Дружинина. Выдвинутое А. Г. Козловым мнение о неправомерности разделения рабочих горных мануфактур на основных и вспомогательных было поддержано В. Я. Кривоноговым и П. А. Вагиной и встретило возражения Н. И. Павленко.

Научная конференция показала, что уральские историки совместно с историка-

ми Москвы и Ленинграда ведут большую работу в области исследования истории рабочего класса Урала. Доклады, заслушанные и обсужденные на конференции, представляют собой определенный вклад в изучение этой проблемы.

Однако в ходе работы конференции выяснилось, что исследователи еще недостаточно изучают некоторые важные вопросы. Слабее других ведется разработка темы о положении рабочего класса, о комплектовании рабочей силы в различные периоды истории нашей страны. Вполне справедливо было обращено внимание на необходимость расширения и углубления источниковедческой базы исследований, оживления краеведческой работы.

На заключительном заседании были приняты рекомендации о необходимости регулярного созыва такого рода конференций, о целесообразности организации при Уральском филиале АН СССР сектора по истории Урала, о написании очерков по истории Урала.

Научная конференция в Перми показала, что на местах, в частности на Урале, имеются значительные силы историков, способные активно участвовать в решении тех больших и ответственных задач, которые стоят перед исторической наукой в условиях развернутого строительства коммунизма.

К. К. Демиховский,
И. С. Капцугович,
Л. С. Рогачевская

Хроникальные заметки

◆ В Томске, в доме (ул. Гоголя, 52), где 60 лет назад находилась конспиративная квартира Томского комитета РСДРП, обнаружены четыре номера ленинской «Искры», относящиеся к периоду сентября — декабря 1901 года. В них помещены известные статьи В. И. Ленина. Восьмой номер открывается ленинской статьей «Крепостники за работой», в девятом опубликована статья «Борьба с голодающими», в десятом — «Каторжные правила и каторжный приговор», в тринадцатом — «Начало демонстраций». Найденные экземпляры «Искры» переданы в областной краеведческий музей.

◆ На Московском автозаводе имени И. А. Лихачева ведет работу комиссия парткома по созданию истории этого предприятия за период с 1916 по 1960 год. Комиссии предстоит собрать и обобщить все, что относится к зарождению и почти полувековому существованию завода. Первые материалы поступили еще в 1932 г., но работа эта была прервана. Комиссия обратилась за помощью в Институт истории Академии наук СССР. Планы, составленные при консультации ученых, были обсуждены на собраниях в цехах. В сборе материалов и написании книги принимает участие огромный авторский коллектив — около 500 автозаводцев. Они приносят свои воспоминания, хранящиеся у них редкие документы и фотографии. Сбор материалов в основном закончен; к концу года должен быть готов первый вариант рукописи «История автозавода имени И. А. Лихачева», которая займет два объемистых, богато иллюстрированных тома.

◆ В последнее время стало известно, что на баррикадах Парижской коммуны 1871 г. сражались представители грузинского народа. В фондах Института рукописей Академии наук Грузинской ССР хранится письмо, присланное на имя Сергея Месхи из Женевы. Корреспондент газеты «Дроеба» Виссарион Джапаридзе пишет, что в Швейцарии он встретился с участником Коммуны, комиссаром батальона, который сообщил, что под его «руководством служил один грузин по фамилии Багратиони. Он был смелым и отважным воином и пал смертью храбрых на баррикадах, когда версальцы взяли Париж». Как выяснилось, упомянутый в корреспонденции Александр Багратиони — сын генерала русской армии Константина Багратиони. Он родился в Тбилиси, а потом поехал в Париж учиться. В Париже он познакомился с коммунарами, воспринял их идеи и принял активное участие в борьбе за победу дела Коммуны. А. Багратиони дружил с военным руководителем восставших парижан Ярославом Домбровским. По архивным материалам, принадлежавшим И. Мачабели, видно, что, кроме А. Багратиони, в рядах парижских коммунаров боролся еще один грузин, Павленишвили, посвятивший свою жизнь делу пролетариата. К сожалению, других сведений об этом участнике Парижской коммуны нет.

◆ В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде найдены новые материалы, рассказывающие о преследовании царской цензурой большевистских газет и журналов. Интересны документы об издании в Киеве легальной большевистской газеты «Работник». Всего лишь два номера ее увидели свет — за 8 (21) и 9 (22) июня 1906 года. Но охранка конфисковала их. За революционную пропаганду, направленную к ниспровержению

самодержавия, на газету был наложен арест, а против редактора возбуждено уголовное преследование. Опасаясь, как бы этот номер не попал в другие районы страны, Главное управление по делам печати разослало всем губернаторам циркуляр с извещением, что Киевская судебная палата утвердила арест, наложенный на «Работника». Это означало, что цензурные и полицейские органы в случае обнаружения газеты должны были немедленно ее конфисковать. Стремясь пресечь революционную пропаганду, киевский генерал-губернатор решил ликвидировать большевистскую газету. 9 июня 1906 г. он писал министру внутренних дел: «Имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что на основании п. 14 ст. 19 Правил о местностях, объявленных на военном положении, мною, одновременно с сим, сделано постановление о приостановлении издания выходящей в г. Киеве газеты «Работник» на все время действия в названном городе военного положения, ввиду вредного направления упомянутой газеты».

◆ Много ценных исторических документов поступило в архив Мурманского обкома партии. Интересные воспоминания прислал старый большевик пенсионер А. С. Голованов, бывший революционный моряк траулера «Пахтусов». В них рассказывается о борьбе революционных моряков на Мурмане. Главный капитан Мурманского рыбного порта А. С. Нохрин передал архиву документы о деятельности центрального комитета мурманских военных моряков. М. Я. Хенто, бывшая связная финского партизанского отряда, действовавшего в районе Ура-губы, сообщила работникам архива малоизвестные данные о борьбе финских партизан с иностранными интервентами.

◆ Государственный архив Тульской области — один из крупнейших периферийных архивов нашей страны. Здесь хранится около полутора миллионов дел, отражающих историю Тульского края с XVII в. до наших дней. Архив проводит большую работу по выявлению и опубликованию исторических документов. Подготовлен и сдан в печать сборник документов и материалов «Упрочение Советской власти в Тульской губернии в 1918 году». Научные сотрудники архива составляют путеводитель по архиву, который окажет ценную помощь научно-исследовательским и хозяйственным организациям, а также отдельным исследователям в научном и практическом использовании документальных материалов. В текущем году будут также подготавливаться документы и материалы для общесоюзных сборников документов по истории индустриализации и коллективизации в Советском Союзе. Совместно с Институтом усовершенствования учителей и кафедрой истории СССР Тульского педагогического института архив будет работать над составлением хрестоматии по истории Тульского края для учителей-историков и учащихся старших классов.

◆ Около ста лет назад в Салдусском районе Латвии был найден клад, содержавший более тысячи железных предметов: топоров, мотыг, молотков, наковален. Эти изделия, относящиеся к V в., хранятся теперь в Музее истории Латвийской ССР. На месте раскопок в далеком прошлом находилась кузница. Установлено, что в этой местности обитало племя земгалов. Давней находкой заинтересовался преподаватель Рижского политехнического института А. К. Антейн. Спектральный анализ железных предметов показал, что древние латыши извлекали руду из болот. На территории Латвии зарегистрировано 80 таких месторождений. Металлографическое, структурное и другие исследования инвентаря из найденного клада позволили ученому воспроизвести кузнечную технологию того времени. По его мнению, земгалы и курши более полутора тысяч лет назад умели превращать болотную руду в железо, ковать и сваривать его, производить цементацию, закалку и отпуск. Железо выплавляли в сыродутной печи, где топливом служил древесный уголь. В этой же печи получали и сырцовую сталь. Изучая археологические материалы более позднего периода, А. К. Антейн доказал, что в XI—XIV вв. на территории Латвии были известны секреты производства дамасской стали, из которой делали наконечники копий необычайной упругости и прочности. А. К. Антейн готовит фундаментальный труд по истории черной металлургии Латвии.

◆ В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде найден новый документ о ранних связях России с киргизами, относящийся к 1813 году. В фонде Комитета министров обнаружен журнал заседаний по обсуждению представления начальника Сибирской линии генерал-лейтенанта Глазенапа министру финансов об отправке каравана русских купцов в 1813 г. в Китай. Глазенап послал письма старшинам племен, кочевавших по пути следования каравана, с просьбой содействовать купцам. Он сообщал сведения о киргизах, которые занимались торговлей и больше всего хлебопашеством на своих обильных землях между Алатау и Зауки. Почетные бии (правители) Ширайли и Ниязык «обязались сопровождать купеческие караваны на свою ответственность и пошлины не брать». К начальнику Сибирской линии были присланы депутаты — сыновья биев, «которые изустно изъявили желание производить с нами (русскими) торговлю и готовность помогать в проводе караванов в Китай». Депутаты были награждены чинами капитанов, саблями, золотой медалью на алой ленте и бриллиантовым перстнем. Далее Глазенап пишет, что «от утверждения дружбы с сими киргизцами торговля на Сибирской линии придет в цветущее состояние, почерпая богатство из источников Индии, Кашмира и других соседних областей».

Обзоры и рецензии

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ФРАНЦУЗСКИМИ РЕФОРМИСТАМИ

Эпоха перехода от капитализма к социализму, начавшаяся с победой Великой Октябрьской социалистической революции, является эпохой торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. Отличительной чертой современности является стремительный рост могущества и международного влияния мировой социалистической системы, дальнейший упадок и разложение мировой капиталистической системы. Чем большие успехи одерживают коммунисты, тем яростнее становятся атаки буржуазных идеологов против марксизма-ленинизма, олицетворяющего собой социально-экономический, политический и культурный прогресс.

Антикоммунизм — это идейное знамя не только буржуазии, но и правых лидеров социал-демократий, являющихся проводниками буржуазного влияния на рабочий класс. «Некоторые правые социал-демократические лидеры,— говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— открыто перешли на позиции империализма, защищают капиталистическую систему, раскалывают рабочий класс. Из-за вражды к коммунизму и страха перед растущим влиянием социализма на мировой арене они капитулируют перед реакционными, консервативными силами. В ряде стран правое руководство добилось принятия социал-демократическими партиями программ, в которых оно открыто отреклось от марксизма, классовой борьбы, от традиционных социалистических лозунгов. Тем самым оно оказало новую услугу буржуазии» [1].

Стремясь оправдать свою деятельность перед трудящимися массами и привлечь их на свою сторону, правосоциалистические лидеры пытаются извратить марксистско-ленинское учение. Особенно яростным нападкам подвергается марксистско-ленинская теория пролетарской революции, в первую очередь вопрос о ее исторической неизбежности.

Наибольшие усилия реформистские теоретики прилагают к фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новой исторической эпохе развития человечества. Проповедники реформизма пытаются утверждать, что социалистическая революция в России произошла якобы вопреки объективной исторической закономерности и что существование и развитие социалистического строя будто бы «неоправданно».

Но все это попытки с негодными средствами. Мировая социалистическая система живет и развивается, демонстрируя перед всем миром выдающиеся достижения. Идеи коммунизма победоносно шествуют по всем континентам нашей планеты, завоевывая под свои знамена новых сторонников, в то время как правые лидеры социал-демократов с каждым годом оказываются все в бо́льшей изоляции, терпят поражение за поражением. Ярким свидетельством этому служит тот факт, что в настоящее время уже в 87 странах имеются марксистско-ленинские партии, насчитывающие в своих рядах свыше 36 млн. коммунистов. Эти партии превратились в величайшую силу современности.

★

Отрицание исторической закономерности Великой Октябрьской социалистической революции является характерным для всей зарубежной антимарксистской историографии. Но если буржуазные ученые не признают объективную закономерность победы

[1] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат. 1960, стр. 44.

Великого Октября, поскольку они вообще отвергают марксизм-ленинизм и его выводы о неизбежности смены капитализма социализмом, то реформисты, называя себя «марксистами», также отказываются признать эту закономерность. Так, профессор Парижского университета правый социалист А. Пьетр в книге «Маркс и марксизм» настойчиво пытается убедить читателя, что Октябрьская революция якобы не соответствует учению Маркса и Энгельса о пролетарской революции [2]. Можно было бы привести целый ряд высказываний сторонников социал-реформизма, которые так или иначе повторяют друг друга, рассматривая пролетарскую революцию как «частный случай», ни в коей мере «не отражающий общих закономерностей», представляющий собой якобы «отклонение» от нормального пути исторического развития [3].

Один из основных доводов, который выдвигают правые представители французских социалистов против закономерности победы Октябрьской революции, состоит в том, что Россия якобы «не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм» [4]. «Сорок лет тому назад,— говорится в книге «Грядущая революция»,— мы вступили в период родовых схваток, предшествующих рождению нового общества. Однако революционный процесс развивался не по тому пути, который представляли себе идеологи социализма. Он начался не в экономически наиболее развитых и созревших для социализма странах, которые могли бы взять руководство социалистической эволюцией отсталых стран в свои руки. Наоборот, он начался именно в отсталых странах, хотя положение этих стран еще не подготовило их к социализму» [5].

Выдавая свои утверждения «за истину» марксизма, французские реформисты, по существу, совершают подлог, искажают марксистско-ленинскую теорию социалистической революции. Утверждение, что пролетарская революция должна была произойти сначала в наиболее развитых капиталистических странах, не вытекает ни из теории научного социализма, ни из революционной практики.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что для перехода к социализму необходим определенный уровень развития производительных сил. Но из этого вовсе не следует, будто они предупреждали рабочий класс и революционные партии менее развитых в экономическом отношении стран не начинать социалистической революции до тех пор, пока не произойдет такая революция в наиболее развитых капиталистических странах.

Начало пролетарской революции в менее развитых странах марксизм-ленинизм не ставит в зависимость от победы революций в наиболее развитых капиталистических странах. Марксизм требует учитывать международную и внутреннюю обстановку. Пролетарская революция в различных странах не может происходить в порядке заранее предопределенной очередности, ибо революция зависит от взаимодействия многих факторов.

Попытки отрицать закономерность социалистической революции в России были полностью разоблачены В. И. Лениным еще до того, как первая победоносная социалистическая революция стала свершившимся фактом. В борьбе против меньшевиков и эсеров, а также правосоциалистических лидеров II Интернационала, трубивших на всех перекрестках о том, что Россия якобы не доросла до социализма, что большевики, призывая к свержению буржуазии, хотят совершить насилие над историей, В. И. Ленин неопровержимо доказал, что социалистическая революция в нашей стране вполне назрела и, более того, стала единственным спасением от угрозы национальной катастрофы.

Россия была страной, где имелись необходимые материальные предпосылки для начала социалистической революции, ибо, несмотря на ее относительную технико-экономическую отсталость по сравнению с наиболее развитыми капиталистическими государствами Запада, в ней также происходил быстрый процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Об этом свидетельствовал неуклонный рост монополий в тяжелой и легкой промышленности,

---

[2] A. Piettre. Marx et marxisme. Paris. 1957, pp. 70, 98, 103.

[3] «La revue socialiste», 1958, № 115, p. 295; «Cercle auvert», Interprétation marxiste de l'histoire. № 3. Paris. 1957, p. 5; «La nation socialiste», 1958, № 4, p. 11.

[4] «La revue socialiste», 1958, № 121, p. 285.

[5] J. Craipeau. La Révolution qui vient. Les voies nouvelles du socialisme. Les editions du Minuit. Paris. 1957, p. 27.

усиление их роли и значения во всей экономике страны. Но об этом, как правило, умалчивают «критики» марксизма-ленинизма.

Ссылаясь на высказывания К. Маркса о «необходимом уровне развития капитализма», правые лидеры французских социалистов, по существу, останавливаются на 70-х годах прошлого века, произвольно вычеркивая из истории России последующий, почти 50-летний период ее развития. Между тем именно этот период имел решающее значение для формирования как объективных, так и субъективных предпосылок социалистической революции в России. По этому вопросу в последние годы у нас опубликован ряд работ, в которых исследуются конкретные материальные условия, сложившиеся в России к моменту Великой Октябрьской социалистической революции [6].

Уже в начале XX в. для России характерна была высокая концентрация производства, особенно рабочей силы, а также концентрация и централизация банков, превосходившие более развитые капиталистические государства. Например, в 1901 г. на крупных заводах (численностью более 500 человек), составлявших всего 3,5% общего количества промышленных предприятий, находилось 46,7% всех рабочих. В дальнейшем уровень концентрации еще более повысился. В 1910 г. на крупных заводах России было сосредоточено 53,4% рабочих, тогда как в Германии на подобных предприятиях в 1909 г. было занято лишь 10%, а в США накануне первой мировой войны — около 32,1% всех промышленных рабочих [7].

Высокая концентрация имела место и в банковском деле. Еще в 1899 г. на долю 8 крупнейших банков (из 41) приходилось почти 56% основных капиталов всех русских банков [8]. Финансовый капитал занимал господствующее положение в российской экономике. Указывая на то, что Россия в экономическом отношении отставала по сравнению с передовыми капиталистическими государствами Запада, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что Россия является страной с высоко развитым капитализмом в промышленности и значительно развитым в сельском хозяйстве [9]. Концентрация производства в России резко усилилась в годы первой мировой войны. В развитии капитализма стали обнаруживаться новые тенденции. В этой связи В. И. Ленин писал: «Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, т е м с а м ы м необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,— никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически,— а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая м а т е р и а л ь н а я подготовка социализма, есть п р е д д в е р и е его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, н и к а к и х п р о м е ж у т о ч н ы х с т у п е н е й н е т» [10].

Опираясь на закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, действие которого особенно сильно стало проявляться в период империализма, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что социализм не может победить одновременно во всех странах, что он победит первоначально в одной или нескольких странах.

---

[6] П. В. Волобуев. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский. Государственно-монополистический капитализм в России (К вопросу о предпосылках социалистической революции). «История СССР», 1959, № 3; Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М. 1950; Д. И. Шполянский. Монополии в угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. М. 1953; К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны. М. 1958; П. И. Лященко. История народного хозяйства. Т. II. М. 1954; «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. Чч. I—II. М.-Л. 1957 и др

[7] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 13—14.

[8] Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. М. 1929, стр. 17.

[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 58.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 333.

В силу неравномерности и скачкообразности развития капитализма первая победоносная социалистическая революция должна была явиться и явилась результатом прорыва цепи империализма в ее наиболее слабом звене. Самым слабым является то звено, где империалистические противоречия достигают наибольшей остроты. Таким звеном в период первой мировой войны оказалась Россия, которая уже в начале XX в. стала узловым пунктом всех империалистических противоречий. В России — стране со средним уровнем развития капитализма — в силу особенностей ее исторического развития свойственные империализму противоречия проявлялись в особо острой форме; они усугублялись противоречиями, порождавшимися остатками крепостничества. Марксизм-ленинизм учит, что решающим фактором, определяющим зрелость той или иной страны для социалистической революции, в конечном счете, является острота конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Чем напряженнее противоречия между трудом и капиталом в данной стране, тем она ближе к социалистической революции.

В России в октябре 1917 г. свершилась социалистическая революция потому, что для нее имелись необходимые объективные и субъективные предпосылки.

Фальсификация реформистами марксизма-ленинизма состоит также в том, что они игнорируют марксистское положение о необходимости и неизбежности переходного периода от капитализма к социализму.

Установление политического господства пролетариата, с чего начинается социалистическая революция, отнюдь не означает немедленного «введения» социализма. Для построения социалистического общества переход власти в руки пролетариата создает решающие предпосылки в виде социалистического уклада в экономике, в виде командных высот в народном хозяйстве, опираясь на которые пролетарское государство способно осуществить коренные социалистические преобразования во всех сферах жизни страны.

Когда партия большевиков во главе с В. И. Лениным шла на свержение капиталистического строя, она вполне отдавала себе отчет в том, что для победы социализма необходимо уничтожить частную собственность, ликвидировать эксплуататорские классы, устранить эксплуатацию человека человеком и, что особенно важно, достигнуть такого уровня развития производительных сил, который позволил бы полностью осуществить социалистические принципы в области производства и распределения. Для этого требуется известное время в зависимости от конкретно-исторических условий каждой страны. Причем эти условия создаются пролетариатом в тесном сотрудничестве с остальными слоями трудящихся, под руководством Коммунистической партии, в ходе самого социалистического строительства. Поэтому К. Маркс и В. И. Ленин указывали, что после победы пролетарской революции необходим целый переходный период от капитализма к социализму. Но оттого, что пролетарская революция не сразу приводит к торжеству социализма, она отнюдь не перестает быть пролетарской. В этой связи В. И. Ленин писал в мае 1918 г.: «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» [10].

Требование реформистами непременно высокого уровня развития капитализма в качестве предпосылки пролетарской революции В. И. Ленин называл крайним педантизмом, невероятной шаблонностью, продиктованными страхом социал-реформистов перед подлинной революционной борьбой и революцией. То, что первая победоносная социалистическая революция произошла в стране с менее развитым капитализмом, чем в некоторых других странах, В. И. Ленин считал совершенно незначительной поправкой с точки зрения общего хода всемирной истории [11], поправкой, которая ничуть не нарушает закономерности исторического развития и не опровергает, а, напротив, дополняет, уточняет и углубляет марксизм, подтверждая правильность его выводов о неизбежности смены капитализма социализмом.

---

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 302.
[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 437.

В 1923 г., возвращаясь к этому вопросу, В. И. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». Если для создания социализма необходима цивилизованность, продолжал В. И. Ленин, то «почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [12].

Другой «довод», который приводят социал-реформисты в опровержение закономерности Великой Октябрьской социалистической революции, связан с численностью российского пролетариата. Реформисты заявляют, что о пролетарской революции в России не могло быть и речи, ибо рабочие в стране составляли незначительное меньшинство населения. Некоторые из французских социал-реформистов в этой связи упрекают советских историков за то, что они в своих работах, посвященных революции, якобы обходят молчанием вопрос о численности пролетариата в 1917 году [13].

Основоположники научного социализма никогда не утверждали, что пролетариат не может начинать социалистическую революцию до тех пор, пока он не будет составлять большинства населения. К. Маркс, говоря о пролетарской революции, отмечал, что такая революция возможна в том случае, если пролетариат занимает «...по меньшей мере, значительное место в народной массе» [14]. На эти указания нередко ссылаются французские и другие социал-реформисты, делая при этом вид, что они будто бы «с позиций марксизма» доказывают отсутствие объективных предпосылок для социалистической революции в России. Но ведь совершенно ясно, что занимать «значительное место в народной массе» вовсе не означает составлять большинство населения страны.

Сила пролетариата зависит не только и не столько от его численности, сколько от его сознательности и организованности. Авангардная роль пролетариата определяется его положением в общественном производстве, он является ведущим классом современного общества. «Сила пролетариата в любой капиталистической стране,— подчеркивал В. И. Ленин,— несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» [15].

Что касается российского пролетариата (в рядах которого насчитывалось около 12 млн., из них 3,1 млн. фабрично-заводских рабочих) [16], то годы суровой борьбы предшествовавших десятилетий, опыт двух русских буржуазно-демократических революций выдвинул его в авангард международного рабочего движения. Во главе пролетариев России стояла такая закаленная в боях революционная марксистская партия, как партия большевиков, руководимая величайшим гением революции В. И. Лениным.

Кроме того, в России сложилась благоприятная обстановка, позволившая соединить восстание пролетариата с крестьянской войной, о чем говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, как об одной из возможных перспектив пролетарской революции. Упускать этот момент было бы преступлением со стороны революционной рабочей партии. Все это позволило российскому пролетариату смело пойти на штурм капитализма и добиться победы.

Утверждая, что пролетариат может совершить победоносную социалистическую революцию только в том случае, если он составляет большинство населения страны, правые лидеры социал-демократии «забывают», что на совершение революции пролетариат идет не один, а в тесном союзе с непролетарскими трудящимися массами, в

---

[12] Там же, стр. 438, 439.
[13] «La nation socialiste», 1958, № 4, p. 11.
[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 187.
[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 250.
[16] См. Г. Н. Голиков. Указ. соч., стр. 26.

первую очередь с крестьянской беднотой, вместе с которой он и составляет подавляющее большинство населения.

На необходимость такого союза К. Маркс указывал еще в середине прошлого века. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.) он писал, что от участия крестьянства в революции на стороне рабочих «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»[17]. Спустя четыре года в письме к Ф. Энгельсу К. Маркс подчеркивал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны»[18].

Эти указания К. Маркса свидетельствуют о том, что он считал возможной социалистическую революцию не только в наиболее развитых капиталистических странах, но и в «крестьянских странах» (в частности, Германии, которая отнюдь не являлась в 1856 г. передовым индустриальным государством). Ясно также и то, что К. Маркс не требовал откладывать социалистическую революцию до тех пор, пока пролетариат не будет составлять большинства населения, ибо в приведенных высказываниях совершенно отчетливо поставлен вопрос о революции в таких странах, где большинство составляют не рабочие, а крестьяне.

Раскрывая сущность диктатуры пролетариата, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что она представляет собой особую форму классового союза пролетариата — авангарда трудящихся — с многочисленными массами трудящегося крестьянства. Опираясь на этот союз, рабочий класс нашей страны в октябре 1917 г. сверг господство помещиков и буржуазии и создал, таким образом, решающие условия для социалистического переустройства общества. «У нас,— отмечал В. И. Ленин,— вместо полнейшего преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством»[19].

Как известно, одним из коренных положений марксизма-ленинизма является признание неизбежности многообразия форм перехода от капитализма к социализму. В основе этого многообразия лежит различие не только политических, но и социально-экономических условий в разных странах. Это различие и предопределяет, в каком соотношении будут выступать в социалистической революции пролетарские и непролетарские слои.

Фальсификаторский тезис правых лидеров французских социалистов о «незакономерности» пролетарской революции в России стоит в неразрывной связи с извращенным, антимарксистским представлением реформистов о смене капиталистической формации социалистической. По их мнению, социализм развивается непосредственно в недрах капиталистического общества и утверждается не в результате глубокого революционного переворота, а будто бы вследствие автоматического краха капитализма. Эти свои насквозь лживые, антимарксистские взгляды правые лидеры социал-демократии пытаются приписывать К. Марксу. Так поступает, в частности, видный представитель реформизма Жюль Мок[20]. То же самое проповедует А. Пьетр, заявляя, что социализм будто бы «должен выйти из недр разложившегося капитализма, как семя выходит из созревшего плода»[21] и что капитализм постепенно «социализируется»[22].

Однако подобные утверждения находятся в вопиющем противоречии с исторической действительностью. Реформисты не могут привести в качестве примера ни одной страны, где бы капитализм сам по себе «перерос» в социализм.

Сторонники концепции «автоматического» краха капитализма игнорируют то глубочайшее различие, которое существует между буржуазной революцией и пролетарской. Марксизм-ленинизм учит, что в недрах капиталистического

---

[17] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, стр. 299 (Примечание).
[18] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 434.
[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 311.
[20] J. Moch. Socialisme vivant. Dix lettres á un jeune. Paris. 1960, p. 89.
[21] «La revue des deux mondes» 1-er juillet 1957, p. 104.
[22] A. Pietre. Указ. соч., стр. 91.

общества созревают лишь материальные условия, то есть производительные силы, необходимые для становления новых производственных отношений, а отнюдь не сами производственные отношения, как утверждают реформисты. Задача пролетарской революции в том и состоит, чтобы уничтожить капитализм и расчистить дорогу новым, социалистическим производственным отношениям. Реформисты же пытаются доказывать, что социализм будто бы должен утверждаться в результате эволюции капитализма, без глубоких революционных преобразований.

Такова сущность их концепции о так называемой «социалистической трансформации общества». Реформисты пуще огня боятся пролетарской революции. Они пытаются подменить понятие революции эволюцией и ждут, пока господа капиталисты на блюдечке преподнесут им готовый социализм. Но что скрывается за этим «ожиданием», давно известно.

Факты — лучший свидетель. Они убедительно показывают, что правда на стороне марксизма-ленинизма. «В Советском Союзе,— свидетельствуют французские коммунисты,— под руководством Коммунистической партии полностью и окончательно построено социалистическое общество и широким фронтом строится коммунизм. В этом построении нового мира вместе с Советским Союзом идут другие социалистические страны. В то же время можно сослаться на ряд стран, в которых на протяжении нескольких лет управляли или управляют правые социалисты: ни в одной из них не было сделано ни малейшей попытки поколебать устои капитализма; ни в одной из них социализм не занял место капитализма и социалистическая демократия — место буржуазной демократии. Совсем наоборот, интересы рабочего класса и всех трудящихся этих стран принесены правыми социалистами в жертву их сотрудничеству с монополистическим капиталом» [23].

Такова историческая правда, и от нее не уйти реформистам. Когда лидеры правых французских социалистов во главе с Ги Молле находились у власти, они не сделали ни одного шага по пути к социализму.

В этой связи уместно привести высказывания некоторых представителей «левого» крыла французских социалистов. «Дело в том,— пишут они,— что руководители французской социалистической партии приспособились к существующему строю и твердо верят в его незыблемость. Максимум того, что они порой разрешают себе,— это некие мессианские мечты, столь далекие от действительности, что не могут ни в какой степени повлиять на их непосредственную деятельность. Если бы в нашей стране разразился глубокий кризис капитализма, то большинство из них не помышляло бы ни о чем ином, как о защите и реставрации капиталистического строя...» [24]. Предательство лидерами Французской социалистической партии интересов рабочего класса привело к тому, что эта партия в послевоенные годы пережила ряд расколов и находится в состоянии глубокого кризиса.

Лидеры правых социалистов яростно обрушиваются на Октябрьскую революцию именно потому, что она проложила верный путь к социализму, нанесла сокрушительный удар по реформизму.

Опыт Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР учит тому, что пролетариат должен свергнуть буржуазию. Сосредоточив в своих руках государственную власть и овладев командными высотами в народном хозяйстве, рабочий класс нашей страны под руководством Коммунистической партии сумел в союзе с трудовым крестьянством построить социализм и ныне успешно осуществляет развернутое строительство коммунизма. Победа социалистических революций в странах народной демократии — ярчайшее подтверждение закономерности Великой Октябрьской социалистической революции, впервые в истории проложившей человечеству путь к социализму, к коммунизму.

Сейчас народы, вступившие на путь социализма, не одиноки. Они опираются на опыт социалистического строительства, накопленный Советским Союзом, и на его конкретную материальную помощь.

Закономерность Октябрьской революции подтверждена тем, что Советский Союз развивается несравненно быстрее, чем капиталистические страны (хотя некоторые из

[23] «Cahiers du communisme», Paris, juin 1960, № 6, p. 1047.
[24] J. Craipeau. Указ. соч., стр. 12.

них когда-то значительно опережали Россию). Теперь это признается даже теми, кто не скрывает своей крайней неприязни к социализму. Так, французский буржуазный историк Э. Краковский пишет: «Очевидный и бесспорный факт состоит в том, что Советская Россия достигла огромного прогресса. Она не является больше колоссом на глиняных ногах, каким была царская империя, а колоссом на железных ногах, силу которого не следует недооценивать» [25].

А ведь из того же лагеря в свое время исходили многочисленные пророчества о «неизбежной гибели» Советской России. После того, как попытка задушить большевизм «в колыбели» позорно провалилась, один из признанных лидеров капиталистического мира, Уинстон Черчилль, в 1920 г. писал: «Пусть большевики откажутся от коммунизма... Если они этого не сделают, ничто не спасет города и села России или экономический и культурный организм этой страны» [26].

Не было недостатка в подобных угрозах и «пророчествах» и со стороны реформистов. Но история зло посмеялась над ними. Многим из них, подобно У. Черчиллю, самим довелось увидеть, насколько они оказались «прозорливыми». Советская Россия не только не погибла, а, сбросив капиталистические путы, гигантскими шагами устремилась вперед, оставляя позади развитые капиталистические государства.

В сравнительно короткий исторический период наша страна из экономически отсталой превратилась в передовую индустриальную державу с высокоразвитой культурой, наукой и техникой. Советский Союз по объему промышленного производства давно вышел на второе место в мире, намного превысив темпы развития США. За 16 послевоенных лет промышленное производство СССР ежегодно увеличивалось в среднем на 10,7%, а в США — на 1,8% [27].

Опередив США по темпам развития, Советский Союз уверенно нагоняет их как по абсолютному годовому приросту промышленной продукции, так и по ее общему объему. СССР уже превзошел Соединенные Штаты по добыче железной руды и угля, по производству кокса, зерновых комбайнов, шерстяных тканей, животного масла, сахара и некоторых других видов продукции [28]. СССР быстро настигает США по выплавке стали. «Американские специалисты, изучающие экономическое соревнование между двумя странами,— сообщала 25 октября 1960 г. газета «New York Times»,— встревожены тем, что Советский Союз производит сейчас почти столько же стали, сколько производят Соединенные Штаты...» [29].

По сравнению с 1920 г. Советский Союз почти в 600 раз увеличил производство электроэнергии. В 1960 г. производство электроэнергии приблизилось к 300 млрд. киловатт-часов [30]. Ярким свидетельством могучей поступи социализма является факт вступления в строй только в течение одного прошлого года свыше тысячи новых крупных промышленных предприятий [31].

Известный американский общественный деятель и промышленник Сайрус Итон, отражая взгляды наиболее трезво мыслящих представителей капиталистического мира, заявил, что советская система «продемонстрировала свою способность добиваться успеха» [32].

Но не только прогрессивно настроенные представители буржуазии называют вещи своими именами. Под давлением очевидных фактов даже реакционные идеологи вынуждены признать неоспоримые достижения Страны Советов. Американский буржуазный журналист Уолтер Липпман 16 октября 1960 г. писал, что Советский Союз «создал экономику, способную на величайшие достижения в области техники и производства», а его влияние «распространилось на все континенты» [33]. Несколько дней спустя «New York Times» на первой странице поместила статью под характерным заголовком:

---

[25] E. Krakowski. Histoire de Russie. L'Eurasie et l'Occident. Paris. 1957, p. 10.
[26] «Правда», 7 ноября 1960 года.
[27] См. Ф. Р. Козлов. 43-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1960, стр. 14.
[28] См. там же.
[29] В третьем квартале 1960 г., отмечала газета, США произвели 19,6 млн. т стали, а СССР — 18 млн. тонн.
[30] «Правда», 16 ноября 1960 года.
[31] «Правда», 26 января 1961 года.
[32] «Правда», 28 сентября 1960 года.
[33] «New York Herald Tribune», October 15—16, 1960, p. 4.

«Опрос, проведенный Соединенными Штатами, показывает, что мир считает Советы самой могущественной страной». Газета разъясняла своим читателям, что в ближайшие 10 лет Советский Союз сохранит, а возможно, и приумножит свое преобладание над Соединенными Штатами [34]. А ведь это пишет та самая газета, которая на протяжении 43 лет десятки раз «предрекала» крах советской системы.

Успехи советского народа далеко не исчерпываются быстрым развитием экономики. Общепризнанными являются достижения СССР в области народного образования, здравоохранения, науки, техники, культуры и искусства. «Советский Союз добился весьма значительного прогресса во многих областях деятельности: техническом образовании, металлургии, производстве жидкого топлива, электронике, организации производства» [35],— заявил один из правых руководителей Французской социалистической партии, бывший министр Альбер Газье.

Как непохожи все эти признания на прогнозы прошлых лет! Теперь эти господа вынуждены думать не о том, когда «потерпит крах» социализм, а о том, сколько времени сможет еще протянуть капитализм и каким образом отдалить час его окончательной гибели.

Говоря о перспективах мирного экономического соревнования двух систем, Газье приходит к весьма неутешительному для него выводу: если советская экономика будет возрастать на 8% в год, а французская не более 4% (хотя в последние годы, по его собственному признанию, она не достигала и такого уровня), то к 1980 г. промышленное производство СССР на душу населения будет в два раза выше, чем во Франции [36].

Семилетним планом развития народного хозяйства СССР предусмотрено, что валовая продукция промышленности за два первых года семилетки должна возрасти на 17%. Фактически же она выросла на 22,1% [37]. При существующих темпах семилетний план в области промышленности будет выполнен за 6 лет, а за 7 лет объем промышленного производства возрастет не на 80%, как это намечено планом, а на 100%, то есть вдвое [38]. Советский Союз никому не угрожает, его успехи пойдут на благо всему человечеству. «Мы все имеем для развития своей экономики,— подчеркивал Н. С. Хрущев,— и мы не покушаемся на богатства других стран» [39].

Разве не убедительным свидетельством всемирно-исторических побед социализма служит тот факт, что в настоящее время капиталистические страны ставят перед собой задачу догнать Советский Союз по темпам экономического роста, в области освоения космоса, в деле подготовки научно-технических кадров, а также использовать советский опыт народного образования, здравоохранения и даже... планирования, возможного только в условиях социализма и которое они в течение многих лет предавали анафеме. А такие страны, как Индия, Индонезия, Объединенная Арабская Республика и некоторые другие, разрабатывают свои хозяйственные планы, неизменно обращаясь при этом к опыту и помощи Советского Союза.

10 июня 1960 г. английская либеральная газета «Ньюс-кроникл» опубликовала статью своего корреспондента Дугласа Брауна, посетившего Советский Союз. В этой статье Д. Браун, в частности, писал: «Наша группа, в составе которой были журналисты всевозможных политических убеждений, пришла к выводу, что мы встречаемся с обществом, обладающим огромными потенциальными возможностями...», Запад, подчеркнул Д. Браун, может кое-чему поучиться у русских.

С не менее примечательным признанием выступил 8 июля 1960 г. профсоюзный деятель Австралии, правый лейбористский лидер Кэмпбелл, заявивший, что социалистическая система явно превосходит капиталистическую, о чем свидетельствует Советский Союз и его гигантское экономическое развитие. «Советский Союз,— не без огорчения констатировал Кэмпбелл,— сейчас является страной наиболее автоматизированной промышленности. В Советском Союзе полностью используется техника». СССР

---

[34] «New York Times», October 25, 1960, p. 1.
[35] «Le populaire de Paris» 30 septembre 1959.
[36] См. там же.
[37] «Правда», 26 января 1961 года.
[38] «Правда», 16 ноября 1960 года.
[39] «Правда», 20 сентября 1959 года.

«имеет больше всех других стран ученых и технических специалистов». Кэмпбелл заявил, что в Советском Союзе сокращается продолжительность рабочей недели, непрерывно растет жизненный уровень [40]. Вынуждены признать это и некоторые правые лидеры французских социалистов.

Другие времена — другие мелодии! Они являются прямым отражением тех глубочайших изменений, которые произошли после победы Великой Октябрьской социалистической революции и под ее непосредственным воздействием.

Одновременно с Советским Союзом быстро развивается вся мировая социалистическая система. В результате социалистической индустриализации в большинстве стран народной демократии удельный вес промышленности стал преобладающим. Польша, Венгрия, Румыния и Болгария стали промышленно-аграрными странами с развитой тяжелой промышленностью. Китайская Народная Республика из аграрной страны превращается в индустриально-аграрную.

В 1950 г. на страны социализма приходилось 18,5% выплавки чугуна, 19,2% выплавки стали, 28,2% добычи угля. В 1959 г. доля социалистических стран в мировом производстве составила: по выплавке чугуна — 35,5%, по выплавке стали — 30,9%, по добыче угля — 49,8% [41]. В целом на долю стран социализма приходится сейчас более трети мировой промышленной продукции.

Производственные подсчеты, основанные на реальных возможностях, показывают, что к 1965 г. в результате выполнения и перевыполнения 7-летнего плана развития народного хозяйства СССР, а также народнохозяйственных планов стран народной демократии мировая социалистическая система будет производить более половины всей мировой промышленной продукции.

«Наши противники...,— говорил в этой связи Н. С. Хрущев,— проявляют большую тревогу. Их пугают успехи Советского Союза, всех социалистических стран. Многие из них теперь не отрицают того, что социалистические страны в своем развитии обгонят капиталистические страны. Между ними идет спор не о том, возможно это или невозможно. Теперь спор идет уже о том, когда это будет достигнуто, будут ли планы Советского Союза и всех социалистических стран полностью выполнены в намеченные сроки» [42].

Страх перед успехами социалистических стран сквозит почти во всех выступлениях буржуазных идеологов и правых социалистов. «Или демократия (имеются в виду буржуазные страны.— *В. В.*) сумеет дисциплинировать свою экономику с тем, чтобы быстро развиваться, или она погибнет» [43],— пишет правый деятель Французской социалистической партии А. Газье, призывая серьезно задуматься над этим вопросом. Нескрываемая тревога за судьбы одряхлевшего капиталистического строя прозвучала и в выступлении Кэмпбелла. «Запад,— откровенно заявил он,— отстает от Советского Союза, и если это будет продолжаться и дальше, то мы можем оказаться в тяжелом положении» [44].

Отражением того же страха является усиленно распространяемая правыми лидерами французских социалистов выдумка, будто марксизм-ленинизм применим только к отсталым странам.

Но и здесь факты беспощадно разоблачают оппортунистов. В Чехословакии и ГДР, где, как известно, существовал развитый капитализм и где ныне у власти находятся трудящиеся массы, руководимые марксистско-ленинскими партиями, успешно возводится здание социализма; эти страны ушли далеко вперед по сравнению с прежним, досоциалистическим уровнем их развития.

Это еще одно неопровержимое подтверждение того, что путь, указанный Великой Октябрьской социалистической революцией, выдержал испытание истории.

Наряду с отрицанием закономерности Великой Октябрьской социалистической революции правые лидеры французских социалистов грубо извращают ее сущность. Прежде всего отрицается ее народный характер. Поскольку Россия якобы не созрела для социалистической революции, рассуждают они, то для ее проведения пришлось

[40] «Правда», 10 июля 1960 года.
[41] «Правда», 4 ноября 1960 года.
[42] «Правда», 11 марта 1959 года.
[43] «Le populaire de Paris», 30 septembre 1959.
[44] «Правда», 10 июля 1960 года.

будто бы прибегнуть к «необычным методам», к насилию, причем не только над эксплуататорскими классами, но и (!) над самими народными массами. Исходя из этого, Октябрьская революция изображается ими как «большевистский заговор», «военный переворот», совершенный небольшой группой профессиональных революционеров с помощью отдельных групп солдат, будто бы «не имеющих никакого социального взгляда» [45].

Другие авторы из среды французских социалистов рисуют Октябрьскую революцию, как «захват власти сознательным меньшинством, навязавшим сдержанно настроенному или безразличному большинству новый общественный строй» [46].

Это свидетельствует лишь о том, что французские реформисты пренебрегают подлинными документами и достоверными фактами. Они сознательно извращают историческую действительность, хотя даже среди буржуазных историков и социологов произошел некоторый сдвиг в сторону более или менее правдивого освещения событий Великого Октября. Так, известный французский буржуазный историк М. Крузе признает, что Октябрьская революция «значительно менее кровавая, чем мартовская..., свергла правительство Керенского, покинутое даже всеми теми, кого оно считало своими приверженцами» [47]. Английский буржуазный историк Е. Карр отмечает, что Октябрьская революция, приведшая большевиков к власти, была революцией снизу [48].

Некоторые правые представители французских социалистов изображают революцию как военный переворот, совершенный «группами» солдат. В России в тот период под ружьем находилось более 10 млн. рабочих и крестьян. Закономерно поставить вопрос: почему же Временное правительство не воспользовалось такими же «группами», чтобы подавить своих политических противников? Тем более, что такие намерения у него были, и не только одни намерения. Однако из этого ничего не вышло.

А сколько царских генералов испытало свой жребий, надеясь восстановить «единую, неделимую Российскую империю», какие бешеные усилия прилагали иностранные интервенты, дабы задушить первую республику рабочих и крестьян! Но все это разбилось о беспримерное мужество трудящихся масс, об их решимость отстоять идеалы пролетарской революции.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что большевистская партия в своей борьбе ориентируется на революционное творчество и инициативу самих народных масс. Именно об этом свидетельствует деятельность большевистской партии на протяжении 1917 г. и всех последующих лет социалистического и коммунистического строительства.

Октябрьская социалистическая революция явилась величайшей народной революцией, какие только знала мировая история. В нее были втянуты все слои многомиллионного населения России. Начавшись победоносным вооруженным восстанием в Петрограде, революция охватила самые отдаленные уголки необъятной страны. В этой беспримерной в истории человечества классовой битве схватились между собой два лагеря: лагерь угнетенных классов, поднятых партией большевиков к активному историческому творчеству, и лагерь эксплуататоров и их прислужников. Под натиском народных масс рухнули веками господствовавшие устои эксплуатации человека человеком. «Что бы ни думали иные о большевизме,— убежденно писал свидетель и участник Октябрьской революции американец Джон Рид,— неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения. Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской Коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди». Все, что происходило «в Петрограде — в разное время с разной напряженностью,— почти в точности повторилось по всей России» [49].

---

[45] «La revue socialiste», 1958, № 114, pp. 201, 203.

[46] Y. Craipeau. Указ. соч., стр. 14.

[47] M. Crouzet. L'époque contemporaine. A la recherche d'une civilisation nouvelle. Paris. 1957, p. 220.

[48] E. H. Carr. Socialism in one country. 1924—1926. Vol. I. «A History of Soviet Russia». London. 1958, p. 20.

[49] Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, стр. 13, 9.

Фальсификаторским измышлениям о «насилии» над волей большинства противостоят неопровержимые исторические факты. В России сами трудящиеся массы, рабочие и крестьяне при поддержке революционных солдат и матросов провозглашали переход власти в руки Советов. И так было повсюду, будь то в Петрограде или Москве, в Поволжье или на Урале, на Украине или в Белоруссии, в городе или на селе. Могли ли большевики без самой широкой поддержки рабочих и крестьян установить Советскую власть? Разумеется, нет! Как известно, на тысячу жителей в России приходилось во время революции 2—3 большевика. При этом Октябрьской революции противостояли огромные силы внутренней и внешней контрреволюции, в руках которых находилась экономическая и политическая власть, вся буржуазная государственная машина. Сломить сопротивление такого противника, одержать над ним победу можно было только при активной поддержке подавляющего большинства населения страны. Широкие народные массы твердо встали на сторону Советской власти, потому что эта власть выражала их коренные интересы.

Правосоциалистические авторы сознательно пытаются противопоставить большевистскую партию рабочему классу и другим слоям трудящихся. Но это один из неуклюжих приемов фальсификации истории Октябрьской революции. Большевистская партия — плоть от плоти, кровь от крови детище рабочего класса.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Они являются следствием решительных действий народных масс. Именно в эпоху пролетарских революций народные массы возвышаются как подлинные творцы истории, устанавливая порядки в соответствии со своими интересами. Это особенно ярко и полнокровно проявилось в ходе борьбы за установление Советской власти. Революционная энергия масс направлялась волей большевистской партии, ее Центральным Комитетом во главе с В. И. Лениным. Партия большевиков явилась цементирующей силой революции, ее становым хребтом. Под ее безраздельным руководством проходила борьба за установление власти Советов. «По всей России,— говорил В. И. Ленин на VII съезде РКП(б),— вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью» [50].

Коммунистическая партия сумела соединить и направить в единое русло борьбу рабочего класса за социализм, общедемократическое движение за мир, революционно-демократическое движение крестьян за ликвидацию помещичьего землевладения и национально-освободительную борьбу угнетенных народов России. Это обеспечило рабочему классу поддержку со стороны подавляющего большинства трудящихся.

Отрицая историческую закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, искажая социально-экономическую сущность советского строя, оппортунисты пытаются оправдать свою деятельность, направленную против интересов рабочего класса, замаскировать свой разрыв с марксизмом.

Но никакие потуги реформистов и иных ревизионистов не в состоянии остановить ход истории. Марксизм-ленинизм выступает как вечно живое учение, которое все больше и больше овладевает сознанием народных масс во всех уголках земного шара.

В. С. Васюков

[50] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 67.

S. B. RYERSON. The Founding of Canada. Beginnings to 1815. Toronto. Progress books. 1960. XI + 340 p.

С. Б. РАЙЕРСОН. Основание Канады. Начальный период до 1815 г.

Автор рецензируемого исследования прогрессивный канадский историк и общественный деятель С. Б. Райерсон много лет занимается изучением истории Канады. Его перу принадлежит ряд крупных работ, освещающих на основе марксистско-ленинской методологии некоторые важные проблемы канадской истории [1].

Рассматриваемая книга Райерсона посвящена раннему периоду истории Канады — до 1815 года. Подготавливаемый им в настоящее время второй том исследования будет охватывать последующий отрезок времени до создания канадского доминиона в 1867 году. Появление такого исследования — подлинное событие, значение которого легко понять, если учесть, что марксистская литература по истории Канады, в особенности по ее новой истории, чрезвычайно скудна.

Рецензируемая книга Райерсона от начала до конца проникнута боевым, наступательным духом. В ней анализируются коренные проблемы социально-экономического и политического развития страны в прошлом, по которым автор дает бой буржуазным фальсификаторам истории Канады. Только изучение истории Канады с позиций мировоззрения рабочего класса, пишет Райерсон, «дает возможность такого подхода к нашей истории, который обнажает корни социальной борьбы, реальность эксплуатации, причины нашей национальной зависимости, подхода, который может пролить свет на направление нашего национального развития в меняющемся мире» (стр. X).

Одной из характерных черт канадской буржуазной историографии является умаление роли народных масс в истории страны. В противоположность этому в рецензируемой книге показана прежде всего и главным образом история народа; народ представлен в ней как движущая сила и творец канадской истории. Подавляющей части канадских буржуазных историков свойственно высокомерно-пренебрежительное отношение к истории коренного населения североамериканского континента. Они в один голос твердят, что «основателями Канады» являлись европейцы, которые в Новом Свете якобы «на пустом месте» построили цивилизованное общество. Райерсон убедительно показывает, что именно индейские племена были подлинными «основателями Канады». «Их труд,— пишет он,— создал материальную культуру, которая процветала в течение веков до того, как европейцы вторглись в Северную Америку. И когда пришли европейские торговцы, свои богатства они создали именно на труде коренных жителей» (стр. 18). По мнению автора, первые люди в Америке появились 20—40 тысячелетий назад. Это были выходцы из Азии, которые постепенно расселились по всему американскому континенту. К моменту появления европейцев на территории Канады жило свыше пятидесяти различных индейских племен, говоривших на одиннадцати основных языках (стр. 17). Главным занятием большинства племен были собирательство и охота. К началу европейской колонизации они сумели создать богатую и самобытную культуру.

Среди индейских племен выделялись ирокезы. Это были оседлые племена, жившие большими деревнями и занимавшиеся земледелием. В сравнении с другими племенами общественные отношения у ирокезов достигли более высокого развития. Касаясь истории создания во второй половине XVI в. федерации ряда ирокезских племен, Райерсон пишет, что одной из ее основных целей было установление мира между родственными племенами. Но, замечает он, «эта мечта о Великом Мире была позднее потоплена в кровавых войнах, которые разжигались соперничавшими европейскими державами» (стр. 36).

Буржуазные историки обычно апологетически именуют «отцом» Канады французского географа и мореплавателя Самуэля Шамплена, который вместе со своими спутниками основал в 1605 г. первое постоянное поселение на территории Канады. Райерсон, отдавая должное Шамплену как истинному патриоту Канады, человеку, чьей главной страстью являлось стремление к «открытию, к расширению человеческих знаний о мире», справедливо указывает на то, что «способности и энергия Шамплена бы-

[1] S. B. Ryerson. 1837. The Birth of Canadian Democracy. Toronto. 1937; его же. French Canada. A Study in Canadian Democracy. New York. 1944.

ли поставлены на службу торговым компаниям» (стр. 84). Такая оценка соответствует исторической правде. Однако, на наш взгляд, необходимо было также отметить, что именно Шампленом было положено начало политике безжалостного угнетения и истребления коренного индейского населения Канады.

Французская колония в Канаде (она называлась Новой Францией) развивалась медленно. К середине XVII в. европейское население Канады было очень невелико. Это объяснялось тем, что торговые компании и католическая церковь, возглавившие колонизацию Канады, не были заинтересованы в заселении страны, в развитии ее экономики. Их интересы лежали прежде всего в сфере пушной торговли, приносившей колоссальные прибыли. Буржуазные историки предпочитают, как правило, обходить вопрос об истинном источнике этих прибылей, отделываясь общими рассуждениями о «выгодах» мехоторговли. Райерсон прямо указывает на этот источник — «безжалостное подчинение и ограбление коренного населения» (стр. 84). Европейские «цивилизаторы» бессовестно обманывали и обкрадывали индейцев, скупая у них за бесценок пушнину. На труде индейцев зиждилась вся пушная торговля. «Основную рабочую силу в торговле мехами составляли тысячи индейцев,— пишет Райерсон,— которые охотились, выделывали меха и перевозили их за тысячи миль к торговым постам» (стр. 86). Колонизаторы огнем и железом утверждали свое господство в Канаде, уничтожая порою целые индейские племена (как это было, например, с племенем беотук). Варварская политика французских, а затем и английских колонизаторов по отношению к населявшим Канаду индейским племенам привела к резкому сокращению численности индейского населения страны. Не случайно коренное население Канады, насчитывавшее к приходу европейцев около четверти миллиона человек, в настоящее время, то есть спустя три с половиной столетия, составляет немногим более 180 тыс. человек[2]. Колонизаторы сознательно разжигали братоубийственные войны между отдельными племенами. «Европейское вмешательство,— констатирует автор,— превратило спорадические в прошлом местные конфликты в кровавые войны на взаимное уничтожение, которые велись при помощи огнестрельного оружия и охватывали обширные территории» (стр. 89). Так, стараниями колонизаторов небольшие конфликты, возникавшие время от времени между ирокезами и гуронами, переросли в целую серию войн, продолжавшихся с 30-х до середины 60-х годов XVII века.

В книге Райерсона с научных позиций анализируется вопрос об общественном строе Новой Франции. Канадская реакционная буржуазная историография Новой Франции, всячески стремясь извратить характер существовавших там общественных отношений, замалчивает факты феодальной эксплуатации, рисует заведомо неверную картину некоего идиллического «сельского равенства». В действительности же, как убедительно доказывается в книге, в Канаде с начала ее колонизации утвердились феодальные отношения, в своих главных чертах напоминавшие общественный строй феодально-абсолютистской Франции. Основой их являлась феодальная собственность на землю. Абсолютным властителем колонии был король, а феодальные сеньоры-землевладельцы считались его вассалами. Крупнейшим феодальным собственником была католическая церковь, владевшая более чем 2 млн. акров земли (стр. 106). Вместе с тем феодальная система Канады имела и определенные отличия, несколько смягчавшие тяжесть феодального угнетения. Это определялось наличием в стране обширных пространств незанятых земель, куда мог бежать отчаявшийся крестьянин, у него была также возможность уйти в леса и заняться охотой и рыболовством. Указывая на такую особенность развития Канады, Райерсон, однако, решительно подчеркивает, что это ни в коей мере не меняет общей оценки общественного строя Канады XVII — первой половины XVIII в. как феодального (стр. 106).

Райерсон с большой теплотой повествует о простых канадцах, чьим трудом создавались богатства страны,— о крестьянах и ремесленниках, которые корчевали дремучие леса, выращивали урожаи на землях, обработанных самыми примитивными орудиями, ставили новые фактории и города. Они не были безропотными слугами феодалов. Среди крестьян и городских низов бурлило недовольство. Одним из его проявлений был систематический отказ крестьян платить налоги и выполнять ненавистные феодальные повинности. Недовольство крестьян выливалось порой в настоящие восстания. Райерсон приводит от-

[2] «The Canada Year Book. 1959». Ottawa. 1959, pp. 166—169.

носящиеся к 1725 г. весьма примечательные слова губернатора колонии, который сетует на распространение «духа мятежа и независимости среди всех обитателей сельской местности» (стр. 163). О многом говорят и вспыхивавшие время от времени волнения городской бедноты, подобные бунту в Монреале в 1680 году.

Справедливо замечание Райерсона о том, что «условия жизни на границе, разбросанность поселений, постоянная угроза нападения со стороны индейцев, зависимость экономики от эксплуатации коренного населения — все это содействовало ограничению и притуплению остроты классовой борьбы» (стр. 162).

Останавливаясь на экономическом развитии Новой Франции, автор отмечает, что со второй половины XVII — начала XVIII в. здесь усиливается развитие производительных сил. Увеличивается население страны, развивается земледелие и городское ремесло, все больше продуктов производится для обмена. Наблюдается значительный рост таких отраслей, как лесная промышленность, судостроение, обработка металлов. В недрах феодального строя зарождаются элементы нового, капиталистического уклада. Усиливается колониальная торгово-промышленная буржуазия, которая начинает играть все большую роль в экономической и политической жизни страны.

Однако процесс экономического развития Канады все же протекал замедленными темпами. Причинами этого, указывает автор, являлось стремление метрополии затормозить развитие колониальной Канады, сохранить ее в качестве источника сырья и опорного пункта торговли мехами, а также существование в стране феодальных отношений — серьезнейшего тормоза на пути капиталистического развития.

На экономическое и политическое развитие Канады серьезный отпечаток накладывала ожесточенная борьба между Францией и Англией за североамериканские колонии. Эта борьба находила отражение в соперничестве французских и английских торговых компаний, в провоцировании конфликтов между индейскими племенами, наконец, в войнах, которые велись между Францией и Англией на протяжении XVII и в XVIII в. в составе различных коалиций европейских держав. В борьбе против экономически более развитой буржуазной Англии позиции феодально-абсолютистской Франции в Северной Америке все более ослабевали. В результате Семилетней войны по Парижскому миру 1763 г. Канада перешла под власть английского короля.

Райерсон отмечает, что, вопреки утверждениям некоторых буржуазных историков, завоевание Канады Англией отнюдь не преследовало целей «распространения политических свобод» на жителей Канады. Некоторые демократические права, полученные канадцами после установления английского господства в Канаде, явились результатом непрерывной и упорной борьбы канадского народа. «Потребовалась тридцатилетняя борьба для завоевания народом права на выборную ассамблею. Лишь семьдесят лет спустя он смог добиться ответственного перед парламентом правительства. Прошло почти столетие, прежде чем народные массы избавились от тягот сеньориального землевладения, а привилегированное положение церкви в Квебеке сохранилось и по прошествии двух столетий» (стр. 199—200).

По Квебекскому акту 1774 г., оставалось в неприкосновенности феодальное землевладение, а также право католической церкви на десятину. Буржуазные историки, как правило, видят в Квебекском акте свидетельство «благородства» и «великодушия» со стороны победителей в отношении побежденных [3]. А. Бэрт заявляет, например, что целью акта было предоставить канадцам возможность «быть самими собой» и обеспечить их «конституцией, отвечающей их природе» [4]. В действительности целью английской политики в Канаде являлось заключение классового союза с феодально-клерикальной верхушкой Канады, направленного против народных масс страны. В феодально-католической верхушке английские колонизаторы видели своих союзников не только против народа Канады (об этом, к сожалению, ничего не говорит автор), но и против революционного движения в других североамериканских колониях. «Главнейшей заботой английских колониальных властей,— пишет Райерсон,—являлось превращение Квебека в оплот и,

[3] См., например, E. W. Mc. Innis. The Unguarded Frontier. A History of American-Canadian Relations. New York. 1942, pp. 53, 56.

[4] A. L. Burt. The United States, Great Britain and British North America from the Revolution to the Establishment of Peace after the War of 1812. New Haven — Toronto — London. 1940, p. 3.

если потребуется, в базу для операций против восстания в атлантических колониях. С этой целью они решили сохранить феодализм и клерикальные привилегии на реке Св. Лаврентия» (стр. 205).

Революция в североамериканских колониях явилась своего рода проверкой «эффективности» Квебекского акта. Католическая церковь и феодальные сеньоры полностью поддержали англичан. Крестьяне же и ремесленники решительно отказывались вступать в английскую армию, открыто выражали симпатии борьбе восставших колоний. В городах проходили митинги, проводился сбор подписей под петициями. В ряде мест (например, в Новой Шотландии) дело дошло до вооруженных выступлений.

В книге отмечается огромное влияние войны за независимость североамериканских колоний на Канаду. Народные выступления в Канаде в период войны за независимость, ее освободительные идеи оставили серьезный след в сознании народных масс Канады, которые все активнее включались в борьбу за демократические права.

Большой интерес в книге представляют главы, посвященные англо-американской войне 1812—1814 годов. Точка зрения Райерсона по этому вопросу заключается в следующем. Война 1812—1814 гг. носила двойственный характер. Она была захватнической как со стороны США, так и со стороны Англии. Но для Канады она являлась справедливой, освободительной войной против американской агрессии. Свою точку зрения автор обосновывает значительным фактическим материалом, полемизируя с работами некоторых реакционных буржуазных историков, пытающихся объяснить причины войны стремлением США защитить свои «нейтральные права»[5]. В действительности Соединенные Штаты, пишет Райерсон, поставили целью «завладеть Канадой в то время, когда главные английские морские и сухопутные силы были связаны войной с Наполеоном» (стр. 293).

Объявляя войну Англии, правящие круги США рассматривали Канаду как легкую добычу. Но попытки североамериканцев захватить Канаду потерпели неудачу. Главной причиной этого явилось то, что на ее защиту поднялся канадский народ. Война, навязанная канадцам, стала для них «национальной войной» (стр. 311). Вопреки заявлениям буржуазных историков о том, что участие канадского народа в отражении угрозы с юга—«миф», что Канаду отстояли английские войска, Райерсон доказывает, что из 8 тыс. солдат регулярных войск, участвовавших в сражениях против американской армии, половину составляли канадцы. Столько же канадцев боролось в составе отрядов милиции. На защиту Канады выступили и индейские племена (стр. 312).

Важнейшим следствием войны явилось пробуждение национального сознания трудового населения Канады. «Отбивая при помощи оружия одну за другой попытки вторжения,—пишет Райерсон,— защищая свои семьи, свои дома и земли, поселенцы, говорящие как на французском, так и на английском языках, стали по-новому осознавать себя в качестве канадцев» (стр. 311). В результате усилилось сопротивление английскому господству, борьба канадского народа за демократические права стала переплетаться с борьбой за национальную независимость.

Книга заканчивается на одном из интереснейших отрезков истории Канады, накануне буржуазно-демократической революции 1837 года.

Таким образом, перед нами богатая фактами, написанная зрелым ученым марксистская книга о важнейшем периоде истории Канады. Это в полном смысле слова народная история Канады, и в качестве таковой она заслуживает самой высокой оценки.

А. И. Кононцев

[5] Одним из наиболее рьяных приверженцев этого взгляда является уже цитировавшийся A. L. Burt. Указ. соч., стр. 310.

КУМАКУРА ХИРОЯСУ. Сэнго хэйва ундоси. История послевоенного движения за мир. Токио. 1959. 206 стр.

Развернувшиеся летом 1960 г. грандиозные выступления японского народа против американо-японского «договора безопасности» продемонстрировали перед всем миром решимость миллионов японских патриотов бороться за мирное будущее своей страны, за ее подлинную национальную независимость, за то, чтобы никогда больше не повторилась трагедия Хиросимы и Нагасаки. Буря народного гнева, охватившая всю страну, закрыла перед самым носом президента Эйзенхауэра дверь в Японию, опрокинула кабинет Киси, вынудила правительство Икэда досрочно распустить парламент и провести новые выборы.

Столь широкий размах борьбы японского народа был подготовлен всем ходом послевоенного движения за мир, национальную независимость и демократию. Именно об этом движении рассказывается в книге «История послевоенного движения за мир», принадлежащей перу Кумакура Хироясу — одного из активных деятелей японского движения сторонников мира.

Автор справедливо рассматривает эту борьбу как составную часть всемирного движения сторонников мира. «Движение за мир в Японии,— пишет он,— будучи частью мирового движения, росло и крепло, используя международный опыт. В то же время, развиваясь, оно вносило в международное движение опыт самой Японии» (стр. 25). Борьба японского народа за мир освещается на фоне важнейших международных событий, в соответствии с основными этапами развития всемирного движения сторонников мира.

Это движение в Японии зародилось в конце 40-х годов в условиях оккупации страны американскими войсками. В тот период империалисты США уже открыто взяли курс на превращение Японии в свой военный плацдарм на Дальнем Востоке. В результате подписания в 1951 г. Сан-Францисского мирного договора, а также «договора безопасности» оккупация Японии была заменена режимом так называемой «сан-францисской системы». Формально суверенитет Японии был восстановлен, но ее военно-политическая и экономическая зависимость от США была полностью сохранена. Эти особенности послевоенного развития Японии определили специфические черты движения японского народа в защиту мира. Главной из них, как отмечает автор рецензируемой книги, является тесное переплетение борьбы японского народа в защиту мира с борьбой за завоевание действительной независимости страны и в защиту демократии (стр. 26—28).

Правильность этого положения бесспорна. Действительно, восстановление подлинного суверенитета Японии немыслимо без ликвидации неравноправных договоров, навязанных ей американскими империалистами, и в первую очередь «договора безопасности», превратившего японскую территорию в военную базу США, а самую Японию — в орудие выполнения военных планов Пентагона на Дальнем Востоке. Ликвидация «договора безопасности», этого инструмента войны и агрессии, устранила бы один из главных очагов международной напряженности. Автор подчеркивает, что отмена этого договора является самой срочной и самой важной задачей японского движения в защиту мира в настоящее время, поскольку она «не только открывает широкую дорогу к подлинной независимости Японии, но и является наиболее важным средством обеспечения мира и безопасности» (стр. 27).

Столь же неразрывна связь борьбы японского народа за мир с борьбой в защиту демократии. Исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что подавление демократии расчищает путь милитаризму и войне. Этим же целям подчинено и то наступление на демократические права японского народа, которое японская реакция развернула одновременно с выработкой планов включения Японии в атомную стратегию США. Не случайно на состоявшейся в июне 1958 г. всеяпонской конференции сторонников мира требование защиты демократии наряду с требованием запрещения ядерного оружия было выдвинуто как одна из центральных задач движения в защиту мира в Японии (стр. 28). Уже с первых страниц книги автор ясно очерчивает размежевание в Японии сил мира и сил реакции и войны: с одной стороны, широкие слои японского народа во главе с его рабочим классом, которые связывают будущее своей страны с обеспечением ее мирного развития, с другой — реакционные круги японского монополистического капитала, вступившие в сговор с империалистами США и вместе с ними толкающие Япо-

нию на путь возрождения милитаризма и опасных для дела мира внешнеполитических авантюр.

Движение японского народа в защиту мира почти с самого начала развивалось широким фронтом. Борьба за запрещение атомного и водородного оружия, против американских военных баз и против «договора безопасности», борьба за воссоединение с Японией Окинавы и других островов, оккупированных США, движение за нормализацию отношений Японии с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, движение в защиту демократии — таковы основные направления борьбы японского народа за мир, за национальную независимость своей родины.

Важным участком борьбы за мир в Японии является движение за запрещение атомного и водородного оружия. Японский народ, помня о трагедии жителей Хиросимы и Нагасаки, полон решимости добиваться запрещения ядерного оружия. Народ активно выступает против атомного вооружения японской армии, чего всячески добивается при поддержке империалистов США японская реакция.

Движение за запрещение атомного оружия приобрело в Японии с 1954 г. всенародный характер. Поводом, вызвавшим подъем и расширение движения, был взрыв американской водородной бомбы на атолле Бикини. После того как «пепел смерти» пал на головы экипажа японского рыболовного судна «Фукурю-мару № 5», гнев и возмущение охватили всю Японию. «Никто не отдавал приказа,— пишет автор.— Сначала женщины района Сугинами в Токио, а затем повсюду, во всей стране, в городах, в селах, на предприятиях, люди различных политических взглядов, идеологических убеждений и религиозных верований по собственному почину начали собирать подписи под требованием запретить атомное и водородное оружие» (стр. 113). Кампания сбора подписей охватила всю страну и превратилась во всенародное движение. По инициативе представителей Хиросимы было принято решение о созыве в этом городе в десятую годовщину со дня атомной бомбардировки Японии американской военщиной международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия. Конференция была проведена в августе 1955 года. Ко дню ее открытия число подписавшихся в Японии под требованием запретить атомное и водородное оружие превысило 30 млн. человек (стр. 121). Это был грандиозный успех японских сторонников мира.

Движение против атомного и водородного оружия, охватившее самые широкие слои японского народа, превратилось в могучую силу, с которой все более вынуждены считаться правящие классы страны. Под давлением грандиозных выступлений трудящихся масс японский парламент в 1956 г. высказался за запрещение атомного и водородного оружия (стр. 116 и 128).

В тесной связи с борьбой в защиту мира рассматривает автор начавшееся в 1953 г. движение японского народа за нормализацию отношений с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Восстановление японо-советских дипломатических отношений, на которое пошло правительство Хатояма вопреки сопротивлению внутренней и внешней реакции, явилось результатом упорной борьбы японского народа, а также политики мирного сосуществования, неуклонно проводимой Советским Союзом. Говоря об этом, автор подчеркивает, в частности, большую роль совместной советско-китайской декларации 1954 года. Эта декларация, в которой оба правительства заявили, что СССР и КНР в своей политике в отношении Японии исходят из принципов мирного сосуществования, была горячо встречена японской общественностью и стимулировала усиление требований японского народа нормализовать японо-советские и японо-китайские отношения (стр. 82).

Автор уделяет особое внимание движению японского народа против «пересмотра» «договора безопасности». Борьбу за ликвидацию этого договора японский народ связывает прежде всего с требованием отказа Японии от вхождения в военные блоки. В связи с этим автор рассматривает проблему перехода Японии на путь нейтралитета. Жизненную необходимость перехода Японии к нейтральной политике он аргументирует тем, что нейтралитет наилучшим образом гарантирует безопасность страны, обеспечивает восстановление ее подлинной независимости (стр. 162—163).

История борьбы японского народа в защиту мира является наглядным свидетельством того, что «движение сторонников мира — это самое широкое движение современности, охватывающее людей разных политических и религиозных убеждений, принадлежащих к разным классам общества, но объединенных благородным стремлением не допустить новых войн, обеспечить прочный

мир»[1]. Сила и действенность этого движения в его массовости, в его всенародном характере.

Красной нитью через всю книгу проходит мысль о ведущей роли в борьбе за мир рабочего класса Японии. На многочисленных примерах автор показывает, что успех того или иного выступления японского народа в защиту мира всегда был связан с активным участием в нем рабочего класса Японии (например, движения в Утинада, Сунагава, борьба против пересмотра закона о полиции, движение за запрещение атомного и водородного оружия, борьба против «договора безопасности» и т. д.).

Опыт движения японского народа в защиту мира дает немало поучительных уроков, в частности, он показывает, какое громадное значение для успеха движения имеет единство действий народа, и особенно единство рабочего класса. Опыт этой борьбы свидетельствует также о том, что ее успех мог бы быть еще более значительным при условии постоянного единства действий пролетариата в общенациональном масштабе. К сожалению, руководители социалистической партии не раз отказывались идти навстречу предложениям руководства компартии о сотрудничестве. Тогда же, когда лидеры социалистов шли на совместные действия с компартией, борьба за мир и демократию неизменно приобретала огромный размах и была более действенной. Красноречивым подтверждением этому является единство коммунистов и социалистов в борьбе против «договора безопасности»

В своей самоотверженной борьбе за мир, демократию и национальную независимость японский народ опирается на поддержку и солидарность всех миролюбивых народов. Неоднократно мировая общественность поднимала свой могучий голос в защиту демократических и национальных прав японского народа. В то же время и сам японский народ выступал активно против опасности войны, за упрочение всеобщего мира. Обо всем этом немало ярких примеров и фактов найдет читатель в книге Кумакура.

С. Л. Будкевич

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М. 1961, стр. 59.

J. DEBU-BRIDEL. Les Journées de Paris. T. I. De Philippe-Auguste à Louis XI. Les révolutions de 1358 et de 1413. Paris. Les Editions Mondiales. 1960. 286 p.

Ж. ДЕБЮ-БРИДЕЛЬ. Парижские дни. Т. I. От Филиппа-Августа до Людовика XI. Революции 1358 и 1413 годов.

Перу Жака Дебю-Бриделя принадлежит ряд работ по истории Франции[1]. Входящая в их число рецензируемая книга представляет собой первый том задуманной автором серии, которая должна будет охватить историю Парижа за последние шесть столетий. Первый том посвящен «революциям» (по терминологии автора) XIV и XV вв.: восстаниям Этьена Марселя в 1358 г. и Симона Кабоша в 1413 году. Содержание следующего тома составит описание Парижской «республики» 1588—1589 гг. и Фронды середины XVII века. Серия затронет также Французскую буржуазную революцию конца XVIII в., июльскую революцию 1830 г., июньскую эпопею 1848 г., Коммуну 1871 г. и антигитлеровское восстание 1944 года. Все эти революционные выступления, как пишет Дебю, суть поворотные моменты в отечественной истории, важнейшие рубежи, отделяющие один исторический период от другого; в анализе же революций лежит ключ к пониманию прошлого Франции (стр. 9—10). Естественно, что подобное исследование, редкое в буржуазной историографии, привлекает внимание читателя.

Книга Дебю состоит из четырех глав, посвященных соответственно истории Парижа до середины XIV в., восстанию 1358 г., истории Парижа последующих десятилетий и восстанию 1413 года. Эта ра-

[1] J. Debu-Bridel. La duchesse de Longueville. Paris. 1938; его же. La Fayette. Paris. 1945; его же. Abelard. Paris. 1946; его же. L'agonie de la IIIe République. Paris. 1948; его же. Charles de Gaulle: la naissance de la IVe République. Paris. 1949.

бота основана на изучении большого количества специальных исследований, а также мало использованных ранее архивных документов. Автор упоминает об изученных им материалах довольно скупо и приводит ограниченное количество ссылок. Тем не менее книга содержит много важных данных из истории Парижа и его населения. Правда, читатель, знакомый с исследованиями М. М. Себенцовой[2], не столкнется ни с какими новыми открытиями кардинального значения, но он сможет встретить упоминания об интересных частных фактах и оценит ряд тонких наблюдений.

Каковы же главные идеи автора, нашедшие отражение в рецензируемой книге? Первая из них состоит в том, чтобы показать ведущую роль Парижа во французской истории. Начиная с XIV столетия, пишет Дебю, Париж стал лицом Франции; познать Париж и познать Францию — понятия идентичные; «парижский дух» определяет наиболее характерные особенности психологии французской нации; история Парижа есть, по существу, история страны(стр. 10—11).

Опираясь на данный тезис, Дебю стремится доказать, что от исхода парижских восстаний 1358 и 1413 гг. зависела политическая судьба страны и будущее феодального строя (стр. 10—12, 77, 232). При этом автор обходит факты, не укладывающиеся в его схему: значение крестьянских движений жаков и тюшенов; активную политическую роль провинциальных городов; события Столетней войны, приходящейся на те же годы. Стоило бы Дебю, в соответствии с истиной, сказать, что судьбы Франции в то время существенно зависели, помимо действий парижан, и от иных факторов (позиции Англии, последствий Жакерии, действий феодальных клик Бургиньонов и Арманьяков), как вся его концепция распалась бы.

Пытаясь подкрепить свой тезис о неограниченной доминанте Парижа, автор подчеркивает, что этот город является историческим феноменом, не имеющим себе равных среди других столиц (стр. 11, 77, 232). В чем же причина этого? Дебю связывает «необыкновенное возвышение» Парижа в X—XIV вв. с чисто политическим моментом — деятельностью династии Капетингов, благодаря которой уже в XII столетии появились «провинция» (Тулуза, Руан, Дижон, Нанси и т. д.) и столица-господин; постепенно Париж все более воплощал в себе единство французского народа, а присутствие королевской власти превратило столицу в хозяина страны; без Капетингов не было бы и Парижа (стр. 20—21, 27—28, 280). В угоду своей концепции автор игнорирует достижения науки за последние сто лет. В наши дни трудно найти даже в буржуазной историографии автора, который бы столь открыто отходил от признания примата социально-экономических факторов и выпячивал политический фактор в возникновении и росте городов[3].

Вторую идейную линию книги представляет собой тенденция усматривать в историческом процессе наличие своеобразной «повторяемости событий». Один из ее элементов заключался, по мнению Дебю, в том, что страной можно было управлять только из Парижа. Так, Генрих IV был признан северянами, лишь когда он окончательно попал в 1593 г. в Париж; Тьер в 1871 г. ничего не мог добиться, пока оставался в Версале; с Лавалем, пишет автор, в 1940—1944 гг. потому не считались, что он находился в Виши; де Голль начал управлять страной, лишь обосновавшись в Париже (стр. 23). Подобные же параллели проводит Дебю, иллюстрируя другой элемент «повторяемости» — развитие революционных событий по идентичным этапам. Например, 1355 — 1358, 1409—1413 и 1789—1793 годы во многом, по мнению автора, копируют друг друга, вплоть до деталей (стр. 86, 92, 212, 220, 240); разгул Арманьяков после 1413 г. повторился в кровавых злодеяниях Кавеньяка в 1848 г. и войск Галифе в 1871 г. (стр. 269); в 1358 г. артиллерия сыграла на улицах Парижа ту же роль, что и в 1871 г. (стр. 121); Коммуна 1871 г., даже будучи уничтоженной, спасла Францию от победы реакции в той же мере, как и восстание 1358 г., даже подавленное (стр. 127). Какими же аргумен-

[2] М. М. Себенцова. Кабошьены и ордонанс 1413 г. «Ученые записки» МГПИ имени Ленина. Т. 37. 1946. Вып. 3; ее же. Из истории Парижа XIV—XV веков. Там же. Т. 59. 1949. Вып. 3; ее же. Восстание кабошьенов. «Труды» МГИАИ. Вып. 12. 1958.

[3] Ср., например, работы авторов разных направлений: R. Dion. Paris: Lage, Werden und Wachsen der Stadt. Frankfurt a. M. 1951; R. Héron de Villefosse. Histoire de Paris. Paris. 1955; J. Hillaret. Connaissance du Vieux Paris. Paris. 1956; P. Lavedan. Histoire de Paris. Paris. 1960. См. также E. Engelmann. Zur städtischen Volksbewegung in Südfrankreich. Berlin. 1959.

тами пользуется Дебю-Бридель, чтобы обосновать свою теорию? Аргументы попросту отсутствуют. Без сомнения, уроки истории во многом поучительны и нередко наталкивают исследователя на сопоставления. Но это еще не значит, что в истолковании исторического процесса следует допускать авторский произвол, могущий привести в конце концов к гносеологическому волюнтаризму.

Третьей основной идеей книги служит деление Дебю-Бриделем исторических событий на «дни» и «будни». «Парижский день» — это кратковременная, но величайшая по значению революция, важная веха исторического процесса (в этом — смысл названия книги). В промежутках между «днями» развитие совершается через непрерывную смену «парижских будней», не играющих существенной роли. Лишь когда за дело берется народ, «будни» превращаются в «дни», и только в такие моменты по-настоящему творится история (стр. 10). Справедливость требует отметить, что автор на протяжении всей книги демонстрирует свои симпатии к народным массам, к революционным «дням», и это, несомненно, привлекает читателя. В научном отношении наибольший интерес также представляют страницы, посвященные описанию самих «дней»: 22 января 1358 г. (апогей восстания Э. Марселя), 20 декабря 1409 г. (победа народной партии во главе с Иоанном Бесстрашным), 20 января 1412 г. (восстановление прав Парижского муниципалитета), 28 апреля 1413 г. (первое взятие Бастилии народом), 27 мая 1413 г. (принятие ордонанса кабошьенов). Исходя из правильного положения о том, что «никогда не происходило революции без социальных потрясений, а социальных потрясений — без сильных перемен в составе собственников и без ломки прежних способов присвоения» (стр. 256), автор характеризует восстание 1358 г. как удар бюргерства по феодальной финансовой системе, восстание же 1413 г.— как массовое народное движение, направленное на ликвидацию в городах феодальной собственности. Таким образом, бюргерское движение за полвека переросло в плебейское, и именно за эти полвека оформилось третье сословие, ведущая социальная сила «классического» и позднего французского средневековья (стр. 167).

Признавая правильность отдельных положений у Дебю, приходится все же отметить, что, помимо упомянутых выше, работе Дебю присущ и ряд других серьезных недостатков. Дебю часто пользуется термином «класс», но истолковывает его далеко не в научном его значении, путая классы и сословия, классы и социально-политические группировки. Так, «революционный Париж», по мнению автора, сформировался из служащих Латинского квартала, журналистов, ремесленников, жителей предместий, легистов, чиновников, студентов, адвокатов и рабочих; свои «революционные потенции» Париж раскрывал лишь тогда, когда в городе «сливались воедино» администрация, суд, университет, искусства, ремесла, труд и бедность; если же хотя бы один из этих элементов отсутствует, революция будто бы исключается; главные классовые силы движения 1407 г.— студенты, мясники, народ (стр. 13, 27, 183—192). К тому же автору свойственно смягчать классовые коллизии внутри третьего сословия. Он настойчиво проводит ту мысль, что Франция лишь тогда добивалась успеха и прогрессировала, когда третье сословие столицы выступало единым фронтом, особенно когда «парижане в целом» (внеисторическая категория для Дебю) могли установить свою диктатуру. Наоборот, Франция всегда якобы терпела ущерб, когда противостояла парижанам. Подобная «теория» приводит автора к ряду грубых промахов, например, к неверной оценке роли народной героини Жанны д'Арк, и все лишь потому, что порой ее армия враждовала с Парижем (стр. 200, 225, 274). Из того же непонимания Дебю-Бриделем позиции исторических деятелей проистекает нелепое сопоставление Фомы Аквинского с Прудоном (стр. 257), утверждение, что Людовик XI был королем-революционером и социалистом (стр. 278—279), и т. п. Вот почему работа Дебю-Бриделя подтверждает старую истину, что неверные исходные установки не могут не повлечь за собой ошибок в самом исследовании.

А. Я. Шевеленко

GERMAINE WILLARD. La drôle de guerre et la trahison de Vichy (septembre 1939 — juin 1941). Paris. Editions sociales. 1960. 174 p.
ЖЕРМЕНА ВИЛЛАР. «Странная война» и измена Виши (сентябрь 1939 — июнь 1941).

Французская коммунистическая партия предприняла издание серии книг с целью научного освещения ведущей роли рабочего класса Франции и его Коммунистической партии в деле объединения всех национальных и демократических сил в борьбе за мир, демократию и социализм. К этой серии принадлежит и рецензируемая книга. Жермена Виллар, используя подпольную прессу и документы, посвятила свою работу одному из самых трудных периодов истории партии и трудящихся Франции — 1939—1941 годам.

Во французской реакционной литературе история этих лет подвергается самой грубой фальсификации. Лейтмотивом реакционной буржуазной и ревизионистской литературы по истории Франции периода второй мировой войны является лживое утверждение, будто бы ФКП вплоть до июня 1941 г. не вела борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Буржуазные идеологи взяли за правило возводить на Компартию эту клевету, чтобы изобразить ее политику как антинациональную и полностью лишенную самостоятельности.

Автор рецензируемой работы, опираясь на факты, опровергает антикоммунистические домыслы клеветников. Книга Ж. Виллар убеждает читателя в том, что ФКП была подлинным вдохновителем и организатором всенародной борьбы против оккупантов и коллаборационистов. Перед читателем книги Французская коммунистическая партия предстает как ведущая национальная сила народа, руководившая борьбой за спасение нации и сочетавшая подлинный патриотизм с пролетарским интернационализмом.

Ж. Виллар впервые в исторической литературе выделяет, на наш взгляд, вполне обоснованно два периода в деятельности Компартии с начала оккупации и до нападения гитлеровской Германии на СССР: период с июня до октября 1940 г. и период с октября 1940 г. до июня 1941 года.

Первые четыре месяца после капитуляции были временем призыва к Сопротивлению, реорганизации и собирания демократических сил. Исторический манифест от 10 июля был направлен на объединение всех национальных сил вокруг рабочего класса для борьбы за освобождение родины. В отличие от буржуазной концепции Сопротивления, которая заключалась в том, чтобы, покинув Францию, сражаться в рядах английской армии, коммунисты выдвинули другую концепцию: освобождение Франции самим народом.

Для организации сопротивления фашистским оккупантам и их приспешникам внутри страны Компартии пришлось преодолеть огромные трудности. Надо было рассеять иллюзии в отношении Петэна и его режима, разоблачить его демагогическую пропаганду идей «национальной революции», раскрыть фашистское лицо вишистской клики.

С октября 1940 г., пишет Ж. Виллар, начался второй период в деятельности Компартии. Изменения в международной обстановке, усиление антифашистской борьбы народов, активная внешняя политика Советского Союза привели к тому, что «вторая мировая война начала принимать характер народной войны против национального и политического угнетения, которое фашисты устанавливали во имя «нового порядка». Пропаганда Компартии, первые акты Сопротивления, стачки рабочих, начало вооруженной борьбы — все это способствовало объединению крестьян, интеллигенции, истинных патриотов вокруг рабочего класса. В мае 1941 г., пишет автор, обстановка во Франции существенно отличалась от ситуации июня 1940 года. Поэтому Коммунистическая партия смогла обратиться 15 мая с новым призывом создать Национальный фронт борьбы за независимость Франции. Новый этап борьбы определился после начала Великой Отечественной войны Советского Союза.

Анализируя расстановку классовых сил в стране в 1939 г., Ж. Виллар интересно осветила вопрос о корнях «странной войны». Начиная войну с Германией, империалистические круги Франции ставили перед собой антинародные и антисоветские цели. Но правящая верхушка не была монолитна в вопросе о путях осуществления этих целей. Круги, связанные с «пятой колонной», французские фашисты — Лаваль, Дорио, Маркэ, де Бринон и др.,— проделали путь от февраля 1934 г. к Виши. Ценой поражения они хотели создать в стране фашистский режим. Другие, принадлежавшие к мюнхенской клике, стремились к миру с фа-

шистской Германией, чтобы повернуть Гитлера на Восток. Опираясь на документы, автор рассказывает об интригах Жоржа Боннэ, искавшего пути к сговору с Гитлером.

Однако большая часть французской правящей верхушки высказалась за другой вариант Мюнхена. Подписание соглашения о мире с Гитлером несло с собой некоторые затруднения. Внутри страны оно отняло бы удобный предлог для ведения антинародной войны, вовне — затруднило бы объяснение действий, направленных против СССР. Отсюда решение: вести войну не воюя, то есть вести «странную войну».

По-новому, свежо в книге Ж. Виллар освещены и некоторые другие вопросы. Хотелось бы, однако, увидеть более подробно изложенным вопрос о тех монополистических кругах, которые стояли за отдельными группировками французского правящего класса. В своей массе буржуазия, представленная кликой Петэна, шла на сотрудничество с гитлеровской Германией. Но уже с самого начала наметились разногласия в ее среде по вопросам политической тактики. Были «ультраколлаборационисты» типа Лаваля и были «более осторожные» круги французской буржуазии, не желавшие слишком тесно связывать свою судьбу с гитлеровской Германией. Нам представляется в связи с этим, что объяснение отставки Лаваля в декабре 1940 г. стремлением петэновской клики избежать конфликта с Англией и опасности разрыва с США (стр. 153) дано недостаточно обоснованно. Ведь после отставки Лаваля Петэн и преемники Лаваля — Фланден и Дарлан продолжали политику коллаборационизма с не меньшим рвением, чем Лаваль. Небезынтересным является и вопрос о том, какие же группы монополий стояли за спиной той фракции французской буржуазии, которая находилась в антинемецком лагере.

В заключение можно с уверенностью сказать, что работа Ж. Виллар вносит ценный вклад в марксистско-ленинскую историографию Франции периода второй мировой войны. Прав Франсуа Бийу, когда он пишет в предисловии к книге: «Отныне ни один историк, стремящийся к научному изучению данного периода, не может пройти мимо работы Жермены Виллар» (стр. 9).

И. С. Киссельгоф

R. STRAUSS. Die Lage und die Bewegung der Chemnitzer Arbeiter in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Berlin. Akademie-Verlag. 1960. 384 S.

Р. ШТРАУС. Положение рабочих и рабочее движение в Хемнице в первой половине XIX столетия.

Рецензируемая монография посвящена положению рабочего класса и рабочему движению в г. Хемнице (ныне Карл-Маркс-штадт) в первой половине XIX века. Автор книги принадлежит к тем историкам ГДР, которые, стремясь дать марксистский анализ революции 1848—1849 гг. в Германии, поставили перед собой задачу показать активную роль в этой революции рабочего класса, в данном случае пролетариата Саксонии. В отличие от реакционных историков из ФРГ, фальсифицирующих ход событий в революции 1848 г. и пытающихся принизить историческое значение борьбы немецкого рабочего класса [1], в историографии ГДР за последнее десятилетие интенсивно разрабатываются основные вопросы развития революции 1848 г. с подлинно научных, марксистских позиций. В центр изучения здесь ставятся социально-экономические предпосылки революции, общественная роль рабочего класса и всего демократического лагеря, деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса в 1848—1849 годах. Эти проблемы нашли освещение в ряде крупных работ. Из их числа следует отметить монографию Карла Оберманна «Немецкие рабочие в революции 1848 года» и другие

[1] H. J. Schoeps. Das andere Preussen. Konservative Gestalten und Probleme im Zeitalter Friedrichs-Wilhelm IV. Honnef. 1951 (см. об этой книге «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 197—198); L. Repgen. Märzbewegung und Maiwahlen des Revolutionsjahres 1848 in Rheinland. Bonn. 1955, и др.

его исследования[2], в которых на основе большого фактического материала дается широкая картина рабочего движения тех лет в различных районах Германии, подчеркивается руководящая роль в этом движении К. Маркса и Ф. Энгельса. Большое научное значение имеет также работа Герхарда Шильферта, посвященная борьбе трудящихся в период революционных событий середины прошлого века за демократические преобразования в стране[3]. Наряду с обобщающими трудами Оберманна и Шильферта следует отдать должное и локальным исследованиям, к которым принадлежит рецензируемая книга[4].

В монографии Рудольфа Штрауса приводятся многочисленные и убедительные факты об активной роли рабочих Хемница в революции 1848—1849 годов. Эта проблема освещена автором всесторонне и весьма тщательно. Серьезным достоинством данной работы является надежность приводимых в ней сведений, почерпнутых из архивных источников и подвергнутых марксистскому анализу. Книга Штрауса интересна по замыслу. Кроме того, она восполняет пробел в литературе по проблеме, касающейся влияния выступлений рабочих на общедемократическое движение. Буржуазные авторы, рассматривая факты локальной истории в годы революции 1848—1849 гг., принижали значение крупнейших промышленных центров Германии. Так, известный специалист по истории XIX в. Файт Валентин, останавливаясь в своей двухтомной работе, посвященной революции, на роли Саксонии, совершенно обходит деятельность хемницких рабочих, уделяя преимущественное внимание выступлениям дрезденской мелкой буржуазии в борьбе за имперскую конституцию[5].

В первой части книги Штрауса дана характеристика экономического развития г. Хемница и отдельных отраслей его промышленности (ткачества, ситценабивной промышленности, машиностроения). Автор обстоятельно анализирует положение рабочих масс города, подчеркивая разнородность социального состава пролетарских слоев, куда входили и рабочие мануфактур, и экспроприируемое крестьянство, и разорявшиеся ремесленники. В монографии помещен интересный очерк состояния рабочего движения в предмартовский период и общественного подъема, который переживала в то время вся Саксония (стр. 70, 223, 231, 345). Наибольшую ценность представляет вторая часть книги, посвященная рабочему движению в годы самой революции и участию в ней пролетариев г. Хемница. Автор приводит важные сведения о создании хемницкими пролетариями рабочего ферейна и об их участии в хлебных волнениях в 1846 г. (стр. 234—238). Во время революции 1848—1849 гг. трудящиеся организовывали массовые собрания, на которых обсуждали животрепещущие вопросы того времени; создавали рабочие союзы в целях борьбы за свои права; сражались на баррикадах в сентябрьские дни 1848 г. (стр. 260—269, 290). В майском движении 1849 г. они возглавили движение за принятие имперской конституции, за национальное единство страны (стр. 309—349). Наконец, после подавления революции, в годы реакции, рабочие отстаивали свои завоевания и организации в борьбе против контрреволюционных сил.

По словам Штрауса, революция 1848 г. с ее борьбой за государственное единство и демократические свободы втягивала пролетариат в политическую жизнь. Рабочие не только активно участвовали в народных собраниях, но порой возглавляли мелкобуржуазные массы, сплачивая их, ведя на борьбу и оказывая тем самым огромное влияние на ход революции. «Пролетариат,— пишет Штраус,— борется на левом фланге буржуазии, но он уже больше... не таскает для нее каштаны из огня, как это было в 1830 году. Он ставит свои собственные задачи, отстаивает свои требования, создает свои организации и свою прессу, следует за своими вождями» (стр. 349). В то бурное время, отмечает автор, классовое сознание рабочих росло быстрыми темпами. Но он далек от того, чтобы преувеличивать идейный уровень пролетарских масс, среди которых сильны были мелкобуржуазные воззрения. Рабочее движение

---

[2] K. Obermann. Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin. 1950; его же. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin. 1955, и др.

[3] G. Schilfert. Sieg und Niederlage des demokratischen Wahlrechts in der deutschen Revolution 1848—1849. Berlin. 1952.

[4] Помимо этой книги, Штраус написал исследование об источниках, характеризующих экономическое положение хемницких рабочих: «Quellen zur Lage der Chemnitzer Arbeiter in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts». Chemnitz, 1952.

[5] Vait Valentin. Geschichte der deutschen Revolution 1848—49. Bd. I—II. Berlin. 1930—1931 (см. Bd. I, S. 217—221; Bd. II, S. 472—483).

в те годы еще не было соединено с социализмом (стр. 350).

Вышесказанное является свидетельством положительных сторон данной работы. Однако исследованию Штрауса присущи и недостатки. При наличии большого фактического материала, характеризующего экономику страны в целом, автор не сумел проанализировать специфику экономического развития самой Саксонии, в частности города Хемница, не сопоставив степень хозяйственного развития Хемницкого района и передовой Рейнско-Вестфальской области и не показав удельного веса предприятий Хемница в немецкой промышленности в целом. Подобное же замечание можно сделать и относительно освещения автором вопросов рабочего движения того времени. В чем состояла особенность рабочего движения Саксонии, его отличие от движений в других районах Германии? На эти вопросы читатель не найдет в книге обстоятельного ответа. Р. Штраус не упоминает даже о восстании силезских ткачей, не устанавливает тесной связи мартовских событий в Хемнице с событиями в Берлине и Кельне.

Характеризуя различные рабочие организации Хемница — союзы ткачей, прядильщиков, машиностроителей и др., автор не показал их совместной деятельности. Наконец, констатируя слабое влияние «Союза коммунистов» на рабочих Хемница, Р. Штраус никак не объясняет причин этого явления. Между тем здесь сыграло большую роль то обстоятельство, что местные пролетарии не поднялись еще до понимания основных положений, изложенных в программном документе этой организации — «Манифесте Коммунистической партии».

Несмотря на высказанные замечания, рецензируемая работа представляет определенный интерес как марксистское исследование, вносящее серьезный вклад в изучение революции 1848—1849 гг. в Германии.

Р. А. Авербух

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Nghiên cứ'u lich sứ'». Há-nôi. 1961, № 2(23). Изложение речи директора Института истории ДРВ Чан Хьюи Лъеу 7 января 1961 г. на открытии сессии, посвященной итогам семи лет работы Института истории; Институт истории. Оценка роли некоторых исторических личностей; Нгуен Конг Бинь. О компрадорской буржуазии во Вьетнаме, Ван Тан. Нгуен Чыонг То и его предложения о реформах; Тиен Ба Тан. К вопросу о ликвидации династии выонгов (из журнала «Новое строительство», КНР); Фан Ван Бан. Коммунистическая партия Франции и вьетнамская революция; Чан Хьюи Лъеу. Отражение вьетнамского революционного движения в произведениях вьетнамских авторов (XXXIV); Е. А. Косминский. Некоторые основные вопросы западноевропейского феодализма в советской историографии (окончание).

«Nghiên cứ'u lich sứ'». 1961, № 3(24). Чан Хьюи Лъеу. Поднимать качество научных работ; Као Ван Лыонг. Классовая сущность власти Нго Динь Дъема; Ван Тан. Находки древних каменных предметов на горе До; П. И. Борисковский. Некоторые проблемы изучения каменного века Вьетнама; Нгуен Конг Бинь. О компрадорской буржуазии во Вьетнаме (продолжение); Чан Хьюи Лъеу. Отражение вьетнамского революционного движения в произведениях вьетнамских авторов (XXXV); Нго Ван Хоа. Рабочие Вьетнама до первого этапа эксплуатации страны колонизаторами; Дао Ты Кхай. Некоторые соображения по ряду вопросов, затронутых в статье Чан Куок Выонга и Тю Тхиена «Миновало ли вьетнамское общество период рабовладения?»; Краткий очерк об изучении общественных наук в КНР, КНДР и МНР.

«Nghiên cứ'u lich sứ'». 1961, № 4(25). Анализ анкет-мнений читателей журнала «Изучение истории»; Данг Вьет Тхань. Движение «Донг кинь нгиа тжук» — первое революционно-демократическое национальное движение в нашей стране; Нгуен Конг Бинь. О компрадорской буржуазии во Вьетнаме (окончание); Тиен Ба Тан. Некоторые вопросы оценки исторических личностей (из журнала «Новое строительство», КНР); Дыонг Лан. О необходимости отказа от «истории династий» (из

журнала «Новое строительство», КНР); Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в произведениях вьетнамских авторов (XXXVI); Данг Хьюи Ван и Тионг Тхау. Некоторые соображения о предложениях Нгуен Чыонг То о реформах в конце XIX века.

«Történelmi szemle». Budapest. 1960, № 4. Э. Х. Харасти. О социально-экономических предпосылках чартистского движения; Ю. Пушкаш. Исследование капиталистического развития сельского хозяйства Венгрии на основе данных заводской статистики 1895 г.; Я. Йемниц. Вопрос о войне и мире на Копенгагенском конгрессе II Интернационала; З. Бакшаи. Материалы о заработной плате на Чепельском металлургическом комбинате в 1931—1943 гг.; Д. Дьерфи. Diplomata Hungarica antiquissima 1000—1196; Л. Катуш. Отчет о работе группы по истории национальностей.

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1961, № 1. Выдающийся документ истории международного рабочего движения; Эмиль Борши. Борьба Венгерской коммунистической партии за организацию бедного крестьянства (вторая половина 1945 г.— конец 1946 г.); Эрнэ Загони. Правое и левое крыло венгерской социал-демократии об антифашистском национальном объединении и о создании единого фронта рабочего класса, 1939 г.— июнь 1941 г.; Бела Киршнер. Июльский (1928 г.) пленум Коммунистической партии Венгрии; Янош Йемниц. Анархо-синдикализм в Венгрии до 1914 года; Важный центр пропаганды революционной теории (Г. Обичкин. Газета «Правда» от 11 января 1961 г.); Социалистическое движение учеников средних школ в период Венгерской Советской республики (Ласло Геллерт); Венгерские народные комиссары в Австрии 1919—1920 гг. (журнал «Weg und Ziel», ноябрь 1960 г.); Документы о связях Советской России и Венгерской Советской республики. (Шандорнэ Габор).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961, № 2. Основание СЕПГ — историческая победа марксизма-ленинизма. (Тезисы Политбюро ЦК СЕПГ к 15-й годовщине объединения КПГ и СДПГ); Воззвание к историкам Германии; Документы Московского Совещания — руководство и помощь для исторической науки; Отто Гротеволь. СЕПГ идет по верному пути; Герман Матерн. Социалистическая Единая партия Германии — руководящая сила немецкой нации; Роберт Науман. Социализм — это мир; Зигфрид Томас. Единство действий КПГ и СДПГ и начало антифашистско-демократических преобразований в Берлине (июнь — декабрь 1945 г.); Отто Рюле. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в Германской Демократической Республике; Ласло Мереньи. Неопубликованная речь Карла Либкнехта, произнесенная им в 1912 г. в Венгрии.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, № 2. В. Бартель, Э. Беккер. Роль СЕПГ в развитии марксистской исторической науки в ГДР; Г. Ю. Фридеричи, Ю. Зейдель. Немецкое рабочее движение и Парижская коммуна; П. Рейман. К выходу в свет учебника «История КПЧ»; В. Шмидт. О сотрудничестве Вильгельма Вольфа в «Немецко-брюссельской газете»; В. Шрэдер, Г. Зеебер. Революционная борьба немецкого рабочего класса в 90-е годы XIX в. и западногерманская историография; У. Пленер. Оппортунизм Карла Каутского по организационным вопросам в связи с его участием в оппортунистическом перерождении германской социал-демократии (1900—1914 гг.); А. Абуш. Он был политическим воспитателем наших товарищей. (К 75-летию со дня рождения Эрнста Тельмана); Ф. Гэблер. Великая судьба (по поводу книги Рихарда Шерингера); Г. Гемков. Письмо Августа Бебеля польским социалистам; В. Эйльдерманн. Предостережение Карла Либкнехта в период марокканского кризиса 1911 года; Г. Фукс. Измена Венцеля Якша; Э. Раджоньери. Переписка между Ф. Энгельсом и Ф. Турати; В. Бертольд. Борьба хемницких рабочих с вооруженной контрреволюцией в августе 1919 г.; К. Маммах. О поддержке колониализма правыми социал-демократами в период Веймарской республики и в настоящее время.

«Kwartalnik historyczny». Warszawa, 1961, № 1. Владислав Чаплиньский. Западные земли в политике шляхетской Речи Посполитой (1572—1764); Леон Гросфельд. Экономические факторы и политические цели центральных стран в польском вопросе (1914—1916); Людвик Гасс. Формирование левого течения в Польской социалистической партии и внутрипартийное положение (ноябрь 1923 г. — май 1926 г.); Целина Бобиньская. О «классовой структуре сознания» (в порядке полемики); Анджей Зайончковский. Социологические предпосылки исследований по истории польской шляхты; Тадеуш Лепковский. Толпа в ноябрьском восстании; Юзеф Дуткевич. Замечания в связи со статьей Герада Лябуды «Методика подготовки историков»; Польша Пястов (фрагменты выступления Ю. Бардаха и А. Гейштора); Анджей Фэликс Грабский. Изучение трудов Иоахима Лелевеля в современной Польше (1945—1960); Рышард Колодзейчик. Превращение городов в населенные пункты в Королевстве Польском.

«Kwartalnik historyczny», 1961, № 2. Станислав Хошовский. Революция цен в Центральной Европе в XVI и XVII вв.; Мариан Маловист. Польша и революция цен в Европе в XVI и XVII вв.; Фелиция Романюкова. К вопросу об участии поляков в I Интернационале; Мариан Дроздовский. Предпосылки эволюции экономической политики польского правительства в 1936—1939 гг.; Жанна Кормановa, Ирена Петшак-Павловска. О новом синтезе польской истории второй половины XIX в.; Генрик Самсонович. Новые направления исследований по исто-

рии Ганзы; Мечислав Живчинский. Меттерних в свете новейшей историографии.

«Československý časopis historický». Praha. 1961, № 1. Вомачкова В. Национальный вопрос в буржуазной революции 1848 г. в чешских землях (присоединение чешских земель к Германскому таможенному союзу); Полак Е. К вопросу о распадении «национальной коалиции» и установлении власти международной буржуазии в Чехословакии в 1925—1926 гг.; Кршен Я. Реваншисты с антинацистским прошлым; Новый Р. Структура феодальной ренты в догуситской Чехии; Гейман Ф. Кутна Гора — Малешов. Две топографических проблемы Жижковских битв; Шнейдарек А. Тайные переговоры Бенеша с немцами в 1936—1937 годах.

«Historie a vojenství». Praha. 1961, № 1. Яромир Махач. За высокую идейность в военно-исторической работе; Яромир Навратил. Борьба за народную армию в Словакии в 1945—1946 годах; Антонин Бенчик. Коммунистическая партия Чехословакии и партизанское движение; Вацлав Гиндрак. Завершение борьбы за оборону республики в 1938 году; Франтишек Кружик. Коммунистическая партия Чехословакии и чехословацкие добровольцы в интернациональных бригадах в Испании; Вера Бржахова и Радко Бржах. Политическая работа Коммунистической партии Чехословакии в армии в двадцатые годы. К некоторым вопросам политики КПЧ в армии в 1924—1929 годах.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Буржуазная историография ФРГ на службе западногерманского империализма

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 8, S. 1811—1831.

В номере помещена статья Э. Гофмана «О развитии и роли западногерманской историографии». Она разоблачает реакционный характер западногерманской буржуазной историографии, вскрывает ее антинаучную сущность.

Разгром германского империализма в 1945 г. означал в то же время и поражение обслуживавшей его нужды германской буржуазной историографии. Однако реакционные западногерманские историки не извлекли из этого надлежащие уроки и не стали на путь, соответствующий интересам народа. Более того, они предприняли чисто империалистическую ревизию своей прежней исторической концепции, всецело поставив ее на службу реваншистским планам.

Реакционные западногерманские историки пытаются противопоставить марксистско-ленинской исторической концепции «христианско-западную», или «христианско-европейскую» концепцию, которая, заменяя устаревшую «национальную» доктрину германского империализма (особенно в ее «преувеличенно-национальной», фашистской форме), призвана «обосновать» империалистические планы «объединения Европы».

«Христианско-западная» концепция призвана обобщить концепции «технического века», «индустриального общества», «свободного западного порядка», «социального капитализма», «немецко-западнославянской общности судьбы» и т. п. Этими антинаучными идеями и теологическим иррационализмом западногерманские буржуазные историки подменяют историческую правду, все более подчиняя свою деятельность политическим целям боннского правительства, что привело западногерманскую буржуазную историографию к глубокому кризису.

Научную несостоятельность и агрессивную сущность «христианско-европейской» концепции признают даже некоторые из ведущих буржуазных историков, в частности английский историк Г. Бараклоу, интересные высказывания которого приводит в своей статье Э. Гофман. «Я не знаю историка, который подходил бы к вопросу о «западноевропейской культурной традиции» иначе, как руководствуясь интересами текущей политики и с уже заранее заготовленным ответом»,— заявил Бараклоу во время встречи английских и немецких историков в Оксфорде в 1950 году. «Теория единства западноевропейской культуры,— уточняет он,— превратилась в идеологическую дымовую завесу, которой прикрываются сторонники атомного вооружения». Трудно более четко сформулировать подлинную сущность «христианско-европейской» исторической концепции.

Э. Гофман подчеркивает теснейшие связи исторических учреждений и ведущих реакционных буржуазных историков ФРГ

с правительственными учреждениями, монополиями и церковью. Правительственные чиновники, монополисты и клерикалы заседают во многих ученых советах; в то же время реакционные представители исторической науки активно подвизаются на политической арене.

Западногерманская реакционная историческая литература проникнута духом антикоммунизма. В ФРГ преследуется марксистско-ленинская историческая мысль; объявлена война и всем буржуазно-прогрессивным политическим и научным воззрениям. Автор статьи вскрывает научную несостоятельность и реакционность западногерманской историографии, поддерживающей империалистическую политику раскола Германии и подготовку к новой войне.

В. И. Биллик

Ганс Ротфельс снова в роли идеолога «Drang nach Osten»

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, № 1, *S. 21—33*

Статья чехословацкого ученого Пауля Реймана, в основу которой положен доклад, прочитанный автором на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме, разоблачает измышления одного из столпов пресловутого Ostforschung, Ганса Ротфельса.

Известно, что в Западной Германии в системе остфоршунга действует сейчас свыше 50 институтов, кафедр и других учреждений, занятых пропагандой реваншизма, в частности пропагандой захвата «восточного пространства». Ротфельс олицетворяет собой «кадровые силы» германских «советологов», вновь нанявшихся на службу к империалистам Германии, дважды разгромленным в развязанных ими мировых войнах. Поучительнейшие уроки истории ничему не научили профессора «восточноевропейской истории», помогавшего в свое время фашистам в выработке планов завоевания Восточной Европы. Ныне Ротфельс служит реваншистам ФРГ, являясь наряду с Г. Аубином, Б. фон Рихтгофеном, Г. Риттером, Г. фон Раухом одним из ведущих «экспертов» боннского правительства по странам Восточной и Юго-Восточной Европы. Ротфельс выступает с несколько подновленными концепциями, призванными «оправдать» захват «утраченных» на Востоке земель.

П. Рейман подвергает резкой и справедливой критике как новейшие сочинения Ротфельса, так и старые его работы, прослеживая формирование взглядов автора на протяжении нескольких десятилетий. Особенно внимательно Рейман анализирует вышедшую в 1935 г. книгу «Восточное пространство, пруссачество и идея империи», в которой Ротфельс развивал идеи «Третьей империи» и рассматривал «восточное пространство» как область германского господства. В приводимых Рейманом многочисленных выдержках из этой книжонки содержатся откровенные призывы к захвату стран Восточной и Юго-Восточной Европы под видом «культурной миссии», якобы «возложенной на германцев». Сумасбродные идеи завоевания восточных земель и стремление к мировому господству не покидают империалистов Германии.

П. Рейман разбивает весьма шаткие аргументы Ротфельса, пытающегося доказать, будто достижению самостоятельного существования государств Восточной Европы мешали «объединения» этих народов. Вековая борьба поляков, чехов, словаков и других народов против германского господства, за свою независимость либо совершенно замалчивается Ротфельсом, либо в корне извращается и представляется им то как «проявление антигерманского национализма», то как «панславистские притязания».

Как ни усердствовал Ротфельс в своем стремлении отказать народам Восточной Европы в праве на самостоятельное существование, история пошла по иному пути, чем того желали идеологи германского милитаризма. После второй мировой войны на огромной территории Восточной Европы, которая еще и ныне рассматривается некоторыми западногерманскими реакционными историками в качестве «колониального пространства», народы ряда стран создали новый, передовой, народно-демократический строй и успешно строят социалистическое общество.

Однако Ротфельс упорно не желает считаться с уроками истории и делать из них надлежащие выводы. Хотя Ротфельс и иже с ним настойчиво говорят о «пересмотре» своих взглядов, однако в работах, изданных за последние годы, они в который раз защищают и развивают старые, довоенные концепции, открыто призывающие к агрессии против стран Восточной Европы. Подобного рода призывы прозвучали и в

докладе Ротфельса на конгрессе в Стокгольме.

Статья П. Реймана наносит еще один удар по идеологии западногерманских реваншистов и милитаристов.

Ю. М. Юрьев

Венгерская деревня и контрреволюционный мятеж 1956 года

«Századok». Budapest. 1960, 5—6. sz., 835—875. old.

Венгерский историк Иштван Пинтер опубликовал интересную статью, посвященную венгерской деревне в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году. В статье использованы материалы архивов Института истории партии при ЦК ВСРП и Министерства земледелия: донесения представителей правительства и партии, побывавших на местах, сообщения комитатских и окружных партийных организаций в ЦК партии о событиях на местах в дни контрреволюции, письма отдельных коммунистов в Центральный Комитет партии.

И. Пинтер останавливается на тех успехах, которых достигло крестьянство народно-демократической Венгрии к 1956 году. В статье обращено внимание на ошибки старого руководства партии и правительства в крестьянском вопросе, на влияние пропаганды группы Имре Надя в деревне, выступавшей против социалистического преобразования сельского хозяйства. На основе анализа многочисленных фактов автор статьи делает вывод, что враги прибегали к различным приемам, чтобы перенести мятеж в деревню.

В конце октября и в первых числах ноября в деревне, так же как и в городе, свирепствовал белый террор. Он был направлен прежде всего против Советов, коммунистов. Одной из основных целей при формировании контрреволюционных «советов» и «комитетов» было не допустить туда коммунистов, а также членов производственных кооперативов. Эти «советы» и «комитеты» создавались из представителей бывших эксплуататорских классов, жандармов, часто не местного происхождения.

«Реорганизация» полиции также проходила путем насильственного разгона представителей рабочих и крестьян, путем физической расправы с ними. Взамен полиции создавалась «национальная охрана» из бывших хортистских жандармов и полицейских. В период действия «национальной охраны» грабежи, бесчинства, поджоги кооперативного имущества стали повсеместным явлением.

Особое место в статье занимает вопрос о преследовании коммунистов. Членов партии изолировали, устраняли от занимаемых должностей, лишали свободы передвижения, подвергали погрому. На основе полицейских протоколов и других документов автор статьи подтверждает, что контрреволюционеры в дни путча составляли «списки смертников» из числа коммунистов и других прогрессивных лиц. Партийное имущество было разграблено, а партийные организации, по существу, загнаны в подполье.

После упразднения органов социалистического государства — местных Советов была начата кампания за возвращение помещикам и капиталистам их бывших земель, а также за «возмещение» им убытков. Органы мятежников одобряли эти притязания. К сожалению, автор статьи прослеживает главным образом деятельность контрреволюционных банд в деревне. Он не показывает, как сознательное крестьянство активно защищало социалистические завоевания на селе, свои кооперативы. В статье не сказано о происках западных империалистических кругов, стремившихся восстановить капиталистические порядки в Венгрии. Ничего не говорится об объединенных действиях контрреволюционеров внутри страны с их вдохновителями на Западе.

П. П. Безушко

Зарождение профсоюзного движения в Румынии

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe lîngă C. C. al P. M. R.» Bucureşti. 1960, № 6, p. 38—65.

В статье румынских историков И. Якоша и В. Петришора «Рабочие профессиональные организации Румынии в 1893—1899 гг.» поднимается интересный и до сих пор недостаточно изученный вопрос — о превращении рабочих обществ в профессиональные союзы.

Рабочие ассоциации появились в Румынии еще в 60—70-х годах XIX века. Однако классовая незрелость в ту пору румынского пролетариата, распыленного по тысячам мелких предприятий, вела к тому, что основной функцией этих обществ являлась взаимопомощь, а в состав обществ допускались нередко хозяева мастерских, которые

старались использовать эти организации в своих интересах.

В румынской исторической литературе было принято считать, что профсоюзы появились в Румынии лишь после русской революции 1905—1907 годов. И. Якош и В. Петришор, основываясь на тщательном анализе материалов рабочей печати и изучении деятельности рабочих организаций 90-х годов прошлого столетия, показывают, что уже тогда началось постепенное видоизменение функций рабочих ассоциаций, превращение их в союзы, стоящие на позициях классовой борьбы. Это и был процесс, подготовивший создание профессиональных союзов нового типа.

К началу XX столетия в Румынии насчитывалось 320 профессиональных организаций. Они охватывали не только рабочих, но и некоторые категории мелких государственных служащих (например, служащих почты и телеграфа) и многочисленных работников прилавка. Большинство этих организаций примыкало к социал-демократической партии. Анализируя их уставы, авторы приходят к выводу о возросшей классовой сознательности рабочих. В отличие от рабочих обществ 60—70-х годов в союзы допускались уже только лица наемного труда (вне зависимости от вероисповедания, национальности и пола). В уставах имелись пункты о борьбе за такие рабочие требования, как установление восьми—десятичасового рабочего дня, соблюдение воскресного отдыха и т. п.

В 1896 г. была предпринята попытка создать объединение профессиональных организаций в национальном масштабе с тем, чтобы «усилить сопротивление рабочих гнету предпринимателей и капиталистов». Но с самого начала выявились и недостатки объединения: оно не превратилось в организационный центр профессионального движения, охватило далеко не все союзы и не построило свой устав на принципе классовой борьбы. Постепенно деятельность объединения заглохла.

Значительное внимание авторы уделяют проблеме взаимоотношений социал-демократической партии и профессиональных организаций. Они показывают ожесточенную борьбу революционных элементов в партии с ее оппортунистическим руководством, старавшимся свести деятельность профессиональных союзов к взаимопомощи и препятствовавшим развитию классовой борьбы. Передовые, революционные силы рабочего движения боролись за организацию пролетарских масс. Выработанные в 90-х годах XIX в. принципы профессиональных организаций и тактика их борьбы были развиты в дальнейшем с учетом опыта классовых боев в самой Румынии и революции 1905—1907 гг. в России и сыграли крупную роль в развитии рабочего движения в Румынии.

В. Н. Виноградов

О переходе шведского капитализма в монополистическую стадию

«Vår tid». Stockholm. 1960, № 5, s. 161—166.

Коммунистическая партия Швеции уделяет большое внимание разработке новой и новейшей истории страны. Перу одного из руководителей КПШ, Кнута Бекстрёма, редактора теоретического и политического органа партии журнала «Vår tid» («Наше время»), принадлежит большое количество работ о положении и борьбе шведского пролетариата. Несомненный интерес представляет и одна из последних статей К. Бекстрёма — «Когда была заложена основа современной индустриальной Швеции», посвященная проблемам развития шведского капитализма в период его перехода в монополистическую стадию.

Бурный рост шведской промышленности, начавшийся в конце прошлого столетия, знаменовал собой, как отмечает автор, новую эпоху в ее развитии. В промышленности произошли важные структурные изменения. Резко усилился процесс концентрации капитала, которая в тот период достигла в Швеции более высокого уровня, чем во Франции и Германии. С 1896 по 1912 г. количество предприятий металлургической промышленности возросло на 50%, а количество занятых на них рабочих почти удвоилось. Крупные специализированные предприятия возникли в машиностроительной промышленности, причем на семи из них насчитывалось по тысяче и более рабочих. Еще ярче процесс концентрации производства проявился в лесной промышленности. Городское население Швеции за 15 лет увеличилось на 50%. Значительно выросли ряды пролетариата крупных городов, особенно Стокгольма.

За период 1896—1912 гг. объем промышленной продукции в Швеции увеличился в два раза. При этом, подчеркивает К. Бекстрём, наибольший рост наблюдался в производстве готовых изделий, с которыми Швеция успешно выступала на мировом

рынке. Характерный для периода экономического подъема рост мировых цен на готовые изделия оказался очень выгодным для Швеции и отчасти объясняет тот факт, почему она смогла быстро развить свою промышленность без привлечения иностранного капитала. Другим важным обстоятельством, обеспечившим независимость шведской промышленности, было, как считает автор, то, что в начале промышленного подъема Швеция не только не нуждалась в капитале, но даже сама экспортировала его. До 1910 г. экспорт капитала из страны постоянно превышал его импорт.

Автор резко критикует взгляды шведских буржуазных экономистов (Артура Монтгомери, Торстена Гордлунда и др.), которые утверждают, будто возникновение новых форм акционерных обществ и рост числа обладателей мелких акций вели к «демократизации» собственности.

Переход шведского капитализма в монополистическую стадию принес новые лишения рабочему классу. В период экономического подъема заработная плата рабочих значительно отставала от роста цен. Предприниматели вели борьбу с нарождавшимся профсоюзным движением, отказывались от регулирования условий труда, создавали объединения штрейкбрехеров. В статье убедительно показано, что шведская промышленность развивалась на основе безжалостной эксплуатации рабочего класса.

Г. Н. Пирогов

Из истории средневековой карельской деревни

«Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja». Helsinki. 1959. T. 61, s. 3—65.

Финские историки уже более ста лет не без успеха изучают историю и фольклор родственного финнам карельского народа. Достаточно назвать имя Лёнрота, собравшего и записавшего руны Калевалы. Однако многие книги на данную тему, особенно вышедшие в 1918—1944 гг., проникнуты шовинистической тенденцией, стремлением противопоставить карел их русским соседям. Таковы, например, некоторые книги проф. Яаккола. До конца второй мировой войны служили реакционным политическим целям и некоторые издания Финно-угорского научного общества.

От подобного порока свободна обширная статья Мауно Ёкипии «Миеромиес — карельский народный вожак», опубликованная в журнале Финно-угорского общества. Автор статьи — один из ведущих финских медиевистов. Ему принадлежит двухтомное исследование о графствах и бароннях средневековой Финляндии — фактически основная работа по истории феодализма в этой стране в XVI—XVII веках[1]. Рецензируемое же исследование возникло, очевидно, в ходе решения этой центральной темы. Финским термином «mieromies» в шведских источниках XVII и XVIII вв.[2] именовались, как показывает автор, крестьянские руководители, которые выступали с прошениями и жалобами от имени сельских коллективов и возглавляли местные крестьянские движения в карельском Приладожье.

Для историка, интересующегося классовой борьбой крестьян, наибольшую ценность представляет первая часть работы, где автор на основе архивных материалов описывает ряд вооруженных выступлений феодально зависимых крестьян Западной Карелии против шведских угнетателей в XVII веке. Ёкипии занят выяснением смысла, района распространения и происхождения самого термина «mieromies». Автор убежден в его русском происхождении: «miero» он производит от древнерусского слова «мир», то есть община («mies» — человек); заимствованное слово «miero» особенно часто встречается в различных карело-финских словосочетаниях. В современном финском языке «mierolainen» — это бродяга, нищий (ср. русское «идти по миру»).

Не вдаваясь в лингвистическую сторону вопроса и в последующую судьбу самого термина, остановимся на положении миеромиеса в средневековом карельском обществе. Решение этого вопроса затрудняется тем, что в источниках шведской Финляндии данный термин не встречается. Однако в документах можно найти немало аналогичных терминов, например, заимствованный еще у готов «kuningas» (так у древних финнов и карел именовались не только местные вожди, но и просто «лучшие» люди определенного племени или местности, предводительствовавшие на охоте, рыбной ловле и т. п.). В XVI—XVII вв. в Южной

---

[1] M. Jokipii. Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat. I—II. Helsinki. 1956—1960.

[2] В XVII в. Западная Карелия находилась под властью шведов. Шведский язык остался здесь языком администрации и в XVIII в., после возвращения этой области под власть России.

Финляндии, как и в Швеции, вожди крестьянских восстаний провозглашали себя «конунгами».

Картографируя распространение терминов «кунингас» и «миеромиес», Екипии обратил внимание на то, что первый встречается в средневековой Финляндии, а второй — исключительно в Карелии, то есть в районе, много веков находившемся под властью Новгорода, а затем вошедшем в состав русского централизованного государства. Поэтому автор считает миеромиесов карельской разновидностью финских кунингасов и связывает их генетически с племенной верхушкой древних карел.

Признавая гипотетичность этой точки зрения, Екипии надеется, что она будет подтверждена тем, что термин «миеромиес» будет обнаружен в русских источниках, относящихся к периоду до XVII века. Исчерпывающе ответить на данный вопрос могут советские специалисты по истории Карелии. С нашей точки зрения, ответ будет отрицательным: в наиболее известных русских летописных текстах и актах по истории Карелии[3] карело-финские термины не попадаются. Зато в русских документах XVII в. весьма обычными являются слова «мирской челобитчик», «посыльщик». Таких выборных людей часто направляли в Москву с различными прошениями жители Восточной Карелии, неизменно остававшейся под властью Руси[4]. Близость их к западнокарельскому миеромиесу очевидна. Маловероятно, что эти выборные лица позднего средневековья генетически связаны с древнекарельскими местными вождями. Скорее всего и институт и самый термин «миеромиес» возникли в ту феодальную эпоху, когда Карелия вошла в состав русского централизованного государства и ее население вынуждено было обращаться по ряду вопросов к высшим властям. Стремление автора теоретически обосновать свое предположение ссылкой на современную западногерманскую теорию Данненбауэра о господстве аристократии в варварском обществе вряд ли найдет поддержку у советских медиевистов.

Несмотря на спорность некоторых положений, работа М. Екипии представляет серьезный вклад в изучение социально-экономической истории Северной Европы.

А. С. Кан

[3] См. «Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII века». Петрозаводск. 1939; «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.». Петрозаводск. 1941.

[4] См. сборник документов «Карельская деревня в XVII веке». Петрозаводск. 1941.

Об изменениях в кастовой структуре современной индийской деревни

«Southwestern Journal of Anthropology». Albuquerque. 1960. Vol. 16, № 3, pp. 299—311.

На страницах известного в США этнографического журнала опубликована статья В. Рау «Система кастовых общин, связанных семейно-брачными отношениями, и структурные изменения в североиндийской деревне». Статья эта представляет отчет о полевых исследованиях, проведенных автором в одной из деревень штата Уттар Прадеш в 1955—1957 годах.

Отчеты о локальных этнографических обследованиях в последние годы занимают все большее место на страницах буржуазных научных изданий. В современных условиях источники этого типа имеют бесспорную ценность. В Индии ныне происходят глубокие социально-экономические и общественно-политические сдвиги. Для исследователей-марксистов противоречия и конфликты, составляющие живую ткань современной индийской действительности, представляют чрезвычайный интерес.

Автор статьи поднимает важную проблему — развитие касты в современной Индии. Материалы Рау показывают, что независимое капиталистическое развитие далеко не всегда ведет к ослаблению касты. В этих условиях во многих случаях сохраняются, а иногда даже укрепляются кастовые институты.

Основную часть статьи занимают фактические данные о характере и значении брачно-родственных связей в жизни членов касты нония в деревне Сенапур. В районе Сенапура, где обитают представители примерно двух десятков каст, нония считаются одной из низших крестьянских общин. Выходцы из касты нония, составляющие около 15% населения деревни, традиционно являлись батраками и арендаторами у местных помещиков — тхакуров. Подобно большинству индийских каст, брак у нония носит патрилокальный характер, а родство считается по мужской линии. Строго соблюдается кастовая эндогамия и деревенская экзогамия (все члены общины в данной деревне рассматривают себя в качестве

родственников). Поэтому нония женятся только на женщинах своей касты, но из соседних деревень и выдают своих дочерей замуж лишь в другие деревни. В итоге возникает довольно устойчивая система общин нония, живущих в различных деревнях и связанных друг с другом брачно-родственными отношениями. К моменту обследования эта система связывала сенапурских нония с членами их касты примерно в 80 деревнях округи.

Разумеется, сама по себе система междеревенских браков (а для Индии — и ее ограничение определенной кастой) не представляет ничего необычного. Примечательно, однако, то обстоятельство, что в нынешних условиях связи с общинами соседних деревень, возникающие на основе брачно-родственных отношений, играют чрезвычайно большую роль в жизни нония. Подобные связи определяют очень многие стороны быта. Аналогичное положение складывается и в хозяйстве. Трудовая взаимопомощь, заем или совместное использование скота и инвентаря, мелкие ссуды осуществляются нония не столько в пределах своей деревни, сколько в рамках междеревенской системы кастовых общин. В экономике, как и в быту, сенапурские нония теснее связаны с системой кастовых общин, объединяемых брачно-родственными отношениями, нежели с другими кастовыми общинами родной деревни.

Впрочем, как ни важно само по себе это обстоятельство, для исследователя еще интереснее тот (подчеркиваемый Рау) факт, что столь тесные связи между общинами нония в различных деревнях сенапурской округи сложились лишь на протяжении последнего десятилетия. Разумеется, определенная система общин, связанных семейно-родственными отношениями, существовала и раньше. Но связи эти имели второстепенное значение. Хозяйственная деятельность и общественная жизнь нония гораздо больше зависели от тех или иных обитателей Сенапура, нежели от связей с членами своей касты, живущими в других деревнях. Возрастание общественно-экономической роли системы общин, связанных семейно-брачными отношениями, свидетельствует об укреплении кастовых институтов нония в последнее время. К сожалению, автор лишь бегло останавливается на причинах подобных изменений. Однако фактические данные, сообщаемые Рау, позволяют в известной мере восполнить этот пробел.

В Сенапуре колониальных времен, как и в любой индийской деревне, существовала последовательная система кастовой иерархии, определявшая важнейшие стороны жизни крестьянства и являвшаяся одним из главных средств осуществления полуфеодальной эксплуатации его. Нония, работавшие батраками у помещиков-тхакуров или арендовавшие у них клочки земли, находились в большой зависимости от своих хозяев. У тхакуров нония получали землю, заработок, ссуды, «помощь» семенами или инвентарем. В пользу тхакуров они должны были также нести трудовую повинность — бегар. В таких условиях не могли возникнуть сколько-нибудь тесные общественные и хозяйственные связи между нония, живущими в различных деревнях.

Ускорение капиталистического развития индийской деревни после завоевания независимости ослабило полуфеодальную власть помещиков, подорвало незыблемость кастовой иерархии. В результате аграрных реформ нония получили некоторое количество земли. Однако непоследовательные аграрные преобразования не привели к превращению индийских крестьян в свободных фермеров. Господствующее положение в деревне заняли кулаки и капитализирующиеся помещики. Низшие слои крестьянства, подобные сенапурским нония, и после земельных реформ подвергаются жестокой эксплуатации со стороны деревенской верхушки. Сохраняется также их кастовая приниженность, хотя прежняя почти крепостническая зависимость от помещиков из высших каст ушла в прошлое.

Естественно, что деревенские низы пытаются противопоставить помещичье-кулацким верхам собственную социальную организацию. Подрыв абсолютного господства феодально-кастовой иерархии создает ранее отсутствовавшие возможности для возникновения такой организации. Однако в силу общей отсталости индийской деревни, половинчатости и непоследовательности буржуазных преобразований процесс этот зачастую принимает полусредневековые формы. В подобных случаях (как это имело место с нония сенапурской округи) стихийное стремление противостоять давлению верхушки приводит не к созданию современной политической или кооперативной организации, а к оживлению кастовых институтов у низших слоев крестьянства. Освободившись от прежней безграничной власти тхакуров и в то же время не имея опоры в пределах деревни, где незавершен-

ность аграрных преобразований и сохранение кастовых предрассудков мешают объединению крестьянства, нония стремятся получить поддержку у членов своей касты в других деревнях. Особенно наглядно проявилось это стремление при попытке одного из тхакуров во время проведения аграрной реформы осуществить сгон арендаторов-нония. Последние обратились за помощью к членам своей касты не только в Сенапуре, но и в деревнях, откуда происходят их жены. Нония нескольких десятков деревень собрали средства для ведения судебного процесса, а в решительный момент явились в Сенапур, чтобы оказать физическую помощь в борьбе с тхакуром.

Оживление кастовой общности в среде индийского крестьянства, несмотря на то, что в известном смысле оно способствует борьбе деревенских низов против кулацко-помещичьей верхушки, в конечном итоге носит реакционный характер. Оно свидетельствует о глубокой противоречивости буржуазного прогресса. Несомненно, однако, что подобные явления играют немаловажную роль в общественной жизни современной Индии. Именно поэтому материалы В. Рау, как и другие работы такого рода, заслуживают самого пристального внимания советских ученых.

Л. А. Гордон

О причинах падения Западной Римской империи

«The American Journal of economics and sociology». New York. 1960. Vol. 20, № 1, pp. 89—98.

Американский буржуазный исследователь Эмиль Луцкий в статье, посвященной изучению обстоятельств падения Западной Римской империи, анализирует причины сравнительно быстрого захвата германцами одной из цветущих римских провинций — Галлии — в IV—V веках. По мнению автора, все историки, выяснявшие причины гибели Западной Римской империи, обращали внимание на бедственное положение этого государства. Они говорили об истощении почвы, запустении городов, отливе драгоценных металлов на Восток, продажности чиновников и т. д. Однако никто из них не ответил на вопрос: почему сами галлы не оказали сопротивления германцам? Обладая большими материальными ресурсами и почти десятимиллионным населением, Галлия вполне могла бы защитить себя и дать отпор германцам.

Можно было бы ожидать, что Э. Луцкий подвергнет анализу положение крестьянства, рабов и колонов в латифундиях и на землях галльских племен. Однако в статье речь идет не о народе, а о крупных земельных магнатах. О непосредственных производителях материальных благ в статье фактически не говорится. Практически судьба Галлии оказалась, по мнению Э. Луцкого, в руках земельных магнатов.

В чем же причины непротивления магнатов нашествию «варваров»? Для магнатов существовало, по мнению автора, три источника опасности. Первый — это восстания багаудов, особенно активно действовавших в первой половине V века. Второй — это само Римское государство. Сенаторы страшились усиления императорской власти, которая в любой момент могла обернуться против них. И лишь третьим источником опасности являлось вторжение «варваров». Чтобы предотвратить вторжения, землевладельцы должны были укреплять военную мощь рабовладельческого государства. Однако это противоречило их интересам и могло усилить «потенциальный инструмент репрессий» против них. Поэтому магнаты отказывались поставлять солдат из своих поместий в государственную армию и не поддерживали активным образом борьбу с германцами, не возражали против поселения «варваров» в пределах империи и охотно использовали на работах пленных германцев. Вместе с тем магнаты не видели во вторжениях «варваров» угрозы своим позициям и считали компромисс с ними менее опасным, чем прямую борьбу, которая могла бы закончиться, по мнению автора, разорением Галлии в ходе войны.

Э. Луцкий доказывает, что сенаторы сами подготовили путь для вторжения «варваров», и называет галло-римскую провинциальную знать слепой и беспечной, не понимавшей той опасности, которая грозила Римскому государству и его провинциям со стороны германцев. И знать заплатила за это дорогой ценой, заключает автор. Результатом явилось установление в государстве «авторитета германских вождей». Возник «тройственный союз» («варвары» — землевладельцы — император). Но в этом союзе император был отодвинут на задний план. Постепенно его функции перешли к первым двум партнерам, и в V в. римским государством стали править «варварские» вожди в союзе с римскими земельными соб-

ственниками. Таким образом, заключает автор, своекорыстные действия крупных землевладельцев явились основной причиной вторжения германцев, падения Римской империи на Западе и установления средневекового социального и политического порядка.

Утверждения Э. Луцкого вызывают возражения. Автор не понимает классового характера действий галльских землевладельцев, делая упор на «слепоту и беспечность» последних. Очевидно, что социальные интересы магнатов, а далеко не «близорукость», объясняли их поведение. Сомнение вызывает также мысль о том, что отказ поставлять солдат в императорскую армию был обусловлен лишь боязнью усилить центральную власть. Э. Луцкий не учитывает стремления владельцев поместий сохранить рабочие руки, которых так недоставало в IV—V веках. Наконец, бросается в глаза явно неодобрительное отношение автора к движениям багаудов и восстаниям угнетенных низов в Галлии. По его мнению, эти «бунты» угрожали стабильности общественного порядка. Между тем именно эти движения, более чем что-либо иное, способствовали краху рабовладельческих порядков, падению римской власти и в конечном счете — победе новых, феодальных производственных отношений.

Н. И. Голубцова

Американский историк о формировании идеологии АФТ

«The Review of Politics». Notre Dame (Indiana). October, 1960. Vol. 22, № 4, pp. 496—518.

В утомительно однообразной манере и с одинаково негодными шансами на успех американские буржуазные историки, социологи и экономисты навязчиво пытаются уверить своих читателей в правоте фальсификаторского тезиса о «невозможности» сколько-нибудь широкого развития социализма на американской почве. Статья Джералда Гроба «Истоки политической философии АФТ. 1886 — 1896 гг.», преследующая, по существу, те же цели, также не отличается оригинальностью и свежестью суждений.

Выводы Гроба, утверждающего, будто американский рабочий в силу определенных обстоятельств приобрел иммунитет по отношению к социалистическим идеям, не розняются с вымыслами американских буржуазных историков Д. Белла, Д. Шэннона, Г. Квинта и других — участников антисоциалистического клуба. Роднит Гроба со всей этой плеядой «сокрушителей» социализма и его приверженность к несостоятельным средствам «научной» аргументации, например, игнорирование материалов, свидетельствующих о настроениях рабочих масс, профсоюзных низов, субъективистский апологетический подход в оценке действий реформистских лидеров тред-юнионов.

Формально в задачу Гроба входил анализ причин той метаморфозы, которую, по словам автора, претерпело американское рабочее движение со времени его «политической зрелости» (80-е годы прошлого века) к началу XX в., когда гомперсизм — идеология так называемого «чистого и простого тред-юнионизма» — пустил свои глубокие корни в профсоюзном движении США. Оставляя на совести автора правомерность утверждения о «политической зрелости» рабочего движения в 80-х годах (это, по-видимому, потребовалось автору для того, чтобы попытаться доказать выдвинутое им положение о якобы постепенной утрате рабочим классом политической самостоятельности и активности), отметим, что невозможно дать научный анализ происходивших в то время внутренних процессов в рабочем движении, абстрагируясь от тех изменений, которые претерпевал американский капитализм в период его перехода в высшую и последнюю стадию развития — империализм. Это имело прямое отношение к формированию идеологии созданной в те годы Американской федерации труда. Однако Гроб не прослеживает такую связь, очевидно, потому, что это привело бы его к нежелательным выводам об истоках формирования идеологии и политики рабочей аристократии.

В статье затронут весьма широкий круг проблем: вопрос о самостоятельных политических действиях рабочего класса на первых съездах АФТ, о рабоче-фермерской коалиции и позиции руководства федерации, о соотношении тред-юнионизма и социализма, о деятельности социалистов внутри профсоюзов, об образовании Социалистического альянса тред-юнионов и рабочих союзов. Статья претендует на выяснение генезиса гомперсистской политики «нейтрализма» АФТ.

В освещении всех этих вопросов Гроб исходит из ложных положений, будто бы

неуспех социалистов в американском профдвижении был закономерен и обусловлен тем, что «американский рабочий традиционно и исторически тяготел к капиталистическому мировоззрению...». Не в пример социалистам, заявляет Гроб, Гомперс был прекрасно осведомлен о «капиталистической психологии американских рабочих», их «аполитичности» и слишком хорошо видел, как непреодолимы препятствия, поставленные самой американской действительностью на пути организованного социалистического движения. По мнению Гроба, прагматически мыслящий Гомперс нашел единственно верный путь для американского рабочего движения — путь политического «нейтрализма» и приспособления к капиталистическим порядкам.

Стремление сохранить видимость объективности не позволяет Гробу игнорировать общеизвестные факты о поддержке рядовыми членами тред-юнионов во время избирательной кампании 1886 г. кандидата Объединенной рабочей партии Нью-Йорка Генри Джорджа, о большой политической активности профсоюзов на местных выборах 1894 г., о том широком одобрении, которое получила на съезде АФТ в 1893 г. известная «политическая программа», представленная социалистами и требовавшая «коллективной собственности народа на все средства производства и распределения». Тем не менее Гроб в своих выводах изо всех сил старается представить неизменной чертой общественного движения США слабое развитие самостоятельных политических действий рабочих Америки и оторванность социализма от рабочего движения. С его точки зрения, все попытки соединения социализма с рабочим движением и создания антимонополистической коалиции трудящихся классов не имели под собой никакой реальной почвы. Усвоение этой истины, полагает Гроб, обеспечило успех Гомперсу.

Однако как бы ни расцвечивал Гроб деятельность Гомперса, прилагавшего все усилия к тому, чтобы изолировать социалистов от рабочего класса, даже из текста самой статьи явствует, что маневры лидеров АФТ шли вразрез с настроениями широких масс членов профсоюзов. В статье приведено достаточно фактов, которые никак не согласуются с основными положениями автора о «неприемлемости» социалистического пути для американского рабочего движения, о «невозможности» восприятия американским рабочим социалистического учения и пр. Эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что клика обуржуазившихся лидеров рабочей аристократии воспользовалась сектантством социалистов, их неверной тактикой и надолго затормозила поступательное развитие рабочего движения в стране.

Подводя итог своему «исследованию», Гроб заявляет, что отказ АФТ от принципов социализма и независимого политического действия рабочего класса в 90-х годах XIX в. сыграл главную роль в «фактическом уничтожении всяких надежд на будущее для социалистического движения в США». Однако история еще не сказала своего последнего слова, да и прошлое не подтверждает лжепророчества Гроба.

В. Л. Мальков

Новая попытка обоснования теории Тойнби

«The Review of Politics». Notre Dame (Indiana), October, 1960. Vol. 22, № 4, pp. 451—465.

Существуют ли общие закономерности исторического развития, позволяющие определить периодичность социальных изменений, и какова должна быть методика, пользуясь которой ученый мог бы рассматривать развитие каждого периода в отдельности, не разрывая при этом связей единого исторического процесса? Таков вопрос, поставленный американским буржуазным историком М. П. Фогерти в статье «Ритм изменений». Автор не рассматривает всех или хотя бы важнейших концепций, существующих в современной исторической науке. Он ограничивается беглым упоминанием о марксистско-ленинской исторической концепции, но и то лишь для того, чтобы сбросить ее со счетов, сказав, что она будто бы не разработала и даже не пыталась разработать общие законы исторического развития. По мнению Фогерти, единственной теорией, действительно раскрывающей закономерности исторического процесса, является теория Тойнби. Только на основе этой теории, говорит он, можно разработать методику, позволяющую анализировать периодичность (или, как выражается автор, цикличность) изменений, происходящих в процессе исторического развития. Более того, Фогерти утверждает, что концепция Тойнби носит всеобщий характер и приложима ко всем общественным

наукам: педагогике и психологии, истории, социологии, политической экономии, конкретной экономике,— ибо, по его мнению, индивидуальное развитие человека, как и социально-экономическое развитие человеческого общества одинаково подчинены общей закономерности циклического развития. Такая точка зрения, как думается автору, дает возможность предложить и общую для всех социальных наук методику исследования с помощью так называемой learning curve (кривой формирования, или, как называют ее психологи, кривой обучения или выработки навыков).

Весь процесс исторического развития, идет ли речь о его политической или экономической стороне, Фогерти сводит к «процессу обучения руководителей общества», с одной стороны, и «процессу вынесения ими решений и введения соответствующих изменений в общественную жизнь» — с другой. Этот процесс, говорит он, развивается циклически, а каждый цикл проходит через сменяющие друг друга фазы: подъема — стабилизации — спада, или реакции. Степень развития той или иной фазы цикла и место, которое она занимает в цикле в целом, могут зависеть от ряда внутренних и внешних обстоятельств, но цикличность развития остается неизменной. Меняется, утверждает Фогерти, только темп развития цикла, неуклонно возрастая из века в век и увеличивая насыщенность цикла социальными нововведениями и изменениями.

Сказанное выше Фогерти пытается подкрепить анализом социальной истории Англии. Период 1760—1880 гг. он называет «эпохой либерализма». Будучи фазой подъема, утверждает он далее, этот период характеризуется свободной конкуренцией, усилением роли личности в экономической и политической жизни страны, «расцветом экономического анализа и идей прогресса». В 1880 г. на смену фазе подъема приходит фаза стабилизации, которую автор называет временем «руководства». Свобода конкуренции, характерная для предыдущей фазы, сменяется, по его мнению, контролем, планированием, регулированием со стороны государства. Поэтому и в общественных науках в этот период преобладает интерес к изучению отношений не между отдельными людьми, а между группами людей. Возникают такие науки, как социология, социальная психология и т. п. На этой же фазе общественного развития, длившейся до второй мировой войны, возникает также учение о «государстве благосостояния», а затем и само «государство благосостояния». Фогерти не доводит анализа истории Англии до конца и не анализирует ни третьей фазы цикла — фазы упадка, относящейся, судя по его изложению, к периоду второй мировой войны, ни следующего цикла, начинающегося, как он полагает, в конце 40-х годов и характеризующегося, по его мнению, подъемом и дальнейшим развитием «государства благосостояния». Этот цикл, согласно Фогерти, длится до настоящего времени. Фогерти пытается подтвердить правильность этой схемы и на материалах истории рабочего движения Англии, рассматривая, однако, не конкретные факты этой истории, а главным образом изменения в юридическом положении рабочих организаций.

Нетрудно заметить, что схема Тойнби, так же как предложенный Фогерти в ее доказательство анализ истории Англии, кладет в основу чисто идеалистические положения. Эта «теория» не раскрывает ни действительных закономерностей социального развития, ни причинно-следственных связей исторических явлений, что, кстати, вынужден признать и сам автор, когда пишет, что ученые «относятся скептически к этим кривым и циклам... В них нет внушающей доверие непреклонной зависимости и абсолютного соотношения причин и следствий». Не спасают в этом смысле теорию цикличности и поправки Фогерти, когда он говорит о наличии преемственности между фазами и циклами, ибо преемственность еще не означает наличия причинно-следственных связей, не раскрывает их сути, сути закономерностей исторического развития.

Зачем понадобилось Фогерти вытаскивать вновь на свет теорию Тойнби? Современная буржуазная историческая наука в условиях нового этапа общего кризиса капитализма лихорадочно ищет концепцию, которая подтверждала бы «нерушимость» капиталистического мира. Она пытается историко-философски обосновать теории «регулируемого капитализма», «государства благосостояния» и др.

То, что буржуазная историография ищет оружие в арсенале старых теорий, что она оказывается не в состоянии создать ничего нового, ярче всего свидетельствует о ее слабости, о невыполнимости задачи найти доказательство «нерушимости» капитализма в эпоху его краха, о глубоком кризисе, в котором оказалась буржуазная историческая наука.

Е. Э. Печуро

Буржуазный историк об историческом материализме

«Political Science Quarterly». New York. 1960. Vol. 75, № 3, pp. 355—378.

Для современных идеологов империализма обычны утверждения о якобы «старомодности» и «неприемлемости» в наше время учения К. Маркса. В этом смысле рецензируемая статья американского историка Л. Кригера «Применение марксизма к истории» не исключение: ее автор открыто заявляет о своей ненависти к марксизму. По его словам, марксизм — это «неприемлемая метафизика», «абстрактная схема» и т. д. Тем не менее статья показательна в том смысле, что она позволяет выявить некоторые новые черты современной «критики» К. Маркса буржуазными идеологами. Во-первых, она свидетельствует о том, что с какой бы ненавистью ни относились к марксизму буржуазные теоретики, последние уже не могут не замечать его, отбрасывать с порога. Логикой фактов и событий буржуазные идеологи вынуждены так или иначе признать жизненность и силу учения Маркса. Во-вторых, и это самое главное, статья убедительно показывает, что «критикам» Маркса нечего противопоставить историческому материализму, что отрицание марксизма неизбежно влечет за собой отказ от рационального осмысления истории, откровенное признание иррационализма в ее понимании. Автор сомневается в необходимости вообще рационального объяснения истории и заявляет, что людям «не нужна вера в какой-то единственный грандиозный основной закон истории, который гарантирует нам наше будущее так же хорошо, как и прошлое». Мы должны ограничить себя, уверяет он, множеством мелких частных теорий, «соответствующих дискретным проблемам нашего исследования».

Бóльшая часть данной статьи посвящена анализу формирования основных положений исторического материализма у Маркса в период 1841—1845 годов. Однако «анализ», сделанный Кригером, не заслуживает детального рассмотрения. Обратимся к той части статьи, где Кригер ставит целью выяснение «причин долговечности» учения Маркса и значения этого учения для развития исторической науки. Это значение автор видит в том, что К. Маркс сумел доказать необходимость подхода к истории как к связному, целостному процессу с учетом специфичности и сложности каждого отдельного ее периода. Кригер подчеркивает, что можно не принимать философию истории Маркса, но нельзя отрицать, что его «метод интегрирования человеческой деятельности в истории в любой ее период является самым интеллектуально удовлетворяющим средством из всего того, что было придумано». Автор замечает, что этот метод особенно эффективен в наши дни, когда исторический анализ включает «всеобъемлющую область человеческой деятельности, начиная с экономической и технологической и кончая культурной и религиозной». Кригер справедливо критикует попытки современной буржуазной философии объяснить историю как единый, взаимосвязанный процесс при помощи ряда негодных приемов (например, путем заимствования для исторического процесса понятий из искусства или из биологии; путем изложения истории в виде перекрещивания различных субъективных интересов и т. д.). Кригер, признавая превосходство исторического материализма над современными буржуазными теориями философии истории, в то же время выхолащивает из марксизма конкретное содержание; он пытается утверждать, что полезным является лишь подход К. Маркса к истории как к единому, связному процессу, но не конкретные конструктивные принципы его философии истории. Когда речь заходит о классовом содержании марксизма, автор начинает утверждать о «неприемлемости» Марксова учения. Это вскрывает классовую позицию Кригера как апологета капиталистического строя, поскольку для него неприемлемо самое основное в философии истории К. Маркса — доказательство исторической обреченности современного капиталистического общества. «Мы не можем принять сущность учения Маркса, но мы можем использовать форму, в которой Маркс достиг этой сущности» — таков основной тезис статьи. В то же время Кригер говорит о ненужности рационального осмысления истории. Таким образом, «критика» марксизма приводит Кригера к явной путанице в собственных выводах и утверждениях.

И. С. Добронравов

Фальсификация истории распространения марксизма во Франции

«Cahiers de l'Institut de science économique appliquée», 102, juin 1960 (série S. «Etudes de marxologie», № 3), pp. 5—52.

Институт прикладной экономики в Париже издает серию публикаций, посвященных марксизму. В последнем, 3-м, выпуске этой

серии центральное место занимает статья Н. Мак-Иннеса «Начало теоретического марксизма во Франции и Италии». Фактически в статье говорится об истории распространения марксизма во Франции; о деятельности итальянских марксистов автор упоминает бегло, главным образом в связи с отношениями между Антонио Лабриолой и французским публицистом Ж. Сорелем.

Автор заявляет, что необходим коренной пересмотр существующей точки зрения на историю распространения марксизма во Франции в 80—90-х годах XIX века. Ж. Гед и П. Лафарг, признанные первые распространители марксистского учения во Франции, по утверждению Мак-Иннеса, не являлись таковыми. Распространение «подлинного и неискаженного» марксизма в этой стране Мак-Иннес относит лишь к 90-м годам, связывая это явление с изданием журналов «L'Ere nouvelle» и «Le Devenir social» и главным образом с деятельностью Ж. Сореля. По словам автора, в 90-х годах Сорель был «ортодоксальным марксистом» и, стремясь применить марксизм в различных областях философии и истории культуры, создал произведения «большого значения».

Мак-Иннес даже не пытается подтвердить свои выводы каким-либо разбором работ Геда, Лафарга и Сореля. Его аргументация состоит в основном из ссылок на взятые вне исторического контекста критические высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об отдельных сторонах деятельности Ж. Геда и П. Лафарга. Помимо этого, Мак-Иннес ссылается на «критику» Лафарга в ревизионистской и антимарксистской литературе начала XX в. (у Кроче, Сореля, Каутского и др.).

В марксистской историографии обстоятельно проанализированы ошибки французских марксистов 80—90-х годов, показано недостаточно глубокое освоение ими (в особенности Гедом) некоторых положений марксистской теории, вскрыта их неверная тактика по ряду вопросов политической борьбы. Основоположники марксизма справедливо критиковали Геда и Лафарга за эти ошибки. Однако, исходя из этих общеизвестных фактов, нет никаких оснований отрицать ту положительную роль, которую сыграли первые французские марксисты в пропаганде научного социализма и его соединении с рабочим движением.

Что касается журналов «L'Ere nouvelle» и «Le Devenir social», то, печатая во французских переводах произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, а также П. Лафарга и зарубежных марксистов, они вложили свою лепту в распространение марксизма. Но в целом эти журналы не носили последовательно марксистского характера. Им был свойствен эклектический подход в подборе публикуемого материала, что особенно ярко проявилось в отношении работ Сореля, напечатанных в этих журналах. Взгляды Сореля в середине 90-х годов изображаются Мак-Иннесом в совершенно неверном свете. Выступая на словах как марксист, Сорель уже в этот период активно защищал анархо-синдикалистские позиции. Например, в своей работе 1894 г. «Конец язычества», рассматривая феодализм как эпоху власти церкви, а капитализм — как эпоху власти государства, Сорель доказывал, что в социалистическом обществе и государство и церковь будут заменены рабочим синдикатом, причем этот переход произойдет мирным путем, без «кровавых революций», свойственных прошлому. И этот анархо-синдикалистский реформизм, не имеющий ничего общего ни с теорией социально-экономических формаций, ни с Марксовым научным социализмом, Мак-Иннес выдает за «ортодоксальный марксизм» (!) и противопоставляет его якобы «искаженному марксизму» Ж. Геда и П. Лафарга.

Рассмотренное нами фальсифицированное изображение истории распространения марксизма во Франции имеет определенный политический смысл. По Мак-Иннесу, Ж. Гед и П. Лафарг не поняли «главного достижения» марксизма — идеи социальной эволюции, зависимости революционного действия от известной экономической зрелости общества. Таким образом, автор предпринимает очередную попытку выхолостить революционное содержание марксизма и представить его какой-то плоской эволюционистской теорией в духе современного ревизионизма. Обвиняя Геда и Лафарга в бланкизме, автор в то же время толкует о «родстве» их взглядов с ленинизмом. Все это нелепое построение имеет своей целью противопоставить взгляды В. И. Ленина взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса на пролетарскую революцию.

В заключение статьи Мак-Иннес пытается утверждать, что ревизионизм возник не в силу определенных экономических и классовых причин, а что его появление будто бы объясняется «свободным и компетентным» обсуждением марксизма сторонниками последнего. В свете этой тенденциозной антимарксистской «концепции» становится

ясным, зачем понадобилось Мак-Иннесу отрицать приверженность Геда и Лафарга к марксизму и в полном противоречии с фактами возводить анархо-синдикалиста Сореля в «ортодоксальные марксисты».

Г. Г. Дилигенский

Буржуазный историк в роли защитника зубатовщины

«American Slavic and East-European Review». New York. Vol. XIX, № 3, pp. 335—347.

Вот уже более сорока лет идеологи буржуазии усердно пытаются объяснить причины крушения капиталистического строя в России. За это время создано большое количество идеалистических теорий, претендующих на «самое верное» изложение причин Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций. По-видимому, самая неудовлетворительность этих теорий, которую чувствуют даже наиболее убежденные защитники капиталистического строя, служит одной из причин постоянного появления на Западе все новых вариантов старого утверждения о «случайности» революционных событий в России в 1917 году. К сочинениям подобного рода принадлежит и статья английского историка Кирила Тидмарша о зубатовщине.

Тидмарш придерживается распространенной среди буржуазных историков точки зрения, что свержение царизма в России было вызвано субъективной неспособностью царской власти заключить компромисс с буржуазными кругами, «противостоять революционным элементам с помощью разнообразных методов, более гибких, нежели методы грубой силы». При этом Тидмарш пытается дать свой рецепт борьбы с революционным движением. По его мнению, царское правительство должно было шире использовать контрреволюционные слои интеллигенции и даже часть рабочего класса, создавая из них противовес революционным силам. Тот факт, что правительству не удалось организовать себе надежную опору в буржуазных и мелкобуржуазных кругах русского общества, и послужил, утверждает Тидмарш, главной причиной революционных событий в России.

Нелепость подобной концепции понятна. Широко известно, что падение царизма было вызвано рядом социально-экономических и политических причин: в России начала XX в. до крайности обострились все противоречия, свойственные империализму. Переплетение и углубление этих противоречий создало такую политическую атмосферу, которая неизбежно должна была разрядиться революцией.

Тема зубатовщины служит Тидмаршу обоснованием предлагаемого им рецепта спасения капитализма с помощью объединения всех контрреволюционных элементов вокруг монархии.

Как известно, жандармский полковник Зубатов «знаменит» своим методом борьбы с революционным движением. Метод этот заключался в создании под опекой полиции псевдорабочих организаций, которые должны были служить противовесом революционным организациям пролетариата. Зубатовские организации, получившие вначале довольно широкое распространение, вскоре были ликвидированы царским правительством, убедившимся, что они отнюдь не достигли поставленной перед ними цели.

Вместо того, чтобы всесторонне рассмотреть историю и сущность зубатовщины, автор лишь сожалеет о неудаче «полицейского социализма». Но и самую неудачу Зубатова Тидмарш не может объяснить правильно. Он преувеличивает значение конфликта, возникшего вокруг зубатовских организаций между двумя бюрократическими ведомствами: министерством финансов и министерством внутренних дел,— концентрирует внимание на личных отношениях Зубатова и царских министров Плеве и Витте, придавая этим второстепенным фактам решающее значение в истории зубатовщины. Тидмарш несоразмерно много места уделяет экскурсам в область субъективных настроений Зубатова и его агентов. Оказывается, Зубатов и зубатовцы были «жертвами» «соединения высоких идеалов и грязной действительности»! Оперируя выдержками из писем Зубатова и его агентов, реакционный буржуазный историк распространяет клеветнические утверждения, будто революционное движение в России не имело глубоких социальных корней и было обязано своим размахом лишь неудачным действиям полиции.

Сосредоточивая внимание на побочных сюжетах, Тидмарш обходит вопрос о действительных причинах рабочего движения. Тидмарш игнорирует тот факт, что подъем рабочего движения должен был непременно смести зубатовщину и вылиться в мощный поток подлинно революционной борьбы, что дело здесь было не в тех или иных ошибках правительства или недостаточной

ловкости самого Зубатова, а в невыносимом положении трудящихся при самодержавном помещичье-капиталистическом строе.

Субъективность и односторонность в понимании описываемых явлений лишили работу Тидмарша малейшего научного значения. Его статья — еще один характерный образец буржуазной фальсификации русской истории.

М. Г. Панкратова

По страницам «Бюллетеня Совета деловых архивов Австралии»

«Bulletin of the Business Archives Council of Australia». New South Wales and Victorian Branches. Vol. I. 1956—1960, №№ 1—7.

Как известно, буржуазная историческая наука прилагает немало усилий для обоснования «теории» «извечности» капитализма. Особенно большую активность в этом направлении проявляют представители так называемой «школы бизнеса», воспевающей крупных бизнесменов и всякого рода буржуазных предпринимателей. Одним из периодических изданий, на страницах которого находит себе место подобная пропаганда, облеченная в форму «научных статей», является «Бюллетень Совета деловых архивов Австралии».

Совет деловых архивов Австралии был создан в 1954 году. Он объединяет в своих рядах австралийских буржуазных историков, архивистов и представителей деловых кругов. Коллективными членами совета являются, кроме того, многие австралийские промышленные, финансовые и торговые фирмы и некоторые научные учреждения (Сиднейский университет, Национальная библиотека и др.).

Бюллетень, выходящий один-два раза в год, публикует материалы по истории буржуазного предпринимательства в Австралии и истории отдельных частных фирм. Ознакомление с этим печатным органом представляет интерес прежде всего для понимания целей, во имя которых объединились австралийские буржуазные историки и предприниматели. Его рассмотрение позволяет выявить некоторые тенденции современной исторической науки в Австралии.

Дж. Блейнли в статье «Будущее истории бизнеса в Австралии» пишет, что фирма, давая разрешение на использование своей документации, имеет в виду прежде всего рекламу и что «мотивы и цели фирмы неизбежно отличаются от целей историков». Статья Блейнли насыщена характерными примерами, рисующими положение ученого в буржуазном обществе. «Если я публично выступаю за национализацию горнодобывающей промышленности... мне не дадут доступа к документальным материалам процветающей угольной компании... Директора компании не хотят, чтобы недавние ошибки стали известны акционерам... Ни одна австралийская фирма не санкционирует написания ее истории на безоговорочных условиях» (№ 5, стр. 13—14). Таким образом, архивными документами частных предприятий практически могут пользоваться лишь те историки, которые по убеждению или по необходимости соглашаются прежде всего блюсти интересы частного капитала.

Следует сказать, что если одни авторы выступают за развитие исторической науки в Австралии и с сожалением отмечают те препятствия, которые встают на их пути, то другие стремятся поставить историческую науку на службу бизнесу. Весьма показательна в этом отношении статья английского буржуазного историка-экономиста С. Кейна «Частное предпринимательство и деятельность государства по данным деловых архивов». Статья явно претендует на обобщающий характер. Автор посвящает свою работу «взаимоотношениям и сотрудничеству между миром бизнеса и академическим миром». «Совершенно очевидно,— пишет Кейн,— что в стране, организованной на основе свободного предпринимательства, большое количество исторических сведений содержится в частных, а не в правительственных документальных материалах» (№ 7, стр. 1). По мнению автора, такие материалы следует предоставлять лишь тем исследователям, «которые интересуются историей с чисто академической точки зрения» (стр. 4). Истинные цели этого «академического», «беспартийного» подхода, широко пропагандируемого буржуазной наукой, становятся предельно ясными, когда Кейн заявляет, что «для людей, которые верят в свободу и частное предпринимательство, а не в социализм и коммунизм, важно знать, как в действительности функционируют частные предприятия и какую услугу они оказывают обществу» (стр. 4).

Столь же откровенно призывают своих коллег к апологетике капитализма и некоторые другие авторы. Так, Р. М. Хартуел,

занимая позиции откровенного последователя американской «школы бизнеса», считает, что главная задача экономической истории состоит в том, чтобы вызвать «со стороны общества... симпатии к бизнесу» (май, 1958, стр. 22).

По-своему ратует за развитие экономической истории Австралии и Г. Уайт, автор статьи «Сохранность прошлого — хороший бизнес». Упрекая историков в том, что они ограничиваются «изучением политических деятелей и событий и пренебрегают экономическими и социальными факторами», автор, превратно понимая последнюю задачу, пишет о необходимости популяризации «биографий бизнесменов и истории компаний» (№ 5, стр. 4).

Подобные методологические установки не смогли не сказаться на лице журнала. В большей части помещенных в журнале статей назойливо подчеркивается «выдающаяся» роль капиталистических предпринимателей в экономическом развитии Австралии. Так, один из номеров журнала открывается подборкой биографий крупнейших представителей австралийского капитала, в том числе Томаса Ч. Брейллэта, А. Кемпбелла, Б. Дарли и многих других (май, 1957, стр. 1—11). Видимо, подобная информация, по мнению редакции, является существенным вкладом в изучение истории экономики и помогает убедить читателя в позитивном характере деятельности капиталистических предпринимателей. Примерно таковы же по направленности статьи А. Брайанта (май 1958, стр. 1—7), Дж. Неша (№ 6, стр. 1—10), Г. Колзена (№ 6, стр. 11—21), Дж. Джинсуика (№ 6, стр. 22—49), Дж. Гуда (№ 6, стр. 50—59) и многих других авторов.

Ярким примером подобной «придворной» литературы может служить статья «История компании «Дэвид Джонс Лимитед», принадлежащая перу внука основателя фирмы, ее теперешнего владельца Чарлза Ллойд-Джонса (май 1956, стр. 1—10). Автор подробно описывает биографии своего деда и своего отца, продолжателя семейного «дела». Однако читатель не обнаружит здесь фактов, непосредственно касающихся экономической деятельности этой довольно крупной торговой фирмы, возникшей в Сиднее в 30-х годах XIX в., широко развернувшей торговлю английской одеждой на австралийском континенте и (как это, помимо воли автора, явствует из статьи) немало тормозившей развитие местной легкой промышленности. Нет здесь ни анализа цен, ни показа борьбы с конкурентами, ни освещения политики закабаления фермеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что все статьи по истории в журнале относятся к периоду до образования Австралийского союза в 1901 г. и что журнал не опубликовал ни одной работы, посвященной истории «золотой лихорадки» в Австралии в середине XIX в., представлявшей целый этап в истории заселения и капиталистического развития страны.

Таков в целом характер материалов, помещенных в журнале. Большинство из них явно грешит отсутствием каких бы то ни было попыток научного анализа. В лучшем случае в них приводится лишь фактологический материал, преимущественно посвященный биографиям отдельных бизнесменов, «их организующей роли» в развитии капиталистического производства и их значению в деле «прогресса» общества. Все это говорит о характере австралийского журнала, не опубликовавшего за шесть лет ни одной серьезной работы.

Э. Г. Баскаков

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Амальрик А. С., Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. Очерки археологии. М. 1959. 311 стр. Рец.: Горбанов П. «Археология». София. 1960, кн. I, стр. 61—63.

«Археографический ежегодник за 1957 г.». М. 1958. 520 стр. Рец.: О. К.— «Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 1, s. 117.

Белкин И. М. 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г. М. 1960. 158 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.» Warszawa. 1961, № 1, s. 401.

Белов Е. А. Революция 1911—1913 годов в Китае. М. 1958. 114 стр. Рец.: Fass J.— «Archiv orientální». Praha. 1961, № 1, s. 174—176.

Бондаренко И. Н. Большевики Кие-

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение марта 1961 года.

ва в первой русской революции (1905—1907). Киев. 1960. 282 стр. Рец.: J. S.— «Z pola walki». Warszawa. 1960, № 4, s. 175—176.

Вершигора П. Рейд на Сан и Вислу. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1960, 300 s. Рец.: W. G.— «Z pola walki». Warszawa. 1960, № 4, s. 187.

«Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I (1801—1815). Т. I (март 1801 — апрель 1804). М. 1960. 800 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961, Hf. 1, S. 244.

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. 1958. 415 стр. Рец.: Pál B.—«Magyar filozófiai szemle», Budapest. 1961, № 1, 106—111. old.

«Всемирная история». В 10 т. Т. 1—7. М. 1955—1960. Ред.: Neubauer H.— «Osteuropa». Stuttgart. 1961, Hf. 2, S. 109—112.

«Дипломатический словарь». В 3-х т. Т. I. М. 1960. 580 стр. Рец.: Kiesewetter W.— «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1960, Hf. 12, S. 1445—1448.

Еременко А. И. Против фальсификации истории второй мировой войны. Пер. на болгар. яз.: София. 1960. 180 стр. Рец.: Цснкоь П.— «Военно-ист. сборник». София. 1960, № 5, с. 116—121.

Исраэлян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 1959. 367 стр. Рец.: Biegański W.— «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 1, s. 341—351.

«Исторические записки». Т. 66. М. 1960. 318 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961, Hf. 1, S. 242.

Корнилович А. О. Сочинения и письма. Подгот. А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз. М.-Л. 1957. 550 стр. Рец.: Blanc S.— «Revue d'histoire moderne et contemporaine». Paris. 1961, t. VIII, janvier-mars, p. 78—80.

Крачковский. Ю. Избранные сочинения. Тт. 1—6. М.-Л. 1955—1960. Рец: Gabrielli Fr.—«Rivista degli studi orient.» Roma. 1960, fasc. 3—4, p. 201—202.

Лаврецкий И. Боливар. М. 1960. 290 стр. Рец.: С. В.—«Revista de la Sociedad Bolivariana» Caracas. 1960, № 65, p. 879—882.

Ленин В. И. Марксизм о государстве. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960. 143 S. Рец.: Reisberg A.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1961. Hf. 1, S. 240.

Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М. 1960. 144 стр. Рец.: Rothstein A. — «Anglo-Soviet journ.». London. 1960, № 4, p. 36—37.

Майский И. М. Испания 1808—1917. М. 1957. 454 стр. Рец.: Rothstein A. — «Anglo-Soviet journ.». London. 1960, № 4, p. 36—37.

Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е, переработ. изд. М. 1959. 310 стр. Рец.: Rothstein A.—«Anglo-Soviet journ.» London. 1960, № 4, p. 36—37.

Максимов С. Н. Оборона Севастополя. 1941—1942. М. 1959. 136 стр. Рец.:— «Wojskowy przegląd hist.» Warszawa. 1961, № 1, s. 401—402.

Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.), М. 1960. 716 стр. Рец.: Portal R.—«Revue d'histoire moderne et contemporaine». Paris. 1961, t. VIII, janvier-mars, p. 77—78.

Микульский С. П. и Абсалямов М. Наступательные бои 99-го и 31-го стрелкового корпусов в Заполярье (окт. 1944 г.). М. 1959. 159 стр. Рец.:—«Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 1, s. 401.

«Очерки общей этнографии». Вып. 3. Азиатская часть СССР. М. 1960. 366 стр. Рец.: Kramařík J.—«Československá etnografie». Praha. 1961, № 1, s. 101.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М. 1959. 530 стр. Рец.: Lowmiański H. Uwagi o genezie państwa litewskiego. «Przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 1, s. 127—146.

Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л. 1959. 396 стр. Рец.: Allchin F. R. — «Bull. of the School of Oriental and African studies, Univ. of London». 1961, pt. I, p. 148—149.

«Проблемы современной Латинской Америки». М. 1959. 430 стр. Рец.: Rommel W.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1960. № 9, s. 132—136.

«Против фальсификаторов истории второй мировой войны». Пер. на чеш. яз.: Praha. 1960. 318 s. Рец.: 1) J. S.— «Hist. časopis». Bratislava. 1961, № 1, s. 166—167. 2) Z. J.—«Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 1, s. 137.

Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М. 1960. 120 стр. Рец.: J. S.—«Z pola walki». Warszawa. 1960, № 4, s. 174—175.

Сидоренко А. А. На могилевском направлении. Наступательная операция 49-й армии 2-го Белорусского фронта в июне 1944 г. М. 1959. 183 стр. Рец.: — «Wojskowy przegląd hist.». Warszawa. 1961, № 1, s. 402.

«Славные большевички». Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960. 341 S. Рец.: Beyer M., Koch G. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1961, Hf. 1, S. 169—173.

«Славянский архив». Сб. ст. и материалов. М. 1959. 355 стр. Рец: Живанчевиħ М.— «Прилози за кҍБижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1960, кҍь. 26, св. 3—4, с. 360—369.

Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революций. Ч. I—2. Пер. на итал. яз.: Roma. 1960. 2 vol. Рец.: Lepre A.— «Belfagor». Messina-Firenze. 1960, № 6, p. 745—748.

Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю вэй. М. 1959. 419 стр. Рец.: Pokora T. — «Archiv orientální». Praha. 1961, № 1, s. 141—148.

Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. М. 1960.

263 стр. Рец.: J. Pu.—«Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 1, s. 148.

Хвостов В. М., Некрич А. М. Как возникла вторая мировая война. М. 1959. 82 стр. Пер. на румын. яз.: Bucureşti. 1960. 86 p. Рец.: Cazan Gh.—«Analele Institutului de istorie a partidului de pe lîngă C.C. al P.M.R.». Bucureşti. 1960, № 5, p. 202—208.

«Хрестоматия по новейшей истории». В 3-х т. Т. I. 1917—1939. М. 1960. 927 стр. Рец.: Glöckler A.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960, Hf. 7, S. 1731.

Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк. 1902—июль 1914. М. 1959. 303 стр. Рец.: Kumpf S.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 7. S. 1735.

Шевченко Ф. П. Лукьян Кобилица. З історії антифеодальної боротьбы селянства Буковини в першій половині XIX ст. Київ. 1958. 203 стор. Рец.: Tyrowicz M.—«Kwart. hist.», Warszawa. 1960, № 3, s. 797—800

Шейнман М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в. М. 1958. 466 стр. Рец.: Żywczyński M.—«Przegląd hist.» Warszawa. 1961, № 1, s. 194—199.

Шпирт А. Африка во второй мировой войне. М. 1959. 129 стр. Рец.: 1) R. K.—«Československý časopis hist.». Praha. 1961, № 1, s. 136; 2) «Recherches afric.». Conacry-Berlin, 1960, № 2, p. 72.

«Эпоха камня». Сб. ст. Л. 1959. 203 стр. Рец.: Dumitrescu H.—«Studii şi cercetări de istorie veche». Bucureşti. 1960, № 2, p. 447—449.

Яцкевич Э. А. Становище робітничого класу Галичини в період капіталізму (1848—1900). Київ. 1958. 106 стор. Рец.: J. Ml.—«Československý časopis hist.». Praha. 1960, № 4, s. 608.

Хроника научной жизни

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

В январе 1961 г. в Ханое состоялась научная сессия, посвященная итогам семилетней деятельности Института истории при Государственном комитете наук Демократической Республики Вьетнам. В работе сессии приняли участие вице-президент Государственного комитета наук Нгуен Кхан Тоан, член Государственного комитета наук и директор Института истории Чан Хьюи Льеу, видные вьетнамские историки, в том числе Минь Чань, Тонг Куанг Фиет, Пам Хьюи Тон, научные работники, преподаватели и студенты исторического факультета Ханойского университета и исторического отделения Педагогического института в Ханое, представители отделов культуры и народного образования различных зон, провинций и городов Демократической Республики Вьетнам.

В своем вступительном слове директор Института истории Чан Хьюи Льеу говорил о больших успехах историков ДРВ, о внимании партии и правительства республики к исторической науке.

Перед участниками сессии выступил член Политбюро Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама, президент Государственного комитета наук тов. Во Нгуен Зиап.

Ученый секретарь института представил итоговый отчет о семилетней деятельности института и план исследовательской работы на ближайшие пять лет.

В отчете было отмечено, что семь лет назад, в конце 1953 г., по решению Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама был образован Комитет литературы, истории и географии. Созданный позже на базе этой организации, которая насчитывала вначале лишь несколько научных сотрудников, Институт истории стал в настоящее время крупным центром научных исследований, охватывающих различные области исторической науки (древняя, новая, новейшая история Вьетнама, история зарубежных стран, археология, этнография). Институт имеет отдел переводов, библиотеку, издательство и выпускает ежемесячный журнал.

За прошедшие семь лет сотрудниками института были изучены и обсуждены многие важные проблемы истории Вьетнама: происхождение вьетнамского народа, первобытная община во Вьетнаме, рабовладель-

ческий строй во Вьетнаме, тип феодального государства во Вьетнаме, аграрный и крестьянский вопросы, образование вьетнамской нации, рабочий класс Вьетнама, вьетнамская буржуазия, революционное движение, Августовская революция и др.

Отделы археологии, этнографии, истории зарубежных стран созданы недавно, но уже имеют некоторые успехи. Отдел археологии, например, обнаружил интересные археологические находки, которые проливают дополнительный свет на некоторые спорные вопросы истории Вьетнама. Первые исследования отдела истории зарубежных стран посвящены истории соседних с Вьетнамом стран и стран Юго-Восточной Азии: Камбоджи, Лаоса, Бирмы, Индонезии и др.

Издательство при Институте истории выпустило большое число исторических исследований. В частности, следует отметить опубликование «Истории 80-летней антифранцузской борьбы» (автор — Чан Хьюи Льеу), «Истории Ханоя» (авторы—Чан Хьюи Льеу, Нгуен Лонг Биш, Май Хан, Нгуен Вьет, Пан Зиа Бен, Во Ван Нунг, Хоа Банг) и ряда других трудов.

Такие труды по истории, написанные китайскими иероглифами в феодальную эпоху, как «Тексты и комментарии к общей истории Вьетнама» (Viêt su'thông giám cúong mu) в 20 томах, «Учреждение и обоснование преемственности династий» (Les institutions et réglements de dynasties successives, Lich triên miên chùo'ng loai chi), и ряд других переведены на современный вьетнамский язык.

Всего за семь лет было издано около 100 крупных работ; кроме того, опубликовано несколько сот исследовательских статей в журналах.

Институт истории придает большое значение международному сотрудничеству в области исторической науки; установлены связи с историческими учреждениями стран социалистического лагеря.

В первой пятилетке научных исследований, которая начинается в 1961 г., институт сосредоточит свои усилия на создании относительно полного учебника истории Вьетнама от древних времен и до наших дней.

Отделы древней, новой и новейшей истории будут и дальше заниматься наиболее важными вопросами истории Вьетнама; их сотрудники приступят к созданию монографий, в которых найдут более полное освещение проблемы, рассматриваемые в учебнике по истории Вьетнама.

Отдел археологии продолжит изучение древней истории Вьетнама, а отдел переводов — перевод на современный вьетнамский язык текстов и материалов, представляющих большой интерес для науки. Отдел этнографии продолжит исследования социального уклада и истории этнических меньшинств Вьетнама.

Отдел истории зарубежных стран будет заниматься анализом экономических, политических и культурных связей Вьетнама со странами Востока и Запада от древних времен и до наших дней.

После пленарных заседаний участники сессии разделились на группы по специальностям для обсуждения итогов работы и планов на будущее.

Пан Зиа Бен

Хроникальные заметки

◆ В январе 1961 г. состоялось годичное собрание Гуандунского исторического общества, посвященное его работе в 1960 году. На секционных заседаниях рассматривались следующие вопросы: опиумные войны, крестьянские войны в феодальном Китае, система земельной собственности в феодальном Китае, национально-освободительные движения в колониях и полуколониях и критика буржуазной науки и идеологии.

◆ В Варшаве во время ремонта дома на ул. Кошиковой найдена замурованная пачка газет и воззваний 1905—1906 годов. Среди них несколько десятков номеров газет «Червоны штандар», «Работник», «На баррикады», «Напшуд», «Нове жице» и др., брошюры, листовки и воззвания СДКПиЛ и ППС. Обнаруженные материалы представляют собою ценный источник для изучения истории польского рабочего движения в период первой русской революции. Они переданы в библиотеку и архив Института истории партии при ЦК ПОРП.

◆ Осенью 1940 г. наемники из фашистского легиона «Железная гвардия» убили видного румынского историка и политического деятеля Николае Иорга, выступавшего против союза Румынии с гитлеровской

Германией. Отделение исторических наук Академии ГНР организовало в ноябре 1960 г. заседание памяти ученого. Намечено переиздать исторические труды Н. Иорга.

◆ «Польское общество друзей Магриба» в связи с решением Всемирного Совета Мира провозгласить 1961 г. годом освобождения народов Африки от колониального гнета открыло торжественной сессией в декабре 1960 г. «Год Африки» в ПНР. Председатель правления общества Я. Гжендзинский выступил с докладом о борьбе алжирского народа за независимость. На 1961 г. обществом намечено расширение культурных связей с Тунисом, борющимся Алжиром, Марокко и запланированы научные командировки в Северную Африку.

◆ Главным архивным управлением при Совете Министров СССР получены в порядке обмена из Государственного архива Швеции микрофильмы архивных документов по истории России и русско-шведских отношений за 1536—1684 годы. Микрофильмы общим объемом свыше 11 тыс. кадров включают ранние материалы первого раздела фонда «Muscovitica» («Письма и архивы шведских посольств в России»). Интересные сведения по истории русско-шведских отношений XVI—XVII вв. содержат донесения шведских резидентов и послов Кнута Андерсона, Бифна Классона (1536—1537 гг.), Эрика Густава Стенбока, Густава Оксеншерна (1590 г.), Класа Бьелке, Якова Делагарди, Класа Окессона (1585 г.), Густава Банера (1590 г.), Ерана Бойе, Арвида Эриксона (1592—1593 гг.), Генриха Горна, Арвида Теннесона (1615—1617 гг.), Конрада Юлленштерна, Отто Штакельберга (1684 г.) и других. Заслуживают внимания письма русских послов А. Л. Ордина-Нащокина, Б. И. Нащокина и Г. Дохтурова (1657—1660 гг.), А. Прончищева, И. С. Прозоровского и И. П. Барятинского (1661—1662 гг.), письма послов И. А. Прончищева и Г. К. Богданова (1681 г.), а также ответные письма русского правительства. Полученные микрофотокопии являются ценным дополнением к материалам Государственного архивного фонда СССР.

◆ Молодые, вставшие на путь независимого развития государства Африки испытывают острый недостаток в учебной литературе по истории. В связи с этим министерство национального просвещения Гвинейской Республики выпустило учебник «История Западной Африки». Авторы учебника — гвинейские ученые Джибриль Тамсир Неане и Жан Сюре-Каналь.

◆ Как только Асуанская плотина вступит в строй, часть территории южной части Египетского района ОАР скроется под 30-метровой толщей воды. Чтобы спасти великие исторические памятники Нубии, в том числе храм Абу-Симбель (XIII в. до н. э.), польский ученый Р. Цебертович предложил проект сооружения подводного храма. Согласно проекту, лифт в скале доставит посетителей на дно водохранилища, где неоновые лампы будут освещать находящиеся в железобетонной чаше статуи фараона Рамзеса II и его супруги.

◆ Научный Совет ОАР созвал в Каире в начале 1961 г. региональную конференцию по содействию научным исследованиям на Ближнем Востоке. Участники конференции, представлявшие Ирак, Иорданию, Ливан, Марокко, Судан, Тунис, Турцию и ОАР, договорились о создании в этих странах национальных центров научной документации и согласовали программы их деятельности.

◆ В конце 1960 г. к югу от Тель-Авива (Израиль) был найден в развалинах селения VII в. до н. э. древнейший в мире документ с надписью на иврите. Документ является письмом крестьянина к богачу с просьбой возвратить одежду, отобранную за долги.

◆ В районе Вади Хальфа на р. Ниле (Судан) польская археологическая экспедиция ведет раскопки в храме Тутмоса III, одного из фараонов древнего Египта (XIV в. до н. э.). Уже найдены блоки с надписями и барельефами. Кроме того, обнаружен резной портал, относящийся ко времени древнего Мероэ (II в. н. э.).

◆ Правительство Объединенной Арабской Республики приняло решение о реконструкции известного памятника древнеегипетской архитектуры — храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари.

◆ В 1960 г. в Англии начал издаваться новый исторический журнал, посвященный проблемам Африки,— «The Journal of African History» (редакторы R. Oliver и J. D. Fage). Первый номер журнала включает статьи по истории португальских колоний в Африке, о разделе Африки в XIX в., о состоянии архивов Черной Африки и др.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ПОД ВИДОМ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Далекие, но бурные события первых лет Северной войны продолжают привлекать к себе внимание советских и зарубежных историков. В Швеции 250-летие русского похода Карла XII было отмечено выходом в свет в 1958 г. «Ежегодника Каролинского Союза» («Karolinska Förbundets Ärsbok»). Наряду с такими серьезными исследованиями, как статья генерал-майора Густава Петри «Полтавская битва», в нем помещена пространная статья с претенциозным названием «Пропагандистская война на Украине в 1708—1709 гг. Некоторые замечания и точки зрения», написанная доктором философии Богданом Кентржинским. Выходец из Канады, он после второй мировой войны обосновался в Швеции и числится ныне среди шведских членов «Каролинского Союза». Ученик украинского буржуазного националиста Бориса Крупницкого, который был в свое время прихвостнем Гитлера, а затем перешел на службу к западногерманским реваншистам, Б. Кентржинский в 1951 г. в Мюнхене защитил диссертацию на тему «Союз Карла XII и Мазепы в освещении новейшей шведской историографии». Б. Кентржинский тесно связан с эмигрантскими украинскими националистическими, антисоветскими кругами на Западе. Их реакционные взгляды находят отражение во всех его работах [1] и особенно выпукло представлены в рассматриваемой нами статье. Знакомство с нею показывает, что автор выступил отнюдь не ради научного спора и выяснения объективной истины, а для того, чтобы клеветать на советскую историческую науку.

Освещая события 1708—1709 гг. на Украине, Б. Кентржинский ссылается на две мои статьи: «Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 годах», напечатанную в журнале «Вопросы истории» (1949, № 7), и «Измена Мазепы», опубликованную в «Исторических записках» (т. 31, 1950). Подвергая последнюю разбору, Кентржинский пишет: «Разумеется, исследование Шутого снабжено обязательной тенденцией и обязательным введением...» (стр. 89). Чтобы «доказать» это, он допускает извращения, неправильные ссылки.

В начале своей статьи Кентржинский заявляет: «Если недостаток источников мешал изучению украинского похода Карла XII с военно-исторической точки зрения, то еще в большей степени это касается выяснения политических причин союза Карла XII и Мазепы... 1708 год представляет собою нечто таинственное; отсутствие источников превращает политическую историю в ненадежные домыслы и в очень расплывчатые рассуждения» (стр. 81). Такая оценка источниковедческой базы, может быть, и справедлива, если иметь в виду только шведские архивы [2]. О богатстве же советских архивов автор не имеет буквально никакого представления. Советские историки, исследующие события Северной войны, не испытывают недостатка в источниках не только опубликованных, но и архивных. Достаточно вспомнить увидевшие свет в 1946—1956 гг. очередные VII—X тома монументального издания «Писем и бумаг Петра Великого», значение которых для изучения событий, связанных с походом Карла XII в Россию, трудно переоценить. В послевоенные годы были также опубликованы многочисленные исследования советских историков по различным проблемам истории Северной войны, в том числе и по интересующей нас тематике [3].

---

[1] См. рецензию А. С. Кана на книгу Б. Кентржинского. «История СССР», 1957, № 3.

[2] См. А. С. Кан. Шведские источники о Полтавской битве. Обзор источников и литературы за последние полвека. «История СССР», 1959, № 4.

[3] Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. М. 1946; Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958; В. Е. Шутой. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М. 1958; «Очерки исто-

Кентржинский пытается далее сформулировать «актуальные задачи советских историков в борьбе с украинской историографией» (стр. 92), подразумевая, конечно, не историографию Советской Украины как подлинно украинскую, а писания буржуазных националистов, которые, хотя и носят украинские имена, глубоко чужды украинскому народу, не имеют с ним ничего общего. Одной из задач советских историков, утверждает Кентржинский, является защита «патриотического движения украинского народа против шведских захватчиков». Действительно, советские историки считают, что развернувшаяся в 1708 г. на Украине народная война против шведов была важнейшим событием полтавского периода Северной войны. Буржуазные националисты отрицают этот исторический факт, так как в противном случае им пришлось бы признать и факт совместной борьбы русского и украинского народов против общего врага. А это, как известно, противоречит политическим целям людей, подобных Кентржинскому. Поэтому последний стремится противопоставить народной войне «пропагандистскую войну», как более важную. «Различные историки подчеркивают,— пишет он,— что в первые месяцы после вступления шведов в пределы Украины события развертывались более под знаком пропаганды, чем военных действий... Вокруг шведских и русских манифестов развертывалась вся политическая борьба на Украине» (стр. 84—85). Эти заявления Кентржинского не согласуются с историческими фактами. Русские, украинские и даже шведские источники свидетельствуют о том, что украинские казаки и крестьяне оказали упорное сопротивление шведской армии. Как только она вступила в пределы Украины, жители городов Мглин, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Погар вместе с русскими войсками вступили в бой с неприятелем. В лесах начали действовать партизанские отряды местных жителей. Эти события происходили уже в первые четыре недели пребывания шведов на Украине, осенью 1708 г., то есть до открытой измены Мазепы.

Кто же те таинственные «различные историки», на которых ссылается Кентржинский? Во всяком случае, это не шведские ученые А. Фриксель и А. Стилле и не русские исследователи Д. Н. Бантыш-Каменский и Н. И. Костомаров. Это не кто иной, как М. Грушевский. Ведь писания современных буржуазных националистов типа Кентржинского мало чем отличаются от затасканных вымыслов М. Грушевского о том, что украинский народ остался якобы безучастным перед лицом шведского нашествия [4].

Советские историки пришли к выводу о народной войне на Украине в 1708—1709 гг. на основе многолетнего изучения огромного архивного материала. Кентржинский же подкрепляет свои утверждения не фактами, которые он совершенно сознательно игнорирует, а рассуждениями «различных историков». Как тут не вспомнить ленинское указание о том, каким должен быть фундамент научного произведения. «Чтобы это был действительно фундамент,— писал В. И. Ленин,— необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется» [5].

Стремясь опорочить самую мысль о наличии широкого партизанского движения украинского народа во время русского похода Карла XII, Кентржинский заявляет о слабости нашей аргументации, односторонности и ненадежности источников. Он пишет: «В своей статье Шутой часто ссылается на манифесты и письма Петра I. С помощью этих манифестов подкрепляются тезисы об антишведской народной войне, об очень малом числе казаков, пришедших с Мазепой в шведский лагерь, о бесчеловеч-

рии СССР. XVIII век. Первая четверть». М.-Л. 1954; «Полтава. К 250-летию полтавского сражения». Сборник статей. М. 1959; «Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М. 1959; «250 років Полтавської битви. 1709—1959». Збірник статей. Київ. 1959; В. А. Дядиченко. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ. 1959.

[4] М. Грушевский. Очерки истории украинского народа. СПБ. 1904; его же. Шведсько-український союз 1708 р. «Записки наукового товариства ім. Шевченка». Т. 92. Львів. 1909.

[5] В. И. Ленин. Соч., Т. 23, стр. 266—267.

ности шведов и их жестокости по отношению к гражданскому населению и т. д.» (стр. 93). Для создания видимости аргументированности своих утверждений Кентржинский ссылается на стр. 177—178 моей статьи «Измена Мазепы». Но на стр. 177 указанной статьи о развернувшейся на Украине народной войне против шведов сказано лишь вскользь, без всяких ссылок. Если бы Кентржинский стремился к подлинному научному спору, то для оценки использованных мною источников о народной войне ему следовало бы обратиться к моей статье «Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 годах» [6]. Судя по работе Кентржинского, он прекрасно знал об этой статье. Мною в ней использованы многочисленные советские и зарубежные (в том числе шведские) печатные и архивные материалы и среди них документы Австрийского государственного архива. На стр. 177 статьи «Измена Мазепы» говорится о числе казаков, оставшихся у Мазепы к концу декабря 1708 г., в то время как о количестве казаков, ушедших с Мазепой, сказано на стр. 175. На стр. 175—178 той же моей статьи есть ссылки на опубликованные и архивные источники, на шведскую литературу, но нет ни одной ссылки на манифесты и письма Петра I. Таковы приемы господина Кентржинского!

Б. Кентржинский пытается снять с Мазепы обвинения в сговоре со Станиславом Лещинским и намерении вернуть Левобережную Украину польским панам, утверждая, что это собирался сделать Петр I, а не Мазепа и не Карл XII. Какова же аргументация Кентржинского? На протяжении 250 лет, пишет он, вся русская историография обосновывала стремление Мазепы вернуть Украину Польше, ссылаясь на его письмо к Станиславу Лещинскому от 5 декабря 1708 года. «И в последнее время с его (то есть письма) помощью свои тезисы конструирует Шутой. Вопрос о подлинности письма никогда не обсуждался, хотя оно известно только в списках и из вторых рук» (стр. 122).

Эти утверждения Кентржинского — типичный образчик недостойных приемов, получивших широкое распространение в современной литературе украинских эмигрантов. Известно, что письмо Мазепы было перехвачено русским правительством (поэтому оно и дошло до нас) и было им опубликовано 21 января 1709 г. для того, чтобы показать украинскому народу тайные замыслы бывшего гетмана. Текст оригинала письма Мазепы публиковался несколько раз еще в прошлом веке, и Кентржинский обязан был это знать. Д. Н. Бантыш-Каменский в первом издании своей «Истории Малой России» сообщал о публикуемом им письме Мазепы: «Подлинное письмо хранится в Московском Коллежском архиве» («История Малой России». М. 1822. Ч. IV, стр. 15). Во втором издании того же труда (М. 1830) он писал: «Здесь прилагается верный список с подлинного письма изменника. Оно писано на польском языке и хранится в Малороссийских делах Коллежского архива под № 3». Затем Д. Н. Бантыш-Каменский приводит полный текст этого письма на польском языке («Примечания к третьей части «Истории Малой России», стр. 45—46). То же самое повторяется и в третьем (1842 г.), прижизненном издании («Примечания к третьей части «Истории Малой России», стр. 44—45). Текст письма Мазепы по подлиннику на польском языке напечатан был также Н. И. Костомаровым в монографии «Мазепа и мазепинцы» (Собр. соч. Кн. шестая. Т. XVI, стр. 655), где указывается и место хранения письма: «Архив иностранных дел. Подлинники». До сих пор подлинность мазепинского письма не вызывала никакого сомнения. Более того, в деле № 3, на которое ссылался Бантыш-Каменский, мною обнаружена запись допроса Феско Хлюса [7], жителя Ромен, который вез указанное письмо Мазепы к Лещинскому.

«Единственным источником к этому договору (между Мазепой и Лещинским.— *В. Ш.*),— пишет Кентржинский,— является дневник Густава Адлерфельда, который автором (то есть мною.— *В. Ш.*) не использован» (стр. 91). Однако достаточно обратиться к стр. 168 моей статьи «Измена Мазепы», чтобы убедиться, что здесь есть ссылка именно на те страницы из четвертого тома дневника Адлерфельда, где напечатан указанный договор. Нельзя согласиться и с утверждением Кентржинского о том,

---

[6] Кентржинский игнорирует и мою работу «Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр.» (Київ. 1951).

[7] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 124. Малороссийские дела, 1709 г., д. 3, лл. 1—1об.

что сочинение Адлерфельда [8] — единственный источник о соглашении между Мазепой и Лещинским. Стоит обратиться к таким документам, как «Инструкция секретная, данная г. Вольскому от короля Станислава к Мазепе посланному» (1705 г.), «Доношения Кочубея государю по статьям» (см. ст. 8-ю); показания миргородского полковника Д. П. Апостола [9], а также к сочинению Г. Нордберга, где указывается, что в октябре 1707 г. гонец с письмом от Мазепы прибыл к Лещинскому. Гетман сообщал о своей готовности перейти на сторону короля при условии протекции и помощи со стороны Карла XII. Находившихся на Украине 6—7 тыс. русских солдат Мазепа обещал уничтожить [10]. Год спустя Лещинский в инструкции С. Понятовскому от 18 сентября 1708 г. (подлинник ее находится в Венском военном архиве) писал: «Мазепа прислал ко мне несколько гонцов с подтверждением данных мне раньше обещаний; он просил о помощи, уверяя по-прежнему, что при моем приближении он возобновит со мной связь и употребит ее на пользу своей страны. Его величество король шведский знает обо всем происшедшем по этому поводу, и я не сомневаюсь, что он осведомлен о последних новостях из письма г-на Вахшлагера, которому я передал полученные мною от Мазепы сведения» [11]. Когда шведы стояли под Мглином, Понятовский послал шляхтича Якуба Улашина к Мазепе. Этот связной должен был сообщить гетману о вступлении шведских войск на Украину и передать ему, чтобы он со своими казаками приблизился к шведам или указал бы желательное направление движения шведской армии. Как известно, Улашин попал в плен, но Мазепа сам установил связь со шведами через посредство родственника — Ивана Быстрицкого, которому Мазепа дал письменную инструкцию [12]. Немного раньше резидент Лещинского при Карле XII Ст. Понятовский получил аудиенцию у шведского короля. О содержании этой беседы известно из донесения французского дипломата барона де Безенвальда министру иностранных дел Франции де Торси: «Понятовский получил аудиенцию у шведского короля, которому рассказал, что казацкий гетман Мазепа обещает как только шведское войско подойдет к границе Украины встать с казаками для освобождения своей страны. Его величество (Карл XII.— *В. Ш.*) очень доволен этим и действительно это — событие громадного значения» [13]. Польский коронный мечник граф Станислав Денгоф писал 29 сентября 1708 г. гетману-изменнику: «Дела союзных интересов наших требуют непрестанно пересылки, для того дабы мы могли как наискорее силы наши во время тяжкого случая с вашею милостию совокупить. И чтоб милость твоя могла нам дать помощи, как противная сила совокуплятися будет, ибо ежели нас одолеют, следуют противные случаи интересом нашим...». Денгоф советует Мазепе добиться у царя самостоятельности в обороне Украины и сосредоточения под своим командованием всех украинских казацких полков, убедив Петра, что многочисленные русские войска смогут обойтись без помощи украинских частей [14].

Обратим также внимание Кентржинского на письмо Лещинского в Версаль от 22 декабря 1708 г., в котором он писал, что работает «с Мазепой около пяти лет» (depuis cinq ans) [15], на письмо наиболее доверенного лица Мазепы, генерального писаря Филиппа Орлика к Стефану Яворскому [16] и, наконец, на памятную записку Ст. Лещинского премьер-министру Швеции Карлу Пиперу (весна 1707 г.), опубликованную

[8] Шведский историк Ганс Виллиус пишет между прочим, что «Военная история» Адлерфельда («Histoire militaire de Charles XII». S. Paris. 1740, 1—4) теряет право считаться первоисточником по истории «русского похода». H. Villius. Karl XII's ryska fälttåg. Källstudier. Lund. 1951.

[9] «Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским». Ч. II. 1691—1722. М. 1859, стр. 50—51, 100—101, 214.

[10] J. Nordberg. Histoire de Charles XII. Haye 1748. Vol. II, p. 190.

[11] «Труды» Русского военно-исторического общества. Т. I. Документы Северной войны. Полтавский период (июль — октябрь 1708 г.). СПБ. 1909, стр. 207—209, 211, 314.

[12] Там же, стр. 257—260; Ф. Прокопович. История императора Петра Великаго... СПБ. 1773, стр. 179. О пребывании мазепинского агента в шведской штабквартире сообщил в Швецию тайный секретарь походной канцелярии шведской армии Йозеф Цедергельм (см. «Karolinska Krigares Dagböcker). D. VI. Lund. 1912, S. 160—161).

[13] «Науковий збірник історичної секції ВУАН за рік 1928». Т. XXXVIII. Київ. 1928, стр. 79.

[14] ЦГАДА, Польские дела. 1708, № 11, л. 36.

[15] «Науковий збірник історичної секції ВУАН за рік 1928», стр. 80.

[16] Журнал «Основа», 1862, № 10, отд. «Акты исторические».

в Швеции 25 лет тому назад [17]. Уже в 1707 г. Мазепа изъявил согласие присоединиться к обоим королям, выдал им принятый в Жолкве стратегический план русских и согласился на известных условиях отдать Левобережную Украину и Запорожскую Сечь под власть Лещинского.

Кентржинский пишет, будто я скрываю, что «в союзническом договоре между Карлом XII, Мазепой и запорожцами от марта 1709 г. Польша, в свою очередь, совершенно не упоминается в качестве договаривающейся стороны» (стр. 91). При этом он делает ссылку на стр. 185 моей статьи «Измена Мазепы». Ниже Кентржинский заявляет: «Вопрос о союзническом договоре между Мазепой, запорожскими казаками и Карлом XII выяснен не в достаточной степени прежде всего потому, что первичный материал полностью отсутствует, в то время как вторичные данные ненадежны. Наилучшую документацию к одному из таких договоров, а именно между Карлом XII и Запорожским войском от марта 1709 г., мы находим в работе Нордберга» (стр. 92). Речь об этом идет в моей статье на стр. 188, где и указан единственный источник (Nordberg), сообщающий о встречах К. Гордиенко с Мазепой в Диканьке и их обоих — с Карлом XII в Будищах, о договоре между Мазепой и Гордиенко. Трехстороннего же «союзнического договора между Карлом XII, Мазепой и запорожцами» вообще не существовало. Заключив обязательство о взаимной помощи, Мазепа и Гордиенко составили отдельную статью и послали ее на утверждение Карлу XII. Последний обещал обоим свое покровительство до тех пор, пока не отторгнет Украину и Запорожье от России. Одновременно шведский король потребовал, чтобы население городов и сел Украины, которое прячется и не хочет покоряться шведам, прекратило нападения на шведское войско, вернулось в свои жилища и начало доставлять продовольствие шведской армии. Вот все, что пишет Нордберг по данному поводу. И обо всем этом сказано в моей статье; ни один факт мною от читателей не скрыт.

Зато Кентржинский, говоря о несуществовавшем «союзническом договоре», «забыл» о том, что Гордиенко, подобно Мазепе, тоже посылал письмо Лещинскому «з Переволочное марта 15, року 1709», то есть до встречи Гордиенко с Карлом XII и Мазепой и до заключения указанного выше обязательства. В этом письме Гордиенко ссылается на Мазепу, который «...так пишет и до вашей королевской велможности, жадаючи також и от вашей королевской милости себе ку обороне милой отчизны нашой помощи. При такой теды окказии и мы, войско запорозское низовое, до вашой королевской велможности пишем наш войсковый лист, яко наследники своей отчизны, покорно просячи велможности вашой королевской на сполную помощь и ратованье милой отчизны Украйны нашой, не отмовите, королевская ваша велможность, на прошение ясновелможного пана гетмана и наше войсковое желание, но взявши оружия своя приспешете до единомислного совокупления». Лещинского автор письма называет своим паном, а запорожцев — его «нижайшими слугами». Точно так же писал и Мазепа. Два казака, отправившиеся в Польшу с этим письмом, везли еще одно письмо Гордиенко к казакам, находившимся на Ингуле, Ингульце, Буге и других реках, «дабы поспешили за нами в поход войсковый». Письма Гордиенко были перехвачены в Польше караульными великого коронного гетмана Адама Сенявского [18]. Последний передал их русскому резиденту А. И. Дашкову, который переслал письма графу Головкину, а от него они поступили к гетману И. И. Скоропадскому. Он должен был показать письма знатным лицам войска Запорожского, «дабы они из того увидели то его, Гордиенково злодейство, како он призывает Лещинского на Украину» [19].

Следовательно, отрицая связи Мазепы с Лещинским, Кентржинский прибегает не к фактам, а к голому отрицанию одних источников, как не заслуживающих дове-

[17] «Karolinska Förbundets Arsbok». 1935.

[18] Командир русского корпуса, действовавшего на Правобережной Украине, фельдмаршал-лейтенант Г. Гольц доносил 18 апреля 1709 г. Петру I: «...В Бердичеве Запорожской атаман перенят есть, которой от короля шведцкого, такожде от Мазепы и от его кошевого к Станиславу писма имел, в которых Станиславу объявляется, что запорожцы к королю шведцкому перешли» («Письма и бумаги Петра Великого». Т. IX, вып. 2. М. 1952, стр. 813).

[19] Письма Гордиенко опубликованы Д. И. Эварницким («Источники для истории запорожских казаков». Т. I. Владимир, 1903, стр. 1021—1023) и М. Судиенко («Материалы для отечественной истории». Т. II Киев. 1855, стр. 123—124).

рия, и к замалчиванию других. В связи с этим следует вспомнить, что до второй мировой войны, когда украинские буржуазные националисты нашли себе убежище в буржуазно-помещичьей Польше, они усердно рекламировали связи Мазепы с Лещинским. «С Лещинским Мазепа хотел составить федерацию Украины с Польшей»,— вещал, например, Д. Дорошенко [20]. Сегодня эмигрантско-националистические круги свили себе гнездо в ФРГ. Они теперь сидят на другой телеге и поют другие песни. Одну из них затянул Кентржинский: кто и зачем кричал о связях с Польшей? Не было никаких связей!

Один из разделов статьи Кентржинского называется «Самостоятельность и будущее Украины». Мазепа возводится здесь в ранг национального героя, «борца» за независимость Украины. При этом автор ссылается на речь Мазепы, произнесенную при соединении со шведами на Десне [21]. Гетману-изменнику противопоставляется Петр I, который якобы хотел вернуть Украину Польше. В качестве «доказательства» Кентржинский ссылается на зашифрованное «Постскриптум» (P. S.) письма А. И. Дашкова Г. И. Головкину от 11 декабря 1708 г., опубликованного в «Письмах и бумагах Петра Великого». «Этот факт,— пишет Кентржинский,— на протяжении столетий старательно замалчивался русской историографией и не побудил Б. Б. Кафенгауза, который недавно опубликовал этот документ [22], высказать свою точку зрения, хотя он во всем остальном, в стиле Тарле и Шутого, переходит к фронтальной атаке как против Мазепы из-за его польского предательства, так и против украинских буржуазных националистов...» (стр. 122). Стремление превратить Мазепу в патриота и представить советскую историографию как простое продолжение дореволюционной — все это настолько одиозно, что не выдерживает критики.

Другие утверждения Кентржинского также легко опровергаются с помощью широко известных фактов и документов. Это относится и к вопросу о русско-польском споре из-за Украины в годы Северной войны. Следует прежде всего уточнить, что спор шел тогда не вообще об Украине, а только о ее Правобережной части, освобожденной от панского господства в результате крестьянско-казацкого восстания 1702—1704 гг. под руководством С. Палея. Правители Речи Посполитой не раз обращались к русскому правительству, требуя возвратить Правобережную Украину и вывести оттуда казацкие войска. Так, в письме Ф. А. Головину от 27 марта 1705 г. Мазепа сообщил о прибытии в Батурин подчашего брацлавского Радзеевского с письмом и инструкцией великого коронного гетмана Любомирского, в которой содержалось требование «отдать им тогобичной Украины, то есть Белую Церковь, Богуславль, Корсунь, Хвастов и инеи городы в поссесию и владению» [23].

Условия военного времени, стремление удержать Речь Посполитую в качестве союзницы вынуждали русское правительство лавировать, обещать, даже включить об этом пункт в Нарвский союзный договор 1704 г., но возвращать Правобережную Украину оно не собиралось. Кстати, Кентржинскому должно быть известно перехваченное шведами письмо Петра I Мазепе от 20 сентября 1707 г. из Тыкоцина, оригинал которого хранится в шведском архиве. Петр I предлагал Мазепе при переговорах с польскими комиссарами руководствоваться тем, что «мы ни в нынешних условиях, ни после окончания войны со Швецией и в мыслях не имеем вернуть Правобережье Польше». Царь считал желательным, чтобы Мазепа ответил польским комиссарам, будто он не может вернуть им Белую Церковь и вообще Правобережье, пока не получит специальную грамоту с собственноручной подписью царя. В конце письма Петр предписывал Мазепе каким-нибудь образом избавиться от польских комиссаров и по-

---

[20] Д. Дорошенко. Мазепа в історичній літературі и в житті. (Збірник «Мазепа». Т. I. Варшава. 1938, стр. 28).

[21] Кентржинский ссылается при этом на Н. И. Костомарова (Собр. соч. Книга шестая. Т. XVI, стр. 627). Он умышленно не указывает, что на следующей странице маститый историк, основываясь на свидетельстве Адлерфельда, отмечает: «Речь гетмана прослушана была без ответа». На стр. 175 статьи «Измена Мазепы» я привожу свидетельства лично слушавших Мазепу казацкого полковника И. И. Галагана и шведского полковника Н. Гилленштиерны, которые говорят об отрицательном отношении казаков к речи Мазепы.

[22] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VIII, вып. 2. М. 1951, стр. 868. Кентржинский же ссылается на стр. 869 этой публикации.

[23] ЦГАДА, ф. 124, 1705 г., д. 3, лл. 75—76.

советовать им вежливо, чтобы они пока «не совались» на Правобережье [24]. Когда шведы уже стояли на Днепре в июле 1708 г., Петр I писал А. Сенявскому, что Мазепа с казацким войском стоит между Днепром и Припятью и, поскольку неприятель собирается идти на Украину, гетман не может оставить Правобережье. «...Для которой причины и о возвращении части Украйны, Речи Посполитой надлежащей, от Палея взятой... ныне совершенного удовольствования вашей милости учинить невозможно до скончания, дай боже, счастливого сего воинского походу» [25].

Обратимся теперь к содержанию «P. S.» письма А. И. Дашкова. Последний пишет об измене Мазепы. Сообщил ему гетман Сенявский, что Мазепа недавно прислал резидента коронного гетмана, который был при нем, «и открывал, что идет до шведа» и Сенявского уговаривал быть с ним заодно. Сенявский в то время не поставил в известность русское правительство, поскольку опасался, что сочтут это за клевету. Теперь Сенявский просит прислать в Польшу войско, «чтоб заслонить Украину» от Сапег и Станислава Лещинского, «чтоб горшаго чего там не учинили, если придут». Не захватил ли Мазепа с собою резидента Сенявского, который был при нем, интересуется Дашков. Он опасается, «чтоб через него сюды каких не было факцый, однакож, всему сему слову предваряя, извольте написать до Сенявского, что и Украина доселе не отдана была чрез факцыи Мазепы, и деклеровать отдачю Украины» [26]. Таков совет резидента Дашкова канцлеру Головкину. Нельзя, конечно, выдавать этот частный совет, которым, кстати сказать, не воспользовались, за решение русского правительства. Приведенные слова Дашкова не вносят ничего нового в характеристику действий русской дипломатии по вопросу о Правобережной Украине. Так что комментировать проф. Б. Б. Кафенгаузу, собственно говоря, было нечего.

Значительную часть своей статьи Кентржинский посвящает «пропагандистской войне», под которой он понимает широкое распространение на Украине манифестов, универсалов, воззваний к украинскому народу со стороны русского и шведского командования осенью 1708 и зимою 1708/09 годов. Он много говорит о королевских и царских манифестах, снисходительно относится к гетманским универсалам, но зато проявляет абсолютное пренебрежение к таким документам, как письма населения украинских полков и городов русскому правительству после измены Мазепы. Эти источники первостепенной важности хранятся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, в фонде «Малороссийские дела». Мне удалось расшифровать многочисленные подписи представителей различных слоев населения, которые стоят под этими письмами [27].

Кентржинский вынужден признать, что тома «Писем и бумаг Петра Великого» редко используются шведскими историками (стр. 82). Да и сам он, цитируя манифесты Петра I (стр. 117—121), прибегает не к этой публикации, а к изданным свыше ста лет назад Д. Н. Бантыш-Каменским «Источникам малороссийской истории». Больше того, он несколько раз говорит о манифесте Петра I от 9 ноября 1708 г., хотя советскими историками уже давно установлено, что этот документ относится к 6 ноября [28].

В 1957—1958 гг. в шведской печати появились статьи Кентржинского, в которых он пытался создать атмосферу какой-то таинственности вокруг архивного фонда Меншикова [29]. В рассматриваемой нами статье Кентржинский в разделе «Собрание Меншикова в Ленинграде» заявляет, что шведским ученым не удается ознакомиться с указанным фондом якобы «из-за отказа советской Академии наук и ее Института истории сообщить более детальные подробности» (стр. 93). При этом он ссылается на частное письмо, полученное им в декабре 1956 г. от профессора Н. Анлунда, умершего

---

[24] Веньямин Кордт. Матеріяли з Стокгольмського державного архіву до історії України другої половини XVII — поч. XVIII вв. («Український археографічний збірник». Т. III. Київ. 1930, стр. 28—29). В. Кордт подробно выяснил обстановку, в которой появилось указанное письмо (там же, стр. 29—38).

[25] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VIII, вып. 1. М.-Л. 1948, стр. 44.

[26] Там же. Т. VIII, вып. 2, стр. 868.

[27] В. Е. Шутой. О письмах населения Украины русскому правительству в связи с изменой Мазепы (1708 г.). «История СССР», 1961, № 2.

[28] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VIII, вып. 1. № 2816; вып. 2, стр. 929—930.

[29] «Sowjetbidrag till sveriges historia» («Morgenbladet», 3 dec. 1957); «Ruska arkivens suecana» («Sv. Dagbladet», april 1958).

в 1957 году. В Советском Союзе хорошо известны труды Н. Анлунда, его стремление к расширению контактов между историками разных стран [30]. Нельзя не удивляться тому, что редакция «Ежегодника Каролинского Союза» позволила Кентржинскому использовать имя крупнейшего шведского историка, председателя Национального комитета историков Швеции и вице-председателя Всемирного комитета историков, в целях антисоветской агитации. Известно, что Н. Анлунд в 1956 г. работал в архивах Москвы и Ленинграда, но к фонду Меншикова не обращался. Им не интересовались и находившиеся в СССР в 1957 и 1959 гг. профессор Гетеборгского университета А. Аттман и первый архивариус Министерства иностранных дел Швеции В. Карлгрен. Что же касается «детальных подробностей» об этом фонде («Походная канцелярия А. Д. Меншикова»), то о них любой непредубежденный исследователь может узнать из опубликованного в 1958 г. «Путеводителя по Архиву Ленинградского отделения Института истории». Таким образом, шум, поднятый Кентржинским по поводу фонда Меншикова, преследовал цели, весьма далекие от науки, и представлял собой попытку вызвать вражду к советским ученым со стороны скандинавской научной общественности.

Таковы наиболее важные вопросы, на которых мы считали нужным остановиться в связи со статьей Б. Кентржинского.

Последний отстаивает взгляды, господствующие ныне среди украинских буржуазно-националистических кругов на Западе. В основе этих взглядов лежит концепция М. С. Грушевского, подправленная в соответствии с теми политическими требованиями, которые предъявляются Кентржинскому и ему подобным их теперешними хозяевами. Фальсификация исторического прошлого переплетается у этих дипломированных слуг крупного капитала с открытой антисоветской агитацией, что отнюдь не способствует оздоровлению международной обстановки. В статье Кентржинского, как и в других послевоенных националистических изданиях, нет ни одного свежего аргумента, ни одного нового документа. В них все чаще применяется тактика замалчивания источников, не подтверждающих их схему. Буржуазные националисты игнорируют русские источники, в первую очередь те, которые были введены в научный оборот советскими историками. Но как бы ни старались фальсификаторы истории реабилитировать Мазепу, который предал национальные интересы украинского народа, это им никогда не удастся. Испытанным оружием в борьбе против всех и всяческих извращений является строгая научная аргументация, опирающаяся на всесторонний марксистский анализ исторических фактов.

В. Е. Шутой

[30] См. некролог «Памяти проф. Нильса Анлунда» и рецензию А. С. Кана на книгу этого ученого «Традиция и история Стокгольма» (1956). «Скандинавский сборник». Т. II. Таллин. 1957.

О ПЕРВОЙ ПРОГРАММЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1870-Х ГОДОВ

23 апреля 1871 г. в Москве при обыске у Е. А. Трофимовой, участницы кружка студентов Петровской академии, была найдена рукопись революционной «Программы для кружков самообразования и практической деятельности». На допросе Трофимова показала, что программа была передана ей А. С. Пругавиным, который возглавлял названный кружок. Однако Пругавин отрицал какое бы то ни было знакомство с программой. Происхождение программы осталось тогда невыясненным. В 1930 г. она была опубликована в журнале «Каторга и ссылка» как документ неизвестного происхождения [1].

[1] Жандармская копия программы хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), ф. 3 отд., 3 эксп., 1871, д. 65, лл. 146—155.

«Программа для кружков самообразования и практической деятельности» представляет собой первую по времени программу революционного народничества 1870-х годов. Она интересна тем, что в ней наряду с идеями, характерными для народников (например, идея «критически мыслящей личности»), сохраняются положения политической программы революционеров-демократов 60-х годов. Так, в отличие от поздних революционно-народнических программ рассматриваемый документ исходит из признания необходимости политической борьбы. В нем, в частности, объявляется война абсолютной монархии во имя торжества «новой формы общественного устроения, основанного на принципе федеративной республики»[2]. В особенности следует подчеркнуть, что авторы указанного документа впервые в истории русского освободительного движения обстоятельно, по пунктам излагают программу революционной пропаганды среди рабочих России[3].

Советские историки считают «Программу для кружков самообразования и практической деятельности» документом пругавинского кружка[4]. Между тем сохранились материалы, которые позволяют установить иное происхождение интересующей нас программы.

Среди этих материалов особый интерес представляет незаконченный рукописный очерк истории организации «чайковцев», хранящийся в архивном фонде известного революционера-народника и писателя С. М. Степняка-Кравчинского[5]. В архивной описи этот документ значится как «Очерк неустановленного автора о жизни петербургского радикального студенчества в 1869—1871 гг.». Однако данное название отражает содержание лишь первой главы очерка, озаглавленной «Общий очерк жизни петербургского радикального студенчества в 1869—1871 гг.» (лл. 1—6). Вторая глава (лл. 7—20) — «Книжный кружок» — повествует о кружке М. А. Натансона, который, как известно, представлял собой первоначальное ядро организации «чайковцев». Третья глава рукописи (лл. 21—36) носит название «Начало кружка чайковцев (весна 1871 — весна 1872 гг.)», а четвертая, незаконченная (лл. 37—46),— «Перелом в деятельности чайковцев (начало 1872 — лето 1873 гг.)». Автор очерка еще не установлен. Известно только, что непосредственное отношение к составлению его имел С. М. Степняк-Кравчинский, оставивший на полях рукописи свои замечания. По нашему мнению, рукопись заслуживает полного доверия как источник. Она сообщает некоторые новые факты из истории кружка «чайковцев», к тому же все, что известно об этой организации по другим источникам, изложено здесь правильно и подробно.

В том месте очерка, которое интересует нас в данном конкретном случае, сообщается: «При обыске[6] у Чайковского[7] были найдены черновые клочки теоретической и практической программы, выработанной кружком (Натансона.— *Н. Т.*) весной этого (1871.— *Н. Т.*) года, в которой излагалось все то, что уже делалось и имело делаться в будущем в народе. Полный экземпляр этой же программы был найден в Москве у студентов Петровской академии, из чего начальство уже тогда заключило, что приготовляется большое сообщество...»[8].

Заключительные слова приведенного отрывка подтверждаются официальными документами. «Что же касается организации тайного общества,— сообщал 28 апреля 1871 г. шефу жандармов московский генерал-губернатор,— то, судя по отобранным у

---

[2] «Каторга и ссылка», 1930, кн. 6 (67), стр. 97.

[3] См. там же, стр. 98, 103.

[4] Ср. Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала. М. 1957, стр. 232; П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М. 1958, стр. 72.

[5] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 1158, оп. 1, д. 528.

[6] Имеется в виду один из трех обысков у членов объединенного кружка М. А. Натансона и С. Л. Перовской в Кушелевке, под Петербургом, произведенных начиная с 30 июля 1871 года. Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 339, д. 92, л. 44.

[7] Н. В. Чайковский (1850—1926 гг.) — один из участников кружка «чайковцев», с именем которого связывалось название этой организации. Летом 1874 г. он отошел от «чайковцев». После Великой Октябрьской социалистической революции — глава контрреволюционного архангельского «правительства», связанного с интервентами, затем белоэмигрант.

[8] ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 528, л. 25.

Трофимовой и других лиц бумагам, можно думать, что если подобное общество еще не организовалось, то организация его занимает некоторую молодежь, увлеченную идеями всесветной революции о демократическом социализме и федеративной республике...» [9]. В докладе III отделения царю от 29 ноября 1871 г. было указано на развитие антиправительственной пропаганды среди молодежи силами «особой тайной организации» во главе с «руководителем всего дела» М. А. Натансоном и между прочим сообщалось: «Фактическое, документальное доказательство ее (пропаганды.— *Н. Т.*) Третье отделение нашло в отобранной у одной личности (здесь, безусловно, имелась в виду Е. А. Трофимова.— *Н. Т.*) в Москве, в апреле текущего года, подробной программе, которая до того была известна нам только по отрывкам, найденным при нескольких обысках в Петербурге. В этой пространной программе, составленной, по-видимому, лицами, искусившимися в организации и ведении политической пропаганды, излагается и предписывается образование кружков троякого рода, в том числе «кружков самообразования и практической деятельности» [10].

Вышеприведенные факты позволяют говорить о том, что «Программа для кружков самообразования и практической деятельности» была разработана в кружке М. А. Натансона [11].

Наряду с известной запиской П. А. Кропоткина [12], излагающей программные основы кружка «чайковцев» в последний период его деятельности, документ, о котором идет речь, составленный в период формирования этой организации, представляет собой ценнейший источник для характеристики эволюции мировоззрения «чайковцев». Что касается времени составления указанной программы, то следует признать ошибочным случайное указание (в цитированном выше очерке) о разработке ее весной 1871 г., поскольку в другом месте того же очерка есть подробный рассказ о том, что этот документ обсуждался на нелегальном съезде студентов российских университетов, который был созван по инициативе кружка Натансона в Петербурге в первой половине января 1871 года [13].

Пропагандистская и организаторская деятельность кружка Натансона распространялась не только на Петербург и Москву, но по возможности на все университетские города России, с чем свидетельствовал, в частности, студенческий съезд 1871 года. Средством идейного сплочения широких кругов революционной молодежи России и должна была стать, по мысли Натансона и его товарищей, «Программа для кружков самообразования и практической деятельности».

Н. А. Троицкий

---

[9] «Каторга и ссылка», 1930, кн. 6 (67), стр. 93.

[10] ЦГИАМ, ф. 3 отд., 3 эксп., 1871, д. 185, л. 81 об.

[11] Мысль о разработке указанной программы «чайковцами» высказывал еще О. В. Аптекман (см. «Русское прошлое». Сб. I. Птгр. 1923). Однако Аптекман ошибся, отождествив интересующую нас программу с той, о которой ему рассказывал однажды Натансон и которая была набросана («в общих чертах») Натансоном совместно с П. Л. Лавровым за границей в 1875 году. Я. Д. Баум, отметив, что Натансон до 1871 г. не был за границей, а с начала 1872 г. до 1875 г. находился в ссылке, отверг предположение Аптекмана.

[12] П. А. Кропоткин. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? («Былое», 1922, № 17).

[13] См. ЦГАЛИ, ф. 1158, д. 528, лл. 15—16, 43 об. Тот факт, что съезд происходил в январе 1871 г., подтверждается другими источниками (ср. В. И. Малютин. Письмо Н. А. Балычевцевой от 7 февраля 1871 года. «Каторга и ссылка», 1931, кн. 4, стр. 128; Е. Н. Ковальская. По поводу письма В. Малютина. Там же, стр. 141).

О НАЗВАНИЯХ НА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТАХ

Вопрос о названиях на исторических картах имеет такое же важное значение, как и в книгах по истории. Однако если автор или редактор книги всегда имеют возможность рядом со старым названием поставить в скобках новое, то на картах, особенно мелкого масштаба, редактор карт такой возможности не имеет. Отсюда возникает вопрос: какому названию следует отдать предпочтение, учитывая исторический период, к которому относится составляемая карта?

Существуют две точки зрения. Одной из них придерживается Главное управление геодезии и картографии (ГУГК), издающее многочисленные стенные школьные исторические карты и различные исторические атласы. На картах, выпускаемых управлением, некоторые старые исторические названия стали постепенно заменяться новыми (например, Тифлис — на Тбилиси, Ревель — на Таллин, Вильно — на Вильнюс, Плевна — на Плевен и т. д.). ГУГК считает, что «большинство так называемых «исторических наименований», употребляемых в учебниках и на наших картах, является не историческими, а искажениями, закрепленными в дореволюционной русской литературе и не соответствующими их национальной форме. Нет никакого оправдания сохранять их на картах ни с точки зрения исторической верности, ни с педагогической (зачем перегружать память учащихся запоминанием названий, не имеющих никакой познавательной ценности?). Наконец, сохранение искаженных названий задевает национальное чувство народов».

Приступив к изменению названий на исторических картах, ГУГК внесло известный элемент дезорганизации в изучение истории в школе. Дело в том, что основным пособием в школе является стабильный учебник и все карты должны с ним согласовываться. В учебнике же сохранены старые названия. Некоторые старые названия исправлены на новые не только на школьных картах, но и в атласе истории географических открытий и исследований.

Другая точка зрения по вопросу о названиях на исторических картах сводится к тому, что такие названия, как Тифлис, Ревель, Вильно, Плевна и другие, нельзя снимать со всех исторических карт. Так, название Тифлис следует сохранить на исторических картах XIX в. и первой трети XX в., название Ревель—на всех картах с 1710 г. и до отделения Эстонии от России, и т. п. Именно так поступает научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» [1]. Такую же позицию занимает Издательство социально-экономической литературы [2]. Очевидно, для связи с современностью в тех случаях, когда на карте имеется свободное место, можно рядом со старым названием давать в скобках и новое, например, Ревель (Таллин) и т. п.

Вопрос о воспроизведении названий на исторических картах не исчерпывается наименованиями населенных пунктов. Не менее важно дать исторически верные названия народов, морей, озер, рек и т. п. При составлении карт иногда довольно трудно выбрать правильные названия для территории стран, которые длительное время находились под иноземным владычеством, и народов, не имевших своей письменности.

Все эти вопросы требуют специального изучения. Было бы желательно, если бы Институт истории АН СССР, соответствующие институты академий наук союзных республик, а также Академия педагогических наук РСФСР включили указанную тему в планы своих работ с тем, чтобы подготовить и опубликовать словарь-справочник «Названия на исторических картах». Надобность в таком издании, по нашему мнению, ощущается очень остро.

Ю. В. Аристов

[1] См. карты, помещенные в томе «СССР» БСЭ. Второе издание.
[2] См., например, карты в VII томе «Всемирной истории». М. 1960.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ КОЛЛЕКТИВНОМ ДОГОВОРЕ В РОССИИ

В журнале «История СССР» № 4 за 1960 г. помещена статья А. А. Мухина «Рабочее движение в Вятской губернии в 1859—1883 гг.», в которой автор утверждает, что «первый коллективный договор в истории российского рабочего класса» был заключен на Холуницком заводе Вятской губернии в 1863 году. В обоснование своего утверждения А. А. Мухин ссылается на документы из фондов №№ 941 и 582, хранящихся в Государственном архиве Кировской области.

Однако, как показало изучение, фонд № 941 (Ильинское волостное правление) никакого отношения к данному вопросу не имеет, а документы фондов № 582 (Канцелярия вятского губернатора) и № 491 (Главное управление Холуницкими горными заводами) каких-либо данных о коллективном договоре не содержат.

В письме вятского губернатора министру внутренних дел от мая 1864 г. упоминается, что «в течение года крестьяне, постоянно проживающие и работающие на заводах, на основании заключенных условий должны быть продовольствованы провиантом и обеспечены деньгами, следующими им, за исключением делаемого забора, за работы по платам, установленным объявленным крестьянам штатами» [1]. Из рапорта же главной конторы Холуницких заводов заводовладельцу от 20 ноября 1863 г. видно, что это условие основано на циркуляре министра внутренних дел, утвержденном царем 8 декабря 1862 г., в силу которого «заводовладельцы обязаны безвозмездно содержать все заводское население целый год» [2].

По существу вопроса, поднятого А. А. Мухиным, необходимо сказать следующее: в России коллективные договоры как правовая форма регулирования условий труда возникли в период революции 1905—1907 годов.

Конечно, отдельные факты заключения коллективных соглашений о труде, которыми заканчивались стачки рабочих, наблюдались и в более раннее время. Так, рабочие московских типографий в результате сентябрьской стачки 1903 г. добились от владельцев типографий существенных уступок, оформленных в виде объявлений, содержавших новые условия труда [3]. Формально такие объявления, изданные управляющими типографиями, не имели подписи рабочих или их уполномоченных. Но согласие рабочих выражалось в том, что они возобновили работу на новых условиях. Следовательно, указанные объявления можно рассматривать как соглашение между предпринимателями и коллективом рабочих об условиях труда, принятых под влиянием стачки, то есть как коллективный договор в широком смысле слова.

Аналогичным объявлением были оформлены уступки бакинских нефтепромышленников, сделанные ими рабочим в результате декабрьской стачки 1904 года. В «Истории ВКП(б)» указывается, что бакинская стачка 1904 г. окончилась «заключением первого в истории рабочего движения в России коллективного договора...» [4].

Можно согласиться с тем, что объявления о новых условиях найма, выпущенные управляющими нефтепромыслами под натиском стачки и принятые рабочими, являются коллективным договором в широком смысле. Но утверждение, что это первый коллективный договор, вступило в противоречие с новыми данными, например, с материалами забастовки московских типографов в сентябре 1903 года.

Поэтому «История Коммунистической партии Советского Союза», упоминая о мощной стачке пролетариев Баку в декабре 1904 г., не связывает с ней заключения первого в России коллективного договора [5].

Заключения коллективных договоров, надлежаще оформленных как двухсторонние соглашения и обладавших известной правовой силой, передовые рабочие России доби-

---

[1] Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 24, д. 294, лл. 12—13.

[2] Там же, ф. 491, оп. 1, д. 19, л. 40.

[3] Газета «Искра», 1903 г., №№ 49 и 50; Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. 63, оп. 13, д. 667, 1903 г., л. 270 об.

[4] «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат. 1950, стр. 54.

[5] «История Коммунистической партии Советского Союза». М. 1959, стр. 75.

лись под руководством Коммунистической партии только в эпоху первой русской революции.

Первым из числа таких договоров был договор Харьковского паровозостроительного завода, заключенный 1 февраля 1905 г. между правлением Русского паровозостроительного и механического общества и директором Харьковского завода общества, с одной стороны, и коллективом уполномоченных, выбранных мастеровыми и рабочими завода,— с другой.

Текст указанного договора сохранился до наших дней [6].

Г. К. Москаленко

[6] Журнал «Профессиональный союз», 1906, № 14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Обичкин Геннадий Дмитриевич, профессор, заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член редколлегии журнала «Вопросы истории КПСС», один из авторов книги «В. И. Ленин. Биография», автор статей и брошюр по вопросам марксизма-ленинизма и истории КПСС, редактор ряда изданий Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Позняк Виктор Генрихович, начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза, автор работ в области истории военного искусства.

Деборин Абрам Моисеевич, академик, философ и историк. Автор монографий «Введение в философию диалектического материализма», «Социально-политические учения нового времени», «Философия и политика» и других многочисленных работ.

Трухановский Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы истории», специалист в области новейшей истории, истории международных отношений и внешней политики СССР. Автор монографий «Новейшая история Англии», «Внешняя политика Англии после второй мировой войны» и ряда других работ.

Васильев Александр Филиппович, кандидат исторических наук, сотрудник журнала «Вопросы истории», защитил кандидатскую диссертацию на тему «Парторганизации Южного Урала во главе перестройки промышленности на военный лад (1941—1942 годы)». По этой теме опубликовал в исторических журналах ряд статей.

Букалова Вера Михайловна, кандидат исторических наук, работала научным сотрудником Института истории АН СССР, специалист по истории народов Северного Кавказа, автор ряда научных статей и публикаций.

Андерле Альфред, директор Института истории народов СССР при Университете имени М. Лютера в Галле (ГДР), кандидат исторических наук, специалист по новейшей истории Германии, особенно в области советско-германских отношений, автор исследований «Антибольшевизм как средство подготовки второй мировой войны», «Немецко-советские отношения в 1925—1926 гг.», «Советско-немецкие отношения в 1926—1929 гг.», «Путь к 22 июня 1941 г.» и других.

Липшиц Елена Эммануиловна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, специалист в области истории Византии, автор исследования «Геопоники, византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века», монографии «Очерки истории византийского общества и культуры в VIII — первой половине IX столетия» и ряда статей.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

G. D. OBICHKIN. An Important Centre for the Propaganda of Marxist-Leninist Theory

The 40th anniversary of the founding of the CC, CPSU Institute of Marxism-Leninism, a major scientific research institution and an important centre for the propaganda of revolutionary theory, was observed in the Soviet Union earlier this year. This article by Professor G. D. Obichkin, the Institute's Assistant Director, briefly summarizes the activities carried on by the Institute of Marxism-Leninism over the past four decades.

The Institute of Marxism-Leninism was founded on the basis of the Marx-Engels Institute, established by a decision of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) of January 11, 1921, and the V. I. Lenin Institute founded in 1923. In 1931, in conformity with a decision of the Presidium of the U.S.S.R. Central Executive Committee, both institutes merged to form the Marx-Engels-Lenin Institute, which has now been renamed into the CC, CPSU Institute of Marxism-Leninism. The chief aim of both institutes and, after their merger, of the Marx-Engels-Lenin Institute, was the collection and study of all documents relating to the biographies and revolutionary activity of Karl Marx, Frederick Engels and V. I. Lenin, the founders of scientific communism.

Our Party has rendered an inestimable service to the international working-class and communist movement, the author writes, by collecting and preserving the originals or copies of the overwhelming majority of Marx's and Engel's manuscripts. Its painstaking efforts in this field made possible the publication of such outstanding works as "Dialectics of Nature," "German Ideology" and many letters by K. Marx and F. Engels. The collection of V. I. Lenin's vast literary heritage likewise presented great difficulties, but this important task has now been solved in the main. More than 6,000 documentary materials of K. Marx and F. Engels and over 30,000 documentary materials of V. I. Lenin are now kept in the Central Party Archives. These documents constitute a truly inexhaustible treasure-store of Marxist-Leninist creative thought bequeathed to mankind by the great teachers of the working people of the whole world.

The Institute's archive also contains many thousands of documents on the history of the CPSU. The library of the Marxism-Leninism Institute is a unique depository possessing the fullest collection of Marxist-Leninist literature (800,000 books and over a million copies of periodical publications).

Until recently the basic aspect of the Institute's work was its research and publishing activity. The article gives a detailed account of the extensive activity carried on by the Institute in preparing for publication individual and collected works by K. Marx, F. Engels and V. I. Lenin, CPSU documents, works by such prominent Party leaders as F.E. Dzerzhinsky, M. I. Kalinin, G. K. Ordjonikidze, J. V. Stalin and S. G. Shaumyan. The Institute has completed the publication of the five-volume edition of "A History of the Civil War in the U.S.S.R." and has launched the publication of the six-volume "History of the Great Patriotic War." Volume I has already come off the press.

At the present time the Institute is taking a series of measures to speed up the publication of Works by K. Marx, F. Engels and V. I. Lenin, and the Communist Party documents. Research work is being intensified and extended and the Institute's contacts with Party organizations are becoming closer.

An important task facing the Institute in the coming years is to compile a six-volume edition of the history of the CPSU. It will be a comprehensive scientific work based on extensive documentary material, which will highlight the historical path traversed by the Communist Party of the Soviet Union and illustrate its activity carried on for over half a century. The compilation of this work is planned to be completed by the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution. The Institute's plan envisages more frequent scientific sessions and theoretical conferences to discuss major research problems, more effective methods of exposing bourgeois, revisionist and Right-wing Social-Democratic ideology and of criticizing dogmatic and sectarian views.

The Institute is called upon to assist the Party in elaborating various problems of communist construction, intensify the work of disseminating the ideas of Marxism-Leninism, generalize the experience of Party organizations and extend the scope of research into the pressing problems of our time.

In conclusion the author describes the tasks and activity of the magazine "Problems of the CPSU History" published by the Institute, as well as of the Institute's branches in the Union Republics, Moscow and Leningrad. Much attention is devoted by the author to the Institute's international ties, particularly to its close cooperation with historians of the socialist countries.

The immortal works of Marx, Engels and Lenin, and the Communist Party documents published by the Institute, the author points out, constitute the ideological weapon of the Party and serve as the basis for its ideological work among the masses. These publications are translated into the languages of the peoples of the U.S.S.R. and many other European and Asian countries. The great ideas of Marxism-Leninism are marching triumphantly all over the world, penetrating its remotest corners and guiding the peoples in their struggle for peace, independence, democracy and socialism.

V. G. POZNYAK. **Lessons of History** (The 20th Anniversary of the Beginning of the Soviet Union's Great Patriotic War)

Twenty years have already passed since the beginning of the Soviet Union's Great Patriotic War, which was a factor of decisive importance in World War II.

The second world war was precipitated by the conflict of interests between two groups of imperialist powers. As is justly emphasized by the author, the only one to blame for unleashing World War II is international imperialism.

As regards the aims pursued by each group of powers, the second world war was essentially an imperialist war, but with the progress of hostilities its character was gradually changing. The rise and development of the national-liberation movement in the nazi-occupied countries initiated the process of its conversion into a just war of liberation on the part of the forces opposing the bloc of fascist states. The entry of the world's first socialist state in the war signified the completion of the process of converting World War II into a liberating, anti-fascist war.

The second world war, as distinct from the first, was prepared and unleashed by the imperialist forces in conditions when the world had already been split into two camps. The capitalist camp was opposed by the Union of Soviet Socialist Republics—a worker and peasant state born in the flames of the proletarian revolution of 1917.

From the first days of its existence the U.S.S.R. pursued a peaceable foreign policy based on the Leninist principle of peaceful coexistence of states with differing social systems. The Soviet Union worked steadfastly and consistently for a reduction of armaments and armed forces. When the first hotbeds of another world war began to smoulder, when the aggression launched by Germany, Italy and Japan assumed a broader scope and the international situation became seriously complicated, the Communist Party and the Soviet government waged a persistent and resolute struggle to organize a collective rebuff to the aggressors. But the efforts of the socialist power were foiled by the imperialists.

Blinded by its hatred of the world's first socialist state, the international reaction regarded German fascism as a force with the help of which it hoped to restore capitalism in the Soviet Union and resolve the acute imperialist contradictions at the expense of the socialist state. To achieve these ends the reactionaries did everything in their power to nurture German militarism. The ruling circles of the U.S.A., Britain and France hoped that they would succeed in directing the German, Italian and Japanese aggression against the U.S.S.R.

In their efforts to direct fascist aggression to the East, the imperialist circles of the Western Powers tried to appease Hitler and made him one concession after another. The climax of this policy of encouraging aggression was the shameful Munich deal of September 1938.

In the summer of 1939, when the situation in capitalist Europe became extremely tense, Britain and France, under pressure of world public opinion, were compelled to start negotiations with the U.S.S.R., which had offered to conclude a treaty of mutual assistance. The reluctance of the British and French governments to conclude this treaty resulted in the disruption of the Anglo-Franco-Soviet negotiations.

When the Soviet Union was confronted with the real danger of being involved in the war and there appeared the threat of international political isolation of the Soviet state, the Communist Party and the Soviet government had no other way out but to accept the German government's proposal to conclude a non-aggression treaty with Germany. This treaty enabled the Soviet Union to gain a period of two years for continued socialist construction and for enhancing the country's defence capacity, as well as to foil the attempts of international imperialism to build up a united anti-Soviet front of capitalist states.

The next step of the German imperialists—their attack on Poland—compelled Britain and France to introduce certain changes into their policy. In the opening days of September 1939 Britain and France declared a war on Germany. However, their war against Germany was actually a "phoney war," without any hostilities. The imperialists of Britain and France adopted a "wait and see" tactic, still hoping that nazi Germany would attack the Soviet Union. But German imperialism did not risk attacking the U.S.S.R. in that

period. Before launching their aggression against the Soviet state the nazis decided to secure a reliable rear by routing their capitalist rivals in the West.

Much the same situation was taking shape in the East. In the Far East and the Pacific area the monopolists of the U.S.A. and other Western countries followed the policy of encouraging Japanese expansion. The United States did much to enhance Japan's military might by supplying her with deficit strategic materials. The world war in the Far East broke out as a result of the Japanese militarists' sudden attack on the U.S. naval base at Pearl Harbor.

Historical experience shows that the capitalist world was unable to form a united front against the socialist state.

After seizing a number of European countries, routing France and expelling British troops from the continent, fascist Germany began its war against the Soviet Union. The nazis treacherously violated the Soviet-German non-aggression treaty of September 23, 1939.

The Communist Party mobilized the entire country for the sacred Patriotic War. In the battle on the approaches to Moscow the German fascist aggressors suffered their first major defeat in World War II. In this battle the Soviet Army dealt a devastating blow to the myth about the invincibility of fascist Germany. The nazi plan of a "blitz" war against the Soviet Union collapsed dismally. Having completed the reorganization of industry along military lines in the summer of 1942, the Soviet people ensured a steady supply of modern weapons to the Soviet Army, abundantly providing our troops with ammunition, tanks, ordnance and aircraft. Combined with supreme heroism and increased fighting efficiency of our troops, this ensured the debacle of the German fascist armies at Stalingrad. The Battle of Stalingrad signified the beginning of a radical change not only in the progress of the Great Patriotic War but also in the course of World War II as a whole.

In the winter of 1942-43 the Soviet troops demolished 40 per cent of all the divisions of the fascist-bloc countries concentrated on the Eastern Front.

In the summer of 1944, when it became obvious to all that the Soviet Union was powerful enough to crash nazi Germany and her allies single-handed, the ruling circles of the U.S.A. and Britain finally carried out their long-delayed operation of landing their troops in France. The article shows that by the beginning of the 1944 summer-autumn campaign, i.e., on the eve of the landing of British-American troops in France, the main forces of the German fascist army were concentrated on the Eastern Front. The Soviet Armed Forces scored a decisive victory over the nazi armies in the central parts of Germany and Czechoslovakia in the concluding battle embracing the vast territory from the Baltic shores to the Carpathians. The war in Europe ended with the complete collapse of the nazi regime. The decisive role in the defeat of fascism, the article stresses, was played by the heroic Soviet people and its army.

The plans of international imperialism to destroy the land of socialism in the war met with ignominious failure. It was not the Soviet Union but world capitalism that was weakened by the war. The general crisis of capitalism entered its second stage. The Soviet Union's victory in the war and the upsurge of the national-liberation struggle in a number of European and Asian countries resulted in the emergence of People's Democracies. There arose a camp of peace and socialism.

The collapse of the colonialist system and the emergence of dozens of newly independent states should be regarded as the most important postwar developments.

Another event of major significance is the growth of the international communist movement which has become the most influential political force of our time and the cardinal factor of social progress.

The victory of the anti-Hitler coalition and primarily of the Soviet Union in the second world war resulted in the collapse of the nazi regime in Germany and the destruction of militarism in Japan.

But the ruling circles of the leading imperialist powers, above all the United States and Britain, took the remaining fascists under their wing and protected them from the just retribution of the peoples. Once again international imperialism has resurrected the might of the German monopolies and is helping Western Germany to develop her war industries. The ruling circles of the U.S.A., Britain and France not only encourage and support the rebuilding of the Wehrmacht but intend to supply the West-German revanchists with atomic weapons. The same line is being followed in relation to Japan.

The last war, the author writes in conclusion, caused untold suffering to the peoples and exacted a heavy toll of human life. In our days all progressive mankind is coming out more and more resolutely against the threat of another world war and is fully determined to avert it.

This struggle has now entered a new stage. The time has come when there exists a very real possibility to curb the imperialist attempts to unleash another world war. The countries of the socialist camp do not threaten anyone, but they are against the solution of international differences by means of war. As long as the imperialist powers continue to reject the peaceful proposals advanced by the Soviet Union and allocate colossal sums for the arms drive, the countries of the socialist camp will be compelled to strengthen their defence potential and enhance their vigilance.

Academician A. M. DEBORIN. **Certain Historical Aspects of the Development of American Imperialist Ideology**

The article points out that in the present conditions of intensified ideological struggle bourgeois ideologists are exerting much effort and energy to justify the aggressive policy pursued by U.S. imperialism. "This distortion of historical truth," the author writes, "reflects the profound crisis of imperialist ideology and policies. An analysis of the development of the basic 'theoretical' principles of U.S. imperialism's foreign political expansion helps to expose such bourgeois falsifications."

The author makes a critical analysis of the theoretical premises on which U.S. expansionist policy is based, including the "natural right" doctrine which was given a reactionary interpretation by American bourgeois ideologists, the doctrine of "geographical predetermination," the "natural right to security" theory, etc. The author also makes a point of stressing that already in the early period of America's capitalist development all kinds of racialist theories were very widespread among the U.S. ruling classes. The imperialist era has given a new impetus to the "development" and substantiation of the reactionary ideology of U.S. imperialism, which advanced the idea of struggle for world domination.

The theoretical foundation for America's bourgeois expansionist policy was provided by Spencer's philosophy which reflected most fully the spirit and aspirations of the bourgeoisie, and later by the philosophy of pragmatism. "Whereas Spencerianism preached the survival of the strongest and fittest in the life struggle and affirmed that 'success' is determined not only by man's physical and mental qualities but also by his moral views," the author writes, "pragmatism is openly permeated with the spirit of capitalist enterprise, whose be-all and end-all is the drive for profit and business success."

Following his critical examination of the views expounded by various advocates of Spencerianism and pragmatism, the author writes in conclusion: "The sum and substance of American imperialists' 'political doctrine' amounts, essentially, to the preaching of 'world government' and anti-Communism. The chief purpose of the American 'idea' is universal exploitation of the peoples by the U.S. monopolies. The American type of democracy is embodied in a political regime which serves as a weapon of ruthless exploitation, suppression of the revolutionary and trade union movement and every manifestation of progressive thought; it is a democracy aimed at destroying the nations and state sovereignty."

V. G. TRUKHANOVSKY. **An Important Stage in Anglo-Soviet Relations During World War II**

Drawing on documentary materials, memoir literature and the press, the author examines the negotiations between the Soviet and British governments on the territorial issue, which preceded the conclusion of an allied treaty in May 1942, as well as certain questions concerning the British attitude towards the second front in the period of these negotiations.

Analyzing the military-political situation prevailing in the European theatre of World War II at the beginning of 1942, the author considers that it was determined by the victories of the Soviet Armed Forces in the Battle of Moscow (December 1941) and the subsequent successful offensive in January-April 1942. The nazi command was compelled to divert large contingents from Western Europe and rush them to the Eastern Front, thereby considerably weakening Germany's military positions in Western Europe. A real possibility was thus created to bring the war to a speedy conclusion by the opening of a second front in Europe.

In its insistent demand for the opening of the second front against Germany in Western Europe, the Soviet government was guided by several important considerations: it was anxious to render the position of the Soviet Armed Forces less difficult, devise most effective and rational methods of waging war against the common enemy, ensure a speedy victory with minimum sacrifices in human life and material resources and hasten the liberation of the peoples languishing in fascist slavery. Moreover, due account was also taken of the vital interests of Britain, for the opening of the second front would considerably improve her military position and remove the terrible menace of the nazi invasion of the British Isles. Thus, the second front accorded with the fundamental interests not only of the Soviet Union, but also with the interests of Britain and all the nations fighting against fascism.

In the countries belonging to the anti-Hitler coalition the popular masses actively supported the Soviet demand for the opening of the second front. That demand was also backed by certain representatives of the ruling circles in Britain and the United States.

Pointing to the differences which arose on the issue among the ruling circles of Britain and the U.S.A., the author stresses the fact that most of the members of the British government headed by Prime Minister Winston Churchill were against the scheduled opening of the second front in Europe. The British leaders looked forward to the time when the war would bleed the Soviet Union and Germany white, and this would help to maintain the "balance of power" principle on the European continent to the benefit and advantage of British imperialism and British statesmen.

A comprehensive analysis of memoir literature brings the author to the conclusion that Churchill and British military leaders played a double game at the time of their negotiations with representatives of the U.S.A. (April 1942) on the opening of the second front, in the course of which agreement was reached on carrying out the "Sledgehammer" and "Roundup" operations. The conclusion drawn by the author from his study of Churchill's memoirs is that Britain's consent to carry out these operations was insincere. In fact, this is admitted by General Ismay, Churchill's Chief of Staff, who wrote that later the Americans "felt that we had broken faith with them, worse still, they got it into their heads that our opposition to Sledgehammer would later extend to Roundup, as well." ("The Memoirs of General the Lord Ismay." London, 1960, pp. 249-250). The double game of the British ruling circles found its most glaring manifestation in Churchill's deliberately false promise to the Soviet government to open the second front in 1942. This promise found its expression in the following phrase included in the joint Anglo-Soviet communiqué: "Complete agreement was reached by the two parties on the urgent tasks connected with the opening of the second front in Europe in 1942." However, it is generally known that this obligation was violated by the British government.

The author makes a detailed analysis, in close connection with other documents and materials on the second front, of Churchill's memorandum transmitted to the Soviet Foreign Minister at the moment of compiling the Anglo-Soviet communiqué, thereby showing the hypocrisy of Churchill and of certain British and other bourgeois historians, who subsequently used this document to justify the British government's dishonest attitude to its commitments with regard to the second front. The article proves that Churchill's memorandum by no means signified the British government's refusal to open the second front in 1942. The substance of the matter is that Churchill and bourgeois falsifiers of history take only the reservation contained in the memorandum and completely ignore those parts of the document which confirm the obligation to open the second front. This means that the memorandum was deliberately formulated in such a way as to justify any subsequent violation of the obligations contained in the Anglo-Soviet communiqué.

The article further says that despite the insincerity manifested by the British government in the negotiations on the opening of the second front in Europe in 1942, the agreement on the second front concluded in the spring of that year was of major significance, for it contributed to the further strengthening of the anti-Hitler coalition. It should be regarded as a major success of the Soviet Union's foreign policy which enlisted the support of the British and American peoples in securing the official consent of the British and U. S. governments to open the second front in Europe.

The article further examines the conclusion of an Anglo-Soviet allied treaty in 1942. The author cites facts, which became known in the postwar period, concerning Churchill's meeting with Roosevelt in the Atlantic Ocean in August 1941. It was in the course of that meeting that a compact was reached by the British and American ruling circles, which provided for the settlement of all major postwar issues by Britain and the United States to the detriment of the Soviet Union's vital interests. In this situation the Soviet government's proposal on the conclusion of an Anglo-Soviet treaty in November 1941 was fully justified and timely. At the same time it clearly testified to the Soviet government's correct understanding of the intentions harboured by the ruling circles of Britain and the U.S.A. In the light of these facts it becomes clear why in the course of the Anglo-Soviet negotiations, which opened at the end of 1941 and concluded in the early part of 1942, Britain's official representatives refused to recognize the Soviet Union's frontiers as they had existed on June 22, 1941. This could only mean that the ruling circles of Britain, as well as of the U.S.A., intended at the end of the war to sever from the U.S.S.R. part of its Western territories, whose peoples cast off the chains of capitalism and took the path of socialism.

However, the mortal danger looming over their country and the clear realization that they stood no chance of winning the war against Germany without the U.S.S.R. compelled the British ruling circles to relegate their strong anti-Soviet sentiments to the background. In March 1942, as is seen from Churchill's letter to Roosevelt, the British ruling circles were ready to show more concern and respect for the legitimate interests of the Soviet peoples. Churchill requested the U.S.A. to allow him "freedom of action" in signing a treaty with the Soviet Union envisaging a lawful and just solution of the problem of the Soviet Union's western frontiers, but the U.S. government came out against this proposal.

This attitude of the British and American ruling circles confronted the Soviet government with a dilemma: should it continue to insist on its absolutely justified proposals, thereby erecting an obstacle to the immediate conclusion of an allied treaty with Britain, or should it conclude this treaty without delay in the form agreed upon in the course of the negotiations? In the interest of the common cause of the peoples and guiding itself by the desire to strengthen the anti-Hitler coalition and consolidate its relations with Britain and the U.S.A., the Soviet government decided immediately to sign a treaty with Britain. This was a clear manifestation of the Soviet government's good will and desire to cooperate—the underlying features of Soviet foreign policy. Notwithstanding the fact that Britain's intransigent attitude prevented the inclusion of a number of Soviet proposals, the treaty proved of major positive significance for the promotion of Anglo-Soviet relations and strengthening the anti-fascist coalition. That explains why the treaty was

greeted with such a warm approval by the popular masses in the U.S.S.R., Britain and all the countries of the anti-fascist front. The British government went to the length of concluding a formal treaty with the U.S.S.R. because it had a definite interest in strengthening allied relations with the Soviet Union and because it had to reckon with the British people's insistent demand for closer alliance with the U.S.S.R. in the interests of achieving a speedy victory over fascism. The conclusion of a Soviet-Anglo-American agreement on the second front and of an allied treaty with Britain in 1942 was an international recognition of the strength and successes of the Soviet Army and people in the struggle against the common enemy of all freedom-loving nations.

A. F. VASILYEV. **The Role of the South Ural Party Organizations in Accommodating the Evacuated Enterprises in 1941-1942**

Drawing on new archive materials, the author vividly reproduces one of the glorious pages in the history of the Soviet state—reorganization of the Soviet industry and gearing it to the needs of the front in the early period of the Great Patriotic War.

The author writes that in the years of Soviet government the Urals has been converted into a powerful base of the socialist industry. Dozens of giant heavy-industry enterprises were built there during the first five-year plans.

The powerful industrial base made it possible to accommodate in the Urals more than 450 major plants and factories evacuated from the western parts of the country as a result of the Soviet Army's forced retreat in the summer and autumn of 1941. Nearly 320 of these enterprises were moved to South Urals.

The evacuation of industry was an extremely complex task. As the article stresses, it was not merely a matter of evacuating machine tools and equipment; it involved the dismantling and shifting to the East of hundreds of factories and mills, changing the base of whole branches of industry in the shortest possible time.

The evacuation was carried out under the direct supervision and guidance of the Communist Party's Central Committee. A special body—the Evacuation Council headed by N. M. Shvernik—was set up by the State Committee on Defence for effectively solving a number of urgent problems connected with the shifting of industry. The work of accommodating the evacuated plants and factories was directed by the local Party organizations. The local government bodies, trade unions and Young Communist organizations made an important contribution to the speedy re-starting of production at the evacuated enterprises. Valuable assistance in the rational accommodation of the evacuated factories and mills was rendered by Soviet scientists.

To facilitate and expedite the work of putting the evacuated equipment in operation, it was dispatched to those areas in which kindred branches of industry were located.

In accommodating the evacuated factories and mills it was necessary to find vacant production space or build new premises. On the initiative of the South Ural Party organizations various sites and structures were carefully examined with the aim of establishing their suitability for accommodating the newly arrived equipment.

The combination of stringent planning that characterized the activities of the central government bodies with the creative initiative of the local Party and Soviet organizations ensured the most rational accommodation of the evacuated enterprises from the viewpoint of securing the interests of the war economy.

It was not an easy job to load and transport industrial equipment for many thousands of kilometres, but still greater difficulties arose in the process of reassembling this equipment in the new areas.

The article describes the efforts made by the South Ural Party organizations to ensure the unloading of the arriving trainloads, the delivery of machine tools and equipment to the new sites and their assembly and installation. With the aim of rendering direct practical assistance on the spot the Party organs dispatched their functionaries to the evacuated enterprises.

One of the chief factors that importantly contributed to the successful restoration of the evacuated industry was the all-round assistance of the local industrial establishments to the evacuated factories and mills.

Working for the speediest installation of equipment, the Party organizations exerted every effort to re-start the output of war materiel in the shortest possible period. They helped the evacuated enterprises to place orders for the manufacture of the missing equipment with the local plants and factories and ensured the cooperation of the evacuated enterprises between themselves or with the local industrial establishments. All this created the necessary prerequisites for the most effective utilization of the evacuated equipment for the production of war materiel.

Large numbers of workers, office employees and members of their families came to the South Urals together with the evacuated enterprises. In the process of accommodating these enterprises the local Party organizations displayed particular concern for providing the evacuated population with everything necessary.

Among other complex problems presenting great difficulties was that of providing the evacuated plants and factories with adequate labour force and electric power.

The labour heroism of the masses guided by Party organizations made it possible to re-start production at many enterprises within the shortest time-limits amounting, in a number of cases, to 2-4 weeks. However, the majority of the evacuated factories and mills required longer periods of time to resume production; in the South Urals the process was completed, in the main, in the spring of 1942.

The accommodation of the evacuated enterprises in the South Urals played an important part in stepping up the output of war materiel, weapons and ammunition. The efforts of the South Ural Party organizations to ensure the speediest resumption of output by the evacuated industrial establishments largely contributed to the defeat of the nazi invaders by the Soviet Army in the Great Patriotic War.

V. M. BUKALOVA. The Kabardinian Peasants' Anti-Feudal Struggle in the Second Half of the 18th Century

The article deals with an insufficiently studied period in the history of the class struggle of the North Caucasian peoples. Drawing on new documents and materials published in the second volume of her collection "Russo-Kabardinian Relations in the 16th-18th Centuries," the author investigates the problem of the social movements in Kabarda in the second half of the 18th century.

Although feudal relations in Kabarda had already taken definite shape and form by that period, considerable patriarchal survivals still continued to persist. In the second half of the 18th century the dependent Kabardinian peasants, known as Chagars, enjoyed the right freely to pass from one landowner to another. There also existed a category of serf peasants who could be sold into slavery by their owners. The intensified feudal oppression compelled the serfs and dependent peasants to flee to Russian towns and forts. As a result of this the Kabardinian feudal lords lost a substantial part of immediate producers and were faced with the threat that the remaining peasants would refuse to carry out their vassal duties. That explains why in their letters and petitions to the tsarist government the Kabardinian princes invariably appealed for assistance in returning the fugitives. The fugitive peasants usually settled in close proximity to the Russian fortresses and this was one of the chief reasons that impelled the Kabardinian feudal lords to fight for the destruction of these fortresses. However, the efforts of Kabardinian princes to involve their peasants into this struggle proved unsuccessful and in April 1767 the Kabardinian Council of Feudal Aristocracy decided to start preparations for a resettlement to the Kuma or Kuban rivers. The attempt to carry out this plan resulted in an uprising which broke out in June 1767 and involved the overwhelming majority of the serfs and dependent peasants of Greater Kabarda. The Russian officials tried to take advantage of this movement for bringing pressure to bear on the Kabardinian feudal lords and compelling them to give up their resettlement plan. Analyzing the progress of the uprising and the peasants' demands, the author comes to the conclusion that their mass movement was caused by the intensification of feudal oppression. The Kabardinian princes were forced to make important concessions to the peasants (notably, reaffirm their former rights) in order to put an end to the uprising. The resettlement to the Kuma River was carried out only in part.

During the Russo-Turkish war, which broke out in 1768, the Kabardinian peasants displayed a friendly and benevolent attitude to the Russian troops, whereas a number of Kabardinian princes tried to come to terms with Turkey and the Crimea. To win over the local feudal lords to the side of Russia, the tsarist government granted them a charter in 1771 providing for the return of fugitive serfs. The real meaning of this charter remained unknown to the Kabardinian peasants, who continued to appeal to tsarist officials for protection against the tyranny and oppression to which they were subjected by the rich landowners. The Kabardinian peasants continued to flee from their masters and to seek refuge in Russian fortresses and settlements. The sum and substance of the tsarist government's policy was to exploit class contradictions in Kabarda for the purpose of enhancing its own influence there. Despite the existence of the 1771 charter, the question of returning fugitive peasants was, in each particular case, made dependent on the influence that had to be exerted on the Kabardinian princes. Only in 1784 the tsarist government made a decisive step towards strengthening class alliance with the local feudal aristocracy by elevating its representatives to the rank of Russian nobility. In 1785 the Kabardinian peasants, disappointed in their hope of getting real assistance from the authorities of the Caucasian line, joined the uprising of Ushurma proclaimed by Sheikh Mansur. The article shows the nature, motive forces and specific features of this uprising which was directed both against the feudal regime and the policy of tsarism. The concluding part of the article is devoted to a brief survey of the Kabardinian peasant movements in 1794, 1795 and 1799.

Drawing on her analysis of the class struggle in Kabarda, the author arrives at the conclusion that the uprising of 1767 should be regarded as the biggest and most powerful anti-feudal movement of the Kabardinian peasants in the second half of the 18th century. Towards the close of the 18th century the Kabardinian peasants' movement against their own feudal oppressors merged with the general struggle against the tsarist government's colonial policy in the North Caucasus. In subsequent period the working masses of

all the peoples and nationalities of Russia became close allies of the Russian proletariat in its struggle for the victory of the socialist revolution.

A. ANDERLE. **From the History of Ideological Preparation for the Nazi Aggression Against the U.S.S.R.**

The article shows that nazi Germany's perfidious attack on the U.S.S.R. on June 22, 1941, was a result of the criminal imperialist anti-Soviet policy systematically pursued by the German militarist circles from the very inception of Soviet power. Drawing on published documents and archive materials, the author convincingly proves that the aggression against the Soviet Union was carefully and systematically planned for many years. Way back in 1919 an Anti-Bolshevik League was founded, which was financed by Krupp, Stinnes, Vögler, Kirdorf and other big bankers and industrialists. Intensive efforts were made to form the so-called Volunteer Corps for carrying out the planned seizure of the Baltic territories. The "German-Russian Society" organized slanderous campaigns against the U.S.S.R. In Munich there emerged a coalition of Whiteguard émigrés (Hetman Skoropadsky, General Biskupsky), arrant reactionaries (A. Rosenberg, M. E. von Scheibner-Richter, Baron von Manteuffel-Katzdangen, Duke von Leichtenberg), reactionary journalists (A. Rechberg) and representatives of the top military caste (M. Hoffmann), whose chief aim was to organize a "crusade against Bolshevism."

In the years of the Weimar Republic the German reactionaries in collusion with Whiteguard émigrés conducted vicious propaganda of hate and slander against the Soviet people. Their foul activity was greatly facilitated by the double-dealing and hypocrisy of the Right Social-Democratic leaders. The same propaganda was served by anti-Soviet fabrications disseminated through the conservative press. The reactionary groupings in the country were counterpoised by the Communist Party of Germany which fought for the establishment of friendly relations with the U.S.S.R.

In 1933, following the establishment of fascist dictatorship in Germany, the intensified anti-Soviet aggressive foreign policy was combined with open terror against the Communists and all honest-minded people within the country itself. Anti-Communism became the political ideology of Germany. The nazis became a shock force of the international counterrevolution. Acting jointly with the leadership of the National-Socialist Party, the Wehrmacht proceeded to draw up plans for the seizure of the East-European territories ("Ost," "Barbarossa-Oldenburg," "Grüne Mappe," etc.). These aggressive ambitions were actively supported and encouraged by the reactionary elements of Britain, France and the U.S.A.

To provide some sort of "justification" for these aggressive plans the reactionary element advanced diverse theories purporting to prove that the Aryans belonged to a "superior race" and that Germany was vitally in need of "Lebensraum." The aggressive aspirations were fanned by artificially whipping up revanchist sentiments. The campaign was joined by the government press, radio and the cinema. The venal reactionary journalists sold their pen to the nazi propaganda machine controlled by the government "German Press Department." To "justify" their aggressive plans against the Soviet Union, the nazis made extensive use of falsified historical data (books put out by the Nibelungen-Verlag publishers, the "Antikomintern" bulletin), disseminated the Norman theory on the origin of the Russian state, distorted the history of the Slav peoples. Wide use was made of the "works" produced by the "Ostforschung" leaders. Many representatives of this organization, including such prominent personalities as H. Rothfels, A. Bäumler, E. Krigk, H. Berve, R. Wittram, E. Rothacker and H. Aubin, were active propagandists of militarism, fascism and aggression. The Sudeten fascist organizations, the "Silesian Society" and the "Institut für deutsche Ostforschung" intensified their criminal activities. Among active members of these fascist organizations were O. Kossman, Th. Oberländer, P. Seraphin, G. Stadtmüller, M. Laubert, W. Kuhn, G. Wolfrum, G. Rauch, W. Market, H. Ludat, H. Schlenger, H. Schemme, A. Ert and other ideologists of fascism.

On the eve of the nazi invasion of the U.S.S.R. the ideological preparation of aggression was closely linked with espionage and elaboration of plans for the economic exploitation of the "occupied areas," mapped out by the General Staff's "Operational Headquarters of Russia" and the "Eastern Bureau" in the process of planning the so-called "Eastern Operation." The details were specified by Hitler's aide-de-camp Alfred Rosenberg in his criminal plan for dismembering the Soviet territory into separate German colonization zones. Special organizations were set up to carry out these infamous plans and detailed instructions worked out for the "Reichskomissars of the occupied territories." General directives to the latter were given by Hitler in 1941 at a secret conference with Rosenberg, Lammers, Keitel and Göring.

In our days reactionary historians in the German Federal Republic (G. Rauch, E. Rothacker, H. Rothfels and others) are trying to justify these villainous plans and the fascist activity. They resort to outright falsification of history, anti-Soviet propaganda, justification of the cold war, revanchist and militarist propaganda.

In conclusion the author writes: "History condemned nazism together with those who contributed to the temporary triumph of the ideology of obscurantism, and confirmed that

the enemies of progress and democracy will never succeed in gaining the upper hand, that the forces of peace and socialism are invincible and the future belongs to them."

E. E. LIPSHITZ. The Basic Controversial Problems of Historical Research into Early Byzantine Feudalism

The article under review is published by way of discussion. It sets forth E. E. Lipshitz's viewpoint on the issues raised in the articles by Z. V. Udaltsova and A. P. Kazhdan, "The Unsettled Problems of Byzantium's Social-Economic History" (No. 10, 1958), M. Y. Siuzyumov, "Certain Problems of Byzantine History" (No. 3, 1959), and D. Angelov, "Certain Aspects of Byzantium's Social-Economic History" (No. 2, 1960).

Many historians are inclined to the view that the fall of the slave-owning system in Byzantium dates back to the 7th century. Taking exception to this widespread theory, E. E. Lipshitz asserts that this historical development occurred in the 3rd-5th centuries and that from its very inception the Byzantine Empire was developing in conditions of the rise of feudalism. Already after the social crisis of the 3rd century Byzantium, like its eastern and western neighbours, adopted the path of developing feudal relationships.

The author believes that the presence of a large number of slaves in Byzantium in the 3rd-7th centuries cannot be taken as proof of its slave-owning nature for the following reasons: 1. The slaves were used primarily as servants or attendants; 2. The labour of slaves was extensively used throughout Byzantium's history, not merely in the 3rd-7th centuries, but it never played a dominant role in production, being only a survival of the slave-owning system; 3. In the process of studying Byzantine feudalism one must take into account its specific features manifested, above all, in the coexistence of the feudal and slave-owning forms of exploitation, with the former predominating.

The village inhabited by small landholders—members of free communes—and dependent tenant farmers served as the principal basis for the development of feudal relations. The colonate system was the initial form of feudal exploitation on the big imperial and privately-owned landed estates. The peasant communes of that period remained free and even grew in number owing to the influx of "barbarians" and their settlement on Byzantine territory.

The fall of the Western Roman Empire ushered in another stage in the development of feudal exploitation, which was characterized, in the main, by growing dependence of the peasant communes and their oppression by the centralized state. These semi-dependent communes existed side by side with completely dependent peasants (former coloni), who tilled the land belonging to the church and secular aristocracy. The seizure of communal lands by the feudal nobility completed the process of the emergence of serfdom in the countryside. According to E. E. Lipshitz, beginning with the 9th-10th centuries Byzantium can be regarded as a developed feudal state.

But perhaps the 7th century marks a turning point in Byzantine history for some other reasons that have no connection whatever to the character of production relations prevailing at that time? After all some of the authors affirm that the 7th century witnessed a profound social upheaval brought about by intensification of the class struggle waged by the working people of Byzantine towns and villages. Other authors hold that the character of the Byzantine Empire (reform altering the structure of the military-administrative areas) changed substantially in the 7th century. Others still relegate the origin of feudal relations to the 7th century, when the Slavs began to settle on the Balkan Peninsula. Many historians share the view that the feudal relations began to take shape during the decline of the country's economic centres and naturalization of the town economy in the 7th century.

These viewpoints are regarded by E. E. Lipshitz as unfounded. She cites facts which, in her opinion, convincingly prove that: 1. The 7th century did not witness class movements surpassing those of preceding centuries in significance and consequences; 2. The Byzantine Empire originated basically in the 4th-5th centuries and was not marked by any important changes in its class structure in subsequent periods; 3. The Slav colonization began much earlier than the 7th century; 4. The decline of individual provincial towns in the 7th century did not affect the country's major economic centres.

Thus, E. E. Lipshitz concludes, there is ample ground for asserting that Byzantium, like its neighbours, embarked on the path of feudal development already in the 3rd-5th centuries. In its shape and form it was a state patterned on Oriental despotism, with unlimited power vested in the emperor and numerous bureaucracy, being an instrument of class domination by big landowners.

內 容

論 文

馬列主义理論的重要宣传中心……盖・第・奧比契金
历史的教訓……維・格・波茲尼亚格
美帝国主义思想形成的历史的若干問題……阿・莫・捷波林院士
第二次世界大战时期英苏关系的重要阶段……弗・格・特卢汗諾夫斯基
1941—1942年南烏拉尔党組織关于安排疏散的企业的活动……亚・菲・华西里耶夫
十八世紀后半叶卡巴尔达农民的反封建斗爭……維・米・布卡洛娃
摘自希特勒侵略苏联的思想准备史……阿・安捷尔列（德意志民主共和国）
論早期拜占庭封建主义史上的重要爭論問題……艾・埃・莉普什茨（列宁格勒）

历史科学在苏联

在苏联科学院历史科学部和学术委員会里

討論斯拉夫学現实問題的調协会議……米・尼・庫茲明

短評和書評

新書
苏联历史杂志上的文章

学术新聞

全俄高等学校社会科学教研室主任会議……格・安・齐格里諾夫
第一个“編史学星期三”……加・德・阿列克塞耶娃
关于烏拉尔工人阶級史的学术会議……
康・康・德米霍夫斯基（彼尔姆），伊・謝・卡普楚戈維奇（彼尔姆），柳・索・罗加切夫斯卡娅

历史科学在国外

短評和書評

外国刊物巡礼

学术新聞

談越南民主共和国历史研究所的工作……潘家宾（譯音）（越南民主共和国）

信件和短評

CONTENTS

Articles: **G. D. Obichkin.** Important Centre for the Propaganda of Marxist-Leninist Theory. **V. G. Poznyak.** Lessons of History; **Academician A. M. Deborin.** Certain Historical Aspects of the Development of American Imperialist Ideology; **V. G. Trukhanovsky.** An Important Stage in Anglo-Soviet Relations During World War II; **A. F. Vasilyev.** The Role of the South Ural Party Organizations in Accommodating the Evacuated Enterprises in 1941-1942 **W. M. Bukalova.** The Kabardinian Peasants' Anti-Feudal Struggle in the Second Half of the 18th Century. **A. Anderle** (G.D.R.) From the History of Ideological Preparation for the Nazi Aggression Against the U.S.S.R.; **E. E.Lipshitz** (Leningrad). The Basic Controversial Problems of Historical Research into Early Byzantine Feudalism. **Historical Science in the U. S. S. R. In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: M. N. Kuzmin.** Coordination Conference Devoted to Urgent Problems of Slavonic Research. **Surveys and Reviews:** New Books; Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life: G. A. Chigrinov.** The All-Russian Conference of Social Science Departments of Higher Schools; **G. D. Alexeyeva.** The First "Historiographical Wednesday"; **K. K. Demikhovsky** (Perm), **I. S. Kaptsugovich** (Perm) and **L. S. Rogachevskaya.** Scientific Conference on the History of the Ural Working Class. **Historical Science Abroad. Surveys and Reviews:** Scanning Foreign Journals; **Chronicle of Scientific Life: Phan-gia-Ben (D.R.V.).** The Activities of the Institute of History of the Democratic Republic of Viet-Nam. **Letters and Notes.**

SOMMAIRE

Articles: **G. D. Obitchkin.** Centre important de la propagande de la théorie marxiste-léniniste; **V. G. Pozniak.** Leçons d'histoire; **A. M. Déborin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Quelques questions de l'histoire de la formation de l'idéologie de l'impérialisme américain; **V. G. Troukhanovsky.** Etape importante des relations anglo-soviétiques pendant la deuxième guerre mondiale; **A. F. Vassiliev.** Activité des organisations du Parti de la région d'Oural sud dirigée au placement des entreprises évacuées en 1941-1942; **V. M. Boukalova.** Lutte antiféodale des paysans de Kabardie dans la 2e moitié du XVIII siècle; **A. Anderle** (RDA). De l'histoire de la préparation idéologique de l'agression hitlérienne contre l'U.R.S.S.; **E. E. Lipchiz** (Léningrad). Problèmes principaux litigieux de l'histoire du féodalisme byzantin premier. Science historique en U. R. S. S. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: M. N. Kouzmin.** Conférence de coordination sur les problèmes actuels des études slaves. **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: G. A. Tchigrinov.** Conférence de Russie des titulaires de chaires des sciences humaines de l'école supérieure; **G. D. Alexéeva.** Premier « Mercredi historiographique »; **K. K. Démikhovsky** (Perm), **I. S. Kaptsougovitch** (Perm), **L. S. Rogatchevskaïa.** Conférence scientifique consacrée à l'histoire de la classe ouvrière de la région d'Oural. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: Phan-gia-Bèn (RDV).** A propos de l'activité de l'Institut d'histoire de la République Démocratique du Viet-nam. Lettres et notes.

INHALT

Beiträge: **G. D. Obitschkin.** Ein wichtiges Propagandazentrum der marxistisch-leninistischen Theorie; **W. G. Posnjak.** Die Lehren der Geschichte; **Akademiemitglied A. M. Deborin.** Einiges über die Geschichte der Formierung der Ideologie des amerikanischen Imperialismus; **W. G. Truchanowski.** Wichtige Etappe in den englisch-sowjetischen Beziehungen während des zweiten Weltkrieges; **A. F. Wassiljew.** Die Tätigkeit der süduraler Parteiorganisationen zur Unterbringung der evakuierten Betriebe (1941 — 1942); **W. M. Bukalowa.** Der antifeudale Kampf der kabardinischen Bauern in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts; **A. Anderle** (DDR). Aus der Geschichte der ideologischen Vorbereitung der Hitleraggression gegen die UdSSR; **E. E. Lipschitz** (Leningrad). Die strittigen Hauptfragen der Geschichte des frühbyzantinischen Feudalismus. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: M. N. Kusmin.** Koordinationsberatung über aktuelle Probleme der Slawistik. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: G. A. Tschigrinow.** Allrussische Beratung der Leiter der Lehrstühle für Gesellschaftswissenschaften an den Hochschulen; **G. D. Alexejewa.** Der erste „Historiographische Mittwoch"; **K. K. Demichowski** (Perm), **I. S. Kapzugowitsch** (Perm), **L. S. Rogatschewskaja.** Wissenschaftliche Konferenz über die Geschichte der Arbeiterklasse im Ural. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: Phan-gia-Bèn** (DRV). Die Tätigkeit des Instituts für Geschichte der Demokratischen Republik Vietnam. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер. 1/2, тел. Б 8-96-21

А 01296. Подписано к печати 14/VI 1961 г. Тираж 20 800 экз.
Изд. № 1227. Заказ № 1138. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

КИМ ХАН ЧЖУ. **Ури нараэсоы марксы-ленинчуы нонон каннёны сынничжок сильхён.** (Осуществление в КНДР марксистско-ленинской аграрной программы). Пхеньян Чосон нодонтан чхульпханса. 1960. 156 стр.

ЧОН ПХИЛЬ СУ. **Намчосонэсо панми чогук тхониль чонсон кёльсонылвихаё.** (За создание в Южной Корее антиамериканского единого фронта). Пхеньян. Чосон нодонган чхульпханса. 1960. 155 стр.

КИМ СОК ХЁН. **Понгон чибэ кегыбыль пандэхан нонминдыры тхучжэн. Корёпхён.** (Борьба крестьянства против господства феодалов в период Корё). Пхеньян. Квахаквон чхульпханса. 1960. 217 стр.

КИМ ЧЖУН ЧОМ. **Инмины мульчиль мунхва сэнхваль вихан ури таны чончхэк.** (Политика Трудовой партии Кореи по повышению материально-культурного уровня народа). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1960. 152 стр.

ПАК ТХЭ ВОН. **Имдин чогук чончжэн.** (Имдинская отечественная война). Пхеньян. 1960. 280 стр.

ЦЭНЬ ЧЖУН-МЯНЬ. **Танши юйшэн** (Дополнительные материалы к официальной истории династии Тан, VI—IX вв.). Пекин. Чжунхуа шуцзюй. 1960. 278 стр.

ДИМИТРОВ Д. **Ние бяхме на Драва.** София. Държ. воен. изд-во. 1960. 195 с.

BALAZS B **A klerikális reakció szerepe a Horthy-fasizmus uralomrajutásában és konszolidálásában.** Budapest. Kossuth. 1960, 64. old.

Agrártörténeti tanulmányok. Budapest. Tankönyvkiadó. 1960 546. old.

BALCESCU N. **Romînii sub Mihai-Voievod Viteazul** Bucureşti. ESPLA. 1960, 405 p.

Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani. Bucureşti. ARPR. 1960. 576 p.

Podstawy marksizmu-leninizmu. Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 1032 c.

Studia z dziejów ideologii religijnej XVI i XVII w. Warszawa. PWN. 1960. 289 s.

Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478. Wrocław-Kraków. ZNO. 1960. 308 s.

Československo-sovětské vztahy v době Velke vlastenecké války 1941—1945. Praha. SNPL. 1960. 267 s.

OLIVA P., OLIVOVA—PAVOVA V. **Spartacus.** Praha. STN. 1960. 217 s.

WIEZOREK U. **Zum 40. Jahrestag der deutschen Novemberrevolution.** Beiträge zum Verlauf und zu den Auswirdungen der Novemberrevolution im sächsischen Steinkohlenbergbau. Berlin. Akademie-Verlag 1960, 104. S.

KÖHLER J. **Die kapitalistische Bergwerksrente, dargestellt am Beispiel des westdeutschen Steinkohlenbergbaues.** Berlin. Akademie-Verlag. 1960. 200 S.

HERLITZIUS R. **Georgius Agricola (1494—1555).** Seine Weltanschauung und seine Leistung als Wegbereiter einer materialistischen Naturauffassung. Berlin. Akademie-Verlag. 1960. 208 S.

COGNIOT G. **Qu'est-ce que le communisme?** Paris. Édit. sociales. 1960. 208 p.

JULIEN C. **La Révolution cubaine.** Paris. Julliard. 1961. 288 p.

Sur le jeune Marx. La Genèse du marxisme. Coll. «Recherches internationales», № 19. Paris. Édit. de la Nouvelle Critique. 1961. 224 p.

BRUHAT J., DAUTRY J., TERSEN E. **La Commune de 1871**. Paris. Édit. sociales. 1961. 440 p.

LACOSTE Y., NOUSCHI A., PRENANT A **L'Algérie Passé et présent.** Paris. Édit. sociales. 1960. 460 p.

WORMSER G. **La République de Clemenceau** Paris. Presses Univ. de France. 1961. 528 p.

LEFLER H. F. ed. **A History of the United States from the Age of Exploration to 1865**. New York. Meridian Bks. 1960. 410 p.

WELLMANN M. W. **Harpers Ferry, pirze of war.** New York. McNally of Charlotte. 1960. 183 p.

ROSKILL S. W. **The War at See, 1939—1945.** Vol. III. The Offensive, Pt. I (1st June, 1943—31st May, 1944). London. Stationery Office. 1960. 430 p.

PELLING. H. **Modern Britain 1885—1955.** London. Nelson. 1960. 224 p.

STEVEN WASTON J. **The Reign of George III, 1760—1815.** Oxford Univ. Press. 1960. 656 p.

ИТО МАСАНОРИ. **Гумбацу Кобо си.** (История милитаристской клики в Японии). Токио. Бунгэй сюндзю синся. 1960. Т. 1, 399 стр.; т. 2, 364 стр.

Гэндай си-но хохо. Иноуэ Киёси оно та кёхэн. (Новые методы в исторических исследованиях и преподавании истории в Японии). Т. 1. Токио. Сонъита сёбо. 1960. 224 стр.

Цена 70 коп.

Издательство Института международных отношений

ВО ВТОРОМ КВАРТАЛЕ ТЕКУЩЕГО ГОДА ВЫПУСКАЕТ ХРЕСТОМАТИЮ

«МАРКСИСТСКАЯ ЭТИКА»

В хрестоматии приведены наиболее важные высказывания основоположников марксизма-ленинизма, видных марксистов, выдающихся деятелей мирового коммунистического движения и Коммунистической партии Советского Союза, писателей и педагогов по основным вопросам нравственности. Читатель хрестоматии найдет в ней материал, раскрывающий такие проблемы, как материалистическое понимание истории и мораль, свобсда и необходимость, принципы коммунистической этики, нравственные основы брака и семьи, марксистская оценка этических учений прошлого.

Хрестоматия рассчитана на массового читателя.

Требуйте хрестоматию «Марксистская этика» в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

Издательство выпускает коллективный трехтомный труд профессоров и преподавателей Института международных отношений

«ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР 1917—1960 гг.»

Впервые в советской научной литературе история международных отношений новейшего периода излагается так подробно и так последовательно. В издании использованы последние достижения советской и прогрессивной зарубежной исторической науки, а также новейшие документальные публикации. Первый том охватывает период 1917—1939 гг., второй — 1939—1945 гг. и третий том — 1945—1960 гг. Объем каждого тома примерно 40 п. л.

В центре внимания исследования — миролюбивая внешняя политика Советского Союза: борьба за коллективную безопасность, за разоружение, за мир во всем мире.

Исследование отличается от ранее вышедших работ по вопросам международных отношений тем, что авторский коллектив освещает весь комплекс международных проблем в Европе, Америке, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. В специальных главах разбирается внешняя политика ставших независимыми стран Азии и Африки, проблемы межгосударственных отношений в Латинской Америке и т. д. Большое внимание уделяется анализу деятельности международных конференций и совещаний, а также различных международных организаций. В каждом томе дается обширный обзор основных советских и зарубежных источников и литературы.

Издание снабжено картами и подробными указателями.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных институтов и университетов, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами внешней политики и международных отношений новейшего времени.

Все три тома выйдут в свет в течение 1961 и 1962 гг.

1-й том выходит во втором квартале 1961 года,
2-й том — в первом квартале 1962 года,
3-й том — в четвертом квартале 1962 года.

По мере выхода тома будут поступать в магазины книготорга и потребительской кооперации.

Магазины принимают на это издание предварительные заказы.

«СОЮЗКНИГА»